
Отечествен.
Записки.
№ 1. Апрѣль
1861 года.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

1867

АПРѢЛЬ

КНИЖКА ПЕРВАЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).

НАША СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ ЛИТЕРАТОРА-ОБЫВАТЕЛЯ.

XXVI *.

Незванная гостья.

Изъ стороны дальней, изъ-за далекаго синяго моря, съ жгучаго юга на хладный сѣверъ, придерживаясь болѣе столицъ и богатыхъ приморскихъ городовъ, неслась незванная, невидимая, неразгаданная, но тѣмъ не менѣе страшная гостья.

Взбаламутились газеты. «Берегитесь сограждане» — то и дѣло повторялось на столбцахъ ихъ: «гостья не за горами, она близка, ближе, нежели мы полагаемъ. А между тѣмъ, мы продолжаемъ дремать въ счастливой безпечности; намъ и дѣла нѣтъ, мы и не думаемъ принять мѣры предосторожности, приготовиться какъ слѣдуетъ».

Сограждане навострили уши, внимательно прислушивались къ газетнымъ угрозамъ, робѣли, полезныхъ мѣръ не предпринимали и выражали каждый посвоему свои ощущенія.

— Хоть бы эта гостья скорѣе пожаловала, да прибрала меня къ мѣсту! все чаще восклицала сосѣдка моя, Брыкина, въ пылу жестокихъ битвъ съ супругомъ своимъ.

— Сдѣлай милость... и я не прочь, хотя завтра, хотя сегодня, хотя сію минуту, лишь бы конецъ, вторилъ сосѣдъ Брыкинъ, совершенно увѣренный, что на томъ свѣтѣ будетъ ему если не лучше, то навѣрно покойнѣе, нежели на этомъ.

— Шутка плохая! Какъ бы народъ не разбѣжался со страху, какъ бы рабочихъ достать... А уже о порядкѣ и не думай, порядокъ окончательно разстроится; до порядку ли тутъ, когда всѣ перетрусятъ, начиная съ посредниковъ до мужиковъ—заранѣе сокрушался сосѣдъ Озимной, землевладѣлецъ, олицетворявшій

---

* См. «Отеч. Записки» 1867, № 3.

извѣстную англійскую поговорку «человѣкъ есть машина для добыванія денегъ».

Принимая заранѣе свои мѣры, Озимной въ каждомъ, даже грошовомъ условіи съ мужикомъ, счелъ долгомъ прибавлять: «въ случаѣ же моей смерти, чего Боже сохрани, за исправное исполненіе принятаго на меня обязательства отвѣчаетъ такой-то».

Владиміръ Ивановичъ Шишкинъ (тоже ближайшій сосѣдъ мой), развитой землевладѣлецъ, читающій хорошія книги, краснорѣчиво разглагольствующій о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе, но въ сущности ничего недѣлающій — землевладѣлецъ, заѣденный анализомъ, всѣми недовольный, а собой въ особенности, и завтра же готовый умереть отъ нечего дѣлать, отъ скуки, какъ умеръ братъ знаменитаго Ораса Верне — тотъ повелъ дѣло иначе, и набравшись всякихъ вѣстей о незванной гостьѣ, выразилъ на лицѣ своемъ только что не наслажденіе и не восторгъ.

Съ такимъ лицомъ спѣшитъ онъ къ своей милой сосѣдкѣ.

— Читали... уже близко... встрѣчаетъ его супругъ милой сосѣдки.

— Тѣмъ лучше.

— Что же тутъ хорошаго! восклицаетъ сосѣдка.

— Помилуйте, такой удобный случай отправиться въ элисейскія поля. Безъ всякихъ особенныхъ расходовъ ѣдете богъ-знаетъ куда.

— Полноте, полноте морочить добрыхъ людей, а сами трусите не меньше, если не больше другихъ.

— Вотъ какъ трушу... знай я, что этотъ потолокъ сейчасъ же обрушится, я бы шагу не сдѣлалъ, чтобы уйдти.

— Морочите, право, морочите, никому не повѣрю, чтобы жизнь могла опротивѣть до такой степени... Жизнь — такая прекрасная вещь, горячо возражала сосѣдка.

— Вѣрьте вы мнѣ, что жизнь прекрасна, пока человѣкъ не разбудилъ въ себѣ способность мыслить и наблюдать... Разъ прозрѣлъ человѣкъ, и ничего не остается вокругъ, кромѣ пошлости и гадости. Потому-то мнѣ и въ тягость жизнь, что она мнѣ опротивѣла; потому-то я съ такой радостью, съ такимъ нетерпѣніемъ и жду незванную гостью—еще горячѣе, и нужно сказать, совершенно искренно увѣрялъ Шишкинъ, забывая только одно обстоятельство, что не существуетъ на свѣтѣ человѣка, который не заговорилъ бы такимъ образомъ, просидѣвши такъ, какъ онъ (Шишкинъ) цѣлую зиму въ занесенной снѣгомъ деревушкѣ съ мужиками, волками и вьюгами.

— Ненормальное, ненормальное состояніе! шумитъ Пьеръ (мужъ сосѣдки).

— Дѣйствительно ненормальное, соглашается супруга: — съ его средствами и не любить, не пользоваться жизнью.

— И знаешь ли, что̀ тебѣ слѣдуетъ сдѣлать, съ какимъ-то вдохновеннымъ видомъ продолжаетъ Пьеръ.

— Что̀ тамъ еще придумалъ?

— Тебѣ слѣдуетъ жениться, продолжаетъ Пьеръ такимъ тономъ, какимъ обыкновенно говорятъ: ему слѣдуетъ дать сотню горячихъ.

— А я все-таки жду ее, жду съ наслажденіемъ, горячится Шишкинъ; на что счастливые супруги возражаютъ, что состояніе его ненормальное, потому что не женатъ и цѣли не имѣетъ въ жизни.

Споръ обѣщаетъ быть безконечнымъ.

— Чего добраго! какъ бы и въ самомъ дѣлѣ не подохнуть, откидывая въ сторону газету, говоритъ сосѣдъ Васютинъ, квадратный землевладѣлецъ, никогда непокидавшій халата и своего домашняго очага, и вмѣстѣ съ супругой своей живо напоминавшій старосвѣтскихъ помѣщиковъ.

— Не бойся, не дадимъ пропасть, коротко и ласково отвѣчаетъ Пульхерія Ивановна, имѣвшая единственную страсть и слабость: лечить всѣхъ и каждаго.

— Чѣмъ чортъ не шутитъ... такъ свернетъ, что небо съ овчинку покажется, продолжаетъ Иванъ Ивановичъ.

— А мы тебя всего горчишниками обложимъ.

— А вдругъ судороги — тогда что̀?

— Тогда крапивой сѣчь, и до той поры сѣчь, пока не выйдетъ весь этотъ недугъ.

Сбитый неожиданнымъ аргументомъ супругъ зѣвнетъ и уныло молчитъ.

Болѣе энергіи показали мѣстныя власти; полиція получила строжайшее предписаніе немедленно очистить деревни отъ навоза, рѣки отъ всякихъ нечистотъ, и т. д.

Одинъ исполнительный исправникъ, недолго думавши, раскидываетъ завалины вокругъ крестьянскихъ избъ. Люди, телята, куры и тараканы — все это мерзнетъ не на животъ, на смерть, а въ самомъ непродолжительномъ времени изъ волостного правленія поступаетъ донесеніе о непомѣрно развившихся въ участкѣ горячкахъ.

Мужики тоже не остались равнодушными зрителями общаго ожиданія и волненія, и въ забытыя деревушки проникла печальная вѣсть. Занесъ ли ее прохожій солдатъ, или волостной пи-

сарь, движимый желаніемъ похвалиться своимъ образованіемъ и разнообразіемъ свѣдѣній, такъ или иначе, но мужики узнали, что лѣтомъ непремѣнно пожалуетъ незванная гостья. Для сельскихъ грамотѣевъ и краснобаевъ открылось обширное поприще.

— Вся сила въ томъ, что изъ иной вражеской земли пущенъ такой фіялъ—перемрутъ всѣ люди, только птицы останутся живы и улетятъ на небеса, утверждали одни, между тѣмъ, какъ другіе повернули дѣло совершенно иначе, и заподозрили во всемъ начальство.

— Холера, это теперича значитъ, кому жить — тотъ живетъ, кому умереть, тотъ умретъ, основательнѣе другихъ разсудилъ мой староста Потапъ, мужикъ умный и солидный.

Приближалась рабочая пора... послѣ безпрерывныхъ дождей какъ будто безъ конца уставились длинные, мучительно-длинные, жаркіе дни. Не шевелясь желтѣло необъятное море ржи... Рабочій людъ готовился взяться за серпъ, согнуть свою спину и оставаться въ такомъ положеніи до глубокой осени... Помѣщики, занимавшіеся хозяйствомъ, то-есть что-нибудь дѣлающіе, выразили на загорѣлыхъ лицахъ своихъ страшную суету и заботу, и ни одному изъ нихъ почему-то не сидѣлось на мѣстѣ, не ѣлось—не пилось какъ слѣдуетъ; помѣщики ничего недѣлающіе улетучились въ Унтер-лакенъ, Вёвешку... или укрывшись въ своихъ непроницаемыхъ паркахъ, изощрялись въ весьма, впрочемъ, справедливыхъ нападкахъ на нарушителей общаго спокойствія. Гоненіе на нигилистовъ было въ самомъ разгарѣ, и потому нисколько не удивительно, что сельская аристократія метала перуны, поднимала пыль столбомъ, и въ конецъ концовъ заговорилась и исчерпала предметъ до такой степени, что ужь и понять не было возможности, что̀ такое нигилизмъ и нигилистъ. Одинъ толковалъ посвоему, другой тоже на свой ладъ, а третій, недолго думавши, утверждалъ и горячо доказывалъ, что нигилистъ есть человѣкъ, который не пьетъ по десяти рюмокъ водки въ день, не держитъ домашняго гарема и не бьетъ прислугу по мордасамъ.

Тутъ кстати для занятія умовъ, пріѣхалъ въ городъ какой-то болѣе красивый, нежели способный артистъ, одинъ изъ тѣхъ ловкихъ людей, которые, въ противность пословицѣ «за двумя зайцами и проч.», гнался за десяткомъ зайцевъ въ одно и то же время, и ни одинъ изъ нихъ не уходилъ отъ него.

Погибавшія въ бездѣйствіи дамы мигомъ встрепенулись. Вспыхнула ожесточенная война. Пущены были въ ходъ тысяча невинныхъ, неуловимыхъ и тѣмъ не менѣе погибельныхъ интригъ.

Дамы средняго круга лишились сна и пищи, сгарали отъ за-

висти, и въ какой-то нервной лихорадкѣ, глазами, свѣтящимися какъ у кошекъ, слѣдили за малѣйшими подробностями женской войны, и глубоко уязвленныя пассивной ролью, выпавшей на ихъ долю, сокрушались надъ возмутительной фривольностью аристократіи.

Такимъ образомъ каждый изъ мирныхъ обитателей селъ и деревень имѣлъ свое дѣло, свои заботы: мужики думали единственно о томъ, какъ бы прижать землевладѣльцевъ и больше взять за житво; землевладѣльцы-хозяева, въ свою очередь, думали о томъ, какъ бы прижать мужиковъ и какъ можно менѣе заплатить за работу; землевладѣльцы—не хозяева, или наслаждались прелестью швейцарскихъ видовъ, или упражнялись въ набѣгахъ на нигилистовъ; нигилисты думали о томъ, какъ бы не прекратились эти набѣги и такимъ образомъ не были они лишены всей прелести своего существованія; дамы высшаго круга, въ пылу ожесточенныхъ битвъ, забыли всѣхъ и все; дамы средняго круга замерли въ лютой зависти.

И такъ всѣ были поглощены своими заботами и дѣлами; газеты валялись нераспечатанныя; о незваной гостьѣ какъ будто забыли; между тѣмъ какъ она—страшная, таинственная, и такъ же мало разгаданная, какъ и прежде, шла по петербургскимъ улицамъ, вездѣ и всюду водворяя чистоту, опрятность, трезвость и въ то же время показывая языкъ безчисленному множеству эскулаповъ и даже генераловъ отъ медицины, испытывавшихъ такое глупое положеніе, какого ни я, ни ты, мой читатель, вѣроятно не желалъ бы испытывать.

Въ такомъ настроеніи находились обитатели нашихъ селъ и деревень, когда Владиміръ Ивановичъ Шишкинъ, развитой землевладѣлецъ, сѣлъ въ свой покойный тарантасъ и покатилъ въ городъ, куда призывали его не дѣла или насущныя потребности, а просто желаніе узнать, не совершилось ли тамъ какого-нибудь новаго скандальчика или такъ-называемой «исторіи».

Развитой землевладѣлецъ какъ нельзя болѣе любилъ слушать и собирать всевозможные скандалы и исторіи, носилъ ихъ всегда при себѣ, какъ охотникъ носитъ заряды, и разомъ выпускалъ ихъ въ перваго встрѣчнаго, осмѣлившагося выразить хотя каплю симпатіи къ нашей сельской жизни. Неутомимое и безпощадное наблюденіе сдѣлалось такъ-сказать спеціальностью и едва-ли не единственнымъ понятіемъ развитого землевладѣльца.

Печетъ невыносимо; въ городскихъ улицахъ, узкихъ и длинныхъ, стояло сплошное облако пыли и въ немъ, точно подвижные мосты, сновали извощичьи дроги, безъ толку и пользы толпились мѣщане и мѣщанки: — и движенья и пыли на улицахъ

болѣе обыкновеннаго... Развитой землевладѣлецъ во всемъ этомъ не видитъ ничего особеннаго кромѣ безобразнаго и глупаго, и покачиваясь на лежачихъ ресорахъ—продолжаетъ свой путь; но вотъ на встрѣчу медленно ползетъ телега, на телегѣ пыльный досчатый гробъ, съ сбившейся на бокъ крышкой, клокъ длинныхъ, выбившихся волосъ гуляетъ по вѣтру, за телегой ѣдетъ другая, третья, все съ той же страшной поклажей.

Точно невидимая, но острая игла кольнула прямо въ сердце развитого и скучающаго жизнью землевладѣльца; онъ не ощущалъ болѣе ни прелести лежачихъ ресоръ, ни даже желанія собирать городскія новости...

— Чтó это такое? спросилъ онъ, въ припрыжку бѣжавшаго мимо солдата, указывая на скрывшійся въ пыли мрачный поѣздъ.

— А вотъ эта дрянь завелась.

— Давно?...

— Ноньче ночью.

— И сильно?... какимъ-то страннымъ, точно не своимъ голосомъ выразилъ свое изумленіе развитой помѣщикъ.

— Крѣпко, крѣпко вертитъ... уже невидимый изъ облака пыли отвѣчаетъ служивый.

Руки и ноги развитого землевладѣльца слегка дрожали, когда онъ вступалъ на низенькое крыльцо нумеровъ «для господъ пріѣзжающихъ».

Въ коридорѣ тотчасъ же охватилъ его острый и непріятный запахъ какого-то куренья... Въ тяжеломъ и непріятномъ дыму слышатся голоса.

— Возьми три ведра воды, приказывалъ чей-то повелительный голосъ.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ почтительный голосъ хозяина гостиницы.

— Влей туда ведро ждановской жидкости, смѣшай — и... понимаешь?...

— Слушаю-съ!

— А не будетъ исполнено—я, какъ членъ земства, возьму съ тебя 25 рублей штрафу.

— Слушаю-съ.

Трактирный слуга съ блѣднымъ, вытянутымъ лицомъ, отворилъ дверь того нумера, который имѣлъ обыкновеніе занимать развитой землевладѣлецъ.

Шишкинъ вошелъ въ пустой нумеръ и молча сѣлъ у окна.

Въ другое, болѣе счастливое время это дѣлалось иначе.

Шишкинъ, заранѣе покатываясь со смѣху, кидался на диванъ и, обращаясь къ трактирному слугѣ, говорилъ:

— Ну, валяй—разсказывай, что̀ у васъ тутъ новенькаго?

И трактирный слуга, сметливый и всезнающій, тотчасъ же принимался сообщать послѣднія новости.

Пустой нумеръ наводилъ уныніе, чахлые стулья и диваны жалобно скрипѣли при одномъ прикосновеніи къ нимъ. Тьмы мухъ усѣяли потолокъ; стекла горѣли точно раскаленное желѣзо; за пылью нѣтъ никакой возможности разобрать, что̀ такое было передъ окномъ, на противоположной сторонѣ улицы: домъ, заборъ, или что нибудь другое.

Вотъ откуда-то издалека бѣгутъ звуки похороннаго марша, то стихающіе, то назойливо громкіе.

Развитой землевладѣлецъ чувствовалъ себя еще болѣе разбитымъ, усталымъ; невыносимая тоска давила ему грудь и вызывала на глаза неожиданныя и непонятныя слезы.

«Странное дѣло», размышлялъ молодой человѣкъ: «жизнь вовсе не мила мнѣ; что̀ она такое? нигдѣ ни на волосъ правды и искренности — всюду ложь и притворство. Ни на что истинно хорошее не гожусь, ни на что злое тоже не хватитъ... Такъ, какое-то отсутствіе всякой силы и энергіи—съ собой не знаешь, что̀ дѣлать, съ своимъ временемъ не знаешь, какъ распорядиться, даже деньги и тѣ не съумѣешь употребить такъ, чтобы по крайней-мѣрѣ было весело и пріятно. Даже на это недостаетъ умѣнья. Такъ зачѣмъ же жить? А все-таки дрожишь, трусишь, самымъ подлѣйшимъ образомъ трусишь...

«А впереди то же самое, что̀ и позади было — болѣзни, сомнѣнія, обиды, вѣчная война съ меньшей братіей, громовая война—изъ-за потравы, изъ-за челизенъ, изъ-за горсти овса, брошенной мужикомъ своей забитой и чахлой клячѣ, изъ-за воза хвороста, неимѣющаго никакой цѣны — неистовыя сцены, скачки въ волостное правленіе, прикрытая законностью жадность и алчность. А вокругъ все завидуетъ вамъ, все проклинаетъ васъ въ душѣ и, въ то же время, кланяется до земли и унижается передъ вами. — Поѣдешь къ сосѣдямъ, думаешь возлѣ семейнаго очага найти развлеченіе, утѣшеніе, и нравственную поддержку, а вмѣсто того попадаешь въ маскарадъ, гдѣ несчастнѣйшіе супруги носятъ маски счастливыхъ, злыя матери маскируются нѣжными и добрыми, отъявленные, скучнѣйшіе глупцы несутъ высокопарную чушь и важно поднимаютъ голову, потому только, что никто не рѣшится сорвать съ нихъ маску, всякій на столько понимаетъ приличіе и на столько опошлился, что не въ состояніи сдѣлать ничего неприличнаго. — И послѣ всего этого желать жить!... А все-таки боишься, блѣднѣешь, дрожишь отъ страха за жизнь».

Мимо оконъ торопливо прошли священники въ черныхъ рясахъ, за ними дроги, на нихъ какой-то воинскій начальникъ подъ малиновымъ покровомъ. Позади трубили музыканты, и подпрыгивая маршировали солдаты.

Развитой землевладѣлецъ, оглушенный трубными звуками, стоялъ у окна неподвижный и болѣе похожій на статую, нежели на человѣка.

Оставаться одному не было никакой возможности. Шишкинъ выбѣжалъ въ коридоръ, въ растворенныя двери одного нумера; кивають знакомыя лица. — Онъ обрадовался имъ, какъ богъ-знаетъ чему и почувствовалъ себя несравненно лучше, когда очутился съ людьми.

Тутъ были члены земства, посредники, какой-то пріѣзжій изъ Москвы, были наконецъ два землевладѣльца, одѣтые по дорожному и совершенно готовые къ отъѣзду, но никакъ нерѣшавшіеся покинуть компанію. Всѣ вообще производили страшный шумъ, говорили громко и разомъ, не слушая другъ друга. — Выходило смѣшеніе словъ въ такомъ родѣ:

— Будешь на совѣщаніи?—И ложку касторового масла въ началѣ. — А главное не робѣть. — Если ничего не подѣйствуетъ, валяй каломель.—У меня тройка съ восьми часовъ готова.—Икру можно.—Валяй каломель, небось встанетъ.—Жена испугалась.—Капли Гранта тоже одобряютъ.—Валяй каломель.

Показались докторскія дроги; верхомъ на нихъ сидѣлъ докторъ Карлъ Ивановичъ, толстый и всегда веселый нѣмецъ.

— Стойте, стойте, Карлъ Ивановичъ! раздалось изъ оконъ гостиницы: — куда вы? что̀ въ городѣ? Сильно вертитъ? Карлъ Ивановичъ, у меня что-то подъ ложечкой; Карлъ Ивановичъ, скажите, чѣмъ предохранить себя—ѣду въ дорогу?

— Держи вершокъ съ четвертью краснаго вина въ желудкѣ—и все будетъ хорошо, точно въ упоръ кричитъ Карлъ Ивановичъ, и тотчасъ же исчезаетъ.

Карлъ Ивановичъ спѣшитъ на совѣщаніе къ начальнику губерніи; туда же мчатся члены земства и городскія власти.

Собрались... Поднимаютъ вопросы, ставятъ ихъ и такъ и этакъ.

«Поднимать» и «ставить» вопросы, только что не наслажденіе для землевладѣльца нашего времени — это ребенокъ, только что начинающій говорить; ему и дѣла нѣтъ, что мысли не вяжутся, что мало послѣдовательности и даже смысла въ его рѣчи: онъ все свое, все такъ же неустанно работаетъ языкомъ, потому что самый процесъ этотъ доставляетъ уже ему неисчерпаемый предметъ удовольствія.

Пренія еще болѣе оживились, когда «поднятъ» былъ вопросъ о летучихъ аптекахъ... За и противъ нихъ было высказано много, болѣе впрочемъ краснорѣчивыхъ, нежели дѣльныхъ мнѣній... причемъ голоса ораторовъ слегка дрожали, а лица были блѣдны, какъ полотно.

Полное равнодушіе сохранилось только на лицѣ губернскаго сановника. Иначе оно и быть не могло, потому что сановникъ едва-ли еще не въ колыбели, разъ навсегда рѣшился изображать энглишмена; а кто же этого не знаетъ, что энглишменъ обязанъ въ самыхъ критическихъ случаяхъ своей жизни сохранять на лицѣ полное равнодушіе и спокойствіе?

Распустивши собраніе, «энглишменъ» тщательно поправилъ проборъ на затылкѣ, болѣе нежели когда нибудь выдвинулъ впередъ рыжеватые виски, надѣлъ гетры, вставилъ въ глазъ стеклышко, сказалъ «гошшъ», и пошелъ по больницамъ и лазаретамъ, съ такимъ невозмутимымъ равнодушіемъ на лицѣ, какъ будто прогуливался въ какомъ нибудь Гайдпаркѣ или Hide-паркѣ.

Городъ изображаетъ Москву во время нашествія французовъ: объемистые тарантасы, набитые подушками, самоварами, землевладѣльцами и ихъ женами, съ быстротою молніи исчезаютъ изъ глазъ городскихъ жителей, цѣлыя артели рабочихъ бѣгутъ въ паникѣ за городъ... Частный приставъ, захвативши съ собою по дѣламъ службы Карла Ивановича, скачетъ на городской базаръ и производитъ тамъ нѣчто въ родѣ послѣдняго дня Помпеи... Нѣсколько возовъ съ огурцами, среди неистовыхъ воплей и жалобныхъ стенаній, мигомъ перевертываются вверхъ колесами... Огурцы летятъ въ оврагъ, туда же падаетъ цѣлая туча яблокъ.

Какая-то старушка вынесла-было корзину со сливами, но пораженная совершившейся передъ ея глазами катастрофой, ищетъ спасенія въ бѣгствѣ, унося съ собою и драгоцѣнность свою.

— Постой, постой, старая вѣдьма! куда бѣжишь? кричитъ всевидящій частный, и отобравши корзину, ставитъ ее къ себѣ на дроги.

— Можно? спрашиваетъ частный доктора.

— Все можно, только держи регулярно вершокъ съ четвертью краснаго вина въ желудкѣ.

— А главное, я думаю не трусить; кто не труситъ, тотъ ни за что не заболѣетъ.

— Это совершенно справедливо.

Частный и докторъ, какъ будто соперничая въ неустрашимости, то и дѣло опускаютъ руки въ корзину.

Начинается ревизія припасовъ.

— Какъ вы находите этотъ балыкъ? спрашиваетъ частный, осматривая рыбную лавку.

— На видъ кажется ничего, отвѣчаетъ докторъ.

— А вотъ мы попробуемъ... и частный уже отрѣзалъ кусокъ балыка.

Докторъ не отстаетъ.

— А на счетъ этой икры какого вы мнѣнія?

— Лучше всего испытать на дѣлѣ... предлагаетъ докторъ, и рука его уже вооружилась ножомъ.

— Пить, пить! скорѣе пить чего нибудь!... умоляютъ спутники, спустившись подъ гору, въ бѣднѣйшій кварталъ города. Они испытываютъ муки Тантала... Наконецъ имъ приносятъ холоднаго, кислаго квасу, и они упиваются имъ съ невыразимымъ наслажденіемъ.

Служебныя обязанности исполнены; частный, обладавшій желудкомъ, способнымъ переваривать жернова̀, спитъ богатырскимъ послѣ-обѣденнымъ сномъ; докторъ ворочается на диванѣ и чувствуетъ себя какъ-то неловко.

— Это все воображеніе; съѣлъ двѣ-три сливы и вообразилъ, ободряетъ себя докторъ и наливаетъ третій стаканъ краснаго вина.

Имъ овладѣваетъ какое-то странное безпокойство; онъ кидается къ столу и дрожащею рукою пишетъ:

Tinctur. aconiti — ʒvj
Opii « — ʒjjj
Alo...

Недописанный рецептъ разрывается на части. Холодный потъ выступаетъ на лбу. Пишется новый рецептъ:

Tinctur. nux vomic.

Бумага опять летитъ на мелкіе куски... Раздается отчаянный звонокъ, и вся немногочисленная прислуга бѣжитъ за докторами...

Черезъ часъ больной уже лежитъ въ постели; лицо его до такой степени осунулось, что видны только длинный, заостренный носъ, да два глаза, глубоко ушедшіе въ свои впадины... Пульсъ былъ совершенно неощутимъ, въ изголовьи кровати стояла незванная гостья и показывала языкъ двумъ эскулапамъ, сидѣвшимъ въ ногахъ больного.

— Страшное пониженіе температуры тѣла, глубокомысленно замѣчаетъ одинъ изъ эскулаповъ.

— Наступаетъ вторая половина приступа—Stadium algidum, еще глубокомысленнѣе замѣчаетъ другой эскулапъ.

— Прощайте, прощайте, не поминайте лихомъ, въ десятый разъ повторяетъ больной.

Но священный огонь еще не потухъ, мысль еще бодрствовала: умирающему вдругъ, ни съ того ни съ другого, припомнилась студенческая вечеринка... Какъ живыя, встали передъ нимъ лица товарищей пятаго курса. — Идетъ шумная, оживленная бесѣда.

— Заврался, заврался, Карлуша! кричатъ нѣсколько задорныхъ молодыхъ голосовъ.

— Нѣтъ, не заврался, не заврался! въ свою очередь кричитъ Карлуша, будущій городской докторъ Карлъ Ивановичъ. — Не заврался, а убѣжденъ, и до конца жизни останусь при томъ убѣжденіи, что медицина должна исчезнуть съ лица земли и стать предупреждающей гигіеной.

— Ха, ха, ха, раздается въ ушахъ больного; но видѣніе уже исчезло, огонь медленно потухалъ. Больнымъ овладѣло мучительное, страстное желаніе жить, во что бы то ни стало. Ему хотѣлось собрать весь остатокъ силъ своихъ, хотѣлось крикнуть такъ громко, чтобы глубокомысленные эскулапы встрепенулись и вышли изъ апатіи, въ которой обрѣтались.

— Спасите, спасите меня! хотѣлось крикнуть больному, но языкъ не шевелился; хотѣлось протянуть руки, но и онѣ не слушались, и оставались какъ будто прикованными къ мѣсту.

. . . .

Вечеромъ зала дворянскаго клуба представляла самую печальную картину; старики какъ будто мгновенно еще болѣе состарились, и едва волочили ноги; у нѣкоторыхъ молодыхъ людей, вслѣдствіе равнодушія къ туалету, обнаружились лысины и небывалыя морщины на лицахъ.

Разговоръ идетъ шопотомъ, и все объ одномъ и томъ же предметѣ.

— Откудова взялась?

— Ни въ Казани, ни въ Нижнемъ, ни въ Москвѣ, а у насъ вдругъ...

— Такой ужь, видно, нашъ городъ несчастный... одна бѣда за другой.

— Непонятно... воля ваша, непонятно: всѣхъ обошла, а насъ не забыла... Воля ваша, я тутъ ничего не понимаю.

— И вѣдь какъ жестоко дѣйствуетъ!

— Такъ ли еще будетъ дѣйствовать!... Вотъ подождите! Въ Остиндіи, когда она явилась въ первый разъ, въ одно лѣто, или даже въ два-три мѣсяца погибло — ну, предположите самое большое... сколько по вашему?

— Тысячъ десять.

— Мало.

— Двадцать!

— Мало.

— Тридцать!

— Вотъ это такъ.

Общій ужасъ.

— А можетъ быть, здѣсь и не такъ будетъ свирѣпствовать— живемъ мы на возвышенномъ мѣстѣ.

— Полноте, полноте... Что тутъ горы! ничего тутъ горы не значатъ... Когда на Пиренеи, на Альпы, на какой-нибудь тамъ Сен-Готардъ забиралась.

Въ эту минуту въ клубѣ появляется сѣдовласый молодой человѣкъ (неизбѣжная личность въ каждомъ губернскомъ городѣ); единственное назначеніе его было изображать суету, устраивать такъ-называемые «благородные спектакли» и развозить по городу послѣднія новости.

— Господа! Карлъ Ивановичъ приказалъ долго жить... бухнулъ сѣдовласый молодой человѣкъ.

Всѣ разомъ поднялись съ мѣстъ, и какъ будто согласившись заранѣе, бросились вонъ изъ клуба: каждый мнилъ найти спасеніе въ одномъ бѣгствѣ.

Сѣдовласый юноша мчится далѣе, и вездѣ спѣшитъ сообщить печальную новость.

Вотъ онъ въ кругу одного почтеннаго и уважаемаго семейства.

— Карлъ Ивановичъ приказалъ долго жить!

— Ахъ! вскрикиваетъ мать семейства и безъ чувствъ падаетъ въ кресло, позади котораго уже стояла незванная гостья...

— Дòктора! дòктора! взываетъ сѣдовласый юноша, и уже развозитъ по городу двѣ новости вмѣсто одной.

Между тѣмъ испуганные землевладѣльцы, обычные посѣтители клуба, съ необычайной быстротой бѣжали по темнымъ, безлюднымъ городскимъ улицамъ.

Вскорѣ мертвая тишина города была нарушена звонками и криками ямщиковъ.

Въ страшныхъ попыхахъ Шишкинъ, самъ не зная какимъ образомъ, не попалъ даже въ свой тарантасъ, а очутился въ экипажѣ землевладѣльца Васютина и мчался, едва удерживаясь и сохраняя балансъ, на очень узкой скамьѣ, на всякій случай, приложенной противъ сидѣнья.

Почтовая дорога представляла очень оживленный видъ: мчались испуганные землевладѣльцы, бѣжали толпы рабочихъ, бросившихъ свои работы... И землевладѣльцы на своихъ тройкахъ, и

рабочій людъ на своихъ ногахъ, все это спѣшило и съ невыразимымъ ужасомъ оглядывалось на покинутый городъ.

Развитой землевладѣлецъ испытывалъ какое-то лихорадочное чувство; ноги и руки дрожали, точно смерть дунула ему прямо въ лицо, и вотъ-вотъ долженъ онъ потухнуть и превратиться въ пыль и прахъ.

— Нѣтъ! нѣтъ, не уйдешь, не уйдешь, милый человѣкъ! слышалось ему въ легкомъ завываніи вѣтра.

И онъ все ждалъ чего-то страшнаго, ждалъ, что чья-то блѣдная и холодная рука вдругъ ляжетъ на плечо его и чей-то голосъ, страшно язвительный и вмѣстѣ приторно мягкій, скажетъ: «А вотъ и не ушелъ!»

— Освѣжитесь, весьма кстати предложилъ въ эту минуту Васютинъ, протягивая Шишкину бутылку хереса.

Тотъ припалъ съ жадностью и упоеніемъ.

Тарантасъ сталъ замѣтно покачиваться и прыгать по колеямъ и ямамъ.

— Что, на проселокъ видно свернули? спросилъ Васютинъ.

Ямщикъ отвѣчалъ утвердительно.

Дорога становилась все уже и уже—то поднимаясь на пригорки, то опускаясь въ какія-то пропасти, у которыхъ, казалось, и дна не было... Пристяжныя давно уже по шеи утонули въ густой ржи, и равнодушествуя къ ударамъ кнута, щипали колосья... Туманъ густой, холодной волной покрывалъ дно пропасти... Онъ поднимался все выше и выше, разлился наконецъ по полямъ, лѣсамъ и лугамъ, такъ что первые лучи солнца освѣтили необъятное волнующееся пространство.

Шишкинъ чувствовалъ, что все платье его покрыто сыростью, зубы стучали отъ холода, а передъ глазами отпечаталась первая строка предостереженій: «Нужно избѣгать простуды и всякаго повода къ оной».

Оказалось, что ямщикъ сбился съ дороги и самъ не зналъ, гдѣ онъ и куда ѣхалъ.

Шишкинъ не выдержалъ долѣе, и чтобы скорѣе согрѣться, выскочилъ изъ тарантаса и изъ чувства самосохраненія принялся выдѣлывать такіе антраша, какіе сроду не случалось ему выдѣлывать.

Наконецъ-то вдали показалась усадьба Васютина.

— Чаю! скорѣе чаю! вскричалъ хозяинъ, лишь только переступилъ черезъ порогъ своего дома.

Весь домъ поднялся на ноги, только и слышалось:

— Чаю, скорѣе! живѣе самоваръ!

Хозяйка дома металась въ какомъ-то необычайномъ усердіи...

Бѣдная женщина не спала цѣлую ночь, испуганная извѣстіемъ, что въ городѣ появилась незванная гостья. Она цѣлую ночь молилась и ждала мужа, ждала и молилась.

— Что это вы какъ-то блѣдны? спросила Пульхерія Ивановна, разливая чай и обращаясь къ Шишкину.

— Да не совсѣмъ-то хорошо себя чувствую, началъ-было Шишкинъ и не докончилъ — такъ испугало его одно предположеніе.

— Я васъ сейчасъ вылечу, съ затаеннымъ восторгомъ отвѣчаетъ хозяйка.

Гостя уводятъ въ кабинетъ; тамъ ожидаетъ его готовая постель и дымящійся стаканъ мяты.

Едва только гость успѣлъ улечься и выпить стаканъ мяты, какъ изъ двери раздался голосъ хозяйки, повелѣвавшій ему немедленно закутаться съ головой.

Лишь только несчастный исполнилъ требуемое, какъ на него повалились одѣялы, шубы, даже салопы, однимъ словомъ, все, что попадалось подъ руку.

— Остановитесь! вы задушите человѣка! хотѣлось закричать Шишкину, но куча наваленнаго на него хлама мѣшала ему произнести какое бы то ни было слово, или сдѣлать движеніе.

Онъ начиналъ задыхаться.

— Теперь извольте принимать иноземцовскія капли, черезъ 2 часа по 20, распорядилась хозяйка и исчезла.

Мнимый больной былъ освобожденъ, и наконецъ, дышалъ свободно... глаза невольно слипались... онъ тихо, незамѣтно для себя самого, засыпалъ.

— Да ей-богу же здоровъ, разбудилъ его голосъ Васютина:— это такъ, легкія спазмы — это часто со мной бываетъ...

— Я тебя сейчасъ вылечу... будь умница, поставь горчишникъ небольшой, въ ладонь — не болѣе.

— Зачѣмъ это? и такъ пройдетъ...

— Милый, другъ мой, пульпульчикъ мой, молила жена.

Шишкинъ снова забылся.

— А-а, ай, ай; долой, долой, не могу долѣе, не могу!... какъ блаженный ревѣлъ мужъ.

— Ну, еще минуточку, одну крошечную минуточку! Душа моя, жизнь моя! приставала жена.

— А а, ой, ой, ой!... А! А! мòчи моей нѣтъ! Слышите ли вы, мòчи моей нѣтъ!

— Секунду, одну секунду... Вотъ я смотрю на часы...

Шишкинъ окончательно заснулъ.

Онъ проснулся уже вечеромъ; его разбудили вѣтви густой липы, то и дѣло бившія въ стекла... Сильный вѣтеръ до земли

гнулъ старую липу; тяжелая, черная туча опускалась ниже и ниже, только-что не къ самому окну; ослѣпительно брызнула на черномъ фонѣ молнія; частые удары грома слились въ одинъ безконечный, страшный ударъ.

«Вотъ это хорошо, это воздухъ очиститъ, что̀ очень кстати», прежде всего подумалъ Шишкинъ, и не безъ нѣкотораго наслажденія глядѣлъ въ окно.

Гроза разразилась во всей силѣ: все потонуло и скрылось въ густомъ дождѣ; даже старая липа, стоявшая противъ окна, на мгновеніе пропала изъ виду; въ этомъ хаосѣ глухо гремѣли громовые удары и едва вспыхивали огни.

Наконецъ все стихло... Шишкинъ растворилъ окно; изъ сада повѣяло въ комнату какимъ-то невыносимымъ, неземнымъ блаженствомъ.

— Даже страшно, такъ хорошо на дворѣ! шепталъ Шишкинъ, глядя на вечернее, розовое небо, на старую липу, усѣянную милліонами дождевыхъ капель.

— Даже страшно, такъ хорошо! еще разъ повторилъ Шишкинъ, и въ какомъ-то упоеніи опустился на подушку; ему было невыразимо хорошо... невольно отдался онъ всякимъ, болѣе или менѣе возвышеннымъ помысламъ.

— Боже мой, жизнь такъ хороша, такъ коротка, а мы, съ своей стороны, дѣлаемъ еще все возможное, чтобы сократить ее, испортить... И все-таки, при всемъ стараніи нашемъ сократить и испортить жизнь, она даетъ намъ такъ много, такъ много дивныхъ, чудныхъ минутъ... Что̀ же было бы, еслибы мы не портили жизни? На землѣ былъ бы рай, невообразимо-прекрасный рай... А мы до сихъ поръ только собираемся что-нибудь сдѣлать для улучшенія нашей жизни... Болтаемъ безъ умолка о человѣческомъ назначеніи, о человѣческихъ обязанностяхъ, и только... Да, изъ всѣхъ видовъ бездѣлья, которому предаются люди, нравственное хозяйство, ради какой-то гуманности, самое отталкивающее и возмутительное... Нигдѣ ложь и фальшь не ведутъ за собой такихъ нравственныхъ послѣдствій... Какой-нибудь сосѣдъ Озимной, закрѣпившій снова крестьянъ своихъ посредствомъ всякихъ законныхъ сдѣлокъ и условій, менѣе вреденъ, чѣмъ эти люди, дѣйствующіе не спроста... и неумолкаемо разглагольствующіе о гуманности. Между тѣмъ, вся суть въ томъ, что нужно жить для другихъ, а для себя ничего ненужно; да наконецъ, стоитъ ли быть эгоистомъ, для себя жить, когда вотъ-вотъ, умрешь, и исчезнешь безъ слѣда, какъ пузырь на водѣ?—Шишкинъ даже вспомнилъ о Богѣ, о будущей жизни... потомъ мгновенно вспыхнувъ какой-то небывалой энергіей, какимъ-то небы-

валымъ сознаніемъ своихъ обязанностей и своего назначенія, торопливо принялся одѣваться, точно ждало его какое-то необходимое дѣло.

Онъ засталъ хозяевъ за вечернимъ чаемъ.

— А меня тутъ безъ васъ чуть не сожгли горчишниками, жаловался Васютинъ.

— Ужасно нѣженъ; и все это вздоръ, притворство одно, перебиваетъ добрая женщина.

— А гдѣ же это Степанъ? спрашиваетъ хозяинъ.

— Занемогъ что-то, такъ его мятой напоили и перцовкой вымазали.

Хозяинъ только плечами пожимаетъ.

Въ прихожей появляется ямщикъ.

— А сколько тебѣ слѣдуетъ? спрашиваетъ хозяинъ.

— Чаво вамъ сказывать, вы лучше знаете.

— А отчего это ты такъ блѣденъ, лица на тебѣ нѣтъ? уже пристаетъ хозяйка къ ямщику.

— Со сна вѣрно.

— Нѣтъ, это не то; ты вѣрно боленъ?

— Бываетъ это иногда, въ поясницу вступаетъ... тоже въ головѣ стоитъ.

— Я тебя сейчасъ вылечу! восклицаетъ хозяйка съ сіяющими отъ восторга глазами: — Даша, приготовь горчишникъ!

— Матушка, съ укоромъ произноситъ хозяинъ: — пощади!

Но ямщика все-таки ведутъ въ дѣвичью, гдѣ уже ждетъ его Даша съ горчишникомъ... Ямщикъ упирается, но все-таки идетъ, какъ жертва на закланіе.

Прибѣжали изъ села съ вѣстью о томъ, что между рабочими, вернувшимися изъ города, есть опасно больные.

— Ничего; я ихъ сейчасъ вылечу, съ полной увѣренностью говоритъ Пульхерія Ивановна, и тотчасъ же бѣжитъ на село, въ сопровожденіи Даши.

Къ вечеру, весь домъ Пульхеріи Ивановны и даже часть селенія, представляли обширную больницу: горничныя, кучера, мужики и бабы, все это лежало обложенное горчишниками, напоено горячей мятой — все это стонало и вопило благимъ матомъ, а сельскій дьячокъ, такъ едва-ли даже не былъ очень больно высѣченъ крапивой.

Пульхерія Ивановна торжествовала, вполнѣ, и не безъ нѣкотораго основанія убѣжденная, что она спасаетъ страждущее человѣчество.

На другой день, Шишкинъ, не торопясь, прохаживался вокругъ своей фермы, отстоявшей не болѣе какъ въ двухъ-трехъ верстахъ

отъ имѣнія Васютиной; онъ испытывалъ все то же, совершенно для него новое, но въ высшей степени пріятное, умиленное состояніе.

Никогда не любилъ онъ такъ нѣжно природу, людей, свою некрасивую, уединенную ферму, какъ въ эту минуту.

Шишкинъ вошелъ въ людскую избу, набожно перекрестился на святой уголъ, и съ трогательной нѣжностью въ голосѣ сказалъ: «хлѣбъ-соль», на что работники добродушно отвѣчали: «милости попросимъ».

Шишкинъ нашелъ, что пища дурна, и тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы рабочимъ удвоена была мясная порція, и ежедневно давалась передъ обѣдомъ рюмка водки.

Работники пришли въ такое изумленіе, что даже не принесли никакой благодарности.

Расположеніе духа развитого землевладѣльца еще болѣе просвѣтлѣло. Въ воротахъ встрѣтился ему прикащикъ, хорошій и изумительно-преданный ему человѣкъ.

— Здравствуйте, Егоръ Артемьевичъ, ласково сказалъ Шишкинъ и пожалъ руку прикащику... Обыкновенно онъ говорилъ ему ты, и руки никогда не подавалъ.

Вмѣстѣ вошли они на конный дворъ, лошади фыркнули и прижались къ забору, только одна изъ матокъ въ два прыжка очутилась посерединѣ коннаго двора и стала какъ монументъ, отбросивши хвостъ и страшно раздувъ ноздри.

— Завидная штука, и что день, то краше становится! замѣтилъ прикащикъ, указывая на матку.

— Что, нравится?

— Еще бы.

— Такъ прошу васъ взять ее себѣ на память.

Прикащикъ остолбенѣлъ на мѣстѣ.

— Я давно хотѣлъ что-нибудь подарить вамъ, вотъ оно и кстати пришлось .. Повѣрьте, что я понимаю и цѣню васъ, всѣ труды и старанія ваши въ мою пользу, и кромѣ того, я не могу не уважать васъ, какъ человѣка... Далѣе Шишкинъ не могъ говорить: онъ чувствовалъ, что слезы подступали къ нему, и замолкъ.

Возлѣ мельницы играли крестьянскія дѣти, приставленныя родителями оберегать мѣшки и ждать очереди.

Веселые, свѣжіе голоса и беззаботный, серебряный смѣхъ повліяли, какъ слѣдуетъ, на Шишкина; онъ поспѣшилъ домой, захватилъ лакомствъ, мелкихъ денегъ и торопливо побѣжалъ къ дѣтямъ.

Дѣти приняли даръ съ видимымъ недоумѣніемъ; начался дѣлежъ, а потомъ и драка.

Шишкинъ блаженствовалъ, но все еще ему мало было тѣхъ благодѣяній, которыя онъ только что совершилъ: онъ жаждалъ чего-то болѣе грандіознаго. Полный этой мыслью, этой неутолимой жаждой, быстро шелъ онъ по дорогѣ къ селенію... Наступилъ тихій, теплый лѣтній вечеръ... Въ деревнѣ все уже угомонилось и отдыхало послѣ дневныхъ трудовъ; на выгонѣ чернѣлъ старый, давно уже покинутый помѣщичій домъ. Шишкинъ взглянулъ на него, и въ тотъ же мигъ озарился свѣтомъ совершенно неожиданной мысли.

— Нужно купить этотъ домъ, и отдѣлавши его какъ можно приличнѣе, поднести крестьянскому обществу на училище.

Задавшись подобной мыслью, Шишкинъ пришелъ въ совершенно восторженное состояніе, разнообразные планы и предположенія цѣлымъ роемъ завертѣлись въ головѣ его: передъ нимъ уже стоялъ чистенькій и свѣтленькій домикъ съ зеленой крышей и деревьями вокругъ. Домикъ раздѣленъ на двѣ половины; въ одной изъ нихъ помѣщается училище для крестьянскихъ мальчиковъ, въ другой для дѣвочекъ. Направо особенная комната для сторожа и помѣщеніе для школьнаго учителя. Училище основано на самыхъ гуманныхъ началахъ, обращеніе съ дѣтьми самое нѣжное и мягкое: колотушки и потасовки рѣшительно изгоняются. Мальчики учатся съ величайшей охотой... Онъ видитъ ихъ, любуется ими и думаетъ: вотъ это будущіе старшины, писаря, члены земства. Эти понадежнѣе, эти поддержатъ интересы крестьянъ. И онъ быстро шагалъ все далѣе и далѣе, пока не обдало его сыростью и близостью рѣки.

— «Нужно особенно остерегаться простуды, не выходить вечеромъ со двора», живо мелькнуло въ головѣ его, и онъ, размахивая руками, повернулъ къ своей фермѣ.

Мысль о пріобрѣтеніи дома и основаніи училища не оставляла Шишкина: онъ даже къ посреднику письмо написалъ, въ которомъ весьма краснорѣчиво излагалъ свою мысль. Но тутъ явилось сомнѣніе, нужно ли сообщать объ этомъ посреднику, и не будетъ ли это своего рода хвастовство; скажутъ пожалуй: вотъ человѣкъ на показъ вышелъ, любуйтесь, дескать, каковъ есть гуманный и современный человѣкъ, свѣтильникъ зажигаю въ царствѣ тьмы и невѣжества. Дѣло вообще все болѣе и болѣе запутывалось, но все-таки не было совершенно оставлено.

Пришли старики, до земли поклонились: батюшка Александръ Николаевичъ (такъ звали Шишкина)... Помоги въ бѣдѣ...

— Въ какой бѣдѣ?... восклицаетъ Шишкинъ, а самъ уже готовъ помочь.

— Да вотъ Озимной загналъ у насъ мірской табунъ съ луговъ. Наше теперь дѣло пропащее, должны по 2 р. внести за скотину. Напиши грамотку... попроси... будь нашимъ ходатаемъ, отцомъ и благодѣтелемъ, и старики разомъ пали ницъ и долго лежали такимъ образомъ у ногъ развитого землевладѣльца.

— Съ удовольствіемъ, сейчасъ же при васъ напишу, а вы встаньте...

Но старики продолжали лежать, между тѣмъ какъ перо уже скрипѣло и быстро бѣгало по бумагѣ въ рукахъ Шишкина.

Письмо вышло очень длинное, и, нужно отдать справедливость, написано было съ большимъ чувствомъ.

Въ самомъ непродолжительномъ времени послѣдовалъ отвѣтъ, и какой отвѣтъ!... Онъ превосходилъ письмо Шишкина какъ изобиліемъ гуманности, такъ и роскошью и изящностью формы: землевладѣлецъ Озимной съ неподдѣльнымъ жаромъ изумлялся, какъ это могло придти въ голову землевладѣльцу Шишкину, что онъ позволитъ себѣ взять по 2 руб. за лошадь съ своихъ добрыхъ сосѣдей и братьевъ во Христѣ и проч. и проч.

Шишкинъ читалъ и перечитывалъ письмо; онъ, по своему обыкновенію, анализировалъ.

— Нашелъ! вскричалъ онъ наконецъ: — это вотъ что дѣйствуетъ — незванная гостья!..

Тутъ Шишкинъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, ужасно смутился... какъ будто испугался своей догадки.

Къ воротамъ фермы подъѣхала крестьянская телега; въ ней лежалъ человѣкъ, покрытый овчиннымъ тулупомъ. Баба, исправлявшая обязанность кучера, вошла во дворъ, отыскала Шишкина, и тотчасъ же повалившись на сыру землю и обливаясь слезами, принялась молить развитого землевладѣльца, чтобы тотъ спасъ ея сына, только что вернувшагося изъ города.

Страхъ и желаніе помочь горю нѣсколько минутъ боролись въ Шишкинѣ; наконецъ великодушіе побѣдило: больного внесли въ избу и уложили какъ слѣдуетъ.

Вошелъ Шишкинъ.

— Вотъ я тебя лечить хочу... сказалъ онъ, вынимая изъ летучей аптеки различные пузырьки и порошки.

— Спаси тебя Господи... чуть слышно прошепталъ больной.

— И вылечу...

— Кабы съ твоей рученьки да полекшало!

Шишкинъ съ какимъ-то ожесточеніемъ принялся спасать му-

жика. Часа черезъ два больной заснулъ, и на другой день, какъ ни въ чемъ не бывалъ, явился благодарить Шишкина.

Шишкинъ былъ въ неописанномъ восторгѣ.

Пришли двѣ молодыя бабы: одна бойкая и краснощокая, другая болѣе похожая на тѣнь, нежели на живого человѣка.

— Баринъ, мы къ тебѣ прибѣжали, слышали людей излечаешь, бойко заговорила краснощокая баба.

Шишкинъ нѣсколько смутился.

— Ну вотъ я нашу Дуньку и притащила — излечишь, али нѣтъ?

— Какъ Богъ поможетъ.

— А ты правду сказывай, къ тебѣ люди за дѣломъ пришли.

— Попробую... внутренно робѣя вымолвилъ импровизированный докторъ.

— То-то, излечаешь людей — такъ толкомъ и скажи, нѣтъ — такъ мы къ теткѣ Агаѳьѣ побѣжимъ.

— Какая это тетка Агаѳья?...

— Просвирня въ Тимоѳеевкѣ.

— За восемь верстъ и въ такой жаръ—нѣтъ, ужь лучше я постараюсь.

— То-то.

Началось леченіе.

— А ты, баринъ, меня не умори, жалобно проговорила больная, проглатывая первую ложку лекарства.

Рука Шишкина дрожала: такъ поразили его тихія, робкія слова тихой и робкой женщины.

Опять успѣхъ, такой неожиданный и блестящій, что бойкая баба и смѣется, и благодаритъ, и вмѣстѣ ругаетъ Шишкина на всѣ корки.

— Ловкій, ловкій, вижу, что ловкій, сказала она ему:—сейчасъ взялъ, дунулъ, плюнулъ и излечилъ; спасибо, миленькій, спасибо, а мы тебѣ за это медку свѣжаго принесемъ; поди, чай, охотникъ, губа-то не дура, любишь сладкое... стракулистъ ты эдакій, дохтуръ, журавлины ноги, право журавлины твои ноги, ха, ха, ха! и бойкая баба заливалась самымъ веселымъ смѣхомъ; даже больная и та улыбалась.

Восторгъ Шишкина не зналъ предѣловъ, съ такимъ восторгомъ нѣтъ никакой возможности справиться и усидѣть на мѣстѣ. Тутъ необходимо куда-нибудь бѣжать, кому-нибудь передать избытокъ своихъ пріятныхъ ощущеній. Куда же ѣхать, кому передать избытокъ этотъ, какъ не своей милой, любезной сосѣдкѣ? Туда-то и направился Шишкинъ.

На красивой террасѣ, въ тѣни густыхъ старыхъ липъ, полу-

лежала въ креслахъ милая сосѣдка; кругомъ сидѣли гости и между прочими супруги Брыкины (тѣ самые, что̀ вели между собой постоянную войну). Тутъ же большими шагами прохаживался Пьеръ, съ наморщеннымъ и омраченнымъ челомъ.

На столѣ прибито было объявленіе:

«Здѣсь о ней не говорятъ, а кто заговоритъ, съ того пятьдесятъ копеекъ штрафу».

Тутъ же лежали кучки серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ, вѣроятно, штрафныхъ.

— Ну, что̀ у васъ какъ дѣйствуетъ? началъ-было, входя на террасу Шишкинъ, но хозяинъ молча указалъ ему на объявленіе, и не принимая никакихъ объясненій, взыскалъ штрафъ.

— Что это васъ давно не видно? спросила хозяйка.

— Теперь не такое время, чтобы разъѣзжать; нужно сидѣть дома и, по возможности, помогать крестьянамъ.

— Штрафъ... грозно восклицаетъ хозяинъ.

— Бери сколько хочешь, а все-таки дай досказать, и Шишкинъ, не слушая никакихъ возраженій, поспѣшилъ разсказать хозяйкѣ свои успѣхи на поприщѣ служенія человѣчеству.

— А мы вотъ ничего не можемъ сдѣлать—вѣроятно ближе къ городу живемъ, потому у насъ и сильнѣе дѣйствуетъ, начала-было хозяйка.

— Штрафъ... сказалъ хозяинъ.

— Помилуй, вѣдь это... это ни о чемъ говорить нельзя... Нужно же ему сказать, что̀ у насъ дѣлается, что мы послали за уѣзднымъ докторомъ и ждемъ его съ часу на часъ.

Пьеръ ворчалъ и морщилъ лобъ.

— Ну, что̀ вы читали въ это время?... начинаетъ хозяйка, чтобы чѣмъ-нибудь занять гостя.

— Нѣтъ-съ, ничего не читалъ, боюсь людей посылать на почту за газетами и книгами, тамъ еще все это...

— Николай Александровичъ! Что̀ же это такое наконецъ? умоляетъ Пьеръ...

— Ахъ, извини!

Молчаніе.

Въ эту минуту госпожа Брыкина вызываетъ господина Брыкина въ гостиную... Шишкинъ заглядываетъ въ стеклянную дверь и видитъ, что жена вызывала мужа единственно для того, чтобы влѣпить ему безешку.

«Что̀ за странность, такая неожиданность... откуда это слетѣло къ Брыкинымъ такое счастье?» невольно подумалъ удивленный Шишкинъ.

— Нѣтъ, долѣе невозможно жить такимъ образомъ... Невоз-

можно! Прямая наша обязанность, какъ крупныхъ землевладѣльцевъ, немедленно завести въ своихъ селахъ больницы... Согласиться двумъ, тремъ домамъ, и общими силами пригласить хорошаго доктора... Это необходимо, это самая насущная потребность. А то мы на шампанское, на карты, на какую-нибудь тамъ заграничную поѣздку всегда готовы, рады стараться—а на порядочное дѣло нѣтъ: скупимся, каждый грошъ разсчитываемъ—на просторѣ ораторствуетъ Пьеръ.

— Это правда, сказалъ Шишкинъ.

— А теперь вотъ небось трусишь, боишься, когда бѣда уже здѣсь, когда она...

— Штрафъ! штрафъ! разомъ закричали какъ нельзя болѣе обрадованные гости.

Пьеръ вынулъ полтинникъ и съ достоинствомъ положилъ его на тарелку.

Въ эту минуту Брыкинъ вызвалъ свою супругу, и въ гостиной снова раздался громкій поцалуй.

«Что же это за Аркадія счастливая!» снова подумалъ Шишкинъ, и рѣшительно не могъ разгадать, какимъ образомъ могли такъ быстро измѣниться отношенія супруговъ Брыкиныхъ.

Пошли въ садъ... воздухъ, зелень, пруды—все это невольно настроивало душу на возвышенный тонъ.

— Часто приходитъ мнѣ въ голову, продолжаетъ сосѣдка давно уже начатый разговоръ: — зачѣмъ не устроить себѣ лучшую жизнь, тѣмъ болѣе что настоящая жизнь наша ничего не даетъ и не содержитъ въ себѣ, какъ только одну пустоту и пошлость. А какъ бы, кажется, легко было устроиться иначе: стоитъ захотѣть, сдѣлать одинъ рѣшительный и смѣлый шагъ.

— Отбросить эгоизмъ, жить для другихъ, бѣжать отъ праздности, какъ отъ чумы... съ наслажденіемъ подсказываетъ Шишкинъ...

— Да, бѣжать отъ праздности, какъ отъ чумы.

— А я вотъ отыскалъ себѣ наконецъ дѣло.

— Какое дѣло?

— Я рѣшился купить брошенный Завьяловымъ домъ и отдать его для училища, потомъ... и конца не было предположеніямъ и мечтамъ Шишкина.

Хорошенькая сосѣдка слушала внимательно.

— Вы правы, совершенно правы, перебиваетъ она безконечный потокъ рѣчей Шишкина: — цѣль эта высокая и благородная, цѣль эта далеко выше той, которую мы указывали вамъ постоянно.

— О какой цѣли говорите вы?

— О женитьбѣ... Нѣтъ, я понимаю теперь, что цѣль эта

слишкомъ мелка, эгоистична: человѣкъ весь уходитъ въ омутъ мелочей, условій... Завидую, завидую... Намъ бѣднымъ не суждена такая дѣятельность: мы волей или неволей должны принадлежать свѣту и нести тяжелыя оковы, наложенныя на насъ приличіемъ и требованіями свѣта.

— Вотъ вздоръ! сбросьте оковы эти; на что они?

— Нѣтъ-съ, это невозможно... Я, впрочемъ, нашла другой исходъ, другую цѣль въ жизни, и къ ней-то, съ настоящаго времени, буду стремиться.

— Какая же это цѣль? Позвольте знать, если это не секретъ?

— Нисколько; я хочу, съ этой минуты, стремиться къ тому, чтобы какъ можно лучше жилось всѣмъ окружающимъ меня, безъ всякаго различія, работнику, управителю, гостю, мужу, наконецъ, послѣднему какому-нибудь мальчишкѣ въ домѣ.

— Лучше ничего невозможно и придумать, только женщина можетъ придумать такую вещь.

— Потомъ... въ упоеніи продолжаетъ сосѣдка.

— Потомъ? спрашиваетъ готовый повергнуться ницъ сосѣдъ.

— Потомъ я всѣми силами буду стремиться очистить нравственную атмосферу того общества, въ которомъ живу, стану воспитывать въ себѣ чувство правды и содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, къ развитію его въ другихъ людяхъ, но прежде всего я никуда ни шагу изъ отечества. Довольно вывозить русскія деньги за границу — полно дурачиться.

У Шишкина ноги такъ и подкашивались.

Въ эту минуту гуляющіе наткнулись на супруговъ Брыкиныхъ; они сидѣли на травѣ въ такомъ точно положеніи, какъ обыкновенно изображаютъ намъ пастушковъ у ручья.

— Какъ это пріятно видѣть такую любовь, и въ эти лѣта, умилилась хорошенькая сосѣдка.

Шишкинъ молчалъ; за то голова его работала и трудилась объяснить необъяснимую нѣжность супруговъ.

— Такъ, такъ... опять она — незванная гостья: напугала, примирила, соединила.

Шишкинъ до такой степени углубился въ анализъ, что даже невпопадъ отвѣчалъ сосѣдкѣ.

Является Пьеръ; онъ въ отчаяніи, онъ зоветъ къ себѣ на помощь и въ величайшихъ попыхахъ объявляетъ, что пріѣхалъ уѣздный докторъ, но крестьяне рѣшительно не пускаютъ его въ избы, а многіе даже наглухо заперли ворота и калитки.

Рядомъ съ Пьеромъ шелъ уѣздный докторъ: маленькій, тощенькій, и, казалось, невозмутимо равнодушный человѣкъ.

— Дѣлать нечего, послали старшину уговаривать этихъ самодуровъ, полузвѣрей, бѣснуется Пьеръ.

Возвратился старшина.

— Ну, что̀?

— Ничего не подѣлаешь; ужъ я ихъ всячески соблазнялъ, и такъ и этакъ соблазнялъ. Всѣ въ одинъ голосъ: намъ дохтура не нужно; развѣ дохтуръ вложитъ душу?

— Что̀ же это такое? Это бунтъ! вспыхнулъ Пьеръ: — надо, наконецъ, насильно дѣлать добро этимъ звѣрямъ. Старшина! собрать понятыхъ, и мы всѣ съ тобой пойдемъ; не хотятъ принять доктора, такъ мы силой заставимъ.

Мигомъ подняли на ноги толпу мужиковъ и собрали около волостнаго правленія.

Пьеръ забрался въ самую середину толпы и произнесъ филиппику противъ предразсудковъ вообще и глупости мужиковъ въ особенности.

Потомъ, какъ-бы нехотя, выступилъ впередъ докторъ и вяло проговорилъ, обращаясь къ мужикамъ:

— Господа, я присланъ васъ лечить; я докторъ, и въ Бога вѣрую, и крестъ на мнѣ есть: я уѣздный докторъ.

Мужики смотрѣли на него исподлобья и подозрительно, на лицахъ ихъ было написано: эхъ ты дохтуръ! какой ты дохтуръ? гдѣ тебѣ быть дохтуромъ? взяли тебя стрикулиста гдѣ нибудь на улицѣ, послали къ намъ въ Пёстровку... Ступай людей морочить, скажи имъ, что ты дохтуръ, людей излечаешь, и въ Бога вѣруешь. А ничего этого нѣтъ, это все одно мленіе...

— Ну, теперь съ богомъ, пойдемте по больнымъ, за мной, скомандовалъ Пьеръ и самъ замаршировалъ впередъ.

— Стой! вотъ тутъ, въ эвтой самой избѣ, эвта самая дрянь завелась! крикнулъ старшина.

— Стой, повторилъ Пьеръ.

Толпа окружила избу.

— Хозявы! а хозявы! зѣвалъ старшина.

Молчаніе.

— Хозявы! хозявы! надсаживался старшина.

Такое же мертвое молчаніе.

— Черти! Сейчасъ отпирай; не то окны выставлю.

— Чаво надо? раздалось на этотъ разъ изъ избы.

— Дохтуръ пришелъ!

— Иди мимо: дохтура намъ не надо, зачѣмъ намъ дохтуръ? Дохтуръ, иди мимо.

— Дьяволы, сейчасъ отпирай! неистовствовалъ старшина.

— Ноги не ходятъ, всѣ безъ ногъ валяемся и старые и малые.

— Дѣло казенное — двери выставлю.

— Грабежомъ хочешь взять—иди грабежомъ, иди.

Раздается трескъ; калитка, а потомъ и дверь летятъ съ петель.

— Караулъ! грабежъ! вопятъ больные.

— Зѣвай! зѣвай! А вотъ въ холодную васъ всѣхъ засадить нужно.

Пьеръ, докторъ, Шишкинъ и народъ стояли въ величайшемъ недоумѣніи: среди темной и невыносимо душной избы, на полатяхъ и лавкахъ валялось нѣсколько бабъ и мужиковъ, закутанныхъ кафтанами и тулупами.

Докторъ сдѣлалъ шагъ впередъ и взялъ уже руку одного старика.

— Стой, стой! я надъ собой баловаться не дамъ, встрепенулся старецъ.

— Я тебѣ помочь присланъ.

— А ты кто такой?

— Докторъ.

— А гдѣ живешь?

— Въ городѣ.

— Ну, такъ и ступай туда, иди, дохтуръ.

— Я тебя вылечу.

— Сказано, иди, дохтуръ, откуда пришелъ. — Ты господскій богъ, въ тебя господа вѣруютъ, а у насъ есть свой крестьянскій Богъ, всемогущій и чудеса творящій — ты души не вложишь, а тотъ вложитъ, тотъ все можетъ, а ты ничего не можешь... Иди же, дохтуръ, иди, откудова пришелъ.

Слова старца торжественно раздавались среди невозмутимой тишины, царствовавшей въ душной, мрачной избѣ.

Докторъ пожалъ плечами, и не торопясь, не волнуясь, пошелъ вонъ изъ избы, за нимъ вся толпа.

Пьеръ напоминалъ разгнѣваннаго льва: онъ горячился, не слушая никакихъ доводовъ, которыми Шишкинъ старался оправдать крестьянъ.

Шишкинъ говорилъ: «Это все весьма естественно, крестьяне не довѣряютъ никакимъ официальнымъ попечителямъ и радѣтелямъ; ихъ столько разъ обманывали, что недовѣріе это весьма естественно; офиціальнымъ и такъ-сказать казеннымъ путемъ къ крестьянамъ не подойдешь, ни въ какомъ случаѣ. Пріѣхалъ чиновникъ, называетъ себя докторомъ, требуетъ, чтобы всѣ двери настежь растворились передъ нимъ, языки высовывались, руки протягивались... Ну, вотъ мужики и прочь, потому боятся доктора, какъ боятся каждаго чиновника.—Ты только подумай, боятся доктора, а сами бѣгутъ къ какой-нибудь Агаѳьѣ-знахаркѣ, къ

Пульхеріи Ивановнѣ, даже ко мнѣ прибѣжали за помощью, даже я пользуюсь бо̀льшимъ довѣріемъ, нежели докторъ-чиновникъ.

На все это Пьеръ отвѣчалъ только жестами, полными нетерпѣнія и величайшаго негодованія.

Около волостнаго правленія остановилась телега, запряженная парою взмыленныхъ лошадей и наполненная летучими аптеками...

Толпа обступила подводу.

— Что̀ это такое привезли? спросилъ старшина.

— Снадобье какое-то, отвѣчалъ подводчикъ, поспѣшно отпрягая лошадей.

— Наконецъ-то, слава-богу, это летучія аптеки! вскричалъ Пьеръ... Кстати, кстати... Пріятно видѣть, что земство наше не дремлетъ, а заботится о благѣ согражданъ. При мнѣ происходили дебаты объ этихъ аптечкахъ, и мы на голову побили нашихъ противниковъ. Я тоже много, очень много говорилъ по этому случаю.

— Напрасно безпокоились, флегматически отвѣчалъ докторъ.

— Такъ, по вашему, летучія аптечки безполезны? вспыхнулъ Пьеръ.

— Кто ихъ тамъ знаетъ! ручаюсь только за то, что медикаменты, заключающіеся въ этой аптечкѣ, останутся нетронутыми.

— Почему же?...

— Да еще слава-богу, если тѣмъ только и кончится...

— Что же еще-то можетъ выйти?

— Крестьяне заподозрятъ, что въ этихъ аптечкахъ сидитъ незванная гостья—я ихъ знаю.

Около волостнаго правленія остались одни мужики.

Въ ту же минуту староста изъ власти превратился въ обыкновеннаго смертнаго: онъ стоялъ на крыльцѣ волостнаго правленія, среди толпы крестьянъ, и съ нѣкоторымъ страхомъ глядѣлъ на подводу съ летучими аптечками. Онъ ду̀малъ о томъ: тотчасъ отправлять аптечки къ священникамъ, какъ было предписано, или подождать до утра.

— А ну ихъ! держать ихъ нечего, а лучше по холодку разослать куда предписано... Сотникъ, наряжай подводу!... живо! А вотъ кого бы съ подводчикомъ послать, не знаю.

— Тутъ надо мужика смѣлаго, отбойнаго, посовѣтовалъ одинъ изъ стариковъ.

— Такъ послать Микишку-безстрашнаго! вскричалъ старшина.

Полчаса спустя, по проселочной, узкой и неровной дорожкѣ, мчалась пара крестьянскихъ лошадей; на телегѣ подпрыгивали летучія аптечки; подводчикъ Селуянъ, и сотникъ Микишка-безстрашный, названный безстрашнымъ потому, что одинъ за весь

міръ объяснялся съ начальникомъ губерніи, во время проѣзда его черезъ селеніе. А объясненіе между ними происходило въ такомъ родѣ: Ну, какъ поживаете, мужички?—Благодаримъ ваше-ство, вашими молитвами. — Довольны ли мировымъ посредникомъ?—Благодаримъ, много довольны. — Довольны ли вы исправникомъ? — Благодаримъ, завсегда довольны. — Радуетесь ли вы царской милости? — Радуемся... и т. д.

Микишка-безстрашный, несмотря на свою храбрость, имѣетъ какой-то потерянный видъ; Селуянъ то и дѣло накаливаетъ коней.

— Чаво веземъ? съ глубочайшимъ вздохомъ спросилъ наконецъ Микишка-безстрашный.

— Сумлѣваюсь и я, то-есть такъ, братецъ мой, сумлѣваюсь, что кажись взялъ бы вси эвти шкатулки, да въ оврагъ.

— Казенная вещь, свалить нельзя... ты свалишь, а тебѣ за то ввалятъ.

Молчаніе.

— А вотъ посмотрѣть бы, что̀ за премудрость сидитъ тамъ, предлагаетъ Микишка-безстрашный.

— Какъ бы не ушло; въ бѣду попадешь.

— Вотъ, сейчасъ и ушло... Небось не уйдетъ, и Микишка тронулъ крышку одного изъ ящиковъ.

— Стой, дядя Микита, не балуйся; уйдетъ, такъ послѣ и не найдешь.

— Да что̀ уйдетъ-то?

— А я знаю...

Пріѣхали въ село.

Священникъ только что воспрянулъ послѣ дневного сна и расчесывалъ передъ зеркаломъ свои длинные волосы.

— Съ чѣмъ пріѣхали? спросилъ онъ, не поворачиваясь къ мужикамъ.

— Здоровье привезли вашему благословенію, и Микишка вручилъ священнику одну изъ летучихъ антечекъ.

— Не знай здоровье, не знай смерть... Ну, да дѣлать нечего, оно намъ въ линію; у насъ трое заболѣло; вотъ полечимъ, авось и умрутъ! Священникъ былъ въ душѣ скептикъ и въ медицину положительно не вѣрилъ.

Подвода съ летучими антечками мчится далѣе; вотъ она подъѣзжаетъ къ дому ближайшаго священника.

— Дома батюшка?

— На кстинахъ, у Трофима Елизарова! кричитъ изъ окна матушка.

— Пошелъ къ Трофиму Елизарову!

Пиръ въ полномъ разгарѣ: маленькая изба биткомъ набита подпившими мужиками и бабами, посерединѣ ея стоитъ столъ съ наваленными на немъ огурцами и недозрѣвшими арбузами. Тутъ же стоитъ громадная бутыль съ водкой.

Микишка-безстрашный, какъ мужикъ ловкій и знакомый съ приличіями, сперва молится въ уголъ, потомъ подкатывается подъ благословеніе и тутъ же подноситъ летучую аптечку.

— Что̀ это значитъ? въ недоумѣніи спросилъ священникъ.

— Снадобье... А вотъ и грамотка къ вашему благословенію.

— Какое снадобье—холеру привезъ ты, а не снадобье, вскричалъ священникъ, прочитавъ грамоту.

— Изъ города отъ начальства прислано съ штафетой. Мужикъ сказывалъ: «начальство, говоритъ, само вышло и наказывало: какъ можно, говоритъ, скорѣе и вѣрнѣе доставь...»

— Ты что̀ намъ начальствомъ-то угрожаешь—сами мы начальство, не безъ гордости отвѣчалъ священникъ.—А вотъ ты такъ холеру привезъ, это вѣрно... Такъ-то когда бы еще она надумалась, да пожаловала, а ты вотъ привезъ ее — продолжалъ шутить священникъ, весьма довольный недоумѣніемъ и даже страхомъ, выразившимся на лицѣ присутствовавшихъ, не исключая даже Микишки-безстрашнаго.

— Знать ничего не знаю, ваше благословеніе; мое дѣло только сдать шекатунку.

— А если я не приму твоей шекатунки?

Микишка-безстрашный терялъ голову.

Наконецъ священнику наскучила эта такъ долго тянувшаяся комедія; онъ принялъ аптеку и выдалъ квитанцію въ исправномъ ея полученіи.

Микишка-безстрашный и Селуянъ снова трясутся на телегѣ, вмѣстѣ съ нерозданными еще аптечками. Микишка имѣетъ мрачный и потерянный видъ.

— Селуянъ, а Селуянъ! я тебѣ какое слово скажу... начинаетъ Микишка.

— Что̀ такое?

— Мы съ табой чаво веземъ?

— А я знаю...

— Халеру.

Селуянъ чуть не выронилъ возжей отъ испуга.

— Сейчасъ священникъ сказывалъ, даже принимать шекатунку не хотѣлъ: когда, говоритъ, она еще такъ-то придетъ къ намъ, а вотъ ты привезъ.

Мужиковъ обуялъ неописанный страхъ. Чтобы нѣсколько ободриться, они заходятъ въ первый попавшійся кабакъ, потомъ во

второй, третій и т. д. Изъ этого выходитъ неожиданное и совершенное безобразіе: Селуянъ стоитъ на козлахъ и, покачиваясь на всѣ стороны, съ неистовствомъ хлещетъ возжами лошадей; лошади мчатся по безконечной улицѣ села Березовки, зажмуривъ глаза и поднявши хвосты въ видѣ пистолетовъ... Микишка-безстрашный лежитъ въ телегѣ мертвецки-пьяный и благимъ матомъ кричитъ: эй, сторонись, сторонись народъ хрещеный, холеру веземъ! эй, сторонись—холеру веземъ, самоё смерть веземъ!!

— Батюшки! матушки! отцы родные! святители! холеру везутъ! смотрите, глядите, холеру везутъ! Пропали наши головушки; совсѣмъ пропали! Глядите, смотрите всѣ, вонъ холеру везутъ! раздается по улицамъ села Березовки, и происходитъ невообразимый, неизобразимый хаосъ.

Вскорѣ въ одномъ изъ ближайшихъ селеній вышелъ слѣдующій, непредвидѣнный земствомъ, скандалъ: пришли мужики къ священнику и настоятельно требовали, чтобы онъ отдалъ имъ холеру.

— Какую холеру? спрашиваетъ священникъ.

— А ту, что̀ сидитъ въ ящикѣ, что̀ изъ города прислали.

Священникъ пробовалъ уговаривать, объяснять — ничто не помогло: толпа ринулась въ комнату, овладѣла летучей аптечкой, и торжественно понесла ее къ рѣкѣ.

— Топи ее! топи ее! ревѣла толпа.

Аптека летитъ въ воду.

— Ну, слава-богу, теперь у насъ холеры не будетъ! Крестьяне угадали: холеры дѣйствительно въ ихъ селеніи не было.

Миновало лѣто, а съ нимъ вмѣстѣ и жары миновали; по утрамъ начинаются морозы, предвѣстники будущихъ страшныхъ морозовъ. Поля опустѣли; хлѣбъ свезенъ; вся сельская жизнь и дѣятельность сосредоточились въ деревнѣ; на задахъ появился сплошной рядъ хлѣбныхъ кладей и скирдъ, на крышахъ крестьянскихъ избъ зажелтѣла новая солома; на гумнахъ подпимается пыль столбомъ и весело стучатъ цѣпы. Радуется добрый православный народъ, что во̀ время убрался съ поля, что для молотьбы стоитъ такое удобное время, что, наконецъ, дозволено покупать въ городѣ огурцы и арбузы, необходимые въ хозяйствѣ, но болѣе всего радуется тому, что о незванной гостьѣ нетолько говорить, но и думать перестали.

Шишкинъ тоже не дремлетъ и пользуется дорогимъ временемъ: болѣе ста человѣкъ собрано на гумнѣ его; они заняли площадь, устланную овсяными снопами, и неистово оглашая окрестность воинскими криками, работаютъ цѣпами.

Шишкинъ такой веселый и довольный, какимъ никогда не

былъ. Онъ тоже радовался: радовался тому, что овесъ необычайно умолотенъ, что доходы будутъ большіе, что можно будетъ зимой въ Петербургъ прокатиться, но болѣе всего тому, что о незванной гостьѣ болѣе не слышно, что можно наконецъ отбросить всякія скучныя предосторожности, пить и ѣсть что̀ пожелаешь, и не страшиться, не находиться въ какомъ-то постоянномъ ожиданіи какого-то страшнаго чудовища.

— Это ты, Дуня! радостно вскричалъ Шишкинъ, узнавая въ толпѣ бабъ свою бывшую паціентку: — помнишь, какъ я тебя вылечилъ? и говоря это, онъ ждалъ благодарностей и изліяній.

— Напрасно только вылечилъ, съ сердцемъ отвѣчала Дуня.

— Какъ такъ?

— Лучше бы мнѣ отъ грѣха умереть, а то вотъ я робятъ роди и работай—и говоря это, Дуня съ ожесточеніемъ принялась колотить овсяный снопъ, какъ будто на немъ хотѣла выместить свое горе.

Свѣтлое настроеніе духа, въ которомъ обрѣтался Шишкинъ, слегка омрачилось. Возвращаясь домой, онъ раздумывалъ надъ горькой участью крестьянской бабы...

Въ тотъ же день завернулъ на ферму становой приставъ и поспѣшилъ сообщить послѣднія новости. Между прочимъ, онъ сообщилъ, что незванная гостья офиціально признана и объявлена выѣхавшей изъ губерніи, что Пьеръ съ супругой своей собирается въ Парижъ на всю зиму, что Брыкины начинаютъ хлопотать о разводѣ, а сосѣдъ Озимной вчерашній день ухитрился загнать два крестьянскія стада съ полей своихъ и требуетъ 500 руб. штрафу.

Однако, что̀ же это такое, снова захандрилъ Шишкинъ: пока незванная гостья была между нами, пока держала насъ въ постоянномъ страхѣ, мы всѣ только что не святыми подѣлались, всѣ вдругъ встрепенулись, внимательнѣе взглянули на недостатки свои, и стремленія такія хорошія явились у насъ, а нѣтъ болѣе незванной гостьи, нѣтъ пугала—и всѣ разомъ принялись за старое—и я уже не тотъ, что̀ былъ еще на дняхъ; гдѣ высокія стремленія мои, гдѣ эта внезапная склонность дѣлать добро ближнему?... Все, все это унесла съ собой незванная гостья; мнѣ даже жаль той лошади, что̀ подарилъ прикащику: мнѣ только не хочется сознаться въ этомъ.

Поднялась желчь, защемило сердце, голова Шишкина работала точно заведенные часы, остановить которые не было уже никакой возможности.

— Читалъ я гдѣ-то, казнится развитой землевладѣлецъ: — что правительство поднебесной имперіи тщательно скрываетъ вѣрное

средство противъ незванной гостьи, на томъ основаніи, что она, при каждомъ посѣщеніи своемъ, чисто на чисто выметаетъ Китай отъ всего, что̀ есть дряннаго между его населеніемъ, и китайское правительство право, совершенно право въ этомъ случаѣ. Изрѣдка и намъ не во вредъ посѣщеніе незванной гостьи: въ ожиданіи ея, какъ въ ожиданіи какого-нибудь неподкупнаго начальника и строгаго смотра, на улицахъ является небывалая чистота, воздухъ становится чище, желудки гражданъ не отравляются негодной пищей, пьянство прекращается, изъ штрафовъ съ крестьянъ не дѣлаютъ статьи дохода, вѣчно воюющіе супруги превращаются въ голубковъ, эгоизмъ умолкаетъ, людямъ яснѣе видны недостатки ихъ, докторамъ понятнѣе ихъ крайнее невѣжество.

«А теперь, теперь все пойдетъ такъ, какъ было до незванной гостьи, пойдетъ постарому!» И въ живомъ воображеніи Шишкина уже рисовалась сѣрая, печальная, отталкивающая, грустная картина будущаго.

Въ эту минуту вспомнились ему слова паціентки его Дуняши: лучше бы мнѣ отъ грѣха помереть, а то и робятъ роди и работай.

— Да и мнѣ лучше бы отъ грѣха помереть, съ невыразимой тоской повторилъ Шишкинъ: — а то ѣшь, спи, сиди сложа руки, копти небо, и, въ то же время, медленно и мучительно истлѣвай отъ жгучаго внутренняго желанія лучшаго, какой-то болѣе широкой и полезной дѣятельности, какой-то болѣе человѣческой жизни...

XXVII.

Послѣдній дебютъ милаго шалуна.

Осень 66 года была такъ хороша, какъ никогда не бываетъ на Приволжьи. Я назвалъ 66-й годъ, потому что намѣренъ быть точнымъ, какъ старый инокъ-лѣтописецъ, намѣренъ разсказать не вымышленное, или фантастическое событіе, а чистую правду безъ всякихъ прикрасъ и цвѣтовъ поэзіи.

Нѣтъ болѣе незванной гостьи; все замѣтно ожило и спѣшило вознаградить себя за нѣсколько мѣсяцевъ воздержанія; никому какъ-то не сидѣлось на мѣстѣ; каждый спѣшилъ насладиться жизнью; проселочныя дороги чаще оглашались звуками колокольчика; охотничій рогъ раздался въ лѣсу вмѣстѣ съ неистовыми чиканьями псарей; текущія дѣла стали и не двигались съ мѣста; мировые посредники нашего уѣзда напрасно скакали по уѣзду, стараясь во что бы то ни стало устроить мировой съѣздъ

и уловить главу и предсѣдателя онаго — Пурганцева, извѣстнаго уже читателямъ моихъ очерковъ подъ именемъ «милаго шалуна».

Милый шалунъ былъ неуловимъ. На лихомъ, горбоносомъ башкирѣ, окружонный десяткомъ людей, вооружонныхъ кинжалами и наряженныхъ не то казаками, не то разбойниками, гарцовалъ онъ въ окрестностяхъ Волги, сгарая желаніемъ въ одинъ разъ покончить существованіе всѣхъ волковъ, лисъ и русаковъ въ окрестности.

Я нисколько не противъ псовой охоты; знаю изъ книги Смайльса, что даже Вальтеръ Скоттъ, творецъ «Вудстока», «Айвенго», «Зàмка Кенильвортъ», «Ваверлея» и пр., гонялся за зайцами. Я даже способенъ увлечься быстротою и ловкостью собаки, а въ особенности смѣлостью ея при травлѣ волка; но въ то же время горькій опытъ убѣдилъ меня, что псовая охота въ большей части случаевъ вызываетъ въ нашихъ охотникахъ какой-то дикій, необузданный, и несмотря на внѣшній европейскій видъ, даже на такъ-называемое образованіе наше, все еще живущій въ насъ азіатскій элементъ: потому-то вѣроятно наши отъѣзжія поля нерѣдко превращаются въ оргіи, а охотничья удаль въ величайшее безобразіе.

Милый шалунъ, какъ и слѣдуетъ премьеру уѣзда и предсѣдателю земства, охотился въ своемъ уѣздѣ, нигдѣ не спрашивая на то позволенія, и ни мало не стѣсняясь тѣмъ, что охотники его топтали крестьянскія озими. Но, къ сожалѣнію, въ наше время, какъ будто въ самомъ воздухѣ есть что-то такое подбадривающее людей и внушающее имъ всякія вольныя мысли; и откуда бы, кажется, могли онѣ залетѣть къ какимъ нибудь темнымъ мордвамъ... Ни «Современника», ни «Русскаго слова» они не читали, съ нигилистами тоже знакомства не водили, а между тѣмъ, невѣжественные, и до сихъ поръ покорные, мордвы взяли подъ уздцы охотничью лошадь и отняли ружье у полицейской власти, находившейся въ свитѣ милаго шалуна... Въ воздухѣ, именно въ воздухѣ есть что-то такое, совращающее людей съ пути истиннаго; иначе не умѣю я объяснить такой фактъ.

На тревогу прискакалъ милый шалунъ и, само собою разумѣется, поступилъ такъ, какъ долженъ поступить порядочный премьеръ уѣзда въ своемъ собственномъ уѣздѣ. Отважныхъ мордвовъ тотчасъ же приняли въ арапники и такимъ образомъ покорили. Меня увѣряли даже, что одного изъ мордвовъ-зачинщиковъ взяли, и для потѣхи, положили на пылающій костеръ дровъ; но я рѣшительно не вѣрю такому слуху, вопервыхъ, потому, что мнѣ очень хорошо извѣстно, что даже турки не поступали такимъ образомъ съ несносными кандіотами, а вовторыхъ,

потому, что человѣкъ, передавшій мнѣ такой криминалъ, заклятой ненавистникъ милаго шалуна, и вообще человѣкъ желчный, склонный все преувеличивать.

Покончивъ такимъ образомъ дѣло съ отважными мордвами, милый шалунъ перекочевалъ въ уѣздный городъ, гдѣ и былъ встрѣченъ съ чрезвычайнымъ почотомъ, радушіемъ и только что не съ колокольнымъ звономъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что все это одуряющимъ и опьяняющимъ образомъ подѣйствовало на милаго шалуна: онъ прорвался и разрѣшилъ.

Здѣсь нужно сказать, что до настоящей минуты, милый шалунъ связанъ былъ торжественнымъ обѣщаніемъ не пить и вообще вести себя прилично своему почотному званію, и, нужно сказать, что до настоящей роковой минуты, онъ, болѣе или менѣе, держалъ свое обѣщаніе, что доставляло немалое удовольствіе его избирагелямъ, оставившимъ за собой нѣчто въ родѣ права регентства и при каждомъ удобномъ случаѣ внушавшимъ ему весьма и весьма дѣльныя и современныя правила, въ такомъ родѣ: драться, рвать бороды и вообще давать рукамъ волю въ наше время не слѣдуетъ, напиваться до безобразія тоже никакъ нельзя, несовременно...

Неожиданная и быстрая перемѣна декорацій: мирный городъ превращается въ орскую крѣпость послѣ взятія оной Емельяномъ Пугачевымъ; въ квартирѣ предводителя всѣ окна настежъ, изъ оконъ раздается звонъ бутылокъ, стакановъ, крики мѣстныхъ камелій и дюжины подгулявшихъ чиновничьихъ голосовъ. На первомъ планѣ картины видна размашистая и удалая фигура милаго шалуна, въ красной рубашкѣ на выпускъ и бархатныхъ шароварахъ въ сапоги. Въ двери съ воплемъ вылетаетъ избіенный городовой врачъ и за нимъ дворянскій засѣдатель, съ ногъ до головы облитый чернилами и болѣе похожій на негра, нежели на дворянскаго засѣдателя.

Занавѣсъ быстро падаетъ...

На другой день оргія продолжается, но въ болѣе мирномъ духѣ: милый шалунъ, для своего увеселенія и для увеселенія честной компаніи, подноситъ дворянскому засѣдателю патентъ на орденъ обезьяны... Подгулявшій засѣдатель съ чувствомъ глубокаго уваженія принимаетъ орденъ; всѣ добродушно хохочутъ и остаются очень довольны.

Казалось бы, дѣло неважное: премьеръ уѣзда наказываетъ арапниками какихъ-то мордвашекъ, забывшихъ уваженіе къ его званію, потомъ боксируетъ съ уѣзднымъ врачомъ, далѣе превращаетъ дворянскаго засѣдателя въ обитателя Бразиліи, и потомъ торжественно подноситъ ему орденъ обезьяны... Далеко ли еще то время, когда все это только посмѣшило бы добрыхъ лю-

дей — а теперь дѣло приняло другой оборотъ: общество возмутилось; мало того: нашлись люди, которые подбили отважныхъ мордвовъ, городового врача и дворянскаго засѣдателя подать прошеніе на премьера уѣзда; далѣе нашелся даже такой судебный слѣдователь, который имѣлъ дерзость поставить премьера уѣзда на очную ставку Богъ знаетъ съ кѣмъ, рѣшился произвести безпристрастное слѣдствіе и, что уже совершенно не кстати, приплести къ дѣлу цѣлый рядъ совершонныхъ милымъ шалуномъ подвиговъ, поконченныхъ домашнимъ образомъ.

Милый шалунъ не унывалъ; онъ даже торжественно обѣщалъ высѣчь судью арапниками и не пожалѣть какой-то тамъ своей деревушки, лишь бы со славой выйти изъ этого дѣла. Увы, онъ жестоко ошибся; онъ не собразилъ, что нынче не то уже время, и никакъ не воображалъ, что описанный дебютъ его будетъ послѣднимъ дебютомъ милаго шалуна.

Начались разные толки и разговоры: дворянство, неотличавшееся никогда особенной послѣдовательностью, то принимало сторону милаго шалуна, то вдругъ возмущалось благороднымъ негодованіемъ и желало только, чтобы удаленіе милаго шалуна произошло безъ всякаго скандала и огласки, тѣмъ болѣе, что бѣдное дворянство наше и безъ того несетъ на плечахъ своихъ тьму незаслуженныхъ нареканій (какъ будто цѣлое почтенное сословіе отвѣчаетъ за отдѣльную личность!).—Помѣщики стараго закала никакъ не могли взять въ толкъ, въ чемъ обвиняютъ милаго шалуна, и никто не могъ объяснить имъ этого; молодёжь и всѣ, такъ сказать, прикомандированные къ прогрессу... приходили въ ужасъ и готовы были побить милаго шалуна каменьями; что же касается до меня, то я какъ ни желалъ бы втайнѣ принадлежать къ людямъ, прикомандированнымъ къ прогресу, но, по размышленьи зрѣломъ, рѣшительно не могъ сойтись съ ними во взглядѣ на милаго шалуна... Онъ остался только вѣренъ своему воспитанію, своей натурѣ, своимъ понятіямъ и привычкамъ; въ этомъ и вся вина его; а у кого же поднимется рука казнить за этого человѣка?

Нѣтъ, не милаго шалуна нужно и должно винить, а тѣхъ, кто избиралъ его и въ то же время въ душѣ навѣрно изумлялся дѣянію своему; тѣхъ, кто обратилъ въ какую-то безобразную, балаганную шутку такое важное, если не священное, дѣло, какъ дворянскіе выборы—тѣхъ, кто всегда готовъ разглагольствовать о достоинствѣ дворянина, сокрушаться надъ его печальнымъ положеніемъ и, въ то же время, въ душѣ оставаться глубоко, эгоистично, безбожно равнодушнымъ къ высшему призванію дворянства въ славной русской семьѣ...

(*Продолженіе будетъ*).

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ И НРАВСТВЕННЫЙ БЫТЪ БАЛТІЙСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Причины процвѣтанія мызъ: географическое положеніе, особенности происхожденія мызъ, ссуды отъ правительства, учрежденіе балтійскаго дворянскаго банка, льготы по винокуренію.—Общее заключеніе о богатствѣ остзейцевъ.

II.

Теперь обращаемся къ обозрѣнію тѣхъ успѣховъ нѣмецкой культуры, которые такъ легко вызываютъ удивленіе русскихъ и подъ часъ приносятъ остзейцамъ преувеличенныя похвалы. Здѣсь мы постараемся указать на главнѣйшія причины развитія мызныхъ хозяевъ и богатства остзейскихъ помѣщиковъ.

Однимъ изъ существенныхъ условій преуспѣянія какой нибудь страны, конечно, можетъ быть ея выгодное географическое положеніе. Это условіе, разумѣется, имѣло громадное значеніе также и въ развитіи остзейскаго края. Въ тѣ весьма неотдаленныя времена, когда еще не процвѣтало въ краѣ винокуреніе и главными статьями дохода съ мызныхъ хозяйствъ были хлѣбъ и ленъ, а цѣны на эти предметы, благодаря близости портовъ, здѣсь были значительно выше, чѣмъ въ смежныхъ губерніяхъ, балтійскія губерніи пользовались бо̀льшими выгодами по сбыту этихъ произведеній передъ губерніями сосѣдними, для кототорыхъ конкуренція остзейцевъ была неблагопріятна нетолько въ отношеніи цѣнъ, но также и въ томъ отношеніи, что нерѣдко лишала самой возможности сбыта, такъ-какъ запросъ въ тѣ времена обыкновенно былъ невеликъ. Но съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и съ преобразованіямъ мызныхъ хозяйствъ и самый запросъ увеличился, и остзейцы перестали съ нами конкурировать по хлѣбной торговлѣ; такъ что русскіе продавцы теперь уже не бываютъ вынуждены отдавать свой хлѣбъ и ленъ за безцѣнокъ, когда за границей и въ Ригѣ стоятъ хорошія цѣны.

Такимъ образомъ, эксплуатація почвы и эксплуатація рабочихъ силъ давали остзейскому помѣщику, относительно говоря, значительные доходы, и, имѣя возможность превращать трудъ въ капиталъ, онъ обдумывалъ и вводилъ новыя махинаціи къ извлеченію все бóльшихъ и бóльшихъ выгодъ изъ этой, ничего ему нестоющей, силы. У русскаго помѣщика, напротивъ, за неимѣніемъ такого разсчета, толпа барщинниковъ нерѣдко возилась около самыхъ ничтожныхъ работъ и хозяйство спало самодовольнымъ обломовскимъ сномъ. Обработываемыя изстари-вѣковъ поля были воздѣланы; крыши и все остальное въ селѣ находилось въ исправности, а амбары были биткомъ набиты хлѣбомъ и всякимъ добромъ, накоплявшимся изъ году въ годъ.

Происхожденіе мызъ у Рутенберга («Geschichte der Ostseeprovinzen») описано очень правдоподобно. Наѣхавъ съ крестомъ и мечомъ на селенія туземцевъ, нѣмцы, послѣ кровавой раздѣлки, занимаютъ ихъ поля, посреди которыхъ воздвигаютъ свои гордые замки. Оставшіеся въ живыхъ туземцы скрываются въ глубь лѣсовъ, заводятъ тамъ новыя жилища и новыя пашни. Когда эти селенія разрослись, они начинаютъ возбуждать апетитъ воинственныхъ пришельцевъ, у которыхъ, дѣйствительно, оказывается надобность завести новую мызу — и туземцы опять принуждаются удалиться въ лѣса. Такъ въ прибалтійской землѣ расплодились мызы, такъ разсѣялся таинственный мракъ ея вѣковыхъ лѣсовъ и дебрей. Присоединеніе улучшенныхъ крестьянами земель къ мызѣ, правда, въ менѣе устрашительной формѣ — продолжалось въ Лифляндіи до 1849 года, въ Эстляндіи до 1856, а въ Курляндіи продолжается чуть ли не до сихъ поръ, и нельзя сказать, чтобы крестьяне, лишенные своего пристанища, теперь пользовались особенными льготами въ сравненіи съ ихъ предками. Встарину, ограбленные крестьяне могли заводить селенія вновь, на мѣстѣ логовищъ дикихъ звѣрей; а въ наше просвѣщенное время это было бы не такъ удобно, и изгнанныя семьи обыкновенно только увеличивали ряды остзейскаго батрачества. По крестьянскому «уложенію» 1849 года для Лифляндіи, составленному по проекту лифляндскаго ландтага и введенному въ видѣ опыта на 6 лѣтъ, помѣщикамъ разрѣшалось присоединить отъ крестьянскихъ угодій къ мызнымъ съ каждаго гака, т.-е. съ каждыхъ 80 талеровъ, по 36 лофштелей (т. е. по 12 десят.) пашни «съ соразмѣрнымъ пространствомъ луговъ и выгоновъ» (§ 7). А такъ-какъ можно въ среднемъ выводѣ принять, что вообще на одинъ талеръ приходится отъ $^1/_3$ до $^1/_2$ дес. пашни, то поэтому выходитъ, что помѣщики пріобрѣли право по собственному выбору присоединить къ мызамъ около $^1/_4$ всѣхъ кресть-

янскихъ земель. Затѣмъ, по уложенію воспрещалось навсегда присоединеніе крестьянскихъ угодій, и только дозволенъ былъ по § 15 обмѣнъ земель по обоюдному соглашенію помѣщика съ волостнымъ судомъ. Въ Эстляндіи, по положенію 1856 г., точнѣе опредѣлено количество присоединяемыхъ къ мызамъ крестьянскихъ угодій, $^{1}/_{6}$; но важно здѣсь то обстоятельство, что въ Эстляндіи плодородной земли очень немного и что она тамъ лежитъ небольшими клочками. Въ Курляндіи же это право, на сколько мнѣ извѣстно, у помѣщиковъ еще окончательно не отнято, но впрочемъ въ послѣднее время значительно стѣснялось въ порядкѣ административномъ. Присоединеніе части крестьянскихъ земель къ мызнымъ угодіямъ въ 1849 и 1856 годахъ было произведено предварительно только формально, т.-е. обозначено межами, а участки эти на особыхъ условіяхъ отданы крестьянамъ; дѣйствительное же присоединеніе послѣдовало собственно въ недавнее время, когда нѣмцы начали собственно заботиться объ увеличеніи массы батраковъ, т.-е. о «созданіи пролетаріата».

Такимъ образомъ, мызныя угодія послѣдовательно составились изъ земель самаго лучшаго качества. Очень важно для сохраненія за мызами одного общаго характера было также существованіе нѣкоторыхъ опредѣленій закона, ограничивавшихъ дробленіе помѣщичьихъ имѣній, то-есть недопускавшихъ образованія класса дворянъ мелкихъ землевладѣльцевъ, обыкновенно имѣющаго свои особые интересы.

Читатель такимъ образомъ видѣлъ нѣсколько условій, споспѣшествовавшихъ развитію мызъ, совершенно отличному отъ развитія сосѣдственныхъ русскихъ имѣній. Для этихъ русскихъ имѣній и вообще для смежныхъ съ краемъ губерній, въ которыхъ господствовалъ крѣпостной трудъ, тяжела была, ipso eo, конкуренція страны съ полусвободнымъ населеніемъ — и это положеніе продолжалось слишкомъ 40 лѣтъ; но кромѣ того, существовали условія, имѣвшія для балтійскихъ губерній полное значеніе привилегіи. Въ половинѣ XVIII столѣтія была учреждена с.-петербургская ссудная сохранная казна и въ 1770 г. московская, но какъ та, такъ и другая, по краткости сроковъ (5 и 8 лѣтъ) и по незначительности ссудъ, не могли имѣть вліянія на развитіе сельскаго хозяйства. Въ 1797 г. былъ учрежденъ государственный вспомогательный банкъ на 25 лѣтъ. Для раздачи ссудъ изъ него опредѣленъ 2-хъ лѣтній срокъ, а самые проценты были никакъ не менѣе $6^{4}/_{5}$%, потому что съ заемщика вычитывалось уже при самомъ отпускѣ ссуды 8% въ пользу банка, а затѣмъ онъ платилъ росту 6%. Во избѣжаніе этихъ и еще другихъ неудобствъ, лифляндское и эстляндское дворянства исходатайство-

вали себѣ въ 1802 году высочайшее разрѣшеніе отпуска заимообразно золотою и серебряною монетою 1 мильйона рублей съ разсрочкой платы на 33 года и по 3% росту, а кромѣ того, еще 2.000,000 р.* эстляндскому дворянству, по 5%, тоже, какъ сказано въ указѣ, «что будетъ возможно, выдавать серебряною и золотою монетой». Начало погашенія долга опредѣлено черезъ 15 лѣтъ и окончаніе черезъ 35. Въ 1810 г. разрѣшено лифляндскому и эстляндскому дворянствамъ, на мѣсто серебряной или золотой монеты, платить облигаціями комисіи погашенія долговъ, или ассигнаціями, считая по 2 рубля за каждый серебряный рубль, и платежъ капиталовъ отсрочить на 2 года. Но извѣстно, что курсъ нашихъ бумажныхъ денегъ въ слѣдующія затѣмъ 27 лѣтъ еще значительно упалъ, и эта перемѣна не могла послужить въ ущербъ остзейскому дворянскому банку. Такимъ образомъ, возможности конкуренціи съ остзейцами для русскихъ помѣщиковъ въ этомъ учрежденіи явилось новое препятствіе. Страна, пользовавшаяся множествомъ другихъ выгодъ, выговорила себѣ еще льготу облегченнаго кредита. Остзейцы отлично воспользовались дозволеніемъ устроить для себя банкъ на практическихъ основаніяхъ. Кромѣ того, одно весьма важное обстоятельство въ промышленномъ мірѣ, въ 30-хъ годахъ — большое предложеніе фондовъ съ очень умѣренныхъ процентовъ — способствовало быстрому развитію кредита. Помѣщики не имѣли надобности отнимать у себя деньги изъ обращенія, для погашенія долговъ, но, напротивъ, еще увеличивали свои денежные обороты посредствомъ новыхъ займовъ въ банкѣ. И это имѣло громадное значеніе на умноженіе ихъ богатствъ.

Но всѣ эти благопріятныя условія дѣйствовали незамѣтно; результаты ихъ обнаружились только тогда, когда выдѣлился одинъ опредѣленный видъ сельско-хозяйственной промышленности, особенно выгодный. Начало это было найдено въ винокуреніи, для развитія котораго въ остзейскихъ губерніяхъ существовали чрезвычайно благопріятныя условія. Въ великорусскихъ губерніяхъ (и въ нѣсколько меньшей мѣрѣ въ западномъ краѣ) питейный сборъ взимался непосредственно съ питій, а вслѣдствіе этого винокуреніе было стѣснено формальностями. Главнѣйшія препятствія съ этой стороны, перешедшія изъ старинной откуп-

* Г. Благовѣщенскій въ своей брошюрѣ говоритъ о 4-хъ милліонахъ рублей сер., будто бы выданныхъ эстляндскому дворянству, тогда какъ въ Полн. Соб. Зак. Р. находится приводимая нами цифра 2 милл.; надо полагать, что это у него ошибка, которую можно объяснить тѣмъ, что при переводѣ послѣдней суммы на ассигнаціи, дѣйствительно должна была явиться цифра 4,000,000.

ной системы въ питейный уставъ 20-хъ годовъ, удержались до самаго отмѣненія этой системы. По этому уставу запрещено прежнее винокуреніе — въ малыхъ размѣрахъ, такъ-называемое 90 ведерное, и дозволено курить лишь въ размѣрѣ не менѣе 2,000 ведеръ. Заводчикъ подряжался поставить въ казенный складъ *опредѣленное* количество, и накуривъ это количество, онъ уже не имѣлъ права продолжать винокуреніе, то-есть израсходовать на него остатки запаснаго матеріала. Заводчикъ подряжался на поставку вина съ торговъ, дѣлаемыхъ въ казенной палатѣ, и въ обезпеченіе казны представлялъ залогъ на ⅓ подряженной суммы. Всѣ эти условія были тѣмъ не выгоднѣе, что, какъ это всякому извѣстно, кредитъ въ то же время былъ въ странѣ весьма мало развитъ. Извѣстно, что всякая промышленость беретъ начало съ незначительныхъ капиталовъ и съ розничной продажи, и что только развиваясь, она привлекаетъ все больше и больше капиталовъ въ оборотъ свой, и все болѣе и болѣе спеціализируется. Поэтому нельзя здѣсь не причислить къ невыгоднымъ условіямъ для тѣхъ губерній также и запрещеніе розничной торговли. Очень важно и то обстоятельство, что въ великорусскихъ губерніяхъ былъ допущенъ въ винокуреніи одинъ только зерновой хлѣбъ, тогда какъ остзейцы, пользуясь во всѣхъ отношеніяхъ полной свободой, обогащались отъ картофельнаго вина. Русскій заводчикъ долженъ былъ подчиняться разнымъ формальностямъ и контролю чиновниковъ, которые, въ качествѣ представителей интереса казны, были посредниками между заводчикомъ и откупщикомъ, на самомъ же дѣлѣ были кліентами послѣдняго. На сколько они стѣсняли заводчиковъ, человѣку, спеціально незнакомому съ ихъ практикой, трудно опредѣлить; но только въ результатѣ оказалось, что винокуренныхъ заводовъ въ великорусскихъ губерніяхъ, смежныхъ съ балтійскимъ краемъ, такъ немного, что ихъ можно перечесть по пальцамъ. Остзейцы сохранили привилегію свободнаго винокуренія, и питейный сборъ у нихъ опредѣлялся числомъ ревижскихъ душъ; такъ, напримѣръ, по уставу 1857 года платилось по 58 коп. съ души, и затѣмъ казна уже не входила ни въ какіе счеты съ заводчикомъ. Какъ свободный промышленникъ, остзейскій помѣщикъ курилъ изъ чего хотѣлъ и сколько хотѣлъ, продавалъ въ розничную, поставлялъ откупщикамъ и въ казну, отпускалъ заграницу безпошлинно. Винокуреніе для нѣмцевъ было такъ выгодно, что въ послѣднее десятилѣтіе оно приняло обширнѣйшіе размѣры, и кромѣ громадныхъ количествъ картофеля еще понадобилось для заводовъ много хлѣба, вывозимаго изъ сосѣднихъ великорусскихъ губерній. Паралельно съ винокуреніемъ развилось откармливаніе быковъ,

продаваемыхъ въ Петербургъ и Ригу. Помѣщики усвоили такую хозяйственную систему, при которой приходится покупать сырые матеріалы и поставлять ихъ на рынокъ въ обработанномъ уменьшенномъ видѣ—систему, которая своими обыкновенными послѣдствіями имѣетъ и обогащеніе производителей и улучшеніе ихъ хозяйствъ. Притомъ, большое производство въ этомъ случаѣ обезпечивается громаднымъ запросомъ (около ⅓ государственнаго дохода составляетъ сборъ питейный) и относительною легкостью доставки самаго продукта. Овладѣвъ разъ этимъ производствомъ, нѣмцы, благодаря своимъ средствамъ, ввели многія новѣйшія улучшенія: пріобрѣли паровыя машины, увеличили самые заводы и проч. Большіе новые заводы, несмотря на значительность капиталовъ, затраченныхъ на ихъ сооруженіе (иногда 25—30,000 руб.), очень выгодны и даже при повышеніи, въ послѣднее время, акцизныхъ нормъ *, даютъ значительныя количества вина, неподлежащаго акцизу (за которое помѣщикъ получаетъ такую же цѣну, какъ и за остальное). Трудно отдать себѣ отчетъ, на сколько тамъ вообще ограждаются акцизныя правила отъ злоупотребленій заводчиками, такъ-какъ рѣчь идетъ о странѣ самой безгласной въ Европѣ. Извѣстно, напримѣръ, что заводчикъ, при открытіи винокуренія, рѣдко объявляетъ рабочимъ объ избранномъ имъ способѣ, о количествѣ хлѣба и проч., которое онъ будетъ отпускать на винокуреніе за одинъ разъ; тогда какъ это его прямая обязанность. Также извѣстно, что объявленіе объ этомъ же предметѣ, которое должно находиться въ заводѣ, или вовсе не вывѣшивается, или же, если и вывѣшивается, то на непонятномъ для простого народа нѣмецкомъ языкѣ. Но это еще не есть доказательство того, что помѣщики-заводчики непремѣнно желаютъ обогатиться насчетъ казны, и можетъ быть приписано просто ихъ сословной щекотливости: для остзейскаго дворянина кажется позорнымъ уже одно то, что онъ поставленъ въ нѣкоторую зависимость отъ контроля простого народа. О нарушеніи акцизнаго устава въ ущербъ казнѣ мнѣ извѣстенъ пока только одинъ случай преступленія, открытаго притомъ изъ личной мести, человѣкомъ, который самъ былъ заинтересованъ въ успѣшномъ ходѣ завода (это случилось въ мызѣ *К. В.* уѣзда Лифляндской губерніи).

* Новая питейно-акцизная система основана на томъ практическомъ началѣ, что казна облагаетъ пошлиной заводы той или другой категоріи только за опредѣленное количество продуктовъ, и затѣмъ все, что̀, при соблюденіи извѣстныхъ условій, производится сверхъ этого количества, уже не подлежитъ налогу.

Винокуреніе въ балтійскомъ краѣ, по введеніи акцизнаго устава, пока не можетъ быть предметомъ сколько нибудь подробныхъ изслѣдованій, по незначительности офиціальныхъ данныхъ; но между тѣмъ это предметъ весьма интересный.

Въ первый годъ новаго положенія, то-есть въ 1862—63 г., выкурено (по Гейкингу «Zwei brennende Fragen» 1864 г.):

Въ Курляндіи почти	$59^1/_2$ милліоновъ %	(градусовъ)
Въ Лифляндіи. . . .	$65^1/_2$ « « %	«
Въ Эстляндіи	$32^1/_2$ « « %	«
Итого	$157^1/_2$ мил. %	

или почти 3.940,000 ведеръ вина (считая ведро по 40%). Но въ 1863 г., по разсчету акцизнаго управленія, выкурено въ Курляндіи 76 мил. %, а изъ отчета, помѣщеннаго въ «Ревельской Газетѣ», видно, что въ 1863—64 г., въ Эстляндской губерніи количество выкуреннаго вина дошло до $59^1/_2$ мил. %. Въ слѣдующій 1864—65 годъ, послѣ такого усиленнаго производства, это количество тамъ было 51.350,000 %; въ Лифляндіи выкуривалось въ это время вдвое болѣе. Интересно также, что вообще около $^1/_6$ этихъ количествъ подходитъ подъ категорію освобождаемаго отъ акциза вина (въ Эстляндіи даже болѣе, чѣмъ $^1/_6$). Нѣтъ возможности даже и приблизительно опредѣлить количество вина, отпускаемаго въ русскія губерніи. Извѣстно, напримѣръ, что изъ винокуренныхъ заводовъ оптомъ было отпущено изъ Эстляндіи въ Петербургскую губернію, въ 1863 — 64 г. почти 30 мил. %, а въ 1864 — 65 г. — $23^1/_2$ мил. %, но ничего не извѣстно объ отпускѣ изъ складовъ и водочныхъ заводовъ, составляющихъ очень доходную статью для нѣкоторыхъ остзейцевъ, развивающихъ эту отрасль. Было бы очень интересно сопоставить результаты прежней системы питейныхъ сборовъ въ балтійскихъ и смежныхъ съ ними великорусскихъ и западныхъ губерніяхъ, выразившіеся въ числовыхъ данныхъ теперешняго винокуренія. Но при недостаткѣ такихъ данныхъ, я здѣсь долженъ ограничиться однимъ общимъ заключеніемъ. Разныя соображенія заставляютъ полагать, что количество вина, вывозимаго изъ балтійскаго края въ другія губерніи, должно еще значительно превосходить показанныя выше цифры *, и что, несмотря на теперешнее сравненіе въ правахъ по винокуренію производителей

* Извѣстно, напримѣръ, что въ послѣднее время потребленіе вина въ краѣ значительно уменьшилось—благодаря повышенію цѣнъ отъ введенія новаго акцизнаго устава. Вмѣстѣ съ тѣмъ потребленіе пива очень значительно увеличилось.

этихъ губерній, остзейскіе заводчики на рынкахъ сосѣднихъ губерній все-таки имѣютъ очень немного конкурентовъ.

Выше я старался охарактеризовать экономическій бытъ балтійскихъ крестьянъ, при чемъ, по необходимости, долженъ былъ также остановиться и на помѣщичьихъ хозяйствахъ—вопервыхъ, потому, что ихъ состояніе способно пролить нѣкоторый свѣтъ на условія крестьянскихъ хозяйствъ; вовторыхъ, чтобы предостеречь всякаго русскаго, знакомящагося съ краемъ, отъ ошибки—смѣшивать нѣкоторыя яркія черты чистенькихъ мызъ съ копотью и бѣдностью крестьянскихъ хатъ и грязью и цинизмомъ сельско-хозяйственныхъ казармъ, и втретьихъ, также отчасти и для того, чтобы привести къ ихъ естественнымъ причинамъ тѣ успѣхи балтійскаго мызнаго хозяйства, которые у насъ такъ часто бываютъ предметомъ безотчетнаго удивленія.

Прежде всего мы видѣли, съ какою трудностью вырабатывается новое юридическое положеніе крестьянъ изъ средневѣковой его неопредѣленности; какъ, не будучи окончательно устранена изъ поземельныхъ отношеній, эта неопредѣленность вызываетъ и обусловливаетъ аналогическія явленія въ отправленіи правосудія, и какъ, вслѣдствіе этого, держась старыми обычаями и преданіями, она не оставляетъ и всѣхъ остальныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, постоянныхъ и случайныхъ, несмотря на точныя опредѣленія, поставленныя высочайшею властью для этихъ отношеній. И это совершенно понятно: въ странѣ, выработавшей мало годныхъ юридическихъ началъ, самыя лучшія учрежденія прививаются лишь мало по малу.

Затѣмъ, мѣстный крестьянинъ, какъ лицо, имѣющее свои экономическіе интересы, представлялся намъ въ различныхъ положеніяхъ, которыя, вслѣдствіе ускореннаго развитія въ послѣднее время старыхъ остзейскихъ началъ, въ крайностяхъ своихъ получили рѣзкія характеристическія черты. Одна изъ этихъ крайностей — крестьянинъ-домохозяинъ большого двороваго участка, являющійся какъ-бы посредствующимъ членомъ между помѣщикомъ и рабочей силой. Онъ, вслѣдствіе этого, самъ въ нѣкоторомъ смыслѣ есть господинъ и имѣетъ интересъ какъ можно болѣе понизить заработную плату батрака. Съ другой же стороны, въ отношеніи къ своему барину, какъ временный держатель участка земли, облагаемаго арендой по произволу послѣднимъ, онъ является безъ всякаго самостоятельнаго значенія, какъ лицо рабочаго, служащаго сословія передъ господиномъ. И этого характера, быть можетъ, онъ не лишится и тогда, когда приступитъ къ выкупной операціи: онъ будетъ подъ названіемъ процентовъ съ покупной цѣны платить высокую аренду, при крайнемъ напряженіи силъ

своихъ не будетъ въ состояніи погашать опредѣленныя части этой суммы, будетъ мыкать горе на своей условной собственности, быть можетъ, до тѣхъ поръ, пока ее не потеряетъ, въ конецъ разорившись.

Другая крайность—батракъ; онъ уже ни передъ кѣмъ не является элементомъ посредствующимъ, опредѣляющимъ, потому что онъ послѣдняя ступень феодально-экономической лѣсенки; его дѣйствія мало зависятъ отъ него самаго, потому что къ добровольнымъ соглашеніямъ о своемъ трудѣ побуждаетъ его не что другое, какъ голодный его желудокъ. Нанимается онъ у крестьянина-арендатора — и его удѣлъ безконечная работа при скудной платѣ и содержаніи; но въ тяжелой своей долѣ онъ остается все тѣмъ же крестьяниномъ, потому что остается въ семьѣ, правда, нѣсколько разложившейся, но все-таки крестьянской семьѣ, съ ея консервативно-нравственными бытовыми формами. Пойдетъ онъ на заработки въ чужія мѣста — и случай управляетъ его участью: быть можетъ, счастье улыбнется ему, и онъ перестанетъ называться батракомъ и ужь никогда не вернется на родину; но вѣрнѣе, что онъ возвратится съ малымъ барышомъ, усвоивъ кой-какія чужія привычки, и хорошія и худыя. Окончательно собьется: негдѣ пріютиться... тоска... животъ бурлитъ—ѣсть проситъ... дѣлать нечего—поступаетъ онъ въ казармы: будетъ онъ лямку тянуть трудовую, безъ отрады, безъ надежды, будетъ ходить безсмысленнымъ пугаломъ, будетъ пить и въ грязи утопать.

Подлѣ этихъ крайностей, въ мѣстностяхъ съ бѣдной почвой сохранился старый крестьянскій типъ, типъ семьи мелко-участковаго двора. Феодальное разъединеніе еще не успѣло проникнуть въ эти семьи; хозяинъ и батракъ одинаково заботятся о томъ, гдѣ бы что́ заработать для покрытія требованій помѣщика; вмѣстѣ они бѣдствуютъ; вмѣстѣ дѣлятъ скудный запасъ житейскихъ радостей, вмѣстѣ наконецъ думаютъ о томъ, какъ бы покинуть неблагодарную родину. Счастливецъ тотъ, кто уже сдѣлалъ это: онъ знаетъ, что онъ трудится для себя, не платя подати другимъ съ своего труда и живя въ чужомъ краю, съ чужими, онъ чувствуетъ себя свободнымъ.

Затѣмъ, въ развитіи мызъ мы видѣли, какъ крестьянскій трудъ и достатокъ поглощался мызнымъ хозяйствомъ: временно — въ формѣ присоединенія улучшенныхъ крестьяниномъ земель, постоянно—въ формѣ фактическаго стѣсненія свободы занятій. Мы видѣли и другія условія этого развитія, именно: географическое положеніе страны очень благопріятствовало мызамъ; законъ ограждалъ ихъ отъ размельченія; крестьянамъ дарована нѣкоторая

степень личной свободы, долженствующая извлечь ихъ изъ нравственной и экономической апатіи, въ которой они передъ тѣмъ томились, не имѣя возможности своихъ собственныхъ интересовъ, другими словами, возбуждена энергія рабочей силы; наконецъ нѣкоторыя покровительственныя мѣры правительства: ссуды для облегченія поземельнаго кредита, широкія льготы по винокуренію—все это были обстоятельства, дававшія мызамъ возможность сгруппировать около себя экономическія силы какъ туземнаго населенія, такъ, въ значительной степени, и сосѣднихъ губерній.

Но долго сочетаніе такихъ условій какъ будто не даетъ никакихъ особенныхъ результатовъ; избытокъ средствъ какъ будто исключительно поглощается непроизводительными расходами аристократическаго класса и какъ будто старые недостатки хозяйства остаются въ прежней своей силѣ. Но однако, на самомъ дѣлѣ въ мызномъ хозяйствѣ изъ этихъ средствъ дѣлаются отложенія по мелочамъ, по частностямъ, и это пріуготовляетъ переворотъ въ мызномъ хозяйствѣ. Переворотъ этотъ происходилъ въ 40-хъ годахъ подъ вліяніемъ толчка съ двухъ сторонъ: примѣра Западной Европы, развившей раціональное хозяйство, и народныхъ волненій того времени (о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ). Раціональное хозяйство находитъ могущественное орудіе въ винокуреніи, которое съ этихъ поръ идетъ быстрыми шагами къ большему и большему своему развитію.

Вмѣстѣ съ развитіемъ мызнаго хозяйства и съ сосредоточеніемъ на немъ громадныхъ денежныхъ средствъ, хозяйство крестьянское, болѣе чѣмъ когда-либо, оттѣсняется на второй планъ и разсматривается, какъ придаточная часть и даже, какъ совершенно безполезное историческое преданіе. Предаваемая безусловной эксплуатаціи крестьянская земля, при помощи выкупной операціи, служитъ къ непомѣрному увеличенію цѣнъ на помѣстья; присоединенная къ мызѣ—гдѣ это возможно—и отведенная подъ казармы, она при несвободномъ трудѣ батраковъ достигаетъ той же цѣли, то-есть увеличиваетъ доходность мызъ. Къ чему же все это поведетъ? Какую участь обѣщаетъ крестьянству нынѣшній экономическій порядокъ?

Будущее обыкновенно бываетъ скрыто для простыхъ смертныхъ; оно лежитъ вдали, за ихъ горизонтомъ; но съ помощію аналогіи, человѣкъ часто можетъ воспользоваться чужимъ опытомъ для опредѣленія отношенія настоящаго къ прошедшему и будущему. Есть одна германская страна, имѣвшая одинаковое прошедшее съ нашими балтійскими губерніями и представляющая въ настоящемъ какъ-бы только дальнѣйшее развитіе остзейскихъ

порядковъ. Это Мекленбургъ. Замѣчательное сравненіе Рутенберга Курляндіи съ Мекленбургомъ извѣстно русскимъ читателямъ по извлеченіямъ, сдѣланнымъ въ свое время нашей журналистикой изъ его брошюры: «Meklenburg in Kurland». Легко убѣдиться, что Мекленбургъ представляетъ только высшую степень развитія тѣхъ началъ, которыя несомнѣнно существуютъ и въ Курляндіи и въ другихъ балтійскихъ губерніяхъ, но тамъ, пока еще, не доведены до крайнихъ своихъ консеквенцій. Мызное хозяйство въ обѣихъ странахъ, въ извѣстный непродолжительный періодъ, развивается неестественно быстро, чтобы за тѣмъ придти въ застой, а потомъ принять регрессивное движеніе. «Что же касается національнаго богатства — говоритъ Рутенбергъ о Мекленбургѣ — то стоимость имѣній—и это находилось въ зависимости отъ нѣкоторыхъ общихъ условій (и еще болѣе, замѣчу отъ себя, отъ исчерпыванія мызами источника народнаго благосостоянія) — съ 1834 до 1849 г. почти удвоилась, но съ тѣхъ поръ опять нѣсколько понизилась. Общая же цифра долговъ рыцарскихъ имѣній въ тотъ же пятнадцатилѣтній періодъ увеличилась на 12 мильйоновъ» (талеровъ?). Въ балтійскихъ губерніяхъ, точно также, въ послѣднія тридцать лѣтъ, номинальная стоимость имѣній нетолько удвоилась, но даже утроилась и въ исключительныхъ случаяхъ учетверилась; долги, лежащіе на дворянскихъ помѣстьяхъ края, благодаря облегченному кредиту, достигли очень значительныхъ размѣровъ * (особенно и потому, что помѣщики могли воспользоваться правиломъ дворянскаго банка, по которому разрѣшается получить подъ каждый талеръ крестьянской земли до 75 рублей серебромъ).

Но какою цѣной былъ купленъ этотъ кратковременный, пышный цвѣтъ мызныхъ хозяйствъ — видно также изъ чиселъ. Въ Мекленбургѣ отъ 12,000 крестьянскихъ дворовъ, насчитанныхъ въ XVI столѣтіи, осталось только 1,286. Въ Курляндіи также во многихъ помѣстьяхъ, крестьянскіе дворы вывелись совсѣмъ; но уменьшеніе общей ихъ цифры никого еще не поражаетъ, благодаря тому обстоятельству, что около $^1/_3$ населенія — казенные крестьяне, и что по причинѣ малой населенности страны съ 1817 г. (то-есть съ освобожденія крестьянъ) до сихъ поръ къ этой цифрѣ еще дѣлались кое-какія приращенія посредствомъ образованія новыхъ дворовъ на пустопорожнихъ земляхъ. Но однако извѣстно, что при освобожденіи крестьянъ (въ 1817 г.), число дворовъ помѣщичьихъ крестьянъ простиралось до 21,000,

---

* По Гейкингу долгъ на курляндскихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ простирается до $21^1/_2$ милліона рублей. («Zwei brennende Fragen» 1864).

а между тѣмъ изъ статистическихъ таблицъ Гейкинга видно, что по всѣмъ мызамъ и видмамъ уже въ 1861 г. число это доходило до 13,230, что вмѣстѣ съ 6,459 дворами казенныхъ и 44 дворами крестьянъ-собственниковъ составляло всего 19,689. Казармъ въ 1861 г. было уже 730.

Въ Лифляндіи и Эстляндіи формальнаго присоединенія дворовъ къ мызамъ въ настоящее время не происходитъ; но ничѣмъ не ограниченная аренда и покупная цѣна, какъ мы видѣли выше, сближаютъ въ значительной степени крестьянскій дворъ съ батрачьими домами (между прочимъ, также и въ отношеніи подвижности населенія первыхъ). Кромѣ того, если исключить сомнительныхъ собственниковъ, купившихъ дворы въ послѣдніе 3-4 года, и вообще считать только однихъ мелкихъ землевладѣльцевъ, выплатившихъ помѣщику всю покупную цѣну, то цифра эта будетъ неимовѣрно незначительна *, и въ этомъ отношеніи, можетъ быть, еще менѣе выгодна къ крестьянъ, нежели въ мекленбургскихъ герцогствахъ, гдѣ почти всѣ существующіе крестьянскіе дворы составляютъ ихъ собственность. По недостатку такихъ, совершенно спеціальныхъ, числовыхъ данныхъ для Лифляндіи и Эстляндіи, я только замѣчу, что тамъ легко можно найти мѣстности, гдѣ въ двухъ смежныхъ приходахъ неизвѣстно о крестьянинѣ-собственникѣ, въ житейскомъ смыслѣ этого слова, и что настоящій крестьянинъ, обладатель двороваго участка, пользуется извѣстностью чуть ли не цѣлаго уѣзда.

Жертвою рыцарскаго утилитаризма въ Мекленбургѣ пала также и народная нравственность; отличительною чертой быстраго процвѣтанія тамошнихъ дворянскихъ имѣній, отъ развитія всякой свободной промышлености, было быстрое оскудѣніе рабочаго сословія и переходъ его отъ жизни мужицкой къ коммунизму сельско-хозяйственныхъ казармъ (пауперизмъ въ Англіи, напротивъ, вмѣстѣ съ развитіемъ промышлености и торговли, постепенно уменьшается и даже смягчается въ значительной степени). Мекленбургскіе пролетаріи, выкроенные по одной мѣркѣ, поставленной чужими экономическими интересами, очевидно, должны были забыть о многихъ нравственныхъ началахъ невѣжественной старины, когда всѣми презираемый мужикъ въ курной своей избѣ, въ тѣсной сферѣ своего семейнаго, домашняго быта, стѣснялся

* Въ 1861 г. въ Курляндіи всего находилось 63 двора, обладаемыхъ крестьянами на правахъ собственности, въ томъ числѣ 44 представляли остатки стариннаго туземнаго землевладѣнія — такъ называемыхъ «курляндскихъ королей»; затѣмъ еще числилось 16 участковъ мелкой поземельной собственности и 15 дворянскихъ имѣній, къ которымъ приписано менѣе 20 мужскихъ душъ.

только наружно чужимъ произволомъ, сохраняя между тѣмъ въ мало искаженномъ видѣ тѣ формы отношеній, которыя вырабатываются только однажды, во времена простой первобытной свободы людей. Нарушеніе этихъ формъ, превращеніе источниковъ народнаго благосостоянія въ кипы банковыхъ билетовъ, поступившихъ въ карманъ феодаловъ, тамъ обозначилось вотъ чѣмъ:

«Между тѣмъ, какъ во всѣхъ цивилизованныхъ и благоустроенныхъ государствахъ Европы, въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ, народонаселеніе значительно умножилось, въ Мекленбургѣ отъ 1835 до 1855 г., число жителей увеличивалось очень незамѣтно, а отъ 1855 до 1859 *даже уменьшилось»*... Число браковъ и число рожденій, въ отношеніи къ народонаселенію, уменьшилось, а число незаконныхъ рожденій увеличилось ужасающимъ образомъ: *«въ Мекленбургѣ каждое пятое дитя есть незаконнорожденное.* Число самоубійствъ учетверилось; тогда какъ передъ 1820 годомъ приходилось по 21 самоубійству на годъ, въ 1859 и 1860 годахъ число ихъ доходило до 88 и 92. Точно также, число преступленій увеличилось въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ самое народонаселеніе; особенно поразительнымъ образомъ умножились случаи дѣтоубійства и подкидыванья» (Отто ф. Рутенбергъ въ Meklb. in Kurl.)

Остзейская культура еще слишкомъ молода—она не вышла окончательно изъ періода крестьянскихъ хозяйствъ, поэтому не представляетъ на первыхъ порахъ подобныхъ страшилищъ упадка народной нравственности и самодѣятельности. Но безъ всякихъ натяжекъ можно найдти фамильное сходство между тѣмъ и другимъ порядками. Заказно-однообразный характеръ батраковъ, ихъ бездомность на родинѣ и чуждость къ ея интересамъ, душная атмосфера экономическихъ казармъ, экономія въ ущербъ семейнымъ связямъ — это факты, говорящіе сами за себя.

Искусственное происхожденіе и неестественность высокихъ поземельныхъ цѣнъ и ренты въ краѣ видны, между прочимъ, и изъ того, что послѣднія вовсе не соотвѣтствуютъ его населенности. Мы знаемъ, что въ промышленныхъ центральныхъ губерніяхъ населенность доходитъ до 3,500 душъ на квадратную милю, и все-таки стоимость земли тамъ очень умѣренная (и вмѣстѣ съ тѣмъ рабочая плата вполнѣ удовлетворительна); въ балтійскомъ же краѣ, по даннымъ десятой ревизіи, мы находимъ слѣдующія отношенія:

въ Лифляндіи на 832 кв. миль 883,681 житель,
что даетъ на квадратную милю 1,062 души
» Курляндіи на 492 кв. миль 567,078 жителей,
что даетъ на квадратную милю 1,138 »

» Эстляндіи на 370 кв. миль 303,478 жителей,
что даетъ на квадратную милю 820 душъ
вообще же на 1,700 кв. миль приходится 1.754,237 жителей, всего по 1,032 на 1 квадратную милю.

Интересно бы было опредѣлить, на сколько состояніе промышлености и торговли въ краѣ способствовало возвышенію арендъ; но по многосложности подобной задачи, требующей совершенно спеціальныхъ розысканій, я долженъ отъ нея отказаться и замѣчу только, что по изслѣдованіямъ академика Кеппена (статья Russlands gesammte Bevölkerung въ Memoires de l'Academie de sciences de St. Petersbourg 1844. VI-e serie) въ 1838 г., то-есть 20 лѣтъ спустя по освобожденіи балтійскихъ крестьянъ:

въ Лифляндіи 1 купецъ приходился на 462 ж.
» Курляндіи » » » » 500 »
» Эстляндіи только » » 800 »

тогда, какъ въ сосѣднихъ Псковской и Новгородской губерніяхъ уже на 314 и 346 жителей, и даже въ неразвитой Витебской губерніи—одинъ на 422 жителя. Это сравненіе имѣетъ свой интересъ, такъ-какъ, вообще, дѣятельность какой-либо страны довольно хорошо опредѣляется отношеніемъ числа подвижнаго торговаго сословія къ ея населенію.

Менѣе значенія уже имѣетъ отношеніе мѣщанскаго сословія къ общему числу населенія, такъ-какъ оно въ значительной степени зависитъ отъ нѣкоторыхъ случайныхъ условій; но и этого рода данныя способны указать на экономическое состояніе страны. Изъ того же источника мы почерпаемъ, что въ 1838 г.

въ Курляндіи одинъ бюргеръ приходился на 17 жителей
» Лифляндіи » » » » 34 »
» Эстляндіи » » » » 40 »

отношенія, которыя свидѣтельствуютъ о маломъ развитіи городовъ, однимъ словомъ—о томъ, что здѣсь населеніе принимаетъ лишь незначительное участіе въ другихъ занятіяхъ, кромѣ земледѣлія. Это также явствуетъ изъ отношенія общаго числа городскаго населенія и населенія мѣстечекъ къ сельскому, и въ настоящее время, только въ одной Курляндіи — это отношеніе приближается къ $^1/_6$; въ Лифляндіи же городское населеніе составляетъ только $^1/_8$, а въ Эстляндіи около $^1/_{15}$.

Выводы, которые можно бы стсюда дѣлать, станутъ еще очевиднѣе, если мы обратимъ вниманіе на возрастаніе въ краѣ народонаселенія во вторую четверть XIX столѣтія. Сравнивая числовыя данныя 8-й ревизіи (1835 года) съ цифрами, составленными на основаніи данныхъ 10-й ревизіи г. Тройницкимъ, въ его сочиненіи «Крѣпостное населеніе въ Россіи по 10-й на-

родной переписи 1861», мы получаемъ слѣдующее процентное возрастаніе населенія балтійскаго края за этотъ двадцатичетырехлѣтній промежутокъ (то-есть съ 1835 по 1859 г.) [1].

Съ 1835 г. по 1859 г. населеніе:

въ Лифляндіи возросло съ 737,775 душ. об. п. до 883,681,
что даетъ въ годъ нѣсколько менѣе $^3/_4$% (процента) [2];
» Курляндіи возросло съ 498,140 душ. об. п. до 567,078,
что даетъ въ г. нѣск. болѣе $^1/_2$ и мен. $^9/_{17}$%;
» Эстляндіи » » 275,514 душ. об. п. до 303,466,
что даетъ въ годъ нѣсколько менѣе $^2/_5$%.

По другому сравненію данныхъ послѣдней ревизіи съ данными, собранными академикомъ Кеппеномъ (въ вышеприведенномъ соч.), точными собственно только относительно мужскаго населенія, выходитъ, что 1838—1859 мужское населеніе возрасло:

въ Лифляндіи съ 355,189 душъ до 389,792,
что даетъ въ годъ $^{21}/_{26}$%
(то-есть болѣе $^5/_6$% и менѣе $^6/_7$%;
» Курляндіи » 245,864 душъ до 274,836,
что даетъ въ годъ болѣе $^1/_2$% и менѣе $^7/_{13}$%;
» Эстляндіи » 135,279 душъ до 148,305,
что даетъ въ годъ нѣсколько менѣе $^1/_3$%.

Въ общемъ же выводѣ оказывается, по первому разсчету, что съ 8-й по 10-ю ревизію, народонаселеніе края возрастало ежегодно нѣсколько менѣе, чѣмъ на $^5/_8$%; по второму же разсчету, съ 1838 по 1859 г. не болѣе, чѣмъ на $^2/_3$%.

По очень точнымъ даннымъ, собираемымъ при духовномъ вѣдомствѣ [3], явствуетъ, что православное населеніе имперіи, съ

---

[1] При этомъ надо замѣтить, что получаемыя цифры будутъ нѣсколько болѣе настоящихъ, такъ-какъ въ данныхъ 1835 г. показаны только лица податнаго сословія, цифры же г. Тройницкаго обнимаютъ все населеніе.

[2] При выведеніи средняго процентнаго возрастанія населенія, мы нѣсколько отступили отъ обыкновеннаго способа вычисленія. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ большими промежутками времени, и потому можно считать болѣе приближающимся къ истинѣ такой способъ, при которомъ этотъ средній годовой процентъ будетъ выведенъ не въ отношеніи къ первому изъ двухъ данныхъ чиселъ, но къ среднему между ними числу. Потому что число, относительно котораго, по настоящему, слѣдовало бы опредѣлять этотъ процентъ, есть величина постоянно измѣняющаяся — другими словами: возрастаніе народонаселенія по крайней-мѣрѣ, до извѣстной степени — совершается по геометрической прогресіи.

[3] Сопоставленіе чиселъ, полученныхъ изъ двухъ различныхъ источниковъ, можетъ показаться недостаточно убѣдительнымъ. Но это, по нашему мнѣнію, наиболѣе точныя числа, такъ-какъ итоги населенія всего государства непригодны къ двумъ ревизіямъ не могутъ быть сравниваемы съ итогами для балтійскихъ губерній по неточности и гадательности многихъ изъ чиселъ, вошедшихъ въ составъ первыхъ; такимъ образомъ, этотъ путь остается единственнымъ.

1838 по 1860 г., возросло съ 43.340,072 душъ до 52.034,650, то-есть въ этотъ двадцатидвухлѣтній промежутокъ всего на 8.694,548; и такъ-какъ въ это время, кромѣ присоединенія 130,000 балтійскихъ туземцевъ, другихъ сколько-нибудь значительныхъ присоединеній къ православной церкви не было, то и можно принять, что православное населеніе вообще возрастало на $^5/_6$% ежегодно. О такой же степени возрастанія православнаго населенія имперіи и въ прежнее время можно заключить по тому, что въ десятилѣтіе съ 1805 по 1815 г., оно увеличилось на 3.950,498 душъ, а съ 1825 по 1835 г. на 5.377,582 (См. Матеріалы для статистики Рос. Имп. Совѣта министерства вн. дѣлъ).

Если мы теперь сравнимъ общее процентное возрастаніе балтійскаго населенія, $^5/_8$% до $^2/_3$% въ годъ, съ таковымъ же русскаго населенія — $^5/_6$%, то необходимо должны будемъ убѣдиться, что несмотря на существованіе въ великорусскихъ губерніяхъ крѣпостнаго права, возрастаніе народонаселенія тамъ встрѣчало меньшія препятствія, чѣмъ въ балтійскомъ краѣ. Притомъ не надо забывать, что малая населенность и личная свобода, которыя имѣли мѣсто въ балтійскомъ краѣ, суть условія, особенно споспѣшествующія быстрому увеличиванью населенія (значеніе этихъ условій очень замѣтно на великорусскихъ губерніяхъ по освобожденіи ихъ крѣпостнаго населенія, увеличивающагося въ послѣдніе годы чуть ли не болѣе чѣмъ на 1 %); слѣдовательно тѣмъ большее значеніе здѣсь должно придавать тѣмъ невыгоднымъ условіямъ, которыя уничтожили возможность такого быстраго увеличенія населенія балтійскихъ губерній. Въ то же время замѣчательно, что тѣмъ меньше было возрастаніе населенія губерніи, чѣмъ большей степени достигалъ въ ней произволъ помѣщиковъ. Я неоднократно указывалъ на слѣдующую постепенность въ послѣднемъ отношеніи: первая Эстляндія, затѣмъ Курляндія и наконецъ Лифляндія, какъ самая большая изъ 3-хъ губерній, допускающая наибольшую степень гласности, слѣдовательно и болѣе шансовъ для справедливости; точно также мы видѣли, что наименѣе возрастало народонаселеніе въ Эстляндіи, затѣмъ въ Курляндіи, и болѣе нежели въ нихъ, въ Лифляндіи, въ которой это возрастаніе равнялось возрастанію населенія великорусскихъ губерній при крѣпостной зависимости.

Такимъ образомъ, изъ всего выше сказаннаго можно заключить, что развитіе мызъ въ балтійскомъ краѣ происходило ближайшимъ образомъ на счетъ экономическаго развитія кореннаго населенія края.

Укажу теперь на другую сторону развитія экономическихъ силъ края.

Феодальное дворянство есть дворянство землевладѣльческое по преимуществу; какъ такое, оно во всѣ времена болѣе сосредоточивало свое вниманіе на доходности земель, обладаемыхъ имъ на полусуверенныхъ правахъ, чѣмъ всякое служилое дворянство, какъ, напримѣръ, русское.

Слѣдствіемъ такого особеннаго вниманія, обращаемаго феодалами на сельское хозяйство — несмотря на различное его пониманіе въ разныя эпохи — было то, что въ каждую изъ нихъ имѣло мѣсто непреодолимое стремленіе господъ какъ можно болѣе подчинить своимъ одностороннимъ цѣлямъ силы простого народа — и въ этомъ кроется причина всегдашняго различія въ фактическомъ состояніи личной свободы народа у насъ и на Западѣ. Постоянная одинаковость такого стремленія не могла не сдѣлать ихъ дѣятельности систематическою, а при систематичности стремленія господствующаго класса къ сельско-хозяйственной спеціализаціи народнаго быта, эта дѣятельность не могла не увѣнчаться успѣхомъ.

Были на Западѣ революціи и политическіе перевороты, уничтожавшіе феодальныя формы; изъ накопленныхъ феодалами средствъ, при отсвѣтѣ естественныхъ наукъ, зародилось и затѣмъ развилось раціональное хозяйство, смягчившее во многихъ странахъ прежнія отношенія между сильными и слабыми, богатыми и бѣдными; но достигнутые уже бытовые и нравственные результаты отмѣтились неизгладимымъ образомъ на исторіи этихъ странъ. Столь продолжительное и почти всецѣльное служеніе сельскаго сословія чужимъ интересамъ есть, безъ сомнѣнія, главная причина того отпечатка односторонности, который носятъ на себѣ всѣ народы Западной Европы — я говорю главная, потому что за главныя, существенныя, можно принять только такія причины, которыя съ обширностью приложенія, соединяютъ также и непрерывностью дѣйствія: религія, законодательство, наука отличаются то однимъ, то другимъ изъ этихъ качествъ; одни экономическія начала отличаются и широтою и непрерывностью дѣйствія, слѣдовательно, производятъ и наибольшее количество житейскихъ перемѣнъ.

Остзейское рыцарство всегда было однимъ изъ наиболѣе феодальныхъ дворянствъ Запада. Поэтому и феодальныя начала развивались въ немъ болѣе, нежели въ другихъ странахъ; поэтому и сельское хозяйство у него съ особенною любовью остановилось такъ долго на формахъ, предшествующихъ раціональному хозяйству; но оно наконецъ усвоило и формы послѣдняго и, слѣдовательно, хотя и весьма дорогой цѣной, какъ мы видѣли выше, однако наконецъ достигло хорошихъ результатовъ, соотвѣтствующихъ современнымъ успѣхамъ агрономіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что мыз-

ныя хозяйства, въ настоящее время, представляютъ очень значительное накопленіе производительныхъ средствъ, въ видѣ денежныхъ капиталовъ, утучненной почвы, богатыхъ хозяйственныхъ построекъ, улучшенныхъ породъ скота, усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ и, наконецъ, въ довольно обширныхъ лѣсахъ, которые содержатся въ удивительномъ порядкѣ. * Эти улучшенія и средства, каковы бы ни были причины ихъ происхожденія, какъ фактъ, заслуживаютъ полнаго нашего вниманія; такъ-какъ они составляютъ важную экономическую силу страны—силу, которой можетъ предстоять значительная роль въ ея промышленномъ движеніи и въ распространеніи, при другихъ обстоятельствахъ, между крестьянами новыхъ способовъ земледѣлія, которые при теперешнемъ положеніи сельскаго населенія примѣняются совершенно односторонно—къ ускоренному исчерпыванію природныхъ средствъ почвы. Этотъ прогрессъ мызнаго хозяйства уже имѣлъ благотворное вліяніе на незначительную часть независимыхъ мелкихъ землевладѣльцевъ и тѣхъ сколько-нибудь обезпеченныхъ и предпріимчивыхъ туземцевъ, которыхъ представители переселяются въ русскія губерніи и какъ-бы для почина къ новымъ свободнымъ поземельнымъ отношеніямъ, туда очень кстати приносятъ нѣкоторыя начала раціональнаго хозяйства. ** Вотъ въ краткихъ словахъ культурное значеніе остзейскаго мызнаго хозяйства.

Все предъидущее разсмотрѣніе приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что балтійское крестьянство, къ сожалѣнію, до-сихъ-поръ не могло должнымъ образомъ воспользоваться тѣми выгодами, которыя представляло ему и европейское положеніе его родины, и особенности просвѣщеннаго XIX вѣка, и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно успѣло уже утратить многія хорошія бытовыя формы и отношенія добраго стараго времени мужицкой экономической самодѣятельности; что оно такимъ образомъ въ настоящее время сто-

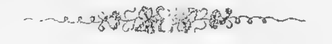
* Замѣчательно, что въ балтійскихъ губерніяхъ лѣса почти вовсе не подвергаются опасности отъ воровскихъ порубокъ. Это главнымъ образомъ происходитъ отъ того, что подвижное крестьянское населеніе не имѣетъ никакого интереса въ обзаведеніи себя хорошими постройками (обстоятельство, подающее такъ много поводовъ къ порубкамъ въ сосѣднихъ губерніяхъ)—отчасти также и потому, что всякій позывъ къ кражѣ предупреждается тою опекой крестьянъ, которую присвоили себѣ помѣщики, размѣстивъ по феодальной лѣсенкѣ и власть, и достатокъ.

** Вообще можно сказать, что если новыя хозяйственныя начала, кромѣ внутренняго развитія страны, въ великорусскія губерніи должны заноситься еще и извнѣ практически знающими людьми, то балтійскіе туземцы именно способны стать такими элементами, такъ-какъ своею общительностью выгодно отличаются и отъ германцевъ, и отъ остзейцевъ.

итъ на какой-то, многозначительной для него, поворотной точкѣ, отъ невозвратно утраченнаго стараго къ чему-то новому, неизвѣстному.

Изучая эту поворотную точку его быта, пессимистъ съ нѣкоторою логикой могъ бы предсказывать ему незавидную мекленбургскую будущность. Но мы не имѣемъ основанія этого полагать: балтійскій край не Мекленбургъ, съ его аристократическимъ законодательствомъ, или, что то же, съ его законодательнымъ самоуправствомъ аристократовъ. Балтійскій край есть нераздѣльная часть Россійской Имперіи, съ высшимъ принципомъ государственной справедливости — монархическою властью — во главѣ. Нынѣшнее царствованіе въ русской исторіи есть эпоха глубоко обдуманныхъ, основныхъ реформъ; наученное опытомъ многихъ царствованій и народовъ, оно даруетъ своему народу цѣлостные уставы, исполненные животворящей силы, сопряженные съ интересами многихъ поколѣній: поэтому всякому русскому очевидно, что и для балтійскаго края когда-нибудь пробьетъ часъ реформы своевременной, спасительной...

Мы воздерживались высказывать какія бы то ни было мнѣнія о той формѣ отношеній, которая наилучшимъ образомъ можетъ, примкнувъ къ теперешнимъ отношеніямъ, обезпечить балтійское крестьянство; читателю лучше объяснятся основанія нашихъ предположеній, если мы предварительно разсмотримъ тамошній бытъ еще и съ другихъ сторонъ, кромѣ экономической, и вмѣстѣ съ тѣмъ представимъ свой взглядъ на настоящее государственное, такъ-сказать, общерусское значеніе вопроса о балтійскомъ крестьянствѣ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА РОССІИ.

Статистическій Временникъ Россійской Имперіи, изд. центр. статист. комитетомъ министерства внутр. дѣлъ.

«Уже давно въ нашей научной литературѣ ощущался недостатокъ такого изданія, въ которомъ были бы сгруппированы статистическія цифры, относящіяся до цѣлой Россіи и обнимающія по возможности всѣ главныя отрасли отечественной статистики.

«Такой сборникъ долженъ служить нетолько весьма важнымъ пособіемъ при различныхъ изслѣдованіяхъ, соприкасающихся съ областью русской статистики и при ея преподаваніи, но и необходимою настольною справочною книгою для государственныхъ людей, администраторовъ и для всей массы образованной публики».

Съ справедливостью этихъ словъ, выписанныхъ нами изъ предисловія къ «Статистическому Временнику», нельзя не согласиться. Важность статистики въ кругу наукъ и необходимость ея для правильнаго управленія государствомъ не подлежатъ никакому сомнѣнію. Въ настоящее время въ важнѣйшихъ государствахъ Европы государственное управленіе возведено на степень научной системы; все безотчетное изъ него изгнано; цѣли и средства управленія уяснены и болѣе или менѣе понимаются правительственными лицами; экономическія средства самыхъ странъ и народовъ описаны, исчислены и публикованы во всеобщее свѣдѣніе. И чѣмъ болѣе какая нибудь страна идетъ вѣрнымъ шагомъ по пути прогреса и благосостоянія, тѣмъ лучше извѣстны ея экономическія средства ея собственнымъ правителямъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всей образованной публикѣ и представителямъ науки. У насъ государственная статистика до сихъ поръ еще разработана не вполнѣ; многія отдѣльныя вѣдомства публикуютъ обстоятельныя свѣдѣнія касательно своихъ отраслей управленія; но по нѣкоторымъ отраслямъ народной дѣятельности нельзя найдти

почти никакихъ свѣдѣній; и наконецъ тѣ свѣдѣнія, какія есть, разбросаны въ разныхъ изданіяхъ, такъ что пользоваться ими до сихъ поръ было чрезвычайно трудно; по всему этому «Статистическій Временникъ», изданный центральнымъ статистическимъ комитетомъ, представляетъ явленіе весьма замѣчательное.

Онъ содержитъ въ себѣ полную статистику Россіи, за немногими исключеніями, разработанную на основаніи офиціальныхъ данныхъ. Какъ первый опытъ, онъ не можетъ не заключать въ себѣ какихъ-нибудь недостатковъ; но такъ-какъ центральный статистическій комитетъ обѣщаетъ черезъ нѣсколько времени повторить свое изданіе, разумѣется, съ дополненіями и улучшеніями, то это даетъ надежду, что съ каждымъ годомъ наша государственная статистика будетъ приходить въ лучшее состояніе.

«Статистическій Временникъ» раздѣляется на три отдѣла: 1) Пространство и населеніе. 2) Промышленость и торговля. 3) Народная нравственность, народное образованіе, финансы и войско.

Свѣдѣнія, представляемыя Временникомъ, до такой степени важны и отчасти такъ мало знакомы даже людямъ весьма образованнымъ, что мы находимъ необходимымъ познакомить съ ними нашихъ читателей, и съ другой стороны указать, гдѣ и почему мы желали бы измѣненій и дополненій въ будущихъ изданіяхъ.

Прежде всего Временникъ сообщаетъ свѣдѣнія относительно пространства и населенія государства. Къ сожалѣнію, издатели не нашли возможнымъ сообщить свѣдѣнія по этому предмету касательно всей Россіи; о пространствѣ и населеніи Царства Польскаго и Финляндіи они ничего не говорятъ; вообще, и Царство Польское и Финляндія исключены изъ Временника, онъ не представляетъ почти никакихъ свѣдѣній касательно этихъ частей имперіи.

Народонаселеніе остальной Россіи въ Европѣ, въ Азіи и въ Америкѣ за 1863 годъ, Временникъ исчисляетъ въ 70.000,000 человѣкъ; полагая населеніе Царства Польскаго и Финляндіи въ 6.500,000, мы получимъ всю сумму населенія имперіи въ 76.500,000 человѣкъ.

Наиболѣе густое населеніе въ имперіи (за исключеніемъ Царства Польскаго) находится въ Московской губерніи (2,598 человѣкъ на квадратную милю), за тѣмъ слѣдуютъ губерніи: Подольская (2,424 ч.), Курская (2,228 ч.), Кіевская (2,177 ч.), Полтавская (2,117 ч.) и Тульская (2,069 ч.); всѣ остальныя имѣютъ менѣе 2,000 на кв. милю. Если мы сравнимъ населеніе даже этихъ губерній съ населеніемъ государствъ Западной Европы, то найдемъ, что Россія еще далеко не поровнялась съ ними. Во Франціи населеннѣйшія мѣстности имѣютъ 10,000 ч. на

квадратную милю, въ Бельгіи и Италіи 12,000, въ Англіи еще больше. Такъ-какъ по извѣстному правилу статистики, масса народонаселенія каждой страны соотвѣтствуетъ суммѣ средствъ, доставляемыхъ какъ самою страною, такъ и народною промышленностью, и такъ-какъ русская территорія по своимъ качествамъ способна доставлять нетолько не меньше, но гораздо больше, нежели территоріи государствъ Западной Европы, и кромѣ того всѣ роды промышлености у народовъ, непаходящихся на пути къ своему разложенію, непремѣнно усиливаются и могутъ никогда не остановиться въ своемъ усиленіи, то можно съ несомнѣнностью утверждать, что плотность населенія Россіи, рано или поздно, должна по крайней-мѣрѣ сравняться съ плотностью населенія государствъ Западной Европы. И именно эта мысль была причиною, возмутившею спокойствіе публицистовъ и государственныхъ людей Западной Европы, когда нынѣшнимъ лѣтомъ чрезвычайное посольство Соединенныхъ Штатовъ прибыло въ Россію. Публицисты и государственные люди задали себѣ вопросъ, въ какомъ состояніи будутъ государства Европы и Америки черезъ 50, 100, 150 лѣтъ и т. д., и нашли, что это состояніе будетъ слишкомъ неблагопріятно для нынѣшнихъ корифеевъ европейской политики; они увидѣли, что черезъ 50 лѣтъ въ Россіи и Соединенныхъ Штатахъ будетъ по 150 мильоновъ жителей, черезъ 100 лѣтъ по 200, черезъ 150 по 300 мильоновъ, въ то время какъ въ Англіи и Франціи черезъ 50 лѣтъ будетъ по 40 мильоновъ, черезъ 100 по 45, черезъ 150 по 50; потому что и Англія и Франція дошли почти до крайняго предѣла народонаселенія, которое можетъ выносить ихъ почва. Относительные размѣры государствъ въ будущемъ, и притомъ не очень далекомъ, грозятъ измѣниться такъ, что нынѣшніе корифеи современемъ окажутся передъ Россіею и Соединенными Штатами въ томъ положеніи, въ какомъ теперь Бельгія находится относительно Франціи или Данія относительно Англіи. И такъ-какъ нынѣшніе корифеи, очевиднымъ образомъ, расположенія этихъ будущихъ великановъ не пріобрѣтаютъ, а великаны находятся между собою въ добромъ согласіи, которое обѣщаетъ сдѣлаться національною традиціею, и притомъ оба великана нетолько обнаруживаютъ всѣ признаки народовъ молодыхъ и свѣжихъ, но и съ увѣренностью и весьма твердою поступью идутъ по пути прогресса, и слѣдовательно походить на Китай не намѣрены, то все это вмѣстѣ и привело въ раздумье публицистовъ и государственныхъ людей Западной Европы. Основательно ли это раздумье? Основательность или неосновательность его будетъ зависѣть отъ насъ самихъ, отъ нашей будущей дѣятельности, отъ нашей исторіи.

Пользуясь цифрами, представляемыми «Статистическимъ Временникомъ», мы только скажемъ, что если изъ всего пространства Россіи (400,000 кв. миль) мы только $^1/_3$ примемъ за страну вполнѣ удобную для заселенія, и если положимъ, что эта одна треть будетъ заселена только такъ, какъ заселена въ настоящее время Франція, то мы получимъ 400.000,000 населенія, которые способны вынести русская почва, при нынѣшнихъ обыкновенныхъ способахъ культуры и производства вообще. А такъ-какъ препятствій для того, чтобы населеніе двигалось въ означенной прогресіи, никакихъ нѣтъ и быть не можетъ, а напротивъ все говоритъ, что это такъ должно и быть, то оказывается, что опасенія западныхъ публицистовъ и государственныхъ людей не безъосновательны *.

Посмотримъ же на нынѣшнія наличныя силы русскаго народа, изъ кого онъ состоитъ, изъ какого рода дѣятелей; безъ этого нельзя судить о томъ, къ какой дѣятельности онъ способенъ.

Изъ 60-ти мильйоннаго населенія Европейской Россіи (безъ Царства Польскаго и Финляндіи) 677,000 человѣкъ принадлежатъ къ потомственному дворянству, 296,000 къ личному дворянству, 611,000 къ духовенству, 4.794,000 городскихъ сословій, 49.000,000 сельскихъ, 4.000,000 военныхъ. Изъ этихъ цифръ обратимъ вниманіе, вопервыхъ, на послѣднюю; 4.000,000 — вотъ сколько человѣческихъ личностей имѣютъ болѣе или менѣе прямое отношеніе къ защитѣ государства! Правда, изъ этого числа нужно исключить 1.800,000 лицъ женскаго пола, которыя не оторваны отъ промышленной дѣятельности, которыя приписаны къ военному сословію только черезъ своихъ мужей или отцовъ, но за тѣмъ остается 2.200,000 человѣкъ, которые существуютъ и дѣйствуютъ посредственнымъ или непосредственнымъ образомъ для военныхъ цѣлей; все-таки эта сумма превосходитъ все народонаселеніе такихъ непослѣднихъ государствъ, имѣющихъ титулъ королевствъ, какъ Ганноверъ, Данія или Саксонія.

Обращаясь къ другимъ цифрамъ, замѣтимъ, какъ еще незначительно у насъ число городскихъ жителей сравнительно съ сельскими; число это имѣетъ то значеніе, что имъ весьма близко обозначается развитіе въ странѣ мануфактурной промышлено-

* Изъ таблицы, представляющей движеніе народонаселенія, видно, что народонаселеніе Европейской Россіи, безъ Царства Польскаго и Финляндіи, ежегодно увеличивается на 700,000 человѣкъ; это составляетъ болѣе, нежели 1%; при такомъ увеличеніи число жителей должно удвоиться въ 60 лѣтъ, учетвериться въ 120 лѣтъ и увеличиться въ 8 разъ въ 180 лѣтъ, то-есть въ 1925 г. въ Россіи должно быть 150 мильоновъ, въ 1985—300, и т. д.

сти и торговли. Въ то время какъ во Франціи городскіе жителю составляютъ 30% всего населенія, а въ Англіи даже 75%, у насъ число ихъ не достигаетъ 8%.

За то цифра, представляющая массу дворянства, отличается непропорціональною величиною сравнительно съ цифрами дворянства въ другихъ странахъ. Но гораздо болѣе достойно вниманія то, какъ составляется она. Изъ таблицы разныхъ сословій по губерніямъ видно, что наибольшее число потомственнаго дворянства принадлежитъ губерніи Ковенской (94,000), затѣмъ Минской (73,000), потомъ Виленской (60,000), Петербургской (47,000), Могилевской (38,000), Гродненской (36,000), Волынской, Подольской, Витебской и Кіевской, короче, за исключеніемъ губерніи Петербургской, гдѣ дворянство многочисленно по особымъ причинамъ, наиболѣе богатыя дворянствомъ тѣ губерніи, которыя находятся на западѣ Россіи и когда-то принадлежали Польшѣ. И количество дворянства въ нихъ такъ велико, что самая бѣдная дворянствомъ губернія Западной Россіи, Кіевская, въ которой 21,000 дворянъ, все-таки гораздо богаче дворянствомъ, нежели самая богатая изъ губерній собственно русскихъ, Смоленская, въ которой дворянства 17,000. Да наконецъ и Смоленская губернія все-таки была подъ властью Польши и, безъ сомнѣнія, этому обязана тѣмъ, что относительно массы дворянства превосходитъ остальныя, собственно русскія губерніи. Замѣчательно, что и слѣдующія за тѣмъ по числу дворянства губерніи большею частію принадлежатъ къ губерніямъ новымъ или такимъ, которыя были когда-то подъ властью Польши. Такъ послѣ Смоленской слѣдуютъ: Херсонская, Полтавская, Курская и Черниговская. Собственно изъ великорусскихъ губерній самое большее число дворянства принадлежитъ губерніи Московской (10,000), въ которой, какъ и въ Петербургской губерніи, дворянство многочисленно по особымъ причинамъ, потомъ Рязанской (9,000), Тульской (7,000) и т. д.

Если возьмемъ сумму всего потомственнаго дворянства сначала въ губерніяхъ западныхъ, потомъ въ великорусскихъ и, наконецъ, въ южнорусскихъ, то мы придемъ къ слѣдующимъ результатамъ:

Въ 9 западныхъ губерніяхъ всего дворянства 404,000 изъ 677,000, т.-е. больше нежели половина, 60%. Въ 10 губерніяхъ и областяхъ южнорусскихъ, по бассейну Чернаго моря (Черниговская, Полтавская, Харьковская, Курская, Воронежская, Земля Войска Донскаго, Екатеринославская, Херсонская, Таврическая, Бессарабія), мы получимъ сумму дворянства въ 93,000 человѣкъ; все остальное, за исключеніемъ 13,000 дворянства трехъ прибалтійскихъ губерній, будетъ составлять сумму дворянства соб-

ственно въ губерніяхъ великорусскихъ, начиная отъ Смоленска и Орла къ сѣверу и востоку; сумма эта на 26 губерній будетъ равняться 167,000 *. Вотъ собственно цифра дворянства великорусскаго; да и изъ него нужно исключить значительную массу помѣщиковъ великорусскихъ губерній нѣмецкаго или польскаго происхожденія, съ нѣмецкими или польскими именами, наконецъ надобно обратить еще вниманіе на великое множество людей, принадлежащихъ къ другимъ народностямъ, вошедшимъ во времена отдаленныя въ составъ великорусскаго дворянства, напр. литовцевъ и особенно татаръ, которые большими массами поступали въ службу къ великимъ князьямъ и царямъ московскимъ, и тогда же образовали высшій класъ, послѣ чего и обрусѣли. Такимъ образомъ великорусскій народъ выдѣлилъ изъ себя самую незначительную часть дворянства, вслѣдствіе чего произошелъ фактъ безпримѣрный въ исторіи. Вообще, вездѣ народъ, своими усиліями создавшій государство изъ разнородныхъ элементовъ, самъ становился въ положеніе привилегированное относительно этихъ элементовъ; такъ франки образовали дворянство въ бывшей Галліи, норманны или правильнѣе норманды въ Англіи, поляки въ присоединенныхъ княжествахъ—русскихъ. Только одинъ великорусскій народъ, сплотившій русскую державу, остался почти весь въ состояніи непривилегированномъ, а принялъ къ себѣ, въ качествѣ людей привилегированныхъ, нѣмцевъ, поляковъ и даже литовцевъ и татаръ — доказательство, что справедлива теорія русскихъ и чешскихъ публицистовъ и историковъ, что дворянство не въ духѣ народовъ славянскихъ. Дѣйствительно оказывается, что народъ русскій, наиболѣе вѣрный славянскимъ началамъ, почти не выдѣлилъ изъ себя дворянства; а что сформировалось русское дворянство въ нынѣшнемъ его видѣ не само изъ себя, а внѣшними законодательными мѣрами, это извѣстно. Напротивъ, польскій народъ, наиболѣе развившій въ своей средѣ шляхетство, есть тотъ, который по общему признанію всего болѣе измѣнилъ славянскимъ началамъ. Но эту замѣтку мы сдѣлали только кстати; есть нѣчто болѣе серьёзное и практическое, на что нужно обратить вниманіе въ цифрахъ, представляющихъ наше дворянство въ разныхъ краяхъ государства. Недавно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» была жалоба на то, что поляки рѣшительно оттираютъ русскихъ отъ службы на Кавказѣ и сами захватываютъ лучшія мѣста. Да какъ

* Такимъ образомъ на каждую изъ великорусскихъ губерній приходится около 6,000 дворянъ, въ то время, какъ на каждую изъ западно-русскихъ 44,000.

же имъ этого не дѣлать, когда ихъ такая масса? Безъ сомнѣнія, изъ 404,000 потомственнаго дворянства западныхъ губерній не всѣ принадлежатъ къ польской націи; но исключеніе надобно сдѣлать самое незначительное; и притомъ нельзя сомнѣваться, что въ другихъ губерніяхъ навѣрно есть столько польскаго дворянства, сколько есть русскаго въ западныхъ губерніяхъ. Такимъ образомъ массу польскаго дворянства, служащаго Россіи или желающаго служить, мы все-таки должны допустить не менѣе какъ въ 400,000 человѣкъ; можетъ быть, даже эту цифру нужно значительно увеличить, потому что въ нее не входитъ дворянство собственно Царства Польскаго, котораго цифры мы не найдемъ въ Статистическомъ Временникѣ, но она должна быть очень значительна. И для этого дворянства Царства Польскаго служба собственно въ Россіи также не заграждена. Если мы положимъ цифру его только въ 100,000, то масса всего польскаго дворянства, конкурирующаго на государственной службѣ противъ дворянства русскаго, выразится цифрою 500,000 противъ 250,000 всего дворянства великорусскаго и малорусскаго. Такимъ образомъ главная масса свободныхъ силъ русскаго государства принадлежитъ къ народности не русской; это и само по себѣ невыгодно для государства; но если мы не будетъ забывать, что эта народность есть нетолько не русская, но и враждебная всему русскому, то невыгода увеличивается; а если мы вспомнимъ, что среди этой народности господствуетъ особая нравственная философія, извѣстная подъ именемъ польскаго катехизиса, и составляющая квинт-эссенцію іезуитизма, то невыгода дѣлается еще значительнѣе.

Кромѣ польскаго дворянства совершенно особнякомъ стоитъ въ Россіи дворянство такъ-называемое остзейское, хотя намъ русскимъ и не слѣдуетъ употреблять это названіе, и давно слѣдуетъ замѣнить его словомъ «прибалтійское». Это дворянство немногочисленно, хотя и не малочисленно (13,000); но относительно государственной службы оно также имѣетъ значительный перевѣсъ передъ русскимъ дворянствомъ, и кромѣ того прибалтійскія губерніи высылаютъ постоянно значительный контингентъ на нашу государственную службу изъ другихъ сословій; такъ что число нѣмцевъ на русской государственной службѣ чрезвычайно непропорціонально всему числу нѣмцевъ, живущихъ въ Россіи; въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ они составляютъ половину, въ другихъ больше нежели половину; такъ недавно было замѣчено, что во всѣхъ лучшихъ казенныхъ мѣстахъ медики—нѣмцы, и вообще въ Петербургѣ на государственной службѣ 3/4 медиковъ нѣмцевъ. Иногда, читая въ газетахъ о производствѣ въ чины или о служебныхъ опредѣ-

леніяхъ, бываешь пораженъ множествомъ нѣмецкихъ именъ; такъ и кажется, что дѣло касается Австріи, гдѣ цѣлая треть государства состоитъ изъ нѣмцевъ. Что въ этомъ случаѣ невыгода, о которой мы упоминали, существуетъ, объ этомъ нечего и говорить. Но при этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на невыгоду другого рода. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что русская народность имѣетъ въ духѣ своемъ самыя существенныя отличія отъ другихъ европейскихъ народностей, и что она имѣетъ свое особое историческое призваніе, которымъ обозначены въ исторіи не всѣ народности. Это особое призваніе всего удобнѣе будетъ выполнено только въ такомъ случаѣ, когда всѣ силы народа будутъ устремлены къ одной цѣли, именно къ исполненію этого особаго призванія, когда ни одинъ изъ отдѣльныхъ фактовъ жизни народа или дѣятельности правительства не будетъ стоять въ противорѣчіи, или только въ несогласіи, съ этою цѣлью, словомъ — когда какъ правительственная, такъ и народная дѣятельность будутъ всецѣло отмѣчены національнымъ духомъ. Но очевидно, для того, чтобы дѣйствовать въ извѣстномъ духѣ, нужно быть проникнутымъ самому этимъ духомъ; въ противномъ случаѣ это будетъ фальшивая дѣятельность, которая и не можетъ быть ни усердна, ни успѣшна, и наконецъ, можетъ сбиваться съ вѣрной, прямой дороги потому, что основана на догадкахъ, а не на цѣльномъ пониманіи задачи и средствъ къ ея выполненію. Въ этомъ случаѣ намъ становится понятно законодательство аѳинянъ, недопускавшее къ отправленію государственной службы, и даже къ участію въ народномъ собраніи, иностранцевъ и ихъ дѣтей и потомковъ, до нѣсколькихъ поколѣній. Аѳиняне, очевидно, хотѣли, чтобы ихъ національный духъ вполнѣ проникъ личности, переселявшіяся въ Аѳины, или родившіяся тамъ отъ иностранныхъ поселенцевъ и ихъ потомковъ; только въ такомъ случаѣ ожидали они отъ гражданъ патріотической дѣятельности въ національномъ духѣ. Этими же причинами объясняется и возникающее въ Соединенныхъ Штатахъ опасеніе за патріотизмъ и національныя стремленія новыхъ гражданъ, переселяющихся изъ Европы. Какъ извѣстно, натурализація въ Соединенныхъ Штатахъ подчинена весьма немногимъ ограниченіямъ. Чтобы быть гражданиномъ заатлантической республики, для этого требуется только нѣсколько лѣтъ пребыванія на ея почвѣ. Подобные скороспѣлые граждане оказываются очень сомнительными патріотами; для нихъ дѣйствительно ibi patria, ubi bene; изъ нихъ, между прочимъ, состояла главная масса бывшаго конфедеративнаго войска, ихъ мы находимъ въ числѣ заговорщиковъ на жизнь Линкольна; къ нимъ принадлежитъ Вирцъ, знаменитый тюремщикъ южныхъ

штатовъ. Вообще, подобные граждане весьма нерѣдко отличаются сомнительною нравственностью. И это мы можемъ прослѣдить во всей исторіи. Римское народное собраніе потеряло всѣ добрыя нравственныя качества съ тѣхъ поръ, какъ наполнилось людьми, принадлежавшими ко всѣмъ народностямъ тогдашняго міра. То же самое должно быть вездѣ; патріотизмъ и національный духъ не пустыя слова; дѣйствительность и значеніе ихъ въ народной жизни не подлежатъ спору; очевидно, чего нибудь они стоютъ. Нѣтъ причинъ имъ быть ничего нестоющими и у насъ. Но у насъ они имѣютъ болѣе важное значеніе потому, что именно наша народность имѣетъ много такого, чѣмъ она существенно отличается отъ народностей Западной Европы. Что наша народность крѣпко и упорно сопротивляется вторженію всего противнаго ей, это всѣмъ извѣстно; но это только тамъ, въ тѣхъ слояхъ народа, гдѣ она сохраняетъ свою чистоту, гдѣ она не надломлена, гдѣ она не допустила въ свою среду чуждыхъ элементовъ. Напротивъ, нѣкоторые народные слои, именно высшее сословіе, привилегированный и такъ-называемый образованный классъ, — подвергаются самымъ строгимъ упрекамъ въ томъ, что они не сохраняютъ вѣрности своей народности. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ образованные классы не заслужили столь основательныхъ упрековъ за колѣнопреклоненіе передъ всѣмъ иноземнымъ, какъ въ Россіи; литература вооружалась противъ этого поклоненія еще со временъ Кантемира, и оно не окончилось до нашихъ дней и одинаково проявляется, какъ въ скороспѣломъ заимствованіи французскихъ административныхъ учрежденій, такъ и въ подобномъ же скороспѣломъ заимствованіи соціальныхъ теорій изъ новѣйшихъ книжекъ, большею частію французскихъ. Но, съ другой стороны, если взглянуть на составъ нашего общества, того класса народа, который принимаетъ самое замѣтное участіе въ современной дѣятельности государственной машины, то, повидимому, это иначе и быть не можетъ. Съ одной стороны, 60 процентовъ польскаго дворянства, очевидно имѣющаго очень мало общаго съ русскимъ народнымъ духомъ; съ другой стороны, остзейское дворянство и остзейская нѣмецкая буржуазія, очевиднымъ образомъ сознающія свое призваніе цивилизовать Россію, и въ исполненіи этого призванія вспомоществуемыя единоплеменными выходцами, составляющими передовой корпусъ піонеровъ въ нѣмецкомъ «Drang nach Osten», наконецъ, всѣ другія національности, притекающія съ Запада и безпрепятственно помѣщающіяся въ русскомъ привилегированномъ сословіи — все это достаточно объясняетъ, почему въ этомъ сословіи такъ много элементовъ, неимѣющихъ ничего общаго ни съ русскимъ духомъ, ни съ тою исто-

рическою задачею, которую русскій народъ призванъ выполнить. Стоитъ ли этотъ предметъ того, чтобы подумать о немъ — это предоставляемъ рѣшить самимъ нашимъ читателямъ.

Изъ таблицы, представляющей населеніе Россіи по вѣроисповѣданіямъ, обратимъ вниманіе на число раскольниковъ. Оно приводится редакціей Временника въ опредѣленной цифрѣ 801,745 человѣкъ. Но при этомъ Временникъ дѣлаетъ оговорку, что эта цифра «не имѣетъ нетолько приблизительной вѣрности, но даже и не составляетъ десятой доли дѣйствительнаго числа раскольниковъ». Причину этого Временникъ находитъ въ томъ, что раскольники, избѣгая преслѣдованій и непріятностей, нерѣдко выдаютъ себя за православныхъ. Это вполнѣ справедливо; но до такой ли степени это уменьшаетъ офиціальную цифру, чтобы она въ десять разъ была меньше дѣйствительной? Въ этомъ мы очень сомнѣваемся. Въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимъ вниманіе на отдѣльныя цифры, приводимыя Временникомъ, то найдемъ, что во всѣхъ, болѣе замѣтныхъ центрахъ старообрядства (а внѣ старообрядства раскольники весьма малочисленны) онѣ приведены въ такой величинѣ, которая не должна много отличаться отъ дѣйствительной. Такъ въ Московской губерніи число ихъ простирается до 74,000, на Дону 71,000, въ Пермской губ. 70,000, въ Черниговской 55,000, въ Витебской и Вятской въ каждой до 44,000, въ Самарской до 38,000, въ Нижегородской до 32,000, въ Саратовской 27,000 и т. д. Судя по всему, эти цифры весьма недалеки отъ истины. Правда, есть нѣкоторыя мѣстности, весьма важныя въ исторіи старообрядства, для которыхъ Временникъ приводитъ весьма незначительныя цифры раскольниковъ. Такъ для Архангельской губерніи (поморцы) онъ приводитъ только 5,000, для Олонецкой (р. Выгъ) 3,000; но не надобно забывать, что самыя эти мѣстности чрезвычайно мало населены. Прибрежныхъ жителей въ Архангельской губерніи нетолько поморцевъ раскольниковъ, но и вмѣстѣ съ православными весьма мало, а сѣверная часть Олонецкой губерніи, гдѣ находится р. Выгъ, представляетъ мѣстность еще болѣе пустынную; старообрядство потому тамъ и процвѣло, что оно удалилось въ пустыню, почти незаселенную. Во всякомъ случаѣ, увеличивать количество раскольниковъ въ 10 разъ противъ цифры, приведенной въ Временникѣ, по нашему мнѣнію, нѣтъ никакого основанія. Безъ сомнѣнія, приведенная цифра ниже дѣйствительной, но едва-ли много. Старообрядство въ дѣйствительности гораздо замѣтнѣе для наблюдателя, нежели сколько оно должно бы быть замѣтно по своей численной силѣ, потому что старообрядецъ всегда и съ разу бросается въ глаза своими особенностями, иногда особен-

ностями своей фигуры, рѣчи, пріемовъ, образа жизни, иногда своею нетерпимостью. Кромѣ того, процентъ людей нетолько достаточныхъ, но и богатыхъ въ старообрядствѣ гораздо значительнѣе, нежели въ православіи. Но, безъ всякаго сомнѣнія, экономическая состоятельность выдвигаетъ человѣка, дѣлаетъ его болѣе замѣтнымъ въ обществѣ, и этой причинѣ надобно приписать главнымъ образомъ то, что о численной силѣ старообрядства вообще думаютъ слишкомъ много.

Католиковъ въ Европейской Россіи (безъ Царства Польскаго) Временникъ насчитываетъ 2.800,000. Эта цифра почти вполнѣ приходится на долю Западной Россіи; въ другихъ губерніяхъ число католиковъ значительно только въ Самарской (34,000), Херсонской (33,000), Саратовской, (25,000), Петербургской (22,000) и Таврической (11,000), всего 125,000 человѣкъ. На долю Западной Россіи приходится около 2.600,000 человѣкъ. Они распредѣляются такъ: въ губерніи Ковенской 874,000 католиковъ при 17,000 православныхъ; въ Виленской 568,000 католиковъ при 208,000 православныхъ; въ Гродненской 265,000 кат. при 490,000 православныхъ; Подольской 227,000 католиковъ при 1.390,000 православныхъ; въ Витебской 206,000 католиковъ при 442,000 православныхъ и 44,000 старообрядцевъ; въ Минской 185,000 католиковъ при 710,000 православныхъ; въ Волынской 163,000 католиковъ при 1.190,000 православныхъ; въ Кіевской 85,000 католиковъ при 1.666,000 православныхъ, и наконецъ въ Могилевской 37,000 католиковъ при 746,000 православныхъ. Изъ этихъ цифръ видно, что наибольшее число католиковъ приходится на такія губерніи, которыя въ древнѣйшее время или не вполнѣ были составною частію Россіи, или вовсе не были, и въ настоящее время въ числѣ своего населенія имѣютъ болѣе или менѣе значительную долю литовской народности; такъ губернія Ковенская въ древнѣйшее время не входила въ составъ Россіи, и населена почти исключительно литовцами; и въ ней католиковъ въ 50 разъ больше, чѣмъ православныхъ. Такъ же не входили въ составъ древней Россіи сѣверо-западныя части губерній Виленской и Витебской и сѣверная часть губерніи Гродненской; эти части населены и теперь, какъ и прежде, народомъ литовскаго племени, и отчасти польскаго, и въ нихъ число католиковъ относится къ числу православныхъ въ Виленской, какъ 5 къ 2, въ Гродненской и Витебской почти какъ 1 къ 2. Въ другихъ губерніяхъ, несмотря на значительную массу католиковъ, число ихъ все-таки незначительно сравнительно съ числомъ православныхъ; такъ въ Подольской губерніи, несмотря на 227,000 католиковъ, отношеніе ихъ къ православнымъ выра-

жается только какъ 1:6, въ Волынской какъ 1:7, а въ Могилевской и Кіевской даже какъ 1:20.

Выше мы говорили о польскомъ дворянствѣ, живущемъ въ собственной Россіи, обращали вниманіе только на него, какъ на силу, частію враждебную Россіи, частію несогласную съ народнымъ духомъ русскаго человѣка и неспособную къ выполненію исторической задачи Россіи. Но одно польское дворянство не выражаетъ всѣхъ элементовъ враждебныхъ Россіи въ западныхъ губерніяхъ; въ числѣ ихъ значительную роль играетъ и католическое духовенство и другія сословія католическаго вѣроисповѣданія, какъ это показало послѣднее возстаніе, и какъ это и быть должно по сущности отношеній между католицизмомъ и православіемъ; такимъ образомъ цифра народонаселенія западныхъ губерній, открыто или tacito modo непріязненнаго Россіи, должно бы совпадать съ цифрою всего вообще католическаго населенія этихъ губерній, еслибы послѣднія реформы, и главнымъ образомъ надѣленіе крестьянъ землею, не сдѣлали переворота въ симпатіяхъ земледѣльческаго класса этихъ губерній. Разумѣется, въ настоящее время броженіе въ западныхъ губерніяхъ еще не вполнѣ прекратилось; новыя симпатіи сельскаго населенія не успѣли еще окрѣпнуть, старыя еще не совсѣмъ заглохли; а между тѣмъ, глухая борьба польской справы противъ русскаго дѣла въ западномъ краѣ продолжается, какъ это повременамъ оказывается, и какъ это и быть должно на основаніи самыхъ коренныхъ свойствъ польской народности и католической вѣры. Русскому правительству и всему русскому народу нужно еще много усилій, чтобы современемъ эти 2.800,000 человѣкъ, заключающихъ въ себѣ дѣйствительно почти всю такъ называемую интелигенцію края и владѣющихъ большею частію экономическихъ средствъ края, не возобновили съ новыми силами своихъ притязаній. Польская эмиграція на это именно и разсчитываетъ; она увѣряетъ, что надѣленные землею польскіе и литовскіе крестьяне современемъ сформируютъ лучшее ополченіе, чѣмъ бывшіе косинеры. Необходимость противопоставить имъ и экономическія силы, въ самыхъ западныхъ губерніяхъ, и въ то же время укрѣпить зародившіяся въ самомъ населеніи этого края симпатіи къ Россіи и ея порядкамъ—эта необходимость нисколько не уменьшается, а напротивъ увеличивается.

Изъ другихъ фактовъ, касающихся народонаселенія Россіи по вѣроисповѣданіямъ, замѣтимъ слѣдующіе:

Въ Лифляндской губерніи количество православныхъ въ настоящее время простирается до 158,000 человѣкъ; эта цифра образовались большею частію изъ латышей и эстовъ, перешедшихъ въ

православіе. Извѣстно, что принятіе православія доставило новообращеннымъ много непріятностей, черезъ что распространеніе его въ остзейскихъ губерніяхъ почти прекратилось. Нынѣшнему царствованію, которое уже имѣетъ за собою заслугу исправленія столь многихъ ошибокъ, сдѣланныхъ во времена предъидущія, и въ этомъ случаѣ предстоитъ исправить прошлую ошибку и соединить этотъ край съ остальною Россіею узами болѣе крѣпкими, чѣмъ единство правительства. Между средствами къ этому сліянію главную роль должно играть надѣленіе крестьянъ землею —эта отличительная черта русской цивилизаціи, которая уже сдѣлала свое дѣло, по крайней-мѣрѣ на половину, въ Царствѣ Польскомъ и въ западныхъ губерніяхъ. До сихъ поръ дѣло надѣленія крестьянъ землею въ разныхъ концахъ Россіи находится нѣсколько въ странномъ положеніи; во всей собственной Россіи оно произведено; мало того, оно произведено или производится даже въ такихъ частяхъ государства, которыя находятся подъ особымъ управленіемъ и соединены съ Россіею главнымъ образомъ только единствомъ верховной власти, какъ Царство Польское и Закавказье; между тѣмъ на границѣ съ Петербургскою губерніею находятся губерніи, состоящія подъ общимъ управленіемъ всей имперіи, гдѣ эта общая мѣра для всей имперіи не находитъ приложенія! Непонятное исключеніе, тѣмъ болѣе непонятное, что въ этихъ губерніяхъ надѣленіе крестьянъ землею, быть можетъ, болѣе необходимо, чѣмъ гдѣ нибудь, въ виду различія народности земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ и особенно въ виду того, что народность землевладѣльцевъ дѣлаетъ постоянные захваты со стороны народности земледѣльцевъ къ ущербу народности русской.—Народонаселеніе Петербургской губерніи представляетъ ту особенность между всѣми собственно русскими губерніями, что она имѣетъ почти 200,000 человѣкъ разныхъ иностранныхъ исповѣданій, между прочимъ 160,000 однихъ лютеранъ. Жаль, что Временникъ не показываетъ, сколько изъ этой цифры приходится на городъ Петербургъ, сколько на губернію. Но вообще въ этой цифрѣ заключаются иностранцы — жители Петербурга и частію другихъ городовъ губерніи, и кромѣ того, нѣмцы-колонисты и окрестные финны (чухонцы) лютеранскаго исповѣданія. На всю массу жителей Петербургской губерніи (1.174,000), эта цифра составляетъ около $^1/_6$, такъ что въ Петербургской губерніи нерусскій элементъ многочисленнѣе, чѣмъ въ нѣкоторыхъ изъ губерній западныхъ, какъ въ Могилевской, Кіевской и даже Волынской. Это, между прочимъ, не можетъ оставаться безъ вліянія на характеръ нашей столичной жизни, и благодаря той важности, которую имѣетъ Петербургъ, какъ столица, это не можетъ

оставаться безъ вліянія и на особенности міровоззрѣнія, по крайней-мѣрѣ, той среды общества, изъ которой формируется наша администрація и вообще нашъ служебный персоналъ.

Изъ слѣдующихъ таблицъ обратимъ вниманіе на таблицы *городскихъ поселеній* въ имперіи, составленныя на «основаніи списковъ населенныхъ мѣстъ», изданныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Подъ именемъ «городскихъ поселеній» Временникъ разумѣетъ кромѣ собственно городовъ и такія поселенія, жители которыхъ занимаются торговлею или другими городскими промыслами, или имѣютъ нѣкоторыя городскія права. Въ таблицѣ читатель поражается однимъ обстоятельствомъ, множествомъ такихъ поселеній въ Западной Россіи и почти совершеннымъ отсутствіемъ ихъ, за исключеніемъ собственно городовъ, въ центральной и въ восточной. Извѣстно, что въ западныхъ губерніяхъ дѣйствительно существуетъ много подобныхъ поселеній, подъ именемъ мѣстечекъ, наполненныхъ въ значительной степени евреями; но ихъ существуетъ въ настоящее время довольно и въ другихъ частяхъ имперіи, гдѣ они называются не мѣстечками, потому что это слово въ Западной Россіи составляетъ остатокъ эпохи польскаго владычества, а посадами, торговыми селами и т. п. Между тѣмъ Временникъ не представляетъ почти такихъ поселеній нигдѣ, кромѣ Западной Россіи; въ Западной Россіи въ число городскихъ поселеній попали такія мѣстности, которыя имѣютъ 20, 15, 11 и даже 4 и 1 домъ (Красное, Паулье Лепельскаго уѣзда и Михновка Ковельскаго, Пелявапы въ Новоалександровскомъ уѣздѣ). Между тѣмъ во Владимірской губерніи не попало въ число городскихъ поселеній даже Иваново, между тѣмъ какъ Вознесенскій посадъ тамъ находится; очевидно, редакція Временника въ этомъ случаѣ не имѣла въ виду ничего, кромѣ названія. Вознесенскій посадъ называется *посадомъ*, потому онъ и относится къ числу городскихъ поселеній. Между тѣмъ Вознесенскій посадъ не имѣетъ другихъ промысловъ, кромѣ тѣхъ, которые существуютъ и въ Ивановѣ; только въ этомъ отношеніи Иваново превосходитъ его въ нѣсколько разъ. Подобнымъ образомъ во Владимірской губерніи не попали въ число городскихъ поселеній ни Холуй, ни Палехъ, ни Мстера; въ Московской губерніи, переполненной поселеніями, въ которыхъ процвѣтаютъ торговая и мануфактурная промышленость, къ числу городскихъ поселеній отнесены, кромѣ собственно городовъ, только Павловскій и Сергіевскій посады. Въ Тульской губерніи, кромѣ губернскаго и уѣздныхъ городовъ, нѣтъ ничего; между тѣмъ, здѣсь есть десятки торговыхъ селъ; есть древніе города (Дѣдиловъ) съ постоянной торговлею, съ разными родами мануфактур-

ной промышлености. И всѣ подобныя мѣста обозначены въ спискахъ населенныхъ мѣстъ, изданныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ Самарской губерніи не помѣщены въ число городскихъ поселеній такія мѣстности, какъ извѣстное Балаково, обозначенное въ «спискѣ населенныхъ мѣстностей» такъ: «жител. 2,700 чел.; церквей православныхъ 2, училище, почтовая станція, ярмарка 1, базаръ 1, заводовъ 5, пристаней 2». Нѣтъ также и Баронска, обозначеннаго въ спискѣ населенныхъ мѣстностей такъ: «жит. 4,600; церквей 3: православная, католическая и лютеранская; училище, базаръ; заводовъ пять; пристань, бронзовый памятникъ Екатерины II». Нѣтъ Борской крѣпости, обозначенной такъ: «жит. 4,200 чел.; церковь православная 1; ярмарокъ 2, базаръ; заводовъ 6». Если подобныя мѣста (а ихъ много во всѣхъ великорусскихъ губерніяхъ *) не относятся къ числу городскихъ поселеній, то, безъ сомнѣнія, эти сотни малолюдныхъ мѣстечекъ западнаго края относятся къ нимъ еще меньше. Во всякомъ случаѣ, этотъ отдѣлъ Временника весьма неудовлетворителенъ, а еслибы онъ былъ составленъ хорошо, то онъ не лишенъ бы былъ большого значенія. При этомъ бросается въ глаза еще одна особенность, которую пріятнѣе было бы не видѣть на страницахъ Временника. Всѣ мѣстечки западнаго края имѣютъ обыкновенно два названія: однимъ называютъ его мѣстные жители крестьяне, русскіе, другимъ — помѣщики-поляки. И въ прежнее время, когда страна была подъ польскимъ владычествомъ или только подъ владычествомъ польскихъ чиновниковъ, названіе всѣхъ мѣстностей края писалось на польскій ладъ. Такъ и слѣдуетъ въ интересѣ польскаго дѣла. Но когда край очищается мало-по-малу отъ поляковъ, когда ему правительство старается дать и наружность русской страны, когда всѣ вывѣски пишутся порусски, и въ городахъ западнаго края запрещено говорить публично попольски, тогда кажется очень страннымъ, что въ русскомъ изданіи министерства внутреннихъ дѣлъ всѣ собственныя имена западнаго края пишутся на польскій ладъ. А это правило Временника почти не имѣетъ исключенія. Такъ удержаны всѣ польскія окончанія на *зна*, напримѣръ, Бытковщизна, Жарковщизна, Михаловщизна. Всѣ эти имена мѣстнымъ русскимъ населеніемъ произносятся безъ з, напримѣръ, Михаловщина и т. п. Подобнымъ образомъ удержаны польскія смягченія звуковъ д и р, посредствомъ з и ж, напримѣръ, Поржечь, вмѣсто Порѣчье, Подбр-

---

* Въ Землѣ Войска Донскаго къ городскимъ поселеніямъ отнесенъ только г. Новочеркасскъ, а богатыя торговлею станицы исключены изъ ихъ числа.

жезъ, вм. Подберезье, Лебедзевъ, вм. Лебедевъ и т. п. И этакихъ именъ множество. И только этотъ одинъ фактъ, писанье собственныхъ именъ западнаго края на польскій ладъ, можетъ подать отличный поводъ пану Духинскому или Анри-Мартену развить нѣсколько краснорѣчивыхъ страницъ о незаконности русскихъ притязаній на западныя губерніи. Судя по всему, и въ административной дѣятельности это исправленіе собственныхъ именъ на русскій ладъ, сообразно съ употребленіемъ большинства мѣстныхъ жителей, еще не сдѣлано. Въ такомъ случаѣ мы очень желали бы, чтобы эти строчки удостоились вниманія тѣхъ, отъ кого это дѣло зависитъ.

Изъ слѣдующихъ таблицъ Временника достойна вниманія таблица разнаго рода угодій въ Европейской Россіи.

Изъ 425 мильйоновъ десятинъ въ Европейской Россіи Временникъ насчитываетъ 88 мильйоновъ пахатной, 52 мильйона сѣнокосу, 172 мильйона лѣсу и 112 мильйоновъ усадебной, выгонной и проч.

Но редакція совсѣмъ отказалась представить свои цифры касательно земледѣльческой промышлености въ Россіи, основываясь на томъ, что въ этихъ цифрахъ она не нашла «гарантій даже приблизительной точности». Это немного странно послѣ того, какъ редакція не отказалась привести цифру раскольниковъ, недостигающую, по ея мнѣнію, и десятой доли дѣйствительнаго ихъ числа. Во всякомъ случаѣ, редакція имѣла хоть какія нибудь данныя, на основаніи которыхъ она и выработала-было земледѣльческую статистику государства, и уже потомъ отказалась подѣлиться ею съ публикою. По нашему мнѣнію, редакція поступила бы гораздо основательнѣе, еслибы представила и свои цифры, и данныя, которыми она пользовалась, и свои соображенія, заставившія ее принять тѣ, а не другія цифры. Нечего и говорить о томъ, какое важное значеніе имѣетъ земледѣльческая статистика, особенно у насъ, въ Россіи; и вотъ этой первостепенной отрасли статистики читатель совсѣмъ не находитъ въ офиціальномъ Временникѣ послѣ того, какъ уже нѣсколько лѣтъ прежде частныя лица покушались не безъ успѣха опредѣлять цифры земледѣльческаго производства Россіи. По крайней-мѣрѣ, пусть редакція Временника привела бы съ своею критикою цифры, составленныя Тенгоборскимъ; и въ такомъ случаѣ она, навѣрное, заинтересовала бы своихъ читателей, а можетъ быть, и сообщила бы имъ приблизительно вѣрныя цифры земледѣльческаго производства. Или, наконецъ, пусть редакція представила бы хоть отрывочныя свѣдѣнія, на основаніи только тѣхъ

данныхъ, которыя у нея были подъ рукою, и тогда читатели имѣли бы хоть какую нибудь возможность составить для самихъ себя понятіе о такомъ важномъ предметѣ, какъ земледѣльческая статистика государства. Теперь же читатель, неимѣющій другихъ источниковъ, не можетъ имѣть понятія ни о количествѣ зерновыхъ хлѣбовъ, плодовъ и овощей, ни о произведеніяхъ, доставляющихъ волокно (ленъ, пенька), ни о красильныхъ веществахъ, добываемыхъ на югѣ Россіи, ни о количествѣ вина и т. д.

Кромѣ того, Временникъ совершенно упустилъ изъ виду произведенія лѣсовъ, доставляющія средства къ жизни значительной массѣ людей въ Сѣверной и западной Россіи, равно произведенія звѣропромышленности и рыбной ловли, которыя играютъ столь важную роль въ народномъ хозяйствѣ нѣкоторыхъ мѣстностей. Это дѣлаетъ весьма важный пробѣлъ въ статистикѣ, представляемой Временникомъ.

Свѣдѣнія, представляемыя Временникомъ относительно другихъ родовъ промышленности, большею частію не лишены достоинствъ ни по содержанію, ни по полнотѣ и системѣ. Мы познакомимъ съ ними нашихъ читателей, несмотря на то, что въ числѣ этихъ свѣдѣній есть такія, которыя отчасти и прежде были извѣстны публикѣ.

Прежде всего Временникъ представляетъ свѣдѣнія о добычѣ металловъ и минераловъ; вотъ цифры касательно этого предмета за 1863 годъ:

Золота добыто въ этомъ году 1,459 пуд., серебра—1,078 пуд., мѣди — 286,000 пуд., чугуна — 17.500,000 пуд., желѣза — 10.300,000, уклада и стали — 118,000 пуд., соли — 30.000,000 пуд., каменнаго угля—9.000,000 и нефти—580,000 пуд. Замѣчательно, что добыча металловъ, и особенно золота, въ послѣдніе годы упадаетъ.

Производства, обложенныя акцизомъ, представляютъ наибольшія удобства для составленія статистическихъ свѣдѣній, которыя относительно этихъ производствъ и отличаются полнотою.

Спирта выкурено въ Европейской Россіи въ два полугодія 1863 и 1864 годовъ — 26.000,000 ведеръ, на что употреблено 63.000,000 (?) муки, 4.700,000 (?) солода и 17,000 (?) * карто-

* Редакція Временника не говоритъ, къ какимъ мѣрамъ относятся эти цифры, предоставляя это сообразительности читателей. Вѣроятно, въ двухъ пер-

феля. Наибольшее количество выкуреннаго спирта падаетъ на губерніи: Харьковскую (1.500,000 ведеръ), Подольскую (1.300,000), Черниговскую и Воронежскую (1.200,000), Саратовскую и Пензенскую (1.100,000), и Кіевскую (1.000,000). Наименьшее количество спирта въ губерніяхъ: Астраханской (0), Архангельской 1,000 ведеръ), и Олонецкой (3,000).

Пива въ 1863—1864 году сварено 7.000,000 ведеръ, съ чего заплачено акцизу 1.000,000 руб.; меду сварено 200,000 ведеръ, заплачено акцизу 29,000 руб.

Сахарнаго песку добыто изъ свекловицы 3.333,000 пудовъ. Больше третьей части этого количества, 1.300,000 пудовъ, приходится на одну Кіевскую губернію; затѣмъ слѣдуютъ другія губерніи черноземной полосы: Подольская, Харьковская и Черниговская; эти три губерніи доставляютъ также болѣе мильйона пудовъ песку, то-есть другую треть, такъ что на всѣ остальныя губерніи остается не болѣе одной трети.

Табачныя фабрики существуютъ почти во всѣхъ губерніяхъ и доставили въ казну акцизной пошлины въ 1864 году 3.600,000 рублей, изъ нихъ одна Петербургская губернія 1.300;000 руб., Московская 600,000, Херсонская (Одесса) 400,000, и Лифляндская 280,000 рублей.

Изъ фабрикъ и заводовъ, необложенныхъ акцизомъ, которыхъ общее число для Европейской Россіи 11,800, наибольшее число принадлежитъ губерніи Московской (1,020); затѣмъ слѣдуетъ Нижегородская (600), Архангельская (570) и Петербургская (560); Владимірская занимаетъ только десятое мѣсто и имѣетъ 320 фабрикъ и заводовъ.

Но сумма производства и количество рабочихъ не слѣдуютъ тому же порядку. По суммѣ производства первое мѣсто занимаетъ губернія Петербургская (57.000,000 руб.), потомъ слѣдуютъ: Московская (55.000,000), Владимірская (25.000,000), Тверская (6.000,000); Архангельская производитъ только на 700,000 руб. Такое несоотвѣтствіе между числомъ фабрикъ и заводовъ съ одной стороны и суммою производства съ другой объясняется, главнымъ образомъ, предметами производства. Ме-

---

выхъ случаяхъ нужно разумѣть пуды, а въ послѣднемъ четверти. Такой пропускъ редакціи тѣмъ болѣе страненъ, что ее совсѣмъ нельзя обвинить въ невниманіи къ производствамъ, обложеннымъ акцизомъ.

жду петербургскими фабриками и заводами преобладаютъ: сахорорафинадные (13.000,000), металическіе (11.000,000), хлопчатобумажные (10.000,000); всѣ такіе заводы и фабрики доставляютъ произведенія весьма цѣнныя, сравнительно съ своимъ объемомъ, и притомъ такія, которыя будучи производимы на большихъ заводахъ, дѣлаютъ значительную экономію въ средствахъ производства. Съ другой стороны на подобныхъ заводахъ разница между цѣною сырого матеріала и фабриката не довольно значительна; цѣнность, прибавляемая къ сырому матеріалу фабрикою и заводомъ вслѣдствіе обработки, невелика. Между тѣмъ, напримѣръ, въ Архангельской губерніи преобладающія промышленныя заведенія — кожевенные заводы, которые допускаютъ самые незначительные размѣры, или мукомольные, крупорушные и солодовенные заводы, которые допускаютъ размѣры еще меньшіе. Подобнымъ образомъ объясняется и разница въ числѣ фабричныхъ рабочихъ; въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаетъ губернія Московская (75,000), потомъ слѣдуютъ: Владимірская (51,000), Петербургская (37,000), Нижегородская (14,000) и т. д. Въ Московской губерніи первое мѣсто занимаютъ фабрики, обработывающія шерсть (16.000,000); затѣмъ слѣдуютъ: набивныя, обработывающія хлопчатую бумагу, прядильныя и ткацкія и т. д. Вообще тканье, крашенье и набивка производятся съ очень незначительною помощью машинъ, а требуютъ рабочихъ рукъ; тѣмъ же объясняется и большое количество рабочихъ въ губерніи Владимірской, гдѣ преобладающее производство есть приготовленіе хлопчато-бумажныхъ матерій, и въ Новгородской, гдѣ двѣ трети производства состоятъ изъ металлическихъ издѣлій, обработываемыхъ почти безъ помощи машинъ.

Общую сумму всего производства на фабрикахъ и заводахъ, необложенныхъ акцизомъ, Временникъ опредѣляетъ въ 247.000,000 рублей; изъ нихъ хлопчатобумажныя фабрики производятъ на 39 мил., шерстяныя—37 мил., металлическія—28 мил., сахарорафинадные заводы—22 мил., сальные 20 мил., кожевенные на 17 мил. Въ этой цифрѣ заключается, очевидно, только производство частныхъ фабрикъ и заводовъ, казенные сюда не вошли, а ихъ дѣятельность и производство не менѣе достойны вниманія, въ особенности въ послѣднее время, когда недавнія изобрѣтенія въ военномъ и морскомъ дѣлѣ вызвали весьма усиленную дѣятельность на заводахъ министерствъ военнаго и морского.

И касательно частныхъ фабрикъ и заводовъ цифры производства не отличаются даже приблизительною достовѣрностью, что, впрочемъ, признаетъ и редакція Временника, и что, однако, не

мѣшало ей привести эти цифры въ строгомъ систематическомъ порядкѣ. Мы говоримъ это потому, что никакъ не можемъ забыть того, что редакція не потрудилась составить земледѣльческую статистику Россіи, оправдываясь тѣмъ, что въ этой статистикѣ не было бы никакой гарантіи, даже для приблизительной вѣрности. Какъ будто только въ одномъ этомъ отдѣлѣ нѣтъ гарантій для приблизительной вѣрности цифръ!

Вотъ для образчика приблизительная вѣрность цифръ, относящихся къ фабричной промышлености.

Въ Петербургѣ сумма экипажнаго производства показана въ 190,000 рублей. Въ Петербургѣ существуетъ нѣсколько десятковъ экипажныхъ заведеній во всѣхъ концахъ города, они приготовляютъ произведенія весьма цѣнныя, и всѣ они производятъ только на 190,000 рубл. Въ Петербургѣ однихъ лѣтнихъ извощичьихъ экипажей 12 или 13,000 (по числу нумеровъ), да столько же зимнихъ, и того 25,000; если предположить только половину этого числа для экипажей частныхъ людей, то мы будемъ имѣть 37,000 экипажей; одна починка ихъ въ годъ будетъ стоить не менѣе 190,000 рублей, около 5 рублей на каждый. Или вотъ еще примѣръ: городъ Тула доставляетъ свои металлическія произведенія на всю Россію отъ Царства Польскаго до Амура; они идутъ даже за границу; приготовленіемъ ихъ занятъ почти цѣлый городъ, имѣющій 56,000 жителей, и всѣ эти произведенія оцѣниваются только въ 700,000 рублей. Да при этой цѣнѣ произведеній $^9/_{10}$ города умерли бы съ голоду!

Общую цифру фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ въ Европейской Россіи Временникъ опредѣляетъ въ 357,000 человѣкъ.*

Въ Азіатской Россіи, въ Сибири и на Кавказѣ число фабрикъ

---

* Въ опредѣленіи количества фабричныхъ произведеній и рабочихъ на фабрикахъ въ Россіи нужно беречься слѣдующей ошибки. Многія произведенія, которыя заграницею производятся на фабрикахъ, въ Россіи производятся въ домахъ сельскимъ населеніемъ. Такъ почти весь простой народъ у насъ одѣвается въ полотно и сукно собственнаго издѣлія, употребляетъ обувь собственнаго издѣлія, и, кромѣ того, почти всѣ предметы его домашняго обихода, всѣ его орудія производятся имъ же самимъ или вообще сельскими жителями въ ихъ деревенскихъ мастерскихъ, которыя никѣмъ не считаются за фабрики и заводы. Но количество всѣхъ этихъ произведеній, всего, что служитъ для одежды, обуви и вообще домашняго обихода, что служитъ для обработки земли—должно быть громадно въ такомъ государствѣ, какъ Россія. Еслибы все это приготовлялось на фабрикахъ и заводахъ, какъ напримѣръ, въ Англіи, то число ихъ было бы у насъ несравненно больше. И въ этомъ случаѣ преимущество находится не на сторонѣ Англіи, а на сторонѣ Россіи. Наши сельскіе жители производятъ всѣ упомянутые предметы большею частію во время, свободное отъ полевыхъ занятій, которое такимъ образомъ не пропадаетъ даромъ; это, между прочимъ, чрезвычайно сокращаетъ цѣну всѣхъ такихъ предметовъ.

и заводовъ 1,200, число рабочихъ 5,700, сумма производства 4 мил. руб.; наиболѣе важные заводы кожевенные и сальные; другія отрасли заводской промышленности совершенно ничтожны.

Слѣдующія затѣмъ цифры Временника относятся къ внутреннему судоходству имперіи; онѣ отчасти восполняютъ отсутствіе въ Временникѣ земледѣльческой статистики.

Общее количество всѣхъ товаровъ, грузившихся отъ 1859 до 1862 г., среднимъ числомъ простирается до 372.000,000 пудовъ, цѣною въ 167.000,000 рубл. Изъ нихъ первое мѣсто по цѣнѣ занимаетъ хлѣбъ и спиртъ, которыхъ грузилось на 57.000,000; затѣмъ слѣдуютъ металлы и металлическія произведенія (16 мил), масло коровье, сало, свѣчи, мыло (12 мил.), лѣсныя издѣлія (10 мил.), масло конопляное и вообще растительное (5 мил.), пенька и ленъ (5 мил.) и т. д.

Наибольшее количество товаровъ грузилось по системѣ Волги, 170.000,000 пудовъ (собственно по Волгѣ 105 мил., по Окѣ 34 мил. и по Камѣ 29 мил.). Затѣмъ слѣдуетъ система Невы, на которой грузилось 145 мил. пудовъ, потомъ система Днѣпра (20 мил.), система Дона (10 мил.), Зап. Двины (8 мил.), Сѣв. Двины (7 мил.) и т. д.

Но по цѣнности отпускаемыхъ товаровъ относительное значеніе разныхъ системъ является совершенно въ другомъ видѣ. Первое мѣсто занимаетъ опять система Волги, на которой грузилось товаровъ на 123 мил., второе мѣсто занимаетъ, какъ и по количеству товаровъ, система Невы; но цѣна товаровъ, грузимыхъ на системѣ Невы, почти въ десять разъ меньше цѣны товаровъ, грузимыхъ на системѣ Волги; она простирается только до 13 мил.; фактъ этотъ объясняется тѣмъ, что на системѣ Невы главную массу грузимыхъ произведеній составляютъ строительные матеріалы минеральнаго царства (песокъ, глина, камень, кирпичъ), лѣсныя издѣлія, сѣно; эти произведенія, при большомъ объемѣ, имѣютъ цѣну сравнительно весьма незначительную. Поэтому было бы весьма большою ошибкою, еслибы кто нибудь сталъ дѣйствительное значеніе Волги и Невы опредѣлять количествомъ грузимыхъ на нихъ произведеній; конечно, относительно доставки произведеній, повидимому, имѣетъ значеніе только вѣсъ произведеній, а не ихъ цѣна: пути сообщенія вообще имѣютъ назначеніемъ превозмогать силу инерціи каждаго предмета, которая пропорціональна вѣсу. Стало быть, тутъ какъ будто никакого дѣла нѣтъ до цѣнъ произведеній; но болѣе или менѣе значительная цѣна произведеній позволяетъ отправлять ихъ на болѣе или менѣе значительное разстояніе. Произведенія, отправляемыя

въ наибольшемъ количествѣ съ береговъ Невы и ея притоковъ, при своей низкой цѣнѣ, потому и способны вынести издержки судоходства, что они отправляются на очень небольшое разстояніе. Еще лѣсныя произведенія могутъ доставляться въ Петербургъ съ Сяси, Волхова, Мсты и даже Ковжи съ притоками, но песокъ, глина, известь, кирпичъ идутъ почти исключительно съ береговъ Ладожскаго канала и Невы и ея ближайшихъ къ Петербургу притоковъ, Ижоры, Тосны и пр.; болѣе далекой доставки цѣна этихъ произведеній не могла бы вынести. Такимъ образомъ услуга, оказываемая русской промышлености Невою, заключается въ возможности транспортированія произведеній ея басейна большею частію только на нѣсколько десятковъ верстъ. Нева имѣетъ другое значеніе, какъ путь, которымъ произведенія береговъ Волги и ея притоковъ доставляются къ Петербургу для потребленія его жителей и для отправки заграницу; и безспорно, по ней пройдетъ несравненно большее количество грузовъ, чѣмъ па Волгѣ; но это значеніе ея не необходимое; этимъ значеніемъ она обязана частію тому, что при устьѣ ея административнымъ путемъ возникла столица русскаго государства, а частію тому, что Волга, вслѣдствіе этого же, только съ ея притоками соединена каналами. И эта вторая услуга, доставляемая Невою для сбыта произведеній, есть въ сущности не что иное, какъ удлиненіе пути и увеличеніе издержекъ доставки произведеній. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибы Петербургъ находился ближе къ мѣсту производства необходимыхъ жизненныхъ припасовъ, потребляемыхъ имъ, или другими словами, еслибы Нева со всѣми ея притоками, какъ Волховъ, Мста, Ловать, съ другой стороны Свирь, Вытегра, Водла, Сясь, Вокса, орошала страны плодородныя, то не таково было бы положеніе дѣлъ въ русской столицѣ; она не представляла бы наиболѣе дорогой изъ столицъ Европы, въ ней развилась бы и промышленость всякаго рода, и гораздо въ сильнѣйшей степени, чѣмъ теперь; въ ней увеличилось бы и народонаселеніе до гораздо большей цифры, чѣмъ нынѣшняя. Теперь всему этому препятствуетъ дороговизна предметовъ первой необходимости, вслѣдствіе чего народонаселеніе Петербурга почти остановилось въ движеніи впередъ; «Статистическій Временникъ» показываетъ въ немъ только 539,000 жителей — цифра, около которой давно уже стоитъ населеніе нашей сѣверной столицы. Между тѣмъ населеніе столицъ другихъ первоклассныхъ государствъ увеличивается весьма чувствительнымъ образомъ; не говоря уже о Парижѣ и Лондонѣ, которыхъ населеніе достигло ужасающихъ размѣровъ, Берлинъ и Вѣна уже переросли нашу сѣверную Пальмиру; въ нихъ народонаселеніе за послѣдніе 20 лѣтъ

почти удвоилось, въ то время какъ въ Петербургѣ оно стоитъ почти на одной точкѣ.

Послѣ системы Невы по стоимости грузимыхъ товаровъ слѣдуютъ системы Днѣпра, Западной Двины, Сѣверной Двины и Дона (6, 5 и 4 мил.). Небольшая стоимость товаровъ, грузимыхъ на системѣ Дона, объясняется тѣмъ, что на пристаняхъ его и его притоковъ хлѣбъ, главный предметъ отпуска, имѣетъ цѣну незначительную. Такъ по системѣ Сѣверной Двины грузится хлѣба и спирта почти вдвое менѣе, чѣмъ по системѣ Дона (3,800 пуд. и 6,900 пуд.). Между тѣмъ стоимость того и другаго количества почти ровна (2,020 т. р. и 2,600 т.), т.-е. хлѣбъ почти вдвое менѣе цѣнится на Дону, чѣмъ на Сѣверной Двинѣ.

Временникъ представляетъ кромѣ того подробный списокъ и количество разныхъ предметовъ производства, грузившихся въ разныхъ губерніяхъ. Конечно, не всегда въ данной губерніи грузятся предметы ея собственнаго производства, но это различеніе относится собственно къ административному дѣленію. Въ дѣйствительности можно сказать, что каждая пристань и каждая губернія грузятъ произведенія своей окрестной, недалеко лежащей страны. Такъ Самарская губернія грузитъ отчасти произведенія земли Войска Уральскаго, но обѣ эти административныя единицы, вопервыхъ, смежны между собою, слѣдовательно представляютъ въ сущности одну страну, и вовторыхъ, таковы же онѣ, то-есть совершенно одинаковы, и по физическимъ условіямъ; впрочемъ, большею частію каждая губернія грузитъ свои собственныя произведенія, исключенія очень рѣдки; они существуютъ тамъ, гдѣ существуетъ значительный подвозъ товаровъ гужомъ изъ далекаго разстоянія. Такой именно случай представляетъ Смоленская губернія, которая на своихъ пристаняхъ, по системѣ Западной Двины и Волги, грузитъ большею частію произведенія, доставляемыя изъ губерній Калужской и Орловской, между прочимъ, черезъ Сухиничи. То же самое происходитъ въ губерніи Нижегородской, которая по цѣнѣ грузимыхъ товаровъ занимаетъ первое мѣсто (на 25 мил.), но эти товары не составляютъ произведенія губерніи, а доставляются въ Нижній на ярмарку, и отсюда, будучи распроданы, водою доставляются въ губерніи, лежащія по системѣ Волги.

Послѣ Нижегородской слѣдуетъ губернія Самарская, которая грузитъ на своихъ пристаняхъ товаровъ на 17 мил. руб. (главнымъ образомъ хлѣбъ, и въ значительной долѣ соль). Дальше губернія Пермская, 15 мил. (металлы, чай, сало, соль), Казанская, 9 мил. Изъ другихъ губерній замѣтимъ Астраханскую, которая отправляетъ произведеній рыболовства почти на 3 мил.

Изъ отдѣльныхъ пристаней всего болѣе—не грузилось, а перегружалось товаровъ на пристани рыбинской (29 мил.); потомъ слѣдуетъ пристань нижегородская (23 м., также главнымъ образомъ перегрузка), потомъ самарская (8 мил.) и т. д.

Всѣ эти данныя, представляемыя Временникомъ, частію восполняютъ недостатокъ статистики сельско-хозяйственныхъ произведеній, частію имѣютъ въ виду содѣйствовать опредѣленію величины внутренней торговли государства, которая обыкновенно всего труднѣе поддается статистическимъ наблюденіямъ и вычисленіямъ. Къ этой же послѣдней цѣли имѣетъ прямое отношеніе и представляемая вслѣдъ за тѣмъ статистика эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Къ сожалѣнію, данныя эти не очень полны; вопервыхъ, количество пассажировъ опредѣлено только для двухъ дорогъ, николаевской и волжско-донской; вовторыхъ, относительно нѣкоторыхъ дорогъ не представлено никакихъ свѣдѣній (московско-рязанская, царскосельская, петергофская, грушевская, одесско-балтская); потомъ не показана ни для одной дороги цифра доходовъ и ихъ отношеніе къ стоимости дороги; читателю остается упражнять свои соображенія надъ пудами клади, провезенной по желѣзнымъ дорогамъ. Да и тутъ еще редакція ставитъ передъ нимъ камни преткновенія, потому что какъ прежде въ главѣ о производствѣ сахару, такъ и здѣсь она не обозначаетъ надъ графами, къ чему, къ какой мѣрѣ относятся цифры, содержащіяся въ нихъ. Но читателю нетрудно было бы и самому найтись въ этомъ случаѣ, еслибы, по крайней-мѣрѣ, въ однѣхъ и тѣхъ же графахъ содержались предметы, измѣряемые одною мѣрою. А этого-то и нѣтъ; такъ въ таблицѣ, представляющей движеніе грузовъ по николаевской дорогѣ, въ одной графѣ поставлены: скотъ, лошади (которыя почему-то выдѣляются изъ понятія скота), рыба, кожи, мѣха, масло, хлѣбъ и т. п.; и всѣ эти предметы обозначаются цифрами безъ именованія мѣры, которую нужно разумѣть. Сказано, что лошадей отправлено изъ Петербурга 612, скота — 340, чаю — 6,000, масла — 314,000; а чего? Это предоставляется соображенію читателя. Безъ сомнѣнія, лошади и *скотъ* считаются штуками, а не пудами, потому что еще примѣра не было, чтобы скотъ вѣсили на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, а чай, масло хлѣбъ, очевидно, считаются пудами, какъ и другіе товары, отправляемые по желѣзнымъ дорогамъ. Читатель могъ бы удовлетвориться этими соображеніями, еслибы въ концѣ графы всѣ цифры не были сложены; изъ чего нужно заключить, что и скотъ и прочіе товары измѣряются одною мѣрою, потому что нельзя же складывать величины разнородныя. Но этому противорѣчитъ то, что скотъ на станціяхъ

желѣзныхъ дорогъ никогда не вѣсятъ, такъ что читатель затрудняется понять мысль редакціи Временника.

Попробуемъ, однако, извлечь что нибудь изъ цифръ, представляемыхъ Временникомъ касательно желѣзныхъ дорогъ.

По николаевской дорогѣ, имѣющей протяженія только 600 верстъ, въ 1863 г. было перевезено 28.000,000 пудовъ разныхъ товаровъ; а по петербургско-варшавской дорогѣ съ вѣтвью отъ Вильны до Вержболова, на протяженіи 1,200 верстъ, въ томъ же году перевезено товаровъ только 16.000,000, то-есть на николаевской дорогѣ на каждую версту постройки приходится 45,000 пудовъ клади, а на петербургско-варшавской только 13,000 пудовъ, почти вчетверо меньше. Между тѣмъ, даже на московско-нижегородской дорогѣ, оконченной уже послѣ петербургско-варшавской, въ томъ же году перевезено товаровъ 14.000,000, что́ составляетъ 35,000 на каждую изъ 400 верстъ этой дороги. Такимъ образомъ, самая большая изъ русскихъ дорогъ, очевидно, работаетъ по крайней-мѣрѣ безъ большой выгоды; а если взять во вниманіе то, что и другія-то наши дороги работаютъ не съ особенною выгодою, то окажется, что петербургско-варшавская желѣзная дорога работаетъ совсѣмъ въ убытокъ. И въ этомъ фактѣ, въ не-экономическомъ употребленіи денегъ на эту дорогу, равно какъ и на николаевскую, которая была строена слишкомъ на роскошную ногу, нужно искать объясненія того, что постройка желѣзныхъ дорогъ до сихъ поръ шла у насъ очень тихо. И что касается до петербургско-варшавской желѣзной дороги, повидимому—судьба ея въ недалекомъ будущемъ грозитъ еще ухудшиться, такъ что, быть можетъ, она съ трудомъ будетъ покрывать издержки эксплуатаціи, потому что теперь все-таки волею-неволею почти вся Россія по этой дорогѣ ѣздитъ за границу и въ Царство Польское, по этой дорогѣ производятся всѣ правительственныя сношенія, передвигается войско, привозится изъ-за границы значительная масса товаровъ, потребляемыхъ не въ Петербургѣ, а внутри Россіи; все это еще поддерживаетъ сборы на петербургско-варшавской дорогѣ. Но когда окончены будутъ уже начатыя линіи отъ Москвы на югъ, и когда въ то же время Витебскъ соединится съ Орломъ, а можетъ быть, кромѣ того, Москва гораздо прямѣе соединится съ Витебскомъ черезъ Смоленскъ, тогда бо̀льшая часть пассажировъ и товаровъ съ петербургско-варшавской дороги перейдетъ на эти болѣе прямыя дороги. Трудно исчислить вредъ, который причиняется непроизводительнымъ употребленіемъ народныхъ капиталовъ. Еслибы капиталы, истраченные на петербургско-варшавскую дорогу, были приложены къ другимъ мѣстностямъ, еслибы, напримѣръ, были построены дороги, соединяю-

щія внутреннюю Россію съ портами Чернаго и Балтійскаго морей, то, безъ сомнѣнія, мы не находились бы до сихъ поръ въ безнадежномъ денежномъ кризисѣ, общее благосостояніе всѣхъ сословій такъ не страдало бы, какъ оно страдаетъ теперь.

Внутренняя торговля въ значительной степени опредѣляется количествомъ ярмарокъ и суммою товаровъ, продаваемыхъ на нихъ. Но при этомъ нужно имѣть много осторожности и вниманія къ другимъ обстоятельствамъ. Безъ сомнѣнія, внутренняя торговля губерніи Полтавской значительнѣе, нежели внутренняя торговля губерніи Витебской, потому что въ Полтавской губерніи одна ярмарочная торговля достигаетъ 23 мильйоновъ рублей, тогда какъ въ Витебской она простирается только до нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей; но и ярмарочная торговля Московской губерніи не достигаетъ даже до полумильйона рублей; между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что внутренняя торговля Московской губерніи далеко превосходитъ внутреннюю торговлю губерніи Полтавской. Городъ Москва, равно какъ и другіе большіе города, въ этомъ отношеніи должны быть разсматриваемы, какъ постоянныя, круглый годъ продолжающіяся ярмарки. Что происходитъ на Нижегородской ярмаркѣ впродолженіе одного мѣсяца, то въ Москвѣ дѣлается круглый годъ. И совершенно понятно, что поэтому, самыя большія ярмарки и не могутъ существовать вблизи такихъ большихъ центровъ торговли, какъ Петербургъ или Москва; дѣйствительно, наши самыя большія ярмарки находятся всѣ на востокѣ или на югѣ, и именно тамъ, гдѣ произведенія мануфактуръ встрѣчаются съ произведеніями близь лежащихъ странъ или произведеніями, направляющимися черезъ эти самые пункты съ окраинъ государства и даже изъ заграницы къ центру его. Такъ въ Нижнемъ-Новгородѣ встрѣчаются мануфактурныя произведенія всей Россіи и даже Западной Европы съ волжскимъ хлѣбомъ и рыбою, уральскими металлами, сибирскими мѣхами, китайскимъ чаемъ, бухарскою хлопчатою бумагою и т. п. Почти тѣ же самыя произведенія встрѣчаются въ Ирбити; на югѣ значительную роль играютъ мѣстныя произведенія скотоводства, преимущественно шерсть и т. д.

Первою ярмаркою, далеко превосходящею своими цифрами оборотовъ всѣ другія ярмарки, продолжаетъ оставаться нижегородская, на которой продажа товаровъ достигаетъ до 90 мильйоновъ р. с. Затѣмъ слѣдуютъ: ирбитская (35 мил.), четыре ярмарки въ Харьковѣ (22 мил.), полтавская (16 мил.), Коренная (5 мил.), мензелинская (4 мил.), симбирская, урюпинская, ростовская (на Дону) по 3 мил., кролевецкая, роменская, ивановская (въ Пермской губерніи) 2—3 мил.

Гораздо болѣе правильнымъ средствомъ для опредѣленія развитія торговли можетъ служить слѣдующая очень важная таблица, представляемая Временникомъ, въ которой приводятся цифры купеческихъ свидѣтельствъ и билетовъ по разнымъ губерніямъ.

Вслѣдствіе недавняго преобразованія, наше торговое сословіе раздѣляется на двѣ купеческія гильдіи и на нѣсколько классовъ мелочныхъ торговцевъ. Лица, принадлежащія къ этимъ категоріямъ, обязаны брать свидѣтельства на право торговли по 1-й, 2-й гильдіи *), и по мелочному торгу; кромѣ того они обязаны брать непремѣнно по одному билету на каждое купеческое свидѣтельство и въ случаѣ, если имѣютъ не одно, а нѣсколько торговыхъ заведеній, то еще добавочные билеты, такъ что число свидѣтельствъ выражаетъ количество капиталовъ, а число билетовъ выражаетъ количество отдѣльныхъ торговыхъ заведеній.

Всѣхъ свидѣтельствъ 1-й гильдіи въ имперіи 2,900; изъ нихъ Московская губернія имѣетъ 569, Петербургская 481, Лифляндская 253, Херсонская 95, Владимірская 93 и т. д. Свидѣтельствъ 2-й гильдіи во всей имперіи 66,000; изъ нихъ наибольшее число падаетъ также на Московскую губ. (7,000); потомъ слѣдуютъ губерніи: Петербургская (5,000), Херсонская (2,500), Вологодская (2,100), Орловская (2,000), Владимірская и Тверская (по 1,800) и т. д.

Свидѣтельствъ на мелочной торгъ въ имперіи 131,000, бо̀льшая часть въ губерніи Московской (7,000), Петербургской (5,000) и т. д.

Число билетовъ купеческихъ въ имперіи по 1-й гильдіи 6,600, по 2-й 85,000 и по мелочному торгу 96,000. Относительно билетовъ Московская губернія опять занимаетъ первое мѣсто (1,200 1-й гил., 9,300 2-й гил. и 6,900 мел. торга); потомъ слѣдуютъ Петербургская (800 1-й гил., 7,700 2-й гил. и 4,000 мел. торга), Херсонская (300 1-й гил., 3,900 2-й гил. и 2,100 мелочн. торга).

Эти общія суммы торговыхъ свидѣтельствъ и билетовъ, безъ сомнѣнія, вѣрно представляютъ количество капиталовъ и торговыхъ заведеній въ имперіи, и еслибы мы могли опредѣлить среднюю величину капитала, употребляемаго на каждое заведеніе, то могли бы найти цифру всѣхъ капиталовъ въ Россіи, употребленныхъ на торговлю. Но при теперешнихъ нашихъ средствахъ подобная цифра будетъ болѣе гадательною, чѣмъ дѣй-

*) Свидѣтельство 1-й гильдіи стоитъ 264 руб., а свидѣтельство 2-й гильдіи отъ 25—65. Билеты 1-й гил. 10—30, билеты 2-й гил. 5—20.

ствительною. Впрочемъ, можно думать, что относительное обиліе капиталовъ, употребленныхъ на торговлю въ разныхъ губерніяхъ, довольно близко выражается цифрами торговыхъ свидѣтельствъ и билетовъ для каждой изъ нихъ.

Свѣдѣнія о количествѣ торговыхъ свидѣтельствъ и билетовъ такъ важны, что желательно было бы, чтобы на будущее время Временникъ представилъ ихъ въ болѣе подробномъ видѣ, чтобы они были обозначены не по губерніямъ только, а по городамъ и даже по посадамъ и мѣстечкамъ, гдѣ живутъ торговые люди. Черезъ это читатели имѣли бы возможность отличать, относительно богатства, такіе же уѣздные города, какъ Елецъ и Козловъ отъ Судогды или Черни.

Свѣдѣнія, представляемыя Временникомъ о городскихъ общественныхъ банкахъ, весьма недостаточны; они обозначаютъ только основные капиталы банковъ и годы основанія, ничего не говоря объ операціяхъ банковъ. Свѣдѣнія объ акціонерныхъ обществахъ полнѣе; Временникъ приводитъ списокъ 135 акціонерныхъ обществъ съ обозначеніемъ года ихъ основанія, основного капитала, номинальной цѣны акцій, количества ихъ запасныхъ капиталовъ, и дѣйствительныхъ цѣнъ на биржѣ; относительно нѣкоторыхъ обществъ Временникъ представляетъ даже приходъ, расходъ и дивидендъ. Но всѣ эти свѣдѣнія почерпнуты не изъ какихъ-нибудь офиціальныхъ источниковъ, а изъ брошюры, изданной въ 1865 году г. Розенталемъ.

Напротивъ, свѣдѣнія по внѣшней торговлѣ основаны на офиціальномъ изданіи («Виды внѣшней торговли») и довольно полны. Все, что относится къ этому предмету, содержится въ девяти таблицахъ; съ содержаніемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ таблицъ мы познакомимъ нашихъ читателей.

Общія цифры внѣшней торговли приведены за 24 года (1841—1864). Въ это время сумма вывоза товаровъ возросла отъ 89.000,000 рублей до 186 мил., то-есть болѣе нежели вдвое, а сумма привоза товаровъ отъ 80 мил. до 155 мил., немного менѣе чѣмъ вдвое. Въ то же время сумма вывоза драгоцѣнныхъ металовъ отъ 4 мил. возросла до 30 мил., то-есть увеличилась въ $7^1/_2$ разъ; сумма привоза драгоцѣнныхъ металовъ упала отъ 9 до 5 мил. Впродолженіе всего этого періода, только въ первые годы сумма привоза драгоцѣнныхъ металовъ превосходила сумму вывоза; въ большинствѣ же годовъ вывозъ далеко превосходитъ привозъ. Такъ въ послѣднія 8 лѣтъ отъ 1857 до 1864 года, количество вывезенныхъ металовъ превосходитъ количество привезенныхъ на 200 мил. рублей (все количество добытаго

въ это время золота и серебра въ Россіи не достигаетъ этой цифры).

Главные предметы вывоза изъ Россіи состоятъ изъ хлѣба, котораго по европейской и азіатской границѣ въ 1864 году отпущено на 57 мил. Затѣмъ слѣдуютъ: льняныя издѣлія (на 29 мил.), сѣмя и масло льняное, конопляное, подсолнечное (на 20 мил.), шерсть овечья (на 19 мил.), сало, рыбій жиръ, стеаринъ, олеинъ (на 10 мил.), лѣсъ и рогожи (на 7 мил.), щетина и конскій волосъ (на 4 мил.), бумажныя издѣлія, вывозимыя въ Азію (4 мил.), скотъ, мясо и масло коровье (3 мил.), сукна, вывозимыя въ Азію (2 мил.). Замѣчательно малое количество вывозимаго спирта—всего на 400,000 руб. Такимъ образомъ нашъ вывозъ заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ сырые матеріалы; только въ Азію отпускается незначительное количество мануфактурныхъ издѣлій.

Статьи привоза составляются слѣдующимъ образомъ: хлопчатой бумаги привезено въ 1864 году на 35 мил. р., чаю на 14 мил., сахару на 8 мил., моделей и машинъ на 7 мил., виноградныхъ винъ на 6 мил., шелку и шелковыхъ издѣлій на 6 мил., фруктовъ и овощей на 5 мил., шерсти, шерстяныхъ издѣлій на 7 мил., красокъ на 7 мил., рыбы на 3 мил., то-есть главныя статьи привоза состоятъ въ сыромъ матеріалѣ и машинахъ для фабрикъ, въ произведеніяхъ гастрономическихъ и фабричныхъ произведеніяхъ, относящихся къ одеждѣ.

Изъ государствъ Западной Европы всего болѣе получаетъ нашихъ товаровъ Англія (на 87 мил.); она же всего болѣе и къ намъ привозитъ. Прусія, которая всего больше недовольна малымъ количествомъ покупаемыхъ у нея Россіею ея произведеній, уже и теперь продаетъ ихъ намъ на 35 мил. въ то время, какъ у насъ покупаетъ только на 24 мил.; Франція у насъ покупаетъ на 14 мил., а намъ продаетъ своихъ на 9 мил. Наши торговыя сношенія съ Соединенными Штатами весьма незначительны: отпускъ 900,000, привозъ 1 мил. Но сношенія съ Киргизскою степью, Хивою, Бухарою и Ташкентомъ достигаютъ до 6 мил. вывоза и 11 мил. привоза, что̀ дѣлаетъ важнымъ недавнее усиленіе Россіи въ Средней Азіи.

Весь отдѣлъ о промышлености Временникъ оканчиваетъ главою о количествѣ скота въ Европейской Россіи. Этой главѣ слѣдовало быть въ ряду другихъ, обозначающихъ состояніе всего вообще нашего сельскаго хозяйства; но будемъ надѣяться на будущія изданія Временника, гдѣ эта глава не будетъ стоять сиротою. Теперь она, кромѣ того, приводитъ цифры безъ всякихъ ссылокъ и объясненій. Слѣдуя ей, въ Россіи 14 мил. лошадей, 21 мил. головъ рогатаго скота, 31 мил. овецъ простыхъ, 11 мил. овецъ тонкорунныхъ,

9 мил. свиней, 1 мил. козъ, 260 тысячъ оленей и 26 тысячъ верблюдовъ.

Если эти цифры вѣрны, то отыскивая среднюю цѣну для каждой штуки скота, можно оцѣнить все богатство русскаго народа по отношенію къ скотоводству; далѣе можно бы опредѣлять ежегодныя произведенія скотоводства, то-есть то, чѣмъ и сколько народъ пользуется отъ скотоводства въ мясѣ, шерсти, кожахъ, молокѣ и произведеніяхъ изъ молока.

Подобнымъ образомъ можно исчислять и оцѣнивать и произведенія земледѣлія, рыбной и звѣриной ловли, охоты и всѣхъ вообще родовъ промышлености, исчисляя въ то же время капиталы, находящіеся во всѣхъ вообще цѣнностяхъ, въ земляхъ, постройкахъ, сырыхъ продуктахъ, монетѣ—служащихъ къ производству. Составленная такимъ образомъ статистика, вмѣстѣ съ статистикою торговли, обнимала бы всѣ вообще экономическія средства страны. Но такъ-какъ народное богатство и вообще благосостояніе зависитъ не отъ однихъ чисто-экономическихъ средствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ нравственныхъ, то статистика, обращая вниманіе только на матеріальное благосостояніе государства, не можетъ обходить безъ вниманія нравственныхъ его средствъ, которыя она наблюдаетъ главнымъ образомъ въ народномъ образованіи и въ народной нравственности; а эти два народныя качества всего прямѣе представляются статистикою учебныхъ заведеній и статистикою преступленій. Нѣтъ сомнѣнія, что число и, такъ-сказать, внѣшнія качества учебныхъ заведеній должны быть сравниваемы съ внутренними ихъ достоинствами; только въ такомъ случаѣ они могутъ представлять состояніе народнаго образованія вообще; и одна сторона, сторона официальныхъ отчетовъ, можетъ очень нерѣдко вводить въ ошибки.

«Статистическій Временникъ» не исключилъ изъ своего состава ни статистики народнаго образованія, ни статистики преступленій. Но статистика народнаго образованія въ немъ построена на идеѣ, весьма неудобной на практикѣ: вмѣсто того, чтобы естественнымъ образомъ, сообразно устройству нашей учебной части, раздѣлить обозрѣніе учебныхъ заведеній по вѣдомствамъ, Временникъ обозрѣваетъ ихъ по округамъ министерства народнаго просвѣщенія; вышла спутанность, которая, очевидно, затруднила и редакцію, и заставила ее помѣстить въ одной рубрикѣ такія заведенія, какъ духовныя академіи, фельдшерскія школы, коммерческое училище, берейторское училище, придворную пѣвческую капеллу, и академію генеральнаго штаба, и потомъ подводить итогъ такимъ образомъ собранныхъ училищъ и учащихся въ нихъ. Подобные итоги не могутъ имѣть значенія.

Мы можемъ воспользоваться во Временникѣ только слѣдующими цифрами: число народныхъ школъ возрасло до 33,638; въ нихъ учащихся 778,700 муж. п., 149,300 жен. п., всего 928,000 человѣкъ.

Принимая число сельскихъ сословій въ 49 мил., мы получимъ еще незначительное отношеніе учащихся въ народныхъ школахъ ко всему сельскому населенію, какъ 1: 53. Среднее число учащихся въ каждой школѣ оказывается въ 28 чел.

Временникъ приводитъ только число училищъ и число учащихся, оставляя безъ вниманія число учащихъ; а это число могло бы имѣть большой смыслъ, преимущественно для учебныхъ заведеній дорого стоющихъ; такъ, было бы интересно знать, есть ли въ настоящее время такія учебныя заведенія, въ которыхъ болѣе учащихъ, нежели учащихся? Прежде это было, и кажется, есть и теперь; и безъ сомнѣнія, такой или похожій фактъ служитъ яснымъ указаніемъ того, что въ организаціи этихъ учебныхъ заведеній, или въ ихъ назначеніи, есть что-нибудь, нуждающееся въ исправленіи.

Къ статистикѣ преступленій, во Временникѣ, относятся нѣсколько таблицъ, которыя всѣ оставляютъ желать больше или меньше. Вопервыхъ, во всѣхъ изъ нихъ приведены цифры безъ процентнаго сравненія; напримѣръ, приведено количество подсудимыхъ и осужденныхъ по сословіямъ и по губерніямъ, но нигдѣ не вычислено процентное отношеніе ихъ къ населенію губерній, или къ числу всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ тому или другому сословію; а безъ этого приведенныя цифры не имѣютъ почти никакого смысла. И вычисленіе это всего удобнѣе произвести именно членамъ редакціи Временника, получающимъ жалованье именно за редакцію Временника; безъ подобныхъ работъ, трудъ ихъ можетъ обратиться въ простое переписыванье, послѣ чего они должны будутъ называться офиціально не редакторами, а переписчиками. Дальше, во всей этой главѣ, страннымъ образомъ слово «обвиненный» употребляется вмѣсто «осужденный», такъ что тотъ, кто привыкъ употреблять слова въ точномъ ихъ значеніи (а такъ употреблять ихъ, безъ сомнѣнія, долженъ каждый), тотъ находится въ затрудненіи; онъ постоянно долженъ дѣлать умственную подстановку одного слова вмѣсто другого.

Изъ первой таблицы, относящейся къ статистикѣ преступленій, мы узнаемъ, что число лицъ, осужденныхъ за разныя преступленія гражданскими и военными судами въ Россіи, простиралось въ 1860 году до 79,000, въ 1861 до 87,000, въ 1862 до 92,000, въ 1863 до 104,000. Такимъ образомъ число преступленій увеличивается въ прогрессіи довольно быстрой: впродолженіе трехъ лѣтъ оно увеличилось на 32%. Разсматривая таблицу преступленій по

сословіямъ, мы видимъ, что число преступленій увеличилось почти равномѣрно во всѣхъ сословіяхъ; это доказываетъ, что увеличеніе преступленій происходитъ отъ одной общей причины, дѣйствующей на всѣ классы общества. Можетъ быть, ее нужно искать въ денежномъ кризисѣ, и вообще въ томъ переходномъ состояніи, которое мы переживаемъ.

Наибольшее число преступленій составляютъ преступленія противъ частной собственности (35,000), потомъ слѣдуютъ: преступленія противъ собственности государства (28,000), преступленія противъ личности государства (28,000) и преступленія противъ личности частныхъ лицъ (10,000, въ томъ числѣ 1,700 смертоубійствъ). (Эти цифры относятся къ 1863 г.*).

По наказаніямъ число преступленій распредѣляется слѣдующимъ образомъ. Въ 1863 году на смертную казнь осуждено 287 человѣкъ (въ 1860, 1861 по 7 чел., въ 1862 — 15 чел.); на каторжную работу 2,500 человѣкъ (въ предъидущіе три года по 1,400 чел.); на поселеніе и водвореніе 5,500; въ арестантскія роты 9,000 (предъидущіе года по 7,000 ч.); къ заключенію 15,000 (за предъидущіе года 6, 7 и 8 тыс.); къ другимъ наказаніямъ 70,000. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ категорій, напримѣръ, въ категоріяхъ смертной казни и каторжной работы, нельзя не видѣть вліянія польскаго возстанія на увеличеніе числа наказаній, но, какъ мы сейчасъ увидимъ, и независимо отъ этой причины, число преступленій по всѣмъ категоріямъ увеличилось.

Слѣдующая таблица Временника представляетъ осужденныхъ по сословіямъ, и даетъ возможность отдѣлить въ общемъ числѣ преступленій преступленія, относящіяся къ польскому возстанію.

Въ таблицѣ представлены двѣ особенныя рубрики: преступленія военныхъ, которыя возрасли отъ 6,900 въ 1860 г. до 11,500 въ 1863, и преступленія лицъ гражданскаго званія, судженныхъ военнымъ судомъ, которыя возрасли отъ 412 въ 1860 году до 4,900 въ 1863 г. Очевидно, что въ обѣ эти рубрики должны попасть всѣ осужденные за участіе въ возстаніи, были ли это военные люди или гражданскіе, потому что по дѣлу возстанія всѣ были судимы военнымъ судомъ. Это даетъ намъ возможность смотрѣть на увеличеніе преступленій по всѣмъ остальнымъ рубрикамъ, какъ на независимое отъ польскаго возстанія.

Но прежде возьмемъ на себя трудъ найти процентное отношеніе числа преступленій по сословіямъ къ числу лицъ, принадлежащихъ къ этимъ сословіямъ.

---

* Преступленія противъ личности государства въ этомъ году особенно многочисленны, благодаря польскому возстанію.

Число преступлений дворянъ въ 1863 году достигало 1,470; сравнивая это число съ общею цифрою дворянства въ Россіи 970,000, мы найдемъ отношеніе между ними 0,15%.

Число преступленій духовенства достигало до 170; сравнивая эту цифру съ числомъ духовенства 610,000, мы найдемъ отношеніе между ними 0,027%.

Отношеніе числа преступленій городскихъ сословій, 10,400, къ общему числу лицъ, принадлежащихъ къ этимъ сословіямъ (4.790,000), выражается цифрою 0,21%.

Отношеніе числа преступленій сельскихъ жителей (70,800) къ числу самихъ жителей (49.000,000), выражается цифрою 0,14%.

Отношеніе преступленій къ числу лицъ по другимъ рубрикамъ, мы не можемъ вывести, потому что въ отдѣлѣ преступленій и въ отдѣлѣ народонаселенія, рубрики не соотвѣтствуютъ одна другой. Да эти остальныя рубрики и не особенно важны, потому что касаются классовъ общества и немногочисленныхъ, и незначительныхъ по участію ихъ въ государственной жизни, какъ, напримѣръ, инородцы, каторжные и пр.

Если мы возьмемъ число преступленій въ духовенствѣ за единицу, то число преступленій у сельскихъ жителей и дворянъ выразится цифрою 5, у городскихъ сословій цифрою 7; то-есть наименьшее число преступленій относится къ духовенству, слѣдующее къ сельскимъ жителямъ, потомъ къ дворянству, и наконецъ, къ городскимъ жителямъ.

Обращая вниманіе на увеличеніе преступленій, найдемъ, что среди дворянства они увеличились съ 1,277 въ 1860 г. до 1,474 въ 1863 г., то-есть на 15%; среди духовенства упали съ 186 на 170, то-есть на 8%; среди купцовъ и почетныхъ гражданъ увеличились съ 740 до 1,037, то-есть на 40%; среди мѣщанъ и цѣховыхъ съ 8,500 до 9,400, то-есть на 10%; среди крестьянъ казенныхъ и удѣльныхъ съ 34,900 до 43,900, то-есть на 25%; среди крестьянъ временно обязанныхъ съ 19,600 до 26,900, то-есть на 37%. Итакъ, самое большее увеличеніе числа преступленій за послѣдніе три года находимъ среди купцовъ и почетныхъ гражданъ, потомъ среди крестьянъ временно-обязанныхъ, далѣе среди крестьянъ казенныхъ и удѣльныхъ, среди дворянъ, и наконецъ, среди мѣщанъ. Уменьшеніе преступленій среди духовенства, вѣроятно, нужно приписать улучшенію его быта, какъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенныхъ мѣръ правительства, такъ и вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, черезъ которое увеличилось благосостояніе какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ причтовъ.

Изъ таблицы, представляющей число преступленій по возрастамъ, стóитъ обратить вниманіе на то, что число осужденныхъ

несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, въ однихъ гражданскихъ судахъ, простирается до цифры 9,500 человѣкъ; изъ нихъ 8,300 имѣли отъ 17 до 21 года, а 1,200 только отъ 10 до 17 лѣтъ.

Въ таблицѣ преступленій по отдѣльнымъ губерніямъ, Временникъ, вѣрный своимъ правиламъ, приводитъ только абсолютныя числа, а не относительныя, черезъ что эти числа остаются безъ всякаго значенія. По крайней-мѣрѣ, чтобы понять что-нибудь въ этихъ цифрахъ, каждый читатель долженъ самъ приняться за бумагу и карандашъ, и найти процентное отношеніе между числомъ преступленій и числомъ жителей въ каждой губерніи.

Въ главѣ, касающейся статистики финансовъ, Временникъ, кромѣ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ за послѣднія пять лѣтъ, представляетъ очень любопытный сводъ государственныхъ доходовъ и расходовъ за 30 лѣтъ, отъ 1832 г. до 1861 г. Изъ этого свода оказывается, что начиная съ 1832 г. не было ни одного года, когда доходы не были бы превзойдены расходами. Сначала этотъ избытокъ расходовъ былъ невеликъ (4.000,000 въ 1832, 9.000,000 въ 1834), потомъ онъ все увеличивался, и впродолженіе 30 лѣтъ образовалъ цифру въ 1.376,000,000 рублей. Изъ нихъ 630.000,000 принадлежатъ 7 годамъ нынѣшняго царствованія (1855—1861), а остальные 746 прошлому (1832—1854); изъ первыхъ 630 мил., 526 мил. падаютъ на годы 1855 и 1856, то-есть на тѣ годы, когда еще продолжалась крымская война. Если къ этой цифрѣ присоединить сумму дефицитовъ 1853 и 1854 годовъ (174 мил.), то мы получимъ общую цифру въ 700 мил.—цифра, въ которую приблизительно обошлась намъ восточная война.

Общая сумма тридцатилѣтняго дефицита покрыта частію внѣшними займами (228 мил.), частію займами изъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій (557 м.), изъ капитала погашенія долговъ (90 м.), выпускомъ кредитныхъ билетовъ (407 мил.), и наконецъ, выпускомъ билетовъ государственнаго казначейства (93 мил.).

Слѣдующія двѣ таблицы о состояніи сухопутныхъ войскъ составлены редакціею на основаніи офиціальныхъ данныхъ, полученныхъ изъ министерствъ военнаго и морского.

Составъ сухопутныхъ войскъ представленъ по кадровому, по мирному, по усиленному мирному и по военному положеніямъ. Въ какомъ изъ этихъ положеній находится теперь каждая часть войскъ, это очень трудно опредѣлить. Во всякомъ случаѣ, въ мирное время войска должны быть въ мирномъ положеніи; и, благодаря кадровому устройству нѣкоторыхъ частей войскъ, а также системѣ безсрочныхъ отпусковъ для солдатъ, мирное положеніе

войскъ очень скоро можетъ быть измѣнено въ военное. Потому для насъ интересно знать какъ то, такъ и другое положеніе.

Число генераловъ во всѣхъ управленіяхъ и во всѣхъ частяхъ регулярныхъ войскъ одно и то же, 510, для мирнаго и для военнаго положенія.

Число офицеровъ (штабъ и оберъ) для мирнаго положенія — 26,469, для военнаго — 30,195.

Число нижнихъ чиновъ для мирнаго времени — 868,000, для военнаго 1.242,000.

Число лошадей для мирнаго времени — 69,000, для военнаго— 151,000. Числа орудій Временникъ въ сухопутныхъ войскахъ не представляетъ.

Иррегулярныя войска состоятъ изъ 229,000 человѣкъ, большею частію казаковъ разныхъ наименованій. Изъ этого числа на службѣ въ мирное время (въ 1866 году) находилось 81,000 чел. Складывая всѣ цифры, относящіяся къ войскамъ въ военное время, мы получимъ 1.500,000 войска регулярнаго и иррегулярнаго. Вотъ какая цифра представляетъ боевую силу Россіи на сухомъ пути.

Наличное состояніе морскихъ силъ показано во Временникѣ въ слѣдующемъ видѣ:

Въ балтійскомъ флотѣ паровыхъ судовъ	172	съ	1,758	орудіями;
изъ нихъ броненосныхъ суд. разн. констр.	17	»	168	»
Парусныхъ судовъ	22	»	11	»
Въ варшавской флотиліи на Вислѣ судовъ .	10	»	10	»
» финляндской флотиліи судовъ	8	»	2	»
» черномор. флотѣ парус. и паровыхъ судовъ	45	»	178	»
» каспійской флотиліи тѣхъ и другихъ. .	38	»	129	»
» архангельской . . . , ...	2	»	16	»
» аральской	5	»	10	»
» сибирской	42	»	63	»
Всего парусныхъ судовъ	59	»	71	»
паровыхъ »	285	»	2,107	»

Личный составъ флота обнимаетъ всего 44,000 человѣкъ адмираловъ, генераловъ, офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

—

Несмотря на всѣ указанные нами недостатки, «Статистическій Временникъ» составляетъ, дѣйствительно, явленіе весьма значительное и давно необходимое въ нашей литературѣ; самый объемъ его весьма удобно выбранъ. Еслибы центральный статистическій комитетъ, вмѣсто одной книги, издалъ пять или десять книгъ

статистики Россіи, то можно было бы съ увѣренностью сказать, что онѣ разошлись бы въ очень маломъ количествѣ экземпляровъ; только записные экономисты запаслись бы имъ, а теперь, безъ сомнѣнія, онъ разойдется въ большемъ числѣ экземпляровъ, потому что и по содержанію и по цѣнѣ онъ доступенъ весьма многимъ.

Но желательно было бы, чтобы центральный статистическій комитетъ недолго заставилъ ждать второго изданія Временника въ улучшенномъ, и отчасти распространенномъ видѣ. Если Временникъ будетъ изданъ въ нѣсколько болѣе значительномъ объемѣ, если онъ будетъ даже вдвое больше нынѣшняго, и въ такомъ случаѣ, объемъ его еще не будетъ слишкомъ великъ. Но редакція, безъ сомнѣнія, можетъ еще сдѣлать нѣкоторыя сокращенія; такъ она можетъ не повторять въ подробности свои таблицы пространства, населенія и населенныхъ мѣстностей, если въ нихъ не произойдетъ измѣненій.

Съ другой стороны, ей будетъ много дѣла и при послѣдующихъ изданіяхъ; не говоря уже о сельскохозяйственной статистикѣ, которая должна войдти во Временникъ, ей придется еще дополнить и статистику промышлености въ тѣснѣйшемъ значеніи этого слова. Кромѣ промышлености собственно фабричной и заводской, у насъ существуетъ еще промышленость домашняя, занимающаяся производствомъ тѣхъ же самыхъ предметовъ, которые производятся на фабрикахъ и заводахъ; такъ, половина Ярославской губерніи занята обработкою льна, тканьемъ полотна, скатертей и т. п. Губерніи Вятская, Волынская, Костромская приготовляютъ безъ всякихъ фабрикъ и заводовъ огромное количество издѣлій изъ дерева: ободьевъ, колесъ, посуды и пр. И повидимому, Временникъ все это совершенно упустилъ изъ виду; по крайней-мѣрѣ въ Вятской губерніи онъ совсѣмъ не показалъ производства древесныхъ издѣлій, въ то время, какъ эта губернія своими древесными издѣліями извѣстна во всей сѣверной и восточной, и даже центральной Россіи. Быть можетъ, относительно подобныхъ произведеній домашняго труда русскаго человѣка во время долгой зимы, редакція имѣла недостаточныя извѣстія; но обыкновенно, статистика иначе не начинается, какъ извѣстіями не вполнѣ достовѣрными и недостаточными, и уже впослѣдствіи она пріобрѣтаетъ полноту и достовѣрность. И ужь если существуетъ центральный статистическій комитетъ, который имѣетъ возможность получать всякія свѣдѣнія отъ центральныхъ и мѣстныхъ управленій, который даже можетъ направлять работы статистическія по губерніямъ, то ему всего удобнѣе и взяться за это. Задача нашего центральнаго статистическаго комитета не заключается только въ

томъ, чтобы возвести статистику Россіи на такую степень полноты, которой достигла статистика нѣкоторыхъ государствъ Западной Европы, напримѣръ, Франціи или Бельгіи; онъ долженъ еще позаботиться о томъ, чтобы включить въ нашу статистику съ такимъ трудомъ наблюдаемыя произведенія домашней промышлености, которая у насъ въ Россіи имѣетъ столь большое значеніе, какъ нигдѣ. Мы имѣемъ много другихъ вещей, которыя достойны особеннаго вниманія въ статистикѣ Россіи. Такъ у насъ существуютъ, такъ-называемые, отхожіе промыслы, разсѣевающіе по всей Россіи владимірскихъ ходебщиковъ, ярославскихъ и тверскихъ торговцевъ, костромскихъ плотниковъ, каменщиковъ и маляровъ; у насъ существуетъ бурлачество, извозничество между городами и въ городахъ, которымъ заняты также не городскіе жители, какъ въ Западной Европѣ, а тѣ же крестьяне, которые въ другое время обработываютъ землю; у насъ существуетъ еще чумачество, у насъ цѣлую зиму тянутся во всѣхъ направленіяхъ обозы и т. п. Все это нужно описать и, гдѣ можно, исчислить. Въ такомъ случаѣ, наша статистика будетъ не сколкомъ статистическихъ трудовъ Западной Европы, а самостоятельною статистикою, чѣмъ ей и быть должно. Наконецъ, мы уже упоминали, что большая половина русскаго народа нетолько питается произведеніями своего собственнаго хозяйства, но и одѣвается исключительно ими, сама же обработывая ихъ и приспособляя къ употребленію. Все это существуетъ далеко не такъ въ тѣхъ государствахъ Западной Европы, гдѣ мы находимъ своихъ руководителей въ наукѣ; и наша статистика въ особенности не имѣетъ права забыть эту часть народнаго труда, такое удовлетвореніе важнѣйшихъ его потребностей, потому что у насъ всѣ произведенія этого рода существуютъ въ чрезвычайно большомъ количествѣ.

Наконецъ, центральный статистическій комитетъ въ одной главѣ вышелъ на достойную ученаго учрежденія дорогу, на сопоставленіе современныхъ статистическихъ данныхъ съ прежними; надѣемся, что на этомъ первомъ шагѣ онъ не остановится и будетъ разработывать важнѣйшіе вопросы статистики исторически. Для нѣкоторыхъ вопросовъ онъ уже и теперь могъ бы найти данныя въ предъидущихъ трудахъ нашихъ ученыхъ.

Д. Щегловъ.

ЧАЮЩІЕ ДВИЖЕНІЯ ВОДЫ.

РОМАНИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Въ тѣхъ слежаше множество болящихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, сухихъ, чающихъ движенія воды.

Іоаннъ, гл. 5.

Часть первая.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Книга родства и памяти.

XI.

Старое старится, а молодое растетъ.

Пизонскій не пропалъ. «Не знаю и не вѣдаю»—его вызволили, какъ вызволили они многихъ, на святой Руси, въ приснобдаженное время ея старыхъ порядковъ. Какъ ни велики были подозрѣнія, что дѣевская невѣстка прямо къ нему кинулась, послѣ своего неудачнаго покушенія на жизнь своего свекра, но положительнаго доказательства на это не было никакого, и Пизонскаго, ко всеобщему радованію многочисленныхъ его друзей и доброжелателей, снова выпустили на свободу.

Константинъ Іоначъ вышелъ изъ тюрьмы такой же спокойный, какъ и вошелъ въ нее. Одинокія дѣти его были взяты, во время его заключенія, бабушкой Роховной, и запустѣлая хибара его стояла необитаемою среди заглохшей бакши.

Пизонскій зналъ, что сироты его находились у Роховны, но выйдя изъ тюрьмы, все-таки не направился прямо къ Роховнѣ, а устремился къ своей хибаркѣ. Переступивъ за порогъ своего скромнаго жилища, онъ вдругъ скинулъ съ себя маску невозмутимаго спокойствія, торопливо заперъ за собою на крючокъ дверь, бросилъ на землю свою ветхую чуйку, и какъ кротъ, заработалъ руками въ сухомъ бурьянѣ, сваленномъ кучею въ углѣ небольшихъ сѣнецъ. Скинувъ въ сторону этотъ бурьянъ, Константинъ Іоначъ открылъ небольшой люкъ, и однимъ прыжкомъ очутился въ очень просторной землянкѣ, заставленной огородными инструментами: лопатами,

заступами, мотыками и скребками. Вдоль всей этой землянки висѣли на веревкахъ длинные, толстые шесты, черезъ которые были перекинуты пуки завянувшаго укропа, мяты, зори и шалфея. Все это теперь было покрыто зеленою плесенью, все отволгло, загнило и перепортилось; но Пизонскій ни на минуту не остановилъ своего взора на своемъ погибшемъ сокровищѣ. При свѣтѣ, падавшемъ изъ узенькаго окошечка, продѣланнаго подъ самымъ потолкомъ этого погреба, онъ тщательно осматривалъ всѣ уголочки, искалъ чего-то по темнымъ мѣстамъ, какъ будто преслѣдуя уползшую отъ глазъ маленькую козявочку, и наконецъ, что-то нашелъ. Это *что-то* было просто бѣлое голубиное перышко, приколотое къ стѣнѣ маленькой рыбьей костью. Увидавъ этотъ предметъ, Пизонскій постоялъ передъ нимъ съ минуту въ совершенномъ молчаніи; потомъ, пригнувшись еще ближе къ тому мѣсту, гдѣ было прикрѣплено перышко, замѣтилъ, что здѣсь, немножко пониже пера, было выцарапано на стѣнѣ семь небольшихъ крестиковъ. Пизонскій счелъ эти крестики, снялъ бѣлое перышко и безмолвную косточку безмолвной рыбы, благодарственно перекрестился, и вылѣзши изъ подполья, отправился за своими сиротками, и снова зажилъ прежнимъ Робинзономъ.

Великой горестью для Пизонскаго была участь Авенира, котораго судъ выпустилъ, какъ и Константина Іоныча, но отецъ, во имя своихъ родительскихъ правъ, устроилъ сдачу его за непочтеніе въ солдаты, съ назначеніемъ въ отдаленнѣйшіе батальйоны. Пизонскій очень скорбѣлъ объ участи Авенира, но ничѣмъ не могъ пособить ему, и Авениръ пошелъ своей суровой дорогой, а Пизонскій по старому трудился на своей бакшѣ, то копаясь въ землѣ, то поучивая грамотѣ своихъ дѣвочекъ. Черненькія дѣвочки, подъ нѣжной опекой Константина Іоныча, выростали свѣженькія и здоровенькія, какъ двѣ свѣжія ягодки румяной омѣлы. Пизонскій училъ ихъ читать и писать, разсказывалъ имъ жизни, житія, рыцарскія баллады, которыя выучилъ наизусть, живя еще съ своимъ бывшимъ ремесленнымъ учителемъ; одѣвалъ ихъ въ платья собственнаго издѣлія и звалъ *жучками въ эпанечкахъ*. Въ послѣдніе годы онъ еще болѣе предался имъ весь, всею душою своею, и не могъ на нихъ налюбоваться. Но прошли два-три года; минуло и еще три года, и спокойствіе Пизонскаго снова стало немножечко возмущаться. Это случилось, когда старшая изъ дѣвочекъ, Глаша, начала подростать и приподниматься на ноги. Пизонскій какъ будто не ожидалъ этого, и вдругъ спохватившись, ахнулъ и засуетился. Онъ собралъ всѣ свои трудами и бережливостью накопленныя деньги, счелъ ихъ, привязалъ на шейку Милочкѣ, а самъ справилъ себѣ дорожную амуницію, и недолго

думая, дернулъ зимою въ Москву, куда въ дѣтствѣ еще былъ завезенъ какимъ-то сердобольнымъ старикомъ-анахоретомъ братъ покойной матери «жучковъ», Иванъ Ильичъ Пуговкинъ. Пизонскій никогда и въ глаза не видалъ этого родственника, и зналъ о немъ только, что ему теперь должно было быть около двадцати-двухъ или четырехъ лѣтъ, да еще слышалъ онъ отъ городскихъ хроникеровъ, что благодѣтель, взявшій Пуговкина, оставилъ будто бы ему несметное наслѣдство. Константинъ Іонычъ вознамѣрился, во что бы то ни стало, отыскать разбогатѣвшаго дядю сиротъ, но отыскалъ его не богачомъ, а такимъ же точно бѣднякомъ, каковъ былъ самъ Пизонскій. Благодѣтель Пуговкина, дѣйствительно, воспиталъ его и довелъ до университета, но не оставилъ ему ничего, ибо, какъ оказалось послѣ его смерти, и самъ никогда ничего запаснаго не имѣлъ. Въ тотъ годъ, когда Пизонскій отправился на поиски Пуговкина, этотъ уже заключалъ свою студенческую жизнь, и приготовлялся къ окончательному медицинскому экзамену. Константинъ Іонычъ нашелъ студента и отрекомендовался ему «братцемъ».

Пизонскій, безъ всякихъ подходовъ и рисовки, разсказалъ Пуговкину свою исторію; разсказалъ ему, какъ онъ спасъ «жучковъ» отъ слѣпой Пустырихи; какъ питалъ и грѣлъ ихъ, и наконецъ, какъ выростилъ, и чему выучилъ, «а теперь — заключалъ онъ — теперь пришелъ я къ вамъ, братецъ, потому что жалѣю ихъ до безконечности, и не нахожу въ себѣ разума, какъ и къ чему ихъ опредѣлить и направить. А теперь, братецъ, къ вамъ... пришелъ къ вамъ... продолжалъ съ перерывами, поднявшись во весь свой ростъ, Константинъ Пизонскій:—заступись, святая душа! заступись за сиротъ!

Константинъ Іонычъ сложилъ на груди руки, и съ дрожащими на глазахъ слезами, сталъ передъ молодымъ человѣкомъ на колѣни.

Студентъ былъ тронутъ до глубины. Увидя Пизонскаго колѣнопреклоненнымъ передъ собою, онъ быстро протянулъ ему съ сочувствіемъ обѣ руки.

Въ свою очередь, растроганный Пизонскій, не выдержавъ, быстро схватилъ руку студента и жарко поцаловалъ ее.

— Дядя Костя! дядя Костя! всегда, будь увѣренъ, голубчикъ! будь всегда увѣренъ, заговорилъ студентъ, самъ не зная, зачѣмъ онъ такъ говоритъ, и тутъ же и самъ опустился передъ Пизонскимъ на колѣни.

— И нынѣ, Ваня, и нынѣ? говорилъ Пизонскій, не поднимаясь съ колѣнъ и тряся братовы руки.

— И нынѣ, отвѣчалъ махая головою студентъ.

— И во вѣки?

— И во вѣки! во вѣки вѣковъ! крикнулъ Пуговкинъ, и съ теплыми слезами радости весело бросился Пизонскому на шею.

— Аминь! рѣшили они оба разомъ, стоя другъ передъ другомъ на колѣняхъ и въ искреннихъ рукопожатіяхъ, завершая свой союзъ на служеніе двумъ далекимъ сиротамъ. И союзъ этотъ былъ заключенъ, и едва-ли хотя одна изъ залъ совѣтовъ и конференцій была освѣщена такимъ искреннымъ союзомъ, какой былъ совершенъ въ этой крошечной, студентской комнаткѣ двумя этими неимущими людьми, на колѣняхъ подававшими другъ другу руки на союзное служеніе двумъ совершенно безпріютнымъ и безпомощнымъ сиротамъ. Здѣсь не одна, а разомъ двѣ вдовицы приносили свои лепты въ сиротскую корвану. Лишь только былъ заключенъ этотъ союзъ, счастливый и торжествующій Пизонскій тотчасъ же и началъ собираться въ обратный путь. Удержать его въ Москвѣ хоть на одинъ лишній день не было никакой возможности.

— Нѣтъ, говорилъ онъ своему разстроенному союзнику: — нѣтъ; пташки мои дома, тамъ плачутъ; нѣтъ, я только къ тебѣ и шелъ на одну минутку; и онъ настоялъ на своемъ и на другой же день пошелъ опять въ обратный путь бодро, постукивая своей длинной палкой и нетерпѣливо подергивая своимъ ривымъ носомъ.

XII.

Лекарь Пуговкинъ.

Тѣмъ же лѣтомъ студентъ Пуговкинъ окончилъ курсъ, перемѣнился мѣстомъ съ бывшимъ врачомъ Стараго Города и явился на помощь къ Пизонскому. Иванъ Ильичъ Пуговкинъ былъ человѣкъ добрый и благородный, но весьма недалекій и склонный болѣе всего жить цѣлый вѣкъ «въ эмпиреяхъ». Его всегда можно было подбить на всякое доброе дѣло, но нельзя было научить додѣлать ни одного дѣла. Онъ былъ неимовѣрно тороплнвъ и прежде, чѣмъ вдумывался во что-нибудь, уже получалъ увѣренность, что *онъ* это уже понимаетъ; прежде чѣмъ брался за дѣло, онъ чувствовалъ, что оно уже дѣлается. Кончилъ курсъ онъ кое-какъ, но былъ о своихъ познаніяхъ мнѣнія самаго высокаго. Онъ питалъ страсть ко всему *особенному*. Ни учиться, ни жить какъ всѣ люди онъ не могъ. Этимъ онъ былъ извѣстенъ еще въ университетѣ.

— Я все это лучше знаю! Сто тысячъ разъ лучше знаю! твердилъ онъ, съ гордымъ презрѣніемъ отворачиваясь отъ какого-

нибудь препарата, который ему хотѣлъ объяснить кто-нибудь изъ товарищей.

— Да говорятъ же вамъ, что я еще какъ матерпно молоко сосалъ, такъ я зналъ это! кричалъ онъ, замѣчая, что кто-нибудь сомнѣвался въ его знаніи.

Когда такія выходки Пуговкина возбуждали всеобщій невольный смѣхъ, онъ краснѣлъ, но не каялся, а стараясь отшутиться говорилъ:

— Постойте-ка смѣяться-то, потому что все это еще не очень-то смѣшно; а я еще сто-сорокъ-семь тысячъ разъ смѣшнѣй этого вамъ могу сказать.

При такой выходкѣ всѣ присутствовавшіе обыкновенно смѣялись еще болѣе, и Пуговкинъ, радуясь, что ему никто не противорѣчитъ, уходилъ спокойно, унося за собою всякій день все болѣе и болѣе укрѣплявшуюся репутацію шута. Такъ лжеумствуя и фантазируя, онъ едва-едва кое-какъ поймалъ степень лекаря и получилъ мѣсто городового врача въ Старомъ Городѣ. Въ Старомъ Городѣ былъ уѣздный лекарь, врачъ очень свѣдущій и хорошій практикъ, передъ которымъ неопытный и хвастливый Пуговкинъ во всякомъ другомъ мѣстѣ былъ бы ничто; но Старый Городъ опровергъ всѣ эти предположенія на счетъ своихъ отношеній къ Пуговкину. Онъ пріютилъ его, далъ ему хлѣба и соли и добрую хатку въ зеленомъ удольи Гремучаго верха.

Сила, обратившая къ Пуговкину сердца города, заключалась, вопервыхъ, въ открытости его добраго нрава, въ его всегдашней, веселой безпечности, въ его русскомъ происхожденіи, а также въ тупомъ невѣжествѣ Стараго Города и въ его ненависти къ нѣмцамъ. А ко всему этому, какъ выражался Пизонскій—и Господь помогалъ Ивану Ильичу на сиротскую долю.

Дѣйствительно, не успѣлъ Пуговкинъ пріѣхать въ Старый Городъ, которому Пизонскій давно уже толковалъ о скоромъ прибытіи «братца», какъ для него очистилась ступень къ славѣ и извѣстности. Иванъ Ильичъ Пуговкинъ подъѣзжалъ къ Старому Городу въ то время, какъ тамъ умирала головина теща, женщина старая, сырая, богомольная и обжорливая. Давно обреченная на смерть въ случаѣ діэтической невоздержности, она разговѣлась жирной ветчиной и почувствовала приближеніе своего смертнаго часа. Семейство, забывъ свою старовѣрческую ненависть къ медицинѣ, послало, противъ воли умирающей, за лекаремъ, нѣмцемъ. Пришелъ нѣмецъ, посмотрѣлъ на больную, долго щупалъ ея животъ и сталъ аскультировать. Задыхавшаяся старуха злилась, что нарушаютъ тишину ея мирной кончины.

Съ грознымъ недоумѣніемъ она смотрѣла, какъ лекарь ползаетъ своею щекою по ея груди и все собиралась съ силами сказать ему крѣпкое слово; но силы этой не было и старуха молчала. Да не суждено, однако, было нетерпѣливой старухѣ отойдти отъ скандала. Желая заставить больную поглубже вздохнуть, нѣмецъ уложилъ на ея груди свою голову и сказалъ:

— А ну теперь, хорошенько издохни! Старуха не выдержала; она тихо въ три пріема подняла съ постели свою полупарализированную руку и дала лекарю на отмашь довольно звонкую оплеуху.

Голова заплатилъ обиженному старухою нѣмцу сто рублей, и послалъ за только что пріѣхавшимъ Пуговкинымъ. Иванъ Ильичъ и передѣваться даже не сталъ; лохматый и нечесанный, какъ былъ въ пропыленномъ дорожномъ пальто, такъ онъ и поѣхалъ на головиной таратайкѣ.

Взойдя, раскланиваясь, къ комнату, гдѣ лежала старуха, онъ тихо придвинулъ къ ея кровати стулъ и взялъ-было ее за руку, но больная сухо отдернула эту руку и прохрипѣла.

— Перекрестилъ бы супостатъ прежде лобъ-то свой!... ты вѣдь русскій.

— Русскій, русскій, заговорилъ ни мало не обидясь Пуговкинъ, и перекрестившись три раза передъ иконою, сказалъ:—ну, чѣмъ же мы будемъ лечиться?

— Это ужь твое дѣло знать, чѣмъ ты меня морить будешь, отвѣчала больная, у которой негодованіе приподняло упавшія силы.

— Маменька очень разсердившись, вмѣшалась жена головы.— Лекарь нѣмецъ приходилъ, да маменька ихъ не поняла.

Головы жена потихоньку разсказала Пуговкину, въ чемъ было дѣло. Иванъ Ильичъ такъ и залился смѣхомъ.

— А ты не хохочи здѣсь какъ жеребецъ, остановила его старуха.

— Да вы бы, маменька, весело заговорилъ Пуговкинъ:—вы бы сказали ему: попробуй, молъ, ты самъ, нѣмецъ, издохни.

Старуха закусила пересмягшую губу.

— А я вамъ вотъ что̀ скажу; ничѣмъ васъ не надо лечить, продолжалъ наклоняясь къ ней Пуговкинъ.

Умирающая поманила пальцемъ дочь, достала стынущею рукою изъ поданной ей шкатулки перстенекъ съ изумрудомъ, и ткнувъ его Пуговкину, сказала:

— На̀ тебѣ за это.

Пуговкинъ было-сталъ отказываться.

— Это за то тебѣ, что ты меня не безпокоилъ, добавила старуха, бросивъ ему на колѣни перстень.

На другой день старухѣ какъ будто полегчало; она сама потребовала къ себѣ Пуговкина.

— Поговори-ка здѣсь при мнѣ, велѣла она ему, усаживая его возлѣ себя на скамеечкѣ.

Пуговкинъ разсмѣялся и спросилъ, о чемъ ему говорить.

— Да не со мной говори, а съ молодыми; а я слушать буду, отвѣчала старуха.

И она долго съ удовольствіемъ слушала, какъ новый лекарь разговаривалъ съ молодыми, сама велѣла дѣвкѣ принесть имъ сюда орѣховъ и черезъ часъ отослала ихъ отъ себя, а завтра опять наказала Пуговкину приходить и Пуговкинъ опять пришелъ, и опять всѣ имъ были безконечно довольны и всѣ рѣшили, что это просто кладъ, а не человѣкъ: все знаетъ, вездѣ былъ, все видѣлъ, но простоты не гнушается, обо всемъ говоритъ и шутитъ и орѣхами забавляется.

Успѣхъ Пуговкина у умиравшей старухи этимъ не кончился. Вопервыхъ, по городу пронесся слухъ о его простотѣ и познаніяхъ, и возбудилъ къ нему общую симпатію, а вовторыхъ, больная старуха, которой онъ не помѣшалъ умереть черезъ недѣлю послѣ начала ихъ знакомства, кончаясь, наказала отдать Пуговкину съ сиротами ея старенькій домикъ, давно безъ всякой пользы стоявшій на Гремякѣ. Такъ совершенно неожиданно Пуговкинъ сдѣлался осѣдлымъ обывателемъ Стараго Города и поселился съ сиротками въ полученномъ имъ въ подарокъ домикѣ. Для пріобрѣтенія себѣ этого домика, лекарь Пуговкинъ рѣшительно не употреблялъ никакихъ мѣръ и получилъ его совершеннымъ сюрпризомъ. Онъ утѣшалъ старуху, вовсе не думая о ея утѣшеніи, и не заботясь ни о ея подаркахъ, ни о своихъ сиротахъ, все еще остававшихся въ это время на попеченіи Пизонскаго. Онъ такъ себѣ забавлялся и разговаривалъ; но Константинъ Іоничъ видѣлъ въ этомъ огромнѣйшую ловкость братца и несказанно ему удивлялся.

Первымъ дѣломъ Пуговкина, какъ только онъ устроился въ своемъ домѣ, было закрѣпленіе этого дома за сиротами Глафирой и Неонилой Набоковыми.

— Погоди, говорилъ ему голова: — погоди, еще какое почтеніе отъ нихъ увидишь; тогда еще успѣешь наградить.

Пизонскій замеръ при этихъ словахъ, со страхомъ ожидая, что̀ на нихъ отвѣтитъ «братецъ», но братецъ только замоталъ своей рукой, головой и отвѣчалъ головѣ: это нельзя, этого, Бо-

рисъ Дмитричъ, никакъ невозможно; за это сейчасъ подъ судъ меня могутъ отдать.

— Полно пожалуйста, кто тебя за твое добро подъ судъ можетъ отдать? разсуждалъ голова.

— Да всякій же можетъ отдать; хоть вотъ и вы такъ можете меня за это къ плетямъ приговорить, потому что это выходитъ все равно, что я буду воръ.

— Туне полученное, туне и дастся, робко поддержалъ братца Пизонскій.

— Даромъ, даромъ отдаю, зарѣшилъ Пуговкинъ, и никого не слушая, таки-закрѣпилъ за дѣвочками подаренный ему умершей старухой дешевый домикъ съ садомъ и довольно большимъ огородцемъ.

Окончивъ это дѣло, Пуговкинъ заговорилъ объ устройствѣ давно пустой городской больницы.

— Я ее сдѣлаю совсѣмъ по новому, совсѣмъ по новому, какъ нигдѣ еще нѣтъ, разсказывалъ онъ всѣмъ, съ кѣмъ перезнакомился въ Старомъ Городѣ; но проходили дни, мѣсяцы; ушелъ годъ, а къ устройству больницы не дѣлалось ни одного шага и донынѣ въ ней попрежнему живетъ тотъ же сторожъ, занимающійся вязаніемъ изъ клоповника вѣниковъ, да та же захожая старуха, просыпающаяся только для того, чтобы впасть въ обморокъ и заснуть снова.

Перезнакомясь съ праздными и непраздными людьми Стараго Города, Пуговкинъ только и дѣлалъ, что шатался изъ дома въ домъ; всѣхъ онъ удивлялъ выходками своей исполинской фантазіи, всѣхъ поправлялъ, со всѣми спорилъ и всѣмъ очень нравился за свой открытый нравъ и вѣчную веселость. Дѣловые, занятые люди отдыхали съ нимъ, а люди праздные любили Пуговкина за то, что онъ былъ еще празднѣе ихъ и всегда доставлялъ возможность проводить время, переливая изъ пустого въ порожнее. Лекарь Пуговкинъ рѣшительно ничѣмъ не занимался. Одно единственное дѣло, о которомъ онъ еще кое-когда вспоминалъ, это было ученье сиротъ Милочки и Глаши, потому что Пизонскій, переведя дѣвочекъ съ острова въ домъ своего ученаго братца, совсѣмъ устранялся отъ всякаго вмѣшательства въ ихъ дальнѣйшее воспитаніе. На несчастіе дѣтей Пизонскій находился подъ безграничнымъ обаяніемъ передъ великими достоинствами своего братца. Онъ нетолько почиталъ Пуговкина самымъ добрымъ и самымъ умнѣйшимъ человѣкомъ во всей подсолнечной, но и смотрѣлъ на него съ благоговѣніемъ и ни за что на свѣтѣ не рѣшился бы ему въ чемъ бы то ни было противорѣчить. — «Онъ, матинька, ученый», говорилъ Константинъ

Іонычъ, когда ему разсказывали о какой-нибудь колоссальной нелѣпости, сказанной или совершонной Пуговкинымъ. — «Мы не можемъ разсуждать, зачѣмъ онъ такъ по ученому говоритъ, потому что намъ этого знать не откуда».

XIII.

Исторія съ громовоемъ.

Каждый вечеръ, пошабашивъ работу, Пизонскій обыкновенно являлся на минутку на Гремякъ и внушалъ Глашѣ и Милочкѣ, чтобы онѣ какъ можно больше любили Ивана Ильича, потому что онъ для нихъ всѣмъ пожертвовалъ. Дѣвочки слушали это довольно равнодушно: онѣ любили обоихъ дядей, какъ имъ любилось, не входя въ разборъ принесенныхъ ими жертвъ. Такъ и уходили годы; дѣвушки росли у Пуговкина на полной волѣ и свободѣ полными госпожами своихъ поступковъ и, наконецъ, стали уже не дѣвочками, а дѣвицами. Обѣ онѣ выравнялись въ довольно стройныхъ дѣвушекъ, но поразительной красоты не было ни въ одной изъ нихъ. Глаша была высока, стройна, съ изящно выгибавшеюся шейкой, крошечной ручкой, съ фарфоровымъ личикомъ и самыми тонкими, почти неуловимыми чертами. Всего оригинальнѣе у нея были ея очень хорошіе, но совершенно китайскіе глаза, съ узенькими косыми прорѣзами; ея нѣжное личико и легонькая фигурка какъ нельзя болѣе напоминали дорогую фарфоровую куколку. Младшая сестра Неонила, или какъ ее называли всѣ — «Милочка», была чисто русская дѣвушка: роста средняго, круглолицая, полненькая, свѣженькая, съ умнымъ выраженіемъ въ глубокихъ коричневыхъ глазахъ и съ тихой походкой «корабликомъ». Обѣ сестры были брюнетки, что̀ и дало поводъ прозвать ихъ въ дѣтствѣ «жучками». Характеры воспитанницъ Пизонскаго, выросшихъ на полной свободѣ у Пуговкина, были совершенно различны: онѣ обѣ могли дать большой матеріалъ для спора, есть ли характеръ свойство врожденное, или прививное, образуемое средою и воспитаніемъ. Несмотря на то, что обѣ дѣвочки выросли при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, Глафира была болѣзненно чувствительна, вспыльчива, нерѣшительна и нетерпѣлива; она не умѣла скрывать ничего и очень рано прослыла дерзкою. Еще въ самомъ раннемъ своемъ дѣтствѣ, она отличалась необузданною вспыльчивостью и нетерпѣливостью и, кромѣ того, она была неблагодарна. Она, положимъ, очень любила дядю Пизонскаго, любила и Пуговкина, любила и Милочку и проживавшую у нихъ ста-

руху Еврасьевну; но вся любовь Глаши ко всѣмъ этимъ лицамъ жила въ ея сердцѣ до перваго нанесеннаго ей укола. Оскорбленная Глаша не владѣла собою, не стѣснялась ни состраданіемъ, ни благодарностью, и сдѣлала подъ вліяніемъ такого нетерпѣнія одинъ великій шагъ въ своей жизни. Характеръ Глаши въ первый разъ оказался серьёзнымъ образомъ по поводу весьма незначительнаго обстоятельства. Шестнадцатилѣтняя Глаша, одѣтая въ чистенькое розовое платье, съ душистымъ букетомъ въ рукахъ, пришла съ сестрою на Троицынъ день въ церковь и стала передъ чудотворной иконой. Но только что она ставши успѣла оправиться, какъ сюда же вдругъ вошла почтмейстерша и сдвинула сироту съ ея мѣста. Глаша не выдержала и зашла снова впередъ; но тогда ее взяли за плечи и отодвинули назадъ уже безъ всякой церемоніи. Впервые она поняла, что̀ именно позволяетъ такъ обращаться съ нею; впервые она поняла тутъ, что она и сегодня такое же ничто, какое была въ то время, когда спала, качаясь въ плетушкѣ за спиною дяди Пизонскаго. Дядя! а что̀ же это такое ея дядя?... дѣвочка задумалась и впервые разъяснила себѣ, что и они, ея покровители, ея дяди, оба сами слабы и безсильны, оба сами шуты и посмѣшища.

Дѣвочка думала, думала объ этомъ, и плакала, сердилась и спрашивала себя: такъ это всегда такъ? Это будетъ цѣлую жизнь такъ? И въ отвѣтъ на эти вопросы молодая головка выводила себѣ: да, это такъ; это все будетъ такъ; это не можетъ быть иначе, потому, что ты *ничто,* ты нищая.

О, какъ тяжело становилось бѣдной сироткѣ; сколько злобы и ненависти входило въ ея молодую душу, ранѣе срока, ранѣе времени! Съ этихъ поръ Глаша ожидала обидъ и оскорбленій отовсюду и начала тщательно избѣгать всякаго столкновенія съ живымъ міромъ, а все читала, читала много, читала безъ толку и съ жадностью неистовой и съ пламенной воспріимчивостью. Жизнь, окружающая ее, была для нея не жизнь, даже не прологъ къ жизни, а такъ, что-то такое, что̀ надо пройти какъ можно скорѣе мимо и начать гдѣ-то все наново. Впрочемъ, Глаша была такъ болѣзненно настроена видѣть во всемъ покушеніе оскорбить ея гордость, что она и хорошо дѣлала, избѣгая всякаго сообщества, и единственный разъ, когда она измѣнила своему отшельничеству, обошелся для нея необыкновенно дорого. Уступая просьбамъ сестры, она одинъ только разъ согласилась пойти къ очень любившей обѣихъ дѣвочекъ городничихѣ, и здѣсь, сидя за обѣденнымъ столомъ, слышала, какъ та же самая почтмейстерша говорила одной своей полной дочери: «не обжирайся, пожалуйста;

тебѣ слава Богу есть что́ дома ѣсть, ты не Глашка лекарева». Глашу это передернуло, она судорожно схватила свою тарелку, сильно ударила ее объ край стола, и когда разсыпавшіеся черепки зазвенѣли по полу, она первно вскочила съ дрожащими губами изъ-за стола, перебѣжала комнату и бросилась, не слыша подъ собою земли, домой. Возвратившись въ свой бѣдный домикъ, Глаша торопливо сорвала съ себя полинявшую шелковую косынку и въ одномъ платьицѣ выскочила съ открытою шейкой на огородикъ, сѣла съ книжкой на лавочку и заплакала.

«И зачѣмъ это только родятся на свѣтъ бѣдные люди!» думала плачучи Глаша. «Живи затѣмъ, чтобы всякій надъ тобой мудрилъ, да обижалъ тебя.... Не хочу, не хочу я такъ жить.... не хочу! да и не буду», добавила она съ сердцемъ и начала, насупивъ брови, глядѣть въ открытую книгу; но книга не могла заполонить ея вниманія. Всѣ ея помыслы были устремлены на одно: какъ, какими средствами вырваться изъ своего положенія?

«И какія это были времена счастливыя», мечтала Глаша: когда можно было хоть продать свою душу, а нынче нельзя и этого сдѣлать. Никто, никто, ни одинъ дьяволъ не купитъ души моей, хоть бы я и захотѣла ему продать ее. Гдѣ это мѣсто, на которомъ вызывалъ его Громобой? какъ? какъ его вызвать?... Ну, вотъ я зову его: поди! поди сюда ко мнѣ! и Глаша, сдѣлавъ нетерпѣливое движеніе, подняла глаза и еще разъ выкрикнувъ со слезами «поди, я зову тебя!» вся вздрогнула: по тотъ бокъ низенькаго частокола въ сосѣднемъ огородѣ стоялъ невзрачный молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-двухъ, съ тупымъ румянымъ лицомъ, и щелушилъ подсолнухъ. Это былъ круглый сирота, сынъ умершихъ богатыхъ купцовъ Маслюхиныхъ. Глаша едва знала этого человѣка и никогда о немъ не думала. Теперь она посмотрѣла на него съ минуту и въ головѣ ея вдругъ созрѣла самая странная мысль, которая овладѣла ею съ быстротою молньи и не давала ей ни мгновенья опомниться.

— Подите-ка сюда! крикнула она дерзко и сердито Маслюхину.

Молодой купецъ бросилъ изъ рукъ подсолнухъ и спросилъ:

— Вы это мнѣ изволите говорить?

— Да, вамъ. Подите сюда, я вамъ что-то скажу! позвала его еще настойчивѣе кивнувъ пальцемъ Глаша.

Маслюхинъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и снова сталъ глядя удивленными глазами на заплаканную дѣвушку.

— Васъ какъ зовутъ? продолжала разспрашивать его безъ всякой церемоніи Глаша.

— Митрофанъ Михайловъ-съ.

— Это кто у васъ все на гармоніи играетъ?

— Это я играю-съ, отвѣчалъ Маслюхинъ.

— Зачѣмъ же вы все на дворѣ играете?

Маслюхинъ подумалъ и отвѣчалъ:

— У насъ въ комнатахъ скучно.

— Какія глупости! Вы бы книги читали... или вы книгъ, я думаю, не любите?

Маслюхинъ затруднялся отвѣтомъ.

— У васъ нѣтъ дома книгъ?

— Нѣтъ-съ, книгъ нѣту.

— И въ гости вы не ходите?

— И въ гости тоже не хожу-съ.

— Ну, что же вы дѣлаете?

— Ничего-съ не дѣлаю; играю... а тамъ послѣ обѣдаемъ...

— Вотъ отлично!—Глаша сквозь слезы засмѣялась и спросила:

— Такъ все и обѣдаете?

— Всякій день обѣдаемъ.

— И у васъ всегда есть апетитъ?

— Чего-съ?

— Апетитъ? апетитъ у васъ есть?

— Нѣтъ-съ, нѣту, отвѣчалъ Маслюхинъ.

— Вы безъ апетита ѣдите?

— Да-съ; такъ просто ѣмъ.

— Гм! да вы преинтересный; вамъ должно быть всегда весело.

— Ничего-съ.

Глаша опять засмѣялась и сказала:

— А вы бы вотъ что: вы бы женились на хорошей дѣвушкѣ, на умной, вотъ бы вамъ тогда въ комнатахъ и скучно не было.

— Дядинька Борисъ Иванычъ и то говорили, что будутъ теперь меня скоро женить.

— Это васъ-то будутъ женить?

— Да-съ.

— На комъ же онъ васъ будетъ женить?

— Не знаю-съ.

— Что? не знаете? какъ не знаете? да что вы тамъ стоите, — идите сюда поближе станьте.

Маслюхинъ подошелъ къ самому частоколу.

— А вамъ никто не нравится? спросила Глаша.

— Мнѣ все равно, отвѣчалъ Маслюхинъ.

— Все равно?

— Да-съ.

— На комъ вамъ не жениться, вамъ все равно!

— Да-съ, мнѣ все равно.

Глаша опять разсмѣялась, и укусивъ нетерпѣливо ноготокъ на своемъ тоненькомъ пальчикѣ, проговорила:

— Какъ же это *все равно?*

Маслюхинъ замялся.

— Да, что вы тамъ все стоите? Перелѣзайте сюда къ намъ на огородъ. Перелѣзайте, смѣло, нашихъ никого дома нѣтъ.

Маслюхинъ тяжело перелѣзъ боровкомъ черезъ плетень, и пристально глядя себѣ подъ ноги, подошелъ и остановился передъ своей повелительницей.

— Ну-съ? проговорила морща лобъ и волнуясь Глаша. — Такъ вы ужь вотъ что: вы лучше на мнѣ женитесь.

Маслюхинъ смутился, и не сводя съ нея глазъ, переминался на одномъ мѣстѣ.

— Да ужь нечего смотрѣть, конечно, лучше на мнѣ, чѣмъ на другой. Дядя вамъ вѣдь дуру какую-нибудь выберетъ. Ужь я знаю, какую онъ вамъ выберетъ... непремѣнно дуру! И опять вамъ съ нею будетъ скучно. Что, неправду я развѣ говорю? Непремѣнно это такъ будетъ. А я вамъ буду книги читать. Слышите вы? А? да что же вы молчите? Да что же вы молчите-то? вскрикнула дѣвушка, потерявши всякое терпѣніе и, вскочивъ на ноги, взяла Маслюхина за рукавъ его сюртука и заговорила:— дура вѣдь васъ не будетъ любить. Понимаете, не будетъ, ни зачто не будетъ, вы такъ и будете все вотъ какъ теперь, на гармоніи играть; а я... Она понизила голосъ до тихаго шопота, и, не смотря на Маслюхина, лепетала скороговоркой:—я васъ буду любить; да... да... очень буду любить... Вы хотите, чтобы я васъ любила? А? Правда, хотите?

— Какъ же-съ, отвѣтилъ осклабляясь Маслюхинъ.

— Ну то-то жь и есть; то-то жь и есть, зачастила все болѣе супясь Глаша. — А я того... вы мнѣ нравитесь...

— А чѣмъ я столь нравлюсь-съ? спросилъ осклабляясь Маслюхинъ.

— Ну... вы добрый... да, да, вы добрый и все это... ну, такъ вы... вы вотъ что... вы вотъ что, продолжала, дергая его рукою Глаша:—вы познакомьтесь съ нами!

— Да я и съ большимъ даже удовольствіемъ, отвѣчалъ Маслюхинъ.

— Да; вы завтра же познакомьтесь; только непремѣнно завтра, а теперь ступайте. Слышите: ступайте теперь, ступайте, повторила она, отпихивая его отъ себя рукою.

Маслюхинъ поклонился и пошелъ къ частоколу.

Глаша посмотрѣла ему вслѣдъ и въ раздумьи позвала:

— Постойте! Постойте-ка! подите-ка опять сюда! Вы слушайте

же: вы такъ и скажите и своимъ и моему дядѣ, что я вамъ очень нравлюсь.

— Очень хорошо-съ; я это скажу, отвѣчалъ Маслюхинъ.

— Скажите, что вы кромѣ меня ни на комъ не женитесь, слышите?... А я васъ послѣ того полюблю... какъ вы женитесь-то на мнѣ — понимаете? Я полюблю васъ тогда, торопливо докончила она, опять нетерпѣливо заворачивая его отъ себя; но только что онъ сдѣлалъ отъ нея три, четыре шага, Глаша опять крикнула: — и то...

Маслюхинъ остановился.

— Что это, я, бишь, хотѣла вамъ еще сказать, разсуждала она, оглядывась кругомъ по огородамъ:—да, зайдите-ка вонъ туда скорѣе за рябину. Да скорѣе, скорѣе идите.

— Зачѣмъ-съ? освѣдомился конфузясь Маслюхинъ.

— Я васъ тамъ поцалую.

Маслюхинъ неловкими шагами пошелъ за старую рябину. Глаша обѣжала дерево съ другой стороны, чуть прикоснулась своими свѣжими устами къ окрашеннымъ чернымъ подсолнухомъ губамъ Маслюхина и сказала ему:

— Ну... такъ вы же смотрите!

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ убѣгая Маслюхинъ.

Глафира дѣйствовала очертя голову; она не ручалась, какъ это разыграется; она только жаждала перемѣны своего положенія, жаждала этого со всей нетерпѣливостью оскорбленной молодой натуры, и импровизировала себѣ эту перемѣну. Пусть это будетъ худшее; но пусть это будетъ иное не то, что гнететъ и мучитъ. Но тѣмъ не менѣе, затѣявъ игру, она сразу вошла въ свою роль и слѣдила за своимъ дѣломъ неотступно. Она знала, что ея партнеръ дуракъ и надѣялась только на себя. Подъ тою же рябиною, подъ которой она бросила Маслюхину свой поцалуй, она ежедневно давала ему дальнѣйшія инструкціи, какъ онъ долженъ дѣйствовать, и отбирала отъ него отчетъ въ исполненіи прежнихъ наставленій. При всѣхъ этихъ свиданіяхъ Маслюхинъ не пользовался отъ своей невѣсты ни одной ласкою, ни однимъ знакомъ вниманія, и ни разу не былъ счастливъ на столько, какъ въ свое первое свиданіе; Глаша его только учила, и послѣ урока подавала ему небрежно свою руку, говоря:

— Ну, цалуйте мою руку, и помните, что́ я вамъ сказала, а то я за васъ не пойду.

Маслюхинъ души не слышалъ въ своей невѣстѣ, и черезъ два мѣсяца Глаша, несмотря на всѣ противодѣйствія жениховой родни, вышла за него замужъ къ крайней завистп всѣхъ старогородскихъ невѣстъ. Дяди Глаши, Пуговкинъ и Пизонскій, не говорили

ей ни слова *ни за, ни противъ* этого брака и дали на него свое согласіе, котораго, впрочемъ, Глаша не очень и спрашивала. Милочка тоже молчала во все время глашинаго сватанья; она знала всѣ пружины, которыя подвигали ее сестру къ этому браку, но не говорила ей ни слова. Разъ только она замѣтила ей, что этотъ Маслюхинъ ужь очень большой дуракъ и презабавный; но Глаша рѣзко отвѣчала ей, что это не ея дѣло, и что Маслюхинъ даже вовсе и не дуракъ, а если чѣмъ забавенъ, такъ ужь навѣрно нисколько не забавнѣе ея дядей, Пуговкина, да Пизонскаго. Милу очень обидѣло это сравненіе и она, сдѣлавъ въ отвѣтъ сестрѣ презрительную губку, уже никогда больше о ея замужествѣ не заговаривала.

Такъ и вышла Глафира Набокова замужъ за ничтожество, имѣвшее сто тысячъ наслѣдственнаго капитала, и называвшееся, ради надѣтаго на него креста, человѣческимъ именемъ Митрофана Маслюхина. Бодро и настойчиво добивалась она этого счастья; но когда оно уже было почти достигнуто, когда эта торба съ деньгами была возглашена ея мужемъ, человѣческая гордость и эстетическое чувство женщины проснулись въ Глашѣ. Мысль о будущемъ была для нея какъ страшный сонъ, въ которомъ снятся собственные похороны. Она старалась искать оправданія своему замужеству въ своемъ тяжеломъ прошедшемъ, но передъ ней возникалъ вопросъ: а отчего же, однако, Мила этого не сдѣлала?

— Мила! скажи мнѣ, отчего ты всегда такая счастливая? спрашиваетъ она занятую дѣломъ сестру.

— Ну вотъ! отвѣчаетъ улыбаясь Мила. — А ты чѣмъ несчастлива?

— Это оттого, что въ тебѣ чувствъ нѣтъ, оттого ты такая.

— Ну, да.

— Конечно, деревянная; вотъ какъ столъ деревянная, скажетъ разсердившись Глаша и разсердясь заплачетъ. — Нѣтъ, лучше взять книгу, тамъ больше сочувствій; но и старая дѣтская книга, старая христоматія и та развертывается ей на страницѣ, гдѣ первая строка говоритъ ей: «Дрянь тотъ, кто съ дрянью связывается». И что̀ же это такое: какъ же еще связываться?... не на дружбу; не на товарищество, а... на совѣтъ, на любовь, на рожденіе общихъ дѣтей... дѣтей дурака, дѣтей, которые будутъ расти въ сугубый срамъ и поношеніе; дѣтей, которыя, какъ математическая прогресія, въ безконечно продолженномъ видѣ станутъ матери живымъ укоромъ; дѣтей, одинъ видъ которыхъ заставитъ цѣлый вѣкъ проклинать свою робость передъ быстро текущими бѣдами золотого, всезабывающаго молодого вѣка. Ужасно! Страшно!

— Скорѣе уснуть бы! Пусть хоть во снѣ снится радость! И

Глаша уснетъ, но ей радость не снится и во снѣ передъ очами ея стоитъ тотъ же упрекъ и рисуются тѣ же картины постыднаго сочетанія.

Глаша проснется, и въ ея памяти является противъ воли все, чтó она читала про тяжкія доли. Ихъ много, но тяжче всѣхъ на свѣтѣ три изъ нихъ:

То первая доля съ рабомъ повѣнчаться,
Вторая быть матерью сына раба,
А третья до гроба рабу покоряться.

Всѣ эти три тяжкія доли теперь выпадали ей на ея пай, и ей еще было время отбросить ихъ отъ себя, какъ честный человѣкъ отбрасываетъ отъ себя подкупную плату, но она рѣшилась и съ рабомъ повѣнчаться; рѣшилась быть и матерью сыну раба; но и твердо рѣшила за то, что не будетъ рабу покоряться.

Старый Городъ, по поводу этого рѣшенія, видѣлъ очень нарядную свадьбу Глафиры и будетъ свидѣтелемъ другихъ таинствъ ея судьбы и жизни.

XIV.

Съ рабомъ обвѣнчалась.

Самая свадьба Глафиры, несмотря на всю ея пышность, не пророчила молодымъ никакого счастія. Невѣсту сердечный червякъ доѣдалъ подъ корень.

Увидавъ, какъ сестра ласково чекнулась надпитымъ бокаломъ съ ея мужемъ и ласково пожелала обоимъ имъ счастья, Глаша не выдержала и заплакала. Она взглянула на Маслюхина, который сидѣлъ рядомъ съ ней, поворачивая свою круглую голову, въ бѣлыхъ полисонахъ, и крутилъ за щекою языкъ; силы ея не стало оставаться за этимъ столомъ. Ей вспомнилось, какъ онъ такъ же безсмысленно сидѣлъ у нихъ въ день своего сговора и такъ же ворочалъ языкомъ за скулою, а тамъ, вдалекѣ, у двери, не сводя съ него глазъ, стояла Мила; какъ эта Мила тогда остановила пробѣгавшую мимо ея Глашу за рукавъ и молча указала ей глазами на жвачку отрыгающаго жениха.

— Что? спросила ее въ ту минуту съ нетерпѣніемъ Глаша.

— Это будетъ твой *мужъ*, отвѣчала тихо, но съ нѣмымъ ужасомъ Мила.

И вотъ онъ теперь дѣйствительно ея мужъ!...

— Мила, Мила! воскликнула Глафира, схвативъ за обѣ руки сестру, которая, стоя въ крытой, стеклянной галерейкѣ, тща-

тельно выкладывала изъ жестяныхъ формъ на блюдо заливную рыбу. — Мила, другъ мой!... Милочка!

— Что ты, что ты, Глаша?

— Онъ мнѣ противенъ... гадокъ... ненавистенъ...

— Полно, Глаша, развѣ мало такъ выходятъ, отвѣчала Мила, такимъ спокойнымъ тономъ, котораго всего менѣе ожидала Маслюхина и который сразу облегчалъ до возможной степени ея душевныя терзанія. При одномъ воспоминаніи о томъ, что были, есть и будутъ другія женщины, несущія такое же горе, ей уже становилось менѣе ужаснымъ ея собственное горе.

— Ты бы меня хоть побранила, заговорила она, оправляясь и цалуя бѣлыя плечики Милы.

— За что, Глаша! Не отъ радости ты за него вышла.

— Да, да, мой другъ, это правда.

— Ну, то-то и есть; не у всѣхъ, въ самомъ дѣлѣ, достанетъ силы все переносить... И ты... что ужъ теперь дѣлать?... ты дѣйствуй на него. Онъ мягкій, добрый, ты много можешь сдѣлать. Горевать—это самое худшее.

Глашѣ этотъ разговоръ съ сестрой далъ много силы на перенесеніе ея возмутительнаго, новаго положенія. Она обманывала себя и утѣшалась, что будетъ *дѣйствовать*, что она сдѣлаетъ изъ жвачнаго Маслюхина что-то сносное, непостыдное міру, что онъ преобразится и своимъ преображеніемъ удостоитъ самое ее, Глашу, добраго отвѣта на страшномъ судищѣ христовомъ, въ пришествіе котораго она всегда вѣрила.

Впечатлительную женщину это утѣшило: это дало ей по крайней мѣрѣ средство себя обманывать; а это для нея было необходимо.

XV.

И матерью сдѣлалась дѣтямъ раба.

Въ самый короткій промежутокъ времени послѣ своей сватьбы Глафира перешла цѣлый рядъ превращеній, въ которыхъ не всегда узнавала самое себя, и которыми удивляла какъ нельзя болѣе всѣхъ ее окружающихъ. Она была сначала дней десять очень скучна и печальна; разстроенная приходила она къ сестрѣ и къ дядѣ, говорила мало и ни на что не жаловалась. Не прошло еще нѣсколько дней, и она стала заговаривать о своей судьбѣ.

— Что жь, говорила она сестрѣ:—я отлично знаю, что я никогда не буду счастлива, что я уже погубила себя на вѣки, но

мнѣ не было другаго спасенія. Милочка выслушивала эти жалобы, не отвѣчая на нихъ ни слова, и даже будто пропускала ихъ мимо ушей, что до весьма сильной степени сердило и раздражало нетерпѣливую Глашу. Однако, прошелъ самый короткій срокъ, и оказалось, что Мила знала, почему она молчитъ и незнаетъ никакихъ сочувствій, ибо какъ только на эти жалобы отозвались ея дядьи, такъ Глафира перемѣнила тонъ и сказала:

— Ну, да ужъ все же мнѣ теперь лучше, какъ прежде: покрайней-мѣрѣ, я теперь ни отъ кого ничего не терплю и не выслушиваю.

И Пизонскій, и Пуговкинъ, слышавшіе эти слова, ничего племянницѣ не отвѣчали, и она ушла домой, значительно успокоенная и правая въ своихъ собственныхъ глазахъ. Съ этихъ поръ она очень долго не показывалась.

Въ это время съ Глашею произошла новая перемѣна: она посадила мужа съ собою въ комнатѣ и начала ему начитывать все, что она любила, что знала и въ чемъ находила услажденіе для своей тоски, и пищу для своего любопытства.

Маслюхина это не занимало ни на волосъ; но онъ сидѣлъ передъ женою и слушалъ.

— Что жь, ты своего чурилку выучила чему нибудь? спросилъ какъ-то Глашу Пуговкинъ.

Глаша обидѣлась.

— Что это такое за названіе *чурилка*? отвѣчала она дядѣ.—Я думаю, у него имя есть.

Пуговкинъ сконфузился, а Пизонскій помирилъ эту сцену, сказавъ:

— Это онъ, дитя, шутитъ, шутитъ, голубка, шутитъ.

— Да, но это, однако, довольно глупо, отвѣчала Глаша и перестала говорить съ дядями.

Черезъ нѣсколько времени Пуговкинъ опять провинился: онъ засталъ Глашу съ мужемъ послѣ обѣда въ густомъ малинникѣ и запѣлъ:

И вишню румяну
Въ жару раздавилъ.

Глаша выскочила на этотъ голосъ изъ своей засады и безъ обиняковъ сказала съ азартомъ:

— Ахъ дядя, когда бъ вы знали, какъ это глупо!

— Да что жь глупо, когда это Пушкина! отвѣчалъ Пуговкинъ.

— Хоть бы Голушкина, такъ все-таки очень глупо. Странность тоже! продолжала она фыркнувъ.—Что-жь тутъ такое вы видите, что я съ мужемъ была въ малинѣ.

— Да ничего же я, ничего и не видѣлъ, отвѣчалъ смѣясь Пуговкинъ: — а я чувствовалъ, понимаете меня, чувствовалъ.

Глафира дождалась, пока вышелъ изъ малины Маслюхинъ, взяла его при дядѣ подъ руку и пошла съ нимъ къ дому.

Ни Пуговкинъ, ни Мила еще никогда не видали между ними такого согласія: это даже похоже было на любовь, хотя это, конечно, была не любовь.

Въ эти счастливые дни Глафира начала считать себя героиней. Она безпрестанно дѣлала себѣ комплименты за то, что исторгла себя изъ зависимаго, и по ея мнѣнію, униженнаго состоянія, и о сестрѣ своей, сносившей твердо и спокойно свою неблестящую долю, говорила не иначе, какъ объ отчаянной трусихѣ. Глафирѣ теперь доставляло невыразимое удовольствіе проводить паралели между собою и сестрою, и предсказывать Милѣ, что она непремѣнно цѣлый вѣкъ проживетъ, какъ ей выпадетъ, и сама для себя никогда ничего не дѣлаетъ. Мила объ этомъ или вовсе не спорила, или шутливо отвѣчала:

— Ну, слава-богу, что ты за то для себя много сдѣлала.

— Немного, а сколько можно было.

— Ну, да; ну, и прекрасно.

Младшая племянница Пизонскаго вообще никогда не придавала много значенія сестринымъ выводамъ, и не отставала себѣ въ спорахъ съ нею послѣдняго слова, а потому новая роль Глафиры ни мало не измѣнила ихъ отношеній. Къ году послѣ того, какъ Глаша съ рабомъ повѣнчалась, она успѣла сдѣлаться матерью сына раба, но рабу дѣйствительно она не покорилась, или лучше сказать и покорилась и не покорилась. У нея явилось много марсова духа, и она къ этому времени уже поставила себя съ мужемъ нч военное положеніе. Правда, что у нея не было такта, нужнаго полководцу, и она не побѣдила своего непріятеля ни въ одномъ генеральномъ сраженіи, но за то сражалась съ нимъ безпрестанно, и въ партизанскихъ стычкахъ вела свои дѣла съ успѣхомъ. Цѣлый годъ они съ Мсалюхинымъ то ссорились, то мирились, но второй годъ за то у нихъ шелъ уже нѣсколько ровнѣе: въ этотъ годъ они только ссорились и не мирились вовсе, и въ этотъ годъ у нихъ родился второй сынъ. Третій годъ ихъ жизни шелъ еще глаже: супруги въ теченіе этого года совсѣмъ другъ на друга не глядѣли: Глафира потому, что она не хотѣла глядѣть на мужа, а мужъ потому, что онъ не смѣлъ на нее глядѣть, не рискуя поднятіемъ семейнаго карамболя; но и въ этотъ годъ, какъ и въ прежніе годы, у Глафиры опять родился третій сынъ раба, и затѣмъ въ семьѣ Маслюхиныхъ наступила полоса прочно организованнаго семейнаго ада. Наблюдая жизнь этихъ молодыхъ супруговъ, самъ Соломонъ не разобралъ бы, кто больше терпѣлъ: жена ли, несшая тяжелое

присутствіе невыносимаго глупца мужа, или глупецъ мужъ, рѣшительно недоумѣвавшій, что̀ такое происходитъ въ его домѣ? что̀ нужно его молодой женѣ, и что̀ мѣшаетъ ей жить, какъ живутъ другіе? Четвертое лѣто супружеской жизни застало Маслюхиныхъ опять въ новыхъ отношеніяхъ: Митрофанъ сталъ отлынивать отъ дома, а Глаша нѣсколько поумнѣе взялась за бразды правленія и сосредоточила въ своихъ рукахъ всю домашнюю власть. Положеніе Глаши въ домѣ становилось независимѣе; а съ тѣмъ вмѣстѣ положеніе Митроши падало. Онъ болѣе не былъ ни мужемъ своей жены, ни хозяиномъ своему дому. На его сторонѣ не было никого: умные люди не любили его, какъ дурака, глупые люди не любили его за то, что онъ женился на Глашѣ, которую они за ея книжность почитали умною. У него было только два прибѣжища: первое—бакша Пизонскаго, гдѣ Маслюхинъ могъ сидѣть и со скуки вырѣзывать ножомъ изъ огурцовъ крестики и ведра; второе—свояченицинъ домъ, или лучше сказать свояченицина комната. Мила и Пизонскій не обижали дурака. Пуговкинъ тоже не оскорблялъ его, даже не пропускалъ случая разсмѣшить его, и далъ ему ласкательное имя «Фофанъ Фалеленчъ». Но, несмотря на то, что Пуговкинъ подтруниваль иногда надъ Маслюхинымъ, у него все-таки были и мягкости, которыхъ Фофанъ Фалеленчъ не встрѣчалъ у себя дома. Пуговкинъ, впрочемъ, относился къ этому своему недалекому родственнику лучше многихъ людей, потому что онъ не стѣснялся презрительными отзывами о немъ Глаши, и никогда не измѣнялъ своего обычнаго съ нимъ обращенія.

И вѣщее сердце сказало дурачку, куда ему преклонить свою скорбную головушку. Во всѣ тяжкія минуты своей жизни онъ неотразимо стремился въ комнату къ Милѣ, или еще всего чаще, на бакшу къ Пизонскому, гдѣ цѣлые дни слонялся съ мѣста на мѣсто и сверлилъ изъ огурцовъ ведрышки, а со втораго лѣта своего супружества даже нерѣдко оставался тамъ и ночевать. Улегшись съ Пизонскимъ на мягкой вершинѣ сторожевого шалаша и уставя глаза въ синее, ночное небо, Маслюхинъ безпрестанно вздыхалъ, и не спалъ до самаго свѣта. Другой разъ онъ даже не утерпливалъ, ему нестерпимо было лежать, онъ вставалъ и бродилъ по блестящему росой огороду или садился на бережку, и билъ себѣ объ лобъ или о подбородокъ колпачки поддорожняго щелкунчика. Это было любимое его занятіе, къ которому онъ обращался во всѣ свои тяжелыя минуты; а ихъ у него было не мало, и онъ имъ не видѣлъ никакого предѣла. Онъ любилъ Глафиру; онъ не понималъ, что̀ значитъ любить, но готовъ былъ отдать за нее свободу, жизнь, все, что̀ хотите,

лишь бы она обняла его и поцаловала, и между тѣмъ проводилъ свои ночи только глядя черезъ рѣку на свое собственное жилище. Уснувъ на зарѣ и проспавъ до солнечнаго припека, онъ съ новымъ пучкомъ перекочевывалъ щелкунчика въ другое свое убѣжище, въ тихую комнату Милы. Приходилъ сюда Маслюхинъ обыкновенно тихо, зазирая впередъ, нѣтъ ли здѣсь его жены; садился къ столику, вздыхалъ, вздыхалъ долго, наводя и на терпѣливую Милу несносное утомленіе своими вздохами, и никогда онъ не умѣлъ ни о чемъ заговорить, ни разсказать о чемъ онъ вздыхалъ. Можно было, правда, расшевелить Маслюхина и заставить его хвастаться, очень смѣшно, нескончаемо глупо хвастаться, но ни Мила, ни Пизонскій, конечно, никогда не предавались этому развлеченію. Не стѣсняя Маслюхина никакими рѣчами, Мила обыкновено спѣшила спросить: не хочетъ ли онъ тыквенной каши съ масломъ?

Маслюхинъ всегда хотѣлъ что-нибудь ѣсть и особенно тыквенную кашу съ масломъ, и Мила всегда нарочно приготовляла для него этого корму.

— Вы съ дядей, кажется, на зло мнѣ раскармливаете этого урода, говорила съ неудовольствіемъ Глаша, заставая у сестры своего мужа за чашкой дымящейся каши.—Ты бы, болванъ, на брюхо-то свое посмотрѣлъ, обращалась она къ своему мужу.

Маслюхинъ вздыхалъ, покидая недоѣденную кашу, нехотя подымался со стула и тянулъ на бакшу сверлить свои огуречныя ведра. Иногда, проходя мимо своего двора, онъ вдругъ останавливался и давалъ приказанія переставить съ мѣста на мѣсто старые колья, или кричалъ что-нибудь на дѣтей; но ни рабочіе, ни дѣти его не слушались. Были прежде у него между домочадцами друзья, но и ихъ холопская дружба была рабски холодна и невыразительна.

— Я совсѣмъ тебя съ дядей не понимаю, что это вы его у себя держите? начинала по уходѣ мужа Маслюхина.

— Ну, вотъ... Еще, что выдумай. Кто его держитъ? отвѣчала сестрѣ немного рѣзко Милочка.

— А зачѣмъ онъ тутъ сидитъ?

— А ты спроси его, зачѣмъ онъ сидитъ? Почему я знаю, зачѣмъ онъ сидитъ? Сидѣнье есть, онъ и сидитъ.

— А дома у него сидѣнья нѣтъ? Могъ бы дѣломъ какимъ нибудь заниматься.

— Какимъ? какимъ дѣломъ онъ могъ бы заниматься? возразила съ нетерпѣливою гримасой Мила.

— Да я знаю, что тебѣ лишь бы спорить.

— Нечего мнѣ спорить; а какимъ-же дѣломъ онъ можетъ за-

ниматься? Ты сама очень хорошо знаешь, что ты пустяки это говоришь. Такихъ дѣлъ нѣтъ, которыми бы онъ могъ заниматься.

— Купцы по большей части всѣ дураки, а однакожь чѣмъ нибудь занимаются, заговорила наморщась Глаша: — или по крайней мѣрѣ пусть-же не слоняется, чтобъ не видѣли его дурака каждую минуту.

— Спрячь, пожалуйста, спрячь, отвѣчала, вышедшая на этотъ разъ изъ терпѣнія Мила: — Нѣтъ, мой другъ, нечего ужь его таить; не яблочко, въ карманъ его не положишь.

— Да, дитя, да, не спрячешь, поддержалъ, вздохнувъ, и Пизонскій.

Глаша сѣла къ столу и черезъ минуту ея китайскіе глазки наполнялись крупными слезами, которыя нѣсколько секундъ дрожали на рѣсницахъ и потомъ быстро бѣжали ручейками по щекамъ къ нѣжному, тоненькому подбородку.

— Чортъ ненавистный! воскликцала она сквозь зубы, доставая изъ кармана батистовый платокъ.

— Глаза видѣли, что̀ покупали, сердиться не на кого, спокойно отвѣчала Мила: — не на кого, да и глупо, никто не виноватъ.

— Да, и здѣсь не лучше было! наставленія цѣлый вѣкъ слушать!

— Полно пожалуйста; Господь съ тобой: никто тебѣ не дѣлаетъ никакихъ наставленій.

— Еще бы! Еще бы я теперь ихъ слушала!

— Ну, такъ и говорить не о чемъ.

— Я о томъ говорю, что хитростей вашихъ я терпѣть не могу; то она сама же первая его называла мнѣ въ глаза дуракомъ и говорила, что выносить его не можетъ; а теперь сама вдругъ защитницей его сдѣлалась. — Не правда, скажешь?

— Нѣтъ, правда. Когда ты вздумала выходить за мужъ, я тебѣ говорила, что онъ по моему глупъ; а когда ты все-таки вышла а него, мнѣ объ этомъ и говорить болѣе нечего. Онъ твой мужъ, а ты моя сестра, и я его принимаю, вотъ и все.

Глаша такъ и вспыхнула.

— Пожалуйста, не читай мнѣ своихъ рацей! заговорила она, приподымаясь съ мѣста.—Мужъ, мужъ, мужъ!... посмотримъ еще, какой у тебя мужъ будетъ? посмотримъ еще, за кого ты сама выйдешь?

Вспыхивала на этотъ разъ и Мила, и чувствовала себя способной сказать сестрѣ очень ѣдкую дерзость, но ограничивалась тѣмъ, что говорила: слава-богу, что ужь за Митрофана Михайлыча не могу выйдти.

— А васъ, обращалась непосредственно затѣмъ Глаша къ Пизонскому:—васъ я, дядя, покорно прошу не оставлять его у себя ночевать, я не хочу, чтобъ его тамъ на бакшѣ видѣли.

— Я, дитя мое, его не оставляю; онъ самъ остается, отвѣчалъ кротко Пизонскій.

— Извольте посылать его домой.

— И даже не разъ посылаю, да нейдетъ.

— Гоните его долой оттуда.

— О, Господи! да что-жь это за несправедливость! вмѣшивалась, не утерпѣвъ, Мила.—Что же онъ въ самомъ дѣлѣ мѣшаетъ чему нибудь, что-ли, что у дяди переночуетъ? Что мы надъ нимъ опекуны, что-ли? И какое тебѣ-то до этого дѣло? Да Богъ съ нимъ: пусть онъ себѣ ночуетъ съ дядей, если ему это нравится. Не пойму я тебя, ей-богу! По моему бы, если ты его такъ не терпишь, такъ тебѣ должно быть все равно. Лучше вотъ не обижай его хоть при дѣтяхъ по крайней-мѣрѣ; это гораздо лучше будетъ, а онъ ужь какой зародился, такой ужь и будетъ: перебьетъ нынѣшній годъ всѣ щелкунчики, дождется на будущій годъ новыхъ и опять будетъ щелкать.

— Это я безъ васъ знаю, отвѣчала нетерпѣливо Глаша, и не сказавъ ни одного прощальнаго слова ни сестрѣ, ни дядѣ, уходила домой, безпрестанно наступая на передъ своего длиннаго платья. Этотъ несчастный подолъ, попадая подъ ноги Глаши, усиливалъ ея раздраженіе до послѣдней степени: ненависть ея къ мужу росла какъ сказочный богатырь и касалась своею чудовищной головой до самаго неба. Глафира искала случая перенесть эту ненависть на всѣхъ, кто попадался ей на глаза, и фіаломъ, въ который изливалось это бѣснованіе, чаще всего были дѣти. Служа живымъ напоминаніемъ минувшихъ отношеній къ жалчайшему существу, котораго она теперь такъ сильно стыдилась, ея собственныя дѣти становились ей ненавистны, потому что самый фактъ ихъ рожденія служилъ ей укоромъ, напоминалъ ей о минутахъ самыхъ отвратительныхъ, и лишалъ ее права сказать, что она уберегла что нибудь, что нибудь сохранила ненарушимымъ и неоскверненнымъ.

— Несите ихъ вонъ съ глазъ моихъ! нервно кричала изступленная женщина, выгоняя изъ комнаты встрѣчающихъ ее нянекъ, и бросаясь послѣ того на постель, рыдала страшно, какъ бѣснованая, со стономъ, съ какимъ-то страшнымъ, пугающимъ весь домъ визгомъ и судорогами въ горлѣ. Потомъ она соскакивала съ постели, бросалась передъ образникомъ на колѣна и молилась долго, жарко, не зная сама о чемъ. Она спѣшила читать какъ можно скорѣе одну за другою страницы акаѳистовъ, и нерѣдко разбитая

и изнеможенная засыпала, лежа передъ озареннымъ лампадой кіотомъ, лепеча и въ дремотѣ: Іисусе, сыне Давидовъ, помилуй мя!

Но христіанскаго упованія и святой силы терпѣнія не было въ сердцѣ Глаши, и въ минуты этихъ пламенныхъ молитвъ она не могла сказать Богу своему: «имиже вѣси судьбами спаси мя». Нѣтъ; ей нужно было *чудо*, быстрое, внезапное, спѣшащее къ ней на помощь съ неба, какъ молоньевая стрѣла. Такого чуда не было: но случилось другое чудо. Къ концу четвертаго года брачной жизни, у Глафиры Даниловны вдругъ явился какой-то внезапный наплывъ спокойствія и равнодушія ко всему ее окружающему. Справедливость требуетъ сказать, что равнодушіе это не шло въ ту сторону, чтобы заставить Глашу выпустить бразды правленія; напротивъ, она къ этому времени подобрала ихъ еще крѣпче, но весь міръ, живущій около ея, всѣ *люди* для нея какъ-бы умерли. Были еще у нея и другіе покойники; это ея прежнія вѣрованія и упованія. Глаша опять переродилась. Какъ купецъ, потерявшій половину своего состоянія въ морѣ, она не хотѣла тому же морю довѣрять другую половину, и не хотѣла держать капиталъ подъ спудомъ. Она не знала, куда дѣть свою жизнь? Не знала, на что она ей? Она сдѣлалась необыкновенно молчалива, задумчива, читала запоемъ дни и ночи, какъ-бы боясь всклонить голову отъ книги, чтобы голова не потянула ее куда-то, въ какое-то ужасное мѣсто, которое гдѣ-то для нея уже очищено и готовое ждетъ ее, какъ неотразимый фатумъ. Самымъ ощущеніямъ Глафиры былъ нанесенъ совершенно новый ударъ: предшествовавшая этому періоду болѣзненная раздражительность ея уступила мѣсто столь же болѣзненной сосредоточенности. Чуть Глаша выпускала изъ рукъ книгу, глаза ея устремлялись на какой нибудь одинъ предметъ, зрачки мало-по-малу расширялись и дрожали; она начинала къ чему-то прислушиваться, вздрагивала и среди мертвой тишины нерѣшительно произносила: «что?» Иногда она сама начинала замѣчать очень часто эти повторявшіяся *что*? и они ее пугали: она боялась сумасшествія, часто начинающагося привычкою говорить самому съ собою. Примѣшивался еще къ этому другой страхъ, старый сказочный страхъ о зовущихъ душу. Кто это? Господи, кто же? Кто это зоветъ меня? что̀ это все такое?... размышляла она въ суевѣрномъ страхѣ и въ то же время тихо оборачивая назадъ голову, смотрѣла вдаль расширявшимися зрачками и опять лепетала: что? что?

И послѣ такихъ припадковъ Глаша вдругъ переставала бояться зовущихъ душу; она становилась гдѣ-нибудь у стола, у окна, у притолки, и по цѣлымъ часамъ стояла тихая, безотвѣтная, какъ Лотова жена, остолбенѣвшая при взглядѣ на пылающій Содомъ

и Гомору. Глаша видѣла свой Содомъ, въ которомъ текутъ ея *лучшіе годы*. Она во весь этотъ періодъ времени не хотѣла никакого общества, любила свои мечты, свои страданія и даже свои галлюцинаціи. Ее утомляли ея мечтанія; но они ей были сладки, и она отъ нихъ не могла оторваться и не хотѣла отрываться. Думать, какъ бы то ни было, но думать о своемъ положеніи, соображая всѣ его условія и при помощи зрѣлыхъ размышленій искать отъ него спасенія, это было не по ней. Такая дума только сердила и раздражала ее. Въ Старомъ Городѣ нѣтъ ни какихъ сепарацій, а быть исключеніемъ, на это у Глаши не хватало твердости. Да и какъ же, на что же ей эта сепаративность? Она уйдетъ назадъ къ дядьямъ; а этотъ домъ, съ цвѣтными окнами, этотъ садъ, флигеля, амбары, все это останется?... О, нѣтъ; нѣтъ, ей близко это нѣмое сокровище, оно цѣпа ея крови и она его любитъ, и она съ нимъ не разстанется. Нѣтъ: прочь всякія думы съ ихъ логическими выводами и съ ихъ конечными результатами! То ли дѣло ты безотвѣтственная своевольная мечта: съ тобою закрывъ глаза летишь куда знаешь, достигаешь всего безъ всякихъ жертвъ, безъ всякаго стѣсненія. Закрой глаза, и ты встала, вѣчно могучая, вѣчно услужливая; чѣмъ тебя больше утомляешь, тѣмъ ты становишься разнообразнѣе и изобрѣтательнѣй. О, это лучше и къ этому такъ легко привыкаешь, что не успѣешь опомниться, какъ ты уже и не человѣкъ, какъ душа твоя разболѣлась, раскисла и опустилась до немощи. У этого коварнаго друга тоскующей души такое меланхолическое лицо, такое доброе имя, что за ними все его великое, предательское коварство обыкновенно остается почти всегда незамѣченнымъ.

Глаша вся предалась мечтательности и не замѣчала, какъ фантазія ея отъ безпрестанной дѣятельности становилась все своевольнѣе и своевольнѣе, а мыслительныя способности, разумъ и соображеніе, лишенные всякой здравой пищи, со дня на день все путались и расплывались въ неясныхъ, неопредѣленныхъ мечтахъ, почти въ сновидѣніяхъ. Она не замѣчала и не могла замѣтить, какъ отъ ряда желанныхъ мечтаній переходила къ полосѣ совершеннаго безчувствія; становилась безсмысленной трусихой; боялась темноты, вздрагивала при малѣйшемъ шорохѣ вѣтра.

Это состояніе тяжелое, которому человѣкъ если не съумѣетъ дать отпоръ во время, то ужь послѣ несетъ и несетъ его до тѣхъ поръ, пока что нибудь извнѣ перестряхнетъ его наново. Самыми свѣтлыми минутами этого мечтательнаго состоянія Глаши были тѣ минуты, когда она чувствовала, что въ нее какъ будто какимъ-то чудомъ вселяется невѣдомая ей другая женщина, полная жизни, полная вѣры и упованій. Это созданіе гла-

шиной мечты твердой рукой изгоняло изъ ея сердца жесткую скопидомку съ ея сухими разсчетами и съ нанковымъ карманомъ у пояса; она ставила Глашу въ какой-то очарованный кругъ и заставляла ее пламенѣть и томиться, созерцая нѣмыя видѣнія, которыми нѣмые духи внѣшней природы оговариваются съ подвластною имъ плотью человѣка.

И изъ всѣхъ окружающихъ Глашу людей, ни одинъ человѣкъ ничего не зналъ объ этихъ видѣніяхъ. Они замѣчали только низшедшіе къ Глашѣ кротость и спокойствіе, и объясняли эту совершившуюся въ ней перемѣну по своему. Няньки и мамки, считавшія себя адвокатами правъ раскармливаемаго ими на убой маслюхинскаго потомства, ходили на цыпочкахъ и говорили шепотомъ: «слава-богу, Пилатка наша утихомирилась». Мила, наблюдая сестру, въ глаза ей говорила только: «все-то ты, Глаша, чудишь», а за глаза съ волненіемъ разсказывала своей пріятельницѣ, городничихѣ Парохонцевой:

— Боюсь я, Варюшка, чтобъ она съ ума у насъ не сошла! но Парохонцева всегда успокоивала Милочку.

— Не бойся, отвѣчала она съ перваго раза, выслушавъ опасенія дѣвушки: — не бойся, отъ горя ни съ ума не сходятъ, ни умираютъ. Ахъ-ма-хма! Съ кѣмъ, дружокъ, съ какой женщиной этихъ чудесъ не бывало!... Пройдетъ, повѣрь, на несчастіе все пройдетъ, Мила! Пройдетъ такъ или пройдетъ иначе, а все-таки пройдетъ.

Пизонскій тоже задумывался о Глашѣ, и скорбѣлъ о ней едва ли не болѣе всѣхъ; но обнаруживалъ это только тѣмъ, что шепталъ на ухо Милочкѣ: миленькая, какъ мнѣ что-то стало жаль нашей Глаши!

Мужъ Глаши и ея дядя Пуговкинъ не замѣчали въ состояніи Глаши ничего особеннаго: Пуговкинъ, потому что онъ не замѣчалъ никогда ничего, даже собственныхъ словъ и фантазій, а Маслюхинъ потому, что онъ, какъ извѣстно, и вовсе не имѣлъ мысленныхъ очесъ и видѣлъ только то, что̀ моталось передъ его соловыми, тѣлесными глазами; а эти глаза видѣли женины плечи, завѣшанные длинными рѣсницами китайскіе глазки, да свѣженькій, нѣжно очерченный чувственный ротикъ.

Не замѣчалъ еще ничего за Глашею самъ Старый Городъ, потому что старые города не умѣютъ засматривать во святая святыхъ человѣка. Старый Городъ, освѣдомляясь отъ домовыхъ вѣстовщицъ, что Маслюхинша смирила нравъ свой, видѣлъ въ этомъ только одно новое подтвержденіе своей вѣковѣчной пословицы: «поживется слюбится». Всѣмъ досужимъ людямъ Стараго Города и въ мысль не западало, что Глаша не сжилась ни съ

чѣмъ, и ни съ кѣмъ не слюбилась, что она, какъ Галатея, лишь ждетъ одного одухотворящаго прикосновенія, и все дѣло теперь только въ томъ, кто принесетъ прекрасному мрамору эту душу: эллинъ, жидъ, или самарянинъ?

XVI.

Suum cuique.

Старому Городу, впрочемъ, и нѣкогда или лѣнь заниматься разсужденіями, какъ и о чемъ страдала какая-нибудь скорбящая душа. Старый Городъ не любилъ мудрствовать; онъ вообще отличается хладнокровіемъ и достоинствомъ поведенія. Онъ все дѣлаетъ неспѣшно, тихо и солидно. Онъ боголюбивый городъ, но и самая молитва его бываетъ усердна, но не бываетъ ни горяча, ни восторженна. Когда онъ молится, вы чувствуете, что онъ это дѣлаетъ по обязанности, страха ради гнѣва на ны движимаго; одинъ единственный моментъ, когда онъ на мгновеніе согрѣвается жаромъ, жаромъ искреннаго прошенія, это тотъ моментъ, когда соборный Ахилла-діаконъ возглашаетъ прошеніе о людяхъ, «ожидающихъ великія и богатыя милости». Великія и богатыя милости, ниспосланія которыхъ всѣмъ предстоящимъ проситъ въ эту минуту Ахилла-дьяконъ, всѣми предстоящими понимаются совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ прошеніе это понималось слагавшимъ его творцомъ литургіи, а въ томъ, въ какомъ каждому хочется вымолить себѣ этихъ милостей. Самая торговля Стараго Города производилась какъ-то вяло, словно сквозь сонъ и словно нехотя. Одно время, когда онъ оживлялся вдругъ и закипалъ самою, впрочемъ, не разнообразною дѣятельностью, было время нагрузки судовъ. Тогда еще, въ немъ что-то будто копошилось; но за то тотчасъ же съ отплытіемъ каравановъ онъ себя какъ будто вознаграждалъ за кратковременное безпокойство; онъ становился такимъ соннымъ, такимъ тихимъ, что видъ его пустынныхъ улицъ и площадей невольно напоминалъ отдыхающаго въ полдневный жаръ сытаго барана, по которому изрѣдка пробѣгаютъ полевые жучки, въ своихъ запыленныхъ панцыряхъ. И то, и эти-то жучки выползали изъ своихъ норокъ развѣ только за нуждой — купить чаю, зажигательныхъ спичекъ, аршинъ миткалю, или черныхъ гарнитуровыхъ ленточекъ. А во все остальное время всѣ они копошились за своими печами да припечками и ихъ почти никогда не было видно наружи. Пролетаріевъ въ Старомъ Городѣ рѣшительно не водилось: здѣсь у каждаго былъ хоть какой нибудь свой уголъ и каждый могъ свободно скры-

вать свою лѣнь и свое бездѣлье подъ смоковницею своею и подъ виноградомъ своимъ. Но были въ Старомъ Городѣ свои бездомовники, свои «нерачители дома», которые скучали подъ смоковницами своими и безъ всякаго зазрѣнія совѣсти выносили свою праздность на открытое мѣсто. Всѣ эти нерачители собирались во едино на небольшую зеленую площадку надъ берегомъ рѣки, какъ разъ подъ домомъ Маслюхиныхъ, и пребывали здѣсь почти съ ранней зари и до поздней. Здѣсь всякій мало-мальски погожій день обыкновенно можно было видѣть человѣкъ шесть, семь «нерачителей», которые лежали тутъ на животахъ и глядѣли то на темную воду рѣчки, то на раскаленный солнцемъ Батавинскій спускъ. У нихъ не бывало здѣсь ни шуму, ни крику, ни игръ; они даже мало разговаривали, потому-что у нихъ все уже давно было переговорено другъ съ другомъ въ ежедневныхъ собраніяхъ; новыхъ тэмъ для разговоровъ Старый Городъ доставлялъ немного: умретъ кто нибудь, или у кого нибудь дитя родится, да и только; газеты большой объ всемъ этомъ, какъ ни верти, не напишешь. Припечетъ нерачителей теплое солнышко, найдетъ на нихъ дрема сладкая, и они тихо засыпаютъ въ своемъ импровизированномъ клубѣ. Разговоры у нихъ рѣдко вяжутся, и то разговоры развѣ въ родѣ слѣдующаго:

— Печетъ, скажетъ одинъ нерачитель, крестя свой зѣвающій ротъ.

— Богъ даетъ тепло очень, отвѣтитъ другой, и съ этимъ словомъ, забывая завѣтъ вѣры отеческой, вытаскиваетъ изъ-за сапога запрещенную этимъ завѣтомъ трубочку, тихонько ее закуриваетъ въ шапкѣ, и начинаетъ сосать.

— А эту трубочку отлично курить, когда по дорогѣ ѣдешь, заговариваетъ, глядя на курильщика, первый нерачитель, и начинаетъ лѣниво подшвыривать сваливающіяся съ ногъ сапожныя опорки.

Курильщикъ молча сплевываетъ черезъ губу.

— Мы когда шли одинъ разъ степью, продолжаетъ собесѣдникъ: — такъ гдѣ вода соленая, мы совсѣмъ воды мало и пили, а все больше эту трубочку покуривали.

Курильщикъ догадывается, передаетъ запретную снасть сосѣду, и самъ черезъ минуту храпитъ подъ стать всему уснувшему клубу, и храпятъ они такъ дружно и согласно, что братскій храпъ ихъ со всею гармоническою полнотою звуковъ разносится по всему берегу, и долетаетъ до ушей Глафиры, которая, стоя у оконнаго косяка, не сводитъ глазъ съ млѣющей рѣчки, и безпрестанно хочетъ прошептать свое *что?*

Самое живое зрѣлище для членовъ клуба нерачителей доставляютъ спускающіеся съ батавинской горы мальпосты. Какъ бы крѣпко ни спали подъ полуденнымъ солнцемъ, или подъ вечернею тѣнью нерачители, но они непремѣнно слышали, какъ ямщики орутъ, какъ безпощадно хлещутъ кнутьями, и сами до седьмаго пота бьются почтовые ямщики, вытягивая на своихъ измученныхъ клячахъ безобразныя убоища, называемыя «мальпосами». Тутъ сейчасъ же начинались соображенія, что надо бы взять дышловымъ вправо, или выноснымъ влѣво, или дышловымъ влѣво, а выноснымъ вправо; и этимъ соображеніямъ не бывало конца, пока громадный мальпостъ скрывался за горою. Еще болѣе удовольствія этимъ художникамъ было смотрѣть, какъ дилижансы спускались съ той стороны, съ Батавина взвоза, какъ они, скрипя по шоссе заторможенными колесами, швыряли изъ стороны въ сторону подорванныхъ коренниковъ

— Ухъ, какъ нынче претъ прекрасно! говорили клубисты, наблюдая какъ расшатавшееся дышло бьетъ и давитъ едва успѣвающихъ убирать свои подорванныя ноги лошадей.

И опять нерачители мирно засыпали, перекинувшись развѣ только еще однимъ замѣчаніемъ:

— А Маслюхинша, братцы, все стоитъ у окошка, да глазѣетъ. Видать такъ, что она дому совсѣмъ нерачительница.

Старый Городъ только такъ и разбиралъ людей, разсматривая ихъ со стороны ихъ рачительности, или нерачительности. Въ Старомъ Городѣ, конечно, были люди и поразвитѣе, и подальнозорче — была своя интеллигенція, даже было нѣсколько сортовъ этой интеллигенціи; но на всѣхъ представителей этой интеллигенціи Глафира смотрѣла, не видя ихъ вовсе, какъ не видала валявшихся передъ ея домомъ нерачителей. Интеллигенцію эту составляли преимущественно не коренные старогорожане, а люди пришлые — чиновники и духовенство. Всѣ они играли между собою въ карты, строили другъ другу разныя шуточки и штучки, и всѣ жили своею жизнью, не желая никакой иной жизни, и ни о какой иной жизни не мечтали, тогда какъ Глафира жила одnѣми мечтами. Правда, что были въ Старомъ Городѣ и протестанты, люди недовольные своимъ настоящимъ, и протестующіе даже противъ цѣлаго порядка вещей; но эти люди все-таки знали, чего имъ хочется. Первый протестантъ — учитель математики, Варнава Омнепотенскій, напримѣръ, прямо возставалъ противъ всего сущаго; судейша раздѣляла во всемъ мнѣнія Омнепотенскаго, но признавала невозможнымъ упраздненіе браковъ; мѣщанинъ Данило Лихостратоновъ, пропитывавшійся довольно долгое время разноскою по Петербур-

гу сахарнаго мороженаго, пропитался самъ ядомъ абсентеизма и отзывался съ презрѣніемъ о Старомъ Городѣ, о его порядкахъ и вообще о патріотизмѣ онъ держался убѣжденій космополитическихъ, и даже нѣсколько революціонныхъ; но Глафирѣ рѣшительно не было дѣла ни до чего того, противъ чего возставали эти протестанты. Ей рѣшительно было все равно, что̀ думали въ Старомъ Городѣ объ Омнепотенскомъ; она не входила въ разборъ, почему самыя красныя рѣчи комисара Данилки, всѣ въ одно слово называли прямо *брехнею*, и она даже не выразила ни сочувствія, ни охужденія поступку соборнаго дьякона Ахиллы Десницына, заключавшемуся въ томъ, что этотъ дьяконъ, столько же отличавшійся громовымъ голосомъ, сколько непомѣрною силою и рѣшительностью, наслышась о неуважительныхъ отзывахъ комисара Данилки на счетъ церковныхъ обрядовъ, пришелъ однажды среди бѣлаго дня на площадку, гдѣ собирались лежать нерачители, и всенародно избилъ его здѣсь по головѣ палкою.

Ее не занимало даже это великое событіе, несмотря на то, что оно имѣло самую большую огласку и было сигналомъ такой новой борьбы, которой Старый Городъ никогда не ожидалъ и не предвидѣлъ.

XVII.

Начало болѣзнямъ.

Дѣло о нанесеніи ударовъ рукою дьякона Десницкаго мѣщанину Данилкѣ Лихостратонову, въ тотъ же самый день было внесено на рѣшеніе соборнаго протоіерея, отца Савелія Туберозова. Внесено оно было самимъ дьякономъ, который, отщелкавъ Данилку собственноручно, собственноручно же взялъ его за ухо и повелъ всенародно по набережной къ сѣренькому домику отца протоіерея.

Отецъ Туберозовъ, высокій, плотный, сановитый мужчина, съ гордымъ и правильнымъ лицомъ, съ головою, покрытою волосами, густыми словно львиная грива, и пронизанною сѣдыми нитями, сидѣлъ въ это время за круглымъ столикомъ краснаго дерева. Онъ былъ въ одномъ терновомъ подрясникѣ и пилъ чай съ принесенною имъ самимъ просѳорою.

Ахилла-дьяконъ ввелъ Данилку за ухо въ самую залу удивленнаго этой процессіей отца протоіерея и, поставивъ его у притолки, обратился къ хозяину съ такими словами: «я, отецъ протопопъ, сейчасъ наказалъ сего человѣка».

Отецъ протопопъ положилъ на столъ просѳору и взглянулъ на Десницына.

— Онъ смущаетъ народъ и склоняетъ къ непочитанію обрад-

ностей. Онъ говорилъ, и мнѣ сіе стало достовѣрно извѣстно,—что дождь, сею ночью шедшій, послѣ вчерашняго мірскаго молебствія, не по молебствію воспослѣдовалъ.

— Откуда ты это знаешь, глупецъ? спросилъ Туберозовъ стоящаго передъ нимъ растрепаннаго Данилку.

Сконфуженный Данилка молчалъ.

— Говорилъ, отецъ протопопъ, продолжалъ дьяконъ:—что это силою природы послѣдовало.

— Силою природы? процѣдилъ собирая придыханіемъ съ ладони крошечки просфоры отецъ Туберозовъ.—Силою природы вотъ такіе дураки, какъ ты, рождаются, но и то на нихъ посылается лоза, вводящая ихъ въ послушаніе и въ разумъ. Гдѣ ты это научился такимъ разсужденіямъ? А! Говори, я тебѣ приказываю.

— По сомнѣнію, отецъ протопопъ, скромно отвѣчалъ Данилка.

— Сомнѣнія и самомнѣнія тебѣ, дурѣ этакой, не принадлежатъ и посему принялъ ты вполнѣ по заслугамъ своимъ достойное, рѣшилъ отецъ протопопъ, и вставъ съ своего мѣста, самъ своею рукою завернулъ Данилку лицомъ къ порогу и сказалъ: иди, глупецъ, къ себѣ подобнымъ.

Рѣшенія отца протоіерея были безапелляціонны. Отецъ протопопъ Туберозовъ былъ всѣми чтимъ, всѣми уважаемъ и почитаемъ за самаго умнѣйшаго человѣка во всей окружности, слѣдовательно отецъ протопопъ ошибаться и погрѣшать не могъ.

— Сей головѣ, что у насъ подъ камилавкой ходитъ, сопротивустойной еще нѣтъ нигдѣ, утверждалъ всѣмъ и каждому на счетъ отца протопопа Ахилла-дьяконъ, и Ахиллѣ-дьякону никогда противъ этого ни одинъ человѣкъ не возражалъ.

Правда, что былъ одинъ такой записной спорщикъ, это лекарь Пуговкинъ, который не терпѣлъ ничего представляемаго въ превосходной степени, и потому не сдѣлалъ исключенія и для отца Туберозова, но за то же лекарь Пуговкинъ и былъ на этомъ спорѣ посрамленъ и смятъ дьякономъ Ахиллой.

— Кто-же? кто по твоему есть умнѣе отца протопопа? вопросилъ дьяконъ спорщика, чуть только тотъ подалъ слабый голосъ сомнѣнія.

— Да есть такіе люди, отвѣчалъ азартно мотая головою лекарь.

— Да, но гдѣ же они? вѣдь всякій же человѣкъ гдѣ нибудь живетъ; слухъ про него гдѣ нибудь слышится; ну, такъ гдѣ же они, эти люди?

— Гдѣ?... Ну, да вотъ сейчасъ первый царь Соломонъ былъ его умнѣе.

— Ха-ха-ха! Ну да, и хватилъ же кого! Ну, царь Соломонъ; ну, это первый, и жилъ въ Іерусалимѣ, да и то его уже нѣтъ нонѣ.

— Ну, а министръ юстиціи?

— Что? Министръ юстиціи! Ахилла подумалъ съ минуту и рѣшилъ:—Ну, пущай министръ юстиціи; ну, а здѣсь-то кто-же его умнѣе?

Лекарю какъ на зло рѣшительно ничто не приходило въ голову, и дьяконъ остался побѣдителемъ лекаря и еще болѣе утвердилъ за отцомъ Туберозовымъ такую репутацію, что хотя, можетъ быть, и есть въ настоящее время одинъ человѣкъ, который его умнѣе, но и то гдѣ же этотъ человѣкъ? Богъ знаетъ гдѣ; далеко, въ Петербургѣ. Да и потомъ это совсѣмъ не человѣкъ, а «министръ юстиціи», это нѣчто миѳическое, нѣчто такое, что̀ существуетъ только какъ олицетвореніе какой-то непостижимой идеи, и отнюдь не ѣстъ ни пироговъ съ снѣтками, ни кашицы.

Чѣмъ и какъ отецъ протопопъ создалъ себѣ такую репутацію, которая непосредственно сближала его съ министромъ юстиціи и съ царемъ Соломономъ, мы увидимъ впослѣдствіи, но онъ дѣйствительно часто отъ малыхъ вещей дѣлалъ такіе анализы и посылки, до которыхъ другіе не додумывались. Онъ доказывалъ это не разъ и доказалъ даже при дальнѣйшемъ разборѣ дѣла Данилки.

Выпроводивъ за свой порогъ еретичествующаго Данилку, отецъ протоіерей опять чинно присѣлъ, молча докушалъ свой чай, и только тогда, когда все это было обстоятельно покончено съ чаемъ, онъ привсталъ и сказалъ дьякону Ахиллѣ:

— А ты, казакъ этакій, долго еще будешь свирѣпствовать? Не я ли тебѣ внушалъ не давать рукамъ воли?

— Нельзя, отецъ протопопъ; утерпѣть было невозможно; потому что я ужь это давно хотѣлъ доложить вамъ, какъ онъ все противъ божества, и противъ бытописанія; но я все это ему по его глупости снисходилъ доселѣ.

— Да; снисходилъ доселѣ.

— Ей-богу снисходилъ; но ужь когда онъ, слышу, началъ противъ обрядности...

— Да.

Протопопъ улыбнулся.

— Ну, ужь этого я не вытерпѣлъ.

— Да, такъ надо было это всенародно!

— Отчего же, отецъ протопопъ? Святой Николай Арія всенародно же...

— То святой Николай, а то ты! перебилъ его отецъ Туберозовъ. — Понимаешь *ты!* продолжалъ онъ, внушительно погрозивъ дьякону пальцемъ. — Понимаешь ты, что ты курица слѣпая;

что ты ворона, и не подобаетъ тебѣ, яко воронѣ, знать свое *кра*, а не въ эти дѣла вмѣшиваться.

— Да я, отецъ протопопъ..

— Что̀, «отецъ протопопъ»? Я двадцать лѣтъ отецъ протопопъ, и знаю, что «поднявый мечъ, мечомъ и погибнетъ». Что̀ ты костылемъ-то размахался? Забылъ ты, что въ костылѣ два конца? А! забылъ? забылъ, что однимъ по немъ шелъ, а другой могъ по тебѣ пойти? На силищу свою надѣялся! Дромадеръ! Не сила твоя тебя спасла, а вотъ что̀, вотъ что̀ спасло тебя! произнесъ протопопъ, дергая дьякона за рукавъ его рясы.

— Такъ понимай же, и береги, чѣмъ ты отличенъ и во что посвященъ!

— Позвольте, я вѣдь, отецъ протопопъ, свои санъ никогда...

— Что!

— Я свои санъ никогда унизить не согласенъ.

— Да, я знаю, ты даже его возвысить стремишься: богомольцевъ незнакомыхъ іерейскимъ благословеніемъ благословляешь... съ этимъ словомъ, протопопъ сдѣлалъ къ дьякону шагъ, и ударивъ себя по колѣну, прошепталъ:—а кто это, не знаете ли вы, отецъ дьяконъ, кто это у бакалейной лавки, сидючи съ приказными, папиросы куритъ?

Дьяконъ сконфузился и забубнилъ:

— Что жь, я точно, отецъ протопопъ... Этимъ я виноватъ, отецъ протопопъ... но это больше ничего, отецъ протопопъ, какъ по неосторожности, ей-право, отецъ протопопъ, по неосторожности.

— Смотрите, молъ, какой дьяконъ франтъ, какъ онъ хорошо папиросы мусли̇тъ.

— Нѣтъ; ей-право, ей, великое слово ей-ей, отецъ протопопъ. Что́ жь мнѣ этимъ хвалиться? Но вѣдь этой невоздержностью не я одинъ изъ духовныхъ грѣшенъ.

Туберозовъ оглянулъ дьякона съ головы до ногъ, самымъ многозначущимъ взглядомъ, и поднявъ голову спросилъ:

— Что̀ же ты, хитроумецъ, мнѣ этимъ сказать хочешь? То ли, что, молъ, и ты самъ, отецъ протопопъ, куришь?

Дьяконъ смутился и ничего не отвѣтилъ.

Туберозовъ долго-долго наслаждался замѣшательствомъ Ахиллы, и наконецъ, указывая рукою на уголъ комнаты, гдѣ стояли три черешневые чубука, проговорилъ:

— Что́ такое я, отецъ дьяконъ, курю?

Ему опять отвѣчало одно молчаніе.

— Говори же, что̀ я курю?

— Трубку, отвѣтилъ дьяконъ.

— Трубку. — Гдѣ я ее курю? Я ее дома курю?

— Дома курите.

— Въ гостяхъ, у хорошихъ друзей курю?

— Въ гостяхъ курите.

— А не съ прикащиками у лавокъ курю! вскрикнулъ вдругъ, откидываясь всѣмъ тѣломъ назадъ, Туберозовъ, и съ этимъ словомъ, постучавъ внушительно пальцемъ по своей ладони, добавилъ: — ступай къ своему мѣсту, да смотри за собою. — Съ этимъ, отецъ протопопъ сталъ своею большущею ногою на соломенный стулъ, и началъ бережно снимать рукою жолтенькую, канареечную клѣтку.

Въ это время отпущенный съ назиданіемъ дьяконъ было-тронулся молча къ двери, но у самаго порога вздумалъ поправиться хотя однимъ словомъ, и возвращаясь шагъ назадъ въ комнату, проговорилъ:

— Извините меня, отецъ протопопъ, я теперь точно вижу, что онъ свинья, и что на него не стоило обращать вниманія.

— А я тебѣ подтверждаю, что ты ничего не видишь, отвѣчалъ, тихо спускаясь соскакивая съ клѣткой въ рукахъ со стула, отецъ Туберозовъ. — Я тебѣ подтверждаю, добавилъ онъ, подмигнувъ дьякону устами и бровью: — что ты слѣпая курица. — Помни лучше, что гдѣ одна свинья дыру роетъ, тамъ другимъ слѣдъ кладетъ.

— И опять не въ такту, проговорилъ въ себѣ Ахилла-дьяконъ, выскочивъ разрумяненный изъ дома отца протопопа. Какъ ни крѣпки были толстые нервы Ахиллы, онъ все-таки былъ такъ разстроенъ и взволнованъ, что не пошелъ прямо домой, а отправился къ небольшому жолтенькому домику, изъ открытыхъ оконъ котораго выглядывала цѣлая куча бѣлокурненькихъ дѣтскихъ головокъ.

Дьяконъ торопливо взошелъ на крылечко этого домика, потомъ съ крыльца вступилъ въ сѣни, и треснувшись о перекладину лбомъ, отворилъ дверь въ низенькую залу. По залѣ, заложивъ назадъ маленькія ручки, расхаживалъ сухой, миніатюрный человѣчекъ въ подрясникѣ, и съ длинной серебряной цѣпочкой на запавшей груди.

Это былъ сотоварищъ Туберозова, второй соборный священникъ, отецъ Захарія. Онъ лѣтами былъ ровесникъ отца Савелія, но будучи сухъ и до послѣдней степени миніатюренъ, казался гораздо его моложе. У отца Захаріи сѣдой проннзи было гораздо менѣе, чѣмъ у Туберозова, и въ чертахъ лица еще не замѣтно было старческой сухости; у него были дѣтскіе, голубые глазки, и лицо самое доброе, и все какъ будто улыбающееся.

Ахилла-дьяконъ входилъ въ домъ къ отцу Захарію совсѣмъ

не съ тою физіономіею и не той поступью, съ какими онъ вступалъ къ отцу протопопу. Напротивъ, даже самое смущеніе его, съ которымъ онъ вышелъ отъ Туберозова, по мѣрѣ его приближенія къ дому отца Захаріи, все исчезало, и наконецъ, на самомъ порогѣ замѣнилось уже крайнимъ благодушіемъ. Дьяконъ спѣшилъ вбѣжать въ комнату какъ можно скорѣе, и отъ нетерпѣнія еще у порога начиналъ:

— Ну, отецъ Захарія! ну...

— Что̀ такое? спросилъ съ кроткою улыбкою отецъ Захарія, и остановясь на одну минутку передъ дьякономъ, сказалъ: — чего егозишься, а? чего это? чего? и съ этимъ словомъ священникъ, не дождавшись отвѣта, тотчасъ же заходилъ снова.

Дьяконъ прежде всего весело расхохотался, и потомъ воскликнулъ:

— Ну, да и былъ же мнѣ пудромантель! Охъ, отче, отъ мыла голова болитъ.

— Кто же? а? Кто, молъ, тебя пробиралъ-то?

— Да вѣдь одинъ у насъ министръ юстиціи.

— А, отецъ Савелій.

— Никто же другой. Дѣло, отецъ Захарія, необыкновенное по началу своему, и по окончанію необыкновенное. Смялъ все, стиговстилъ, повернулъ Богъ знаетъ куда лицомъ, и вывелъ что̀ такое, чего разсказать не умѣю.

Дьяконъ сѣлъ, и съ мельчайшими подробностями передалъ отцу Захарію всю свою исторію съ Данилой и съ отцомъ Туберозовымъ. Захарія, во все время этого разсказа, все ходилъ тою же подпрыгивающей походкой. Только лишь онъ на секунду пріостанавливался, повременамъ устранялъ съ своего пути то одну, то другую изъ шнырявшихъ по комнатѣ бѣлокурыхъ головокъ, да когда дьяконъ совсѣмъ кончилъ, то, при самомъ послѣднемъ словѣ его разсказа, закусивъ губами кончикъ бороды, проронилъ внушительное: да-съ, да, да, да—однако, ничего.

— Я больше никакъ не разсуждаю, что они въ гнѣвѣ и еще...

— Да; и еще что́ такое? — Подите вы прочь, пострѣлята! — Такъ, и что̀ такое еще? любопытствовалъ Захарія, распихивая въ то же время съ дороги дѣтей.

— И что я еще въ это время такъ неполитично трубки коснулся, объяснилъ дьяконъ.

— Да; ну, конечно... разумѣется... отчасти оно могло тоже... да; но, впрочемъ, все это... Подите вы прочь, пострѣлята! впрочемъ, все пройдетъ, да, пройдетъ, дьяконъ, пройдетъ.

И дьяконъ совершенно этимъ успокоился, и даже, встрѣтясь по дорогѣ домой съ Данилою, остановилъ его и сказалъ:

— Ты, братъ, на меня не сердись; я если наказалъ тебе, то по христіанской обязанности наказалъ.

— Всенародно оскорбили, отецъ дьяконъ! отвѣчалъ Данилка, тономъ обиженнымъ, но звучащимъ склонностью къ примиренію.

— Ну, и что́ жь теперь будешь дѣлать, когда я строгъ?... Я тебѣ въ сѣняхъ у городничаго говорилъ: разсуждай, Данило, по бытописанію, какъ хочешь; но обряда не касайся. Говорилъ я вѣдь это: «не касайся обряда»?

Данилка нехотя кивнулъ головою.

— Да, продолжалъ дьяконъ: — я говорилъ. А почему я такъ говорилъ? Потому, что это наша жизненность, существо наше, и ты его не касайся. Понялъ теперь, Данило?

— Строго, строго очень поступили, отецъ дьяконъ, говорили находившіеся при этомъ разговорѣ два мѣщанина.

Ахилла-дьяконъ, выслушавъ это замѣчаніе, добродѣтельно вздохнулъ, и положивъ свои руки на плечи обоихъ мѣщанъ, сказалъ:

— Строгъ!... и, подумавъ минутку, добавилъ: — но за то и справедливъ.

И съ этимъ они всѣ разошлись, и къ вечеру того же дня, исторія эта уже была почти позабыта; всѣ были успокоены и всѣ отошли ко сну своему тихо, мирно и безмятежно. Не такъ отнесся къ этому дню только одинъ Туберозовъ.

XVIII.

Савельева синяя книга.

Протоіерей Туберозовъ, выпроводивъ дьякона, ни лицомъ своимъ, ни поступками, не обнаружилъ ни гнѣва, ни смущенія. Оставшись самъ съ собою, онъ спокойно перемѣнилъ кормъ своимъ канарейкамъ, потомъ походилъ по саду, потомъ въ свое время пообѣдалъ и заснулъ въ залѣ на мятомъ турецкомъ диванѣ, обитомъ свѣтлымъ мёбельнымъ ситцемъ. Возставъ отъ послѣобѣденнаго сна, отецъ Савелій прошелся, навѣстилъ городничаго и возвратился домой, когда для него на томъ же самомъ диванѣ уже была постлана бѣлая простыня, и положены двѣ большія подушки и легкое ситцевое одѣяло.

Отецъ Туберозовъ закусилъ и простился со своей протопопицей. Прощанье отца протопопа съ женою происходило обыкновенно въ продолговатой узенькой комнаткѣ рядомъ съ гостиной, служившей Туберозову въ то же время и кабинетомъ и спальней. Протопопица спала одна на широкой кровати въ упомянутой

узенькой комнатѣ, гдѣ у окошечка стоялъ маленькій ломберный столикъ. На этомъ-то столикѣ для отца протоіерея и приготовлялась его легкая вечерняя закуска. Протопопица сама никогда не ужинала, потому что иначе ей снились страшные сны. Она обыкновенно только сидѣла передъ мужемъ, пока онъ закусывалъ, и оказывала ему небольшія услуги. Потомъ они оба вставали, молились передъ образомъ и непосредственно затѣмъ оба начинали крестить одинъ другого. Это взаимное благословеніе другъ друга на сонъ грядущій они производили всегда оба одновременно и при томъ съ такою ловкостью и быстротою, что нельзя было надивиться, какъ ихъ быстро мелькавшія руки не щекнутъ одна по другой, и одна другую не остановятъ.

Получивъ взаимныя благословенія, супруги напутствовали другъ друга и взаимнымъ поцалуемъ, причемъ отецъ протопопъ цаловалъ свою низенькую жену въ лобъ, а она его въ сердце. Затѣмъ они разставались: отецъ протопопъ уходилъ въ свою гостиную, запиралъ за собою на крючокъ дверь, и поправивъ собственными руками свое изголовье, садился въ одномъ бѣльѣ потурецки на диванъ и выкуривалъ трубку, а потомъ предавался покою. Точно такъ же пришелъ онъ въ свою комнату и сегодня, и также выкурилъ свою трубку, но не легъ въ постель, а всталъ, взялъ къ себѣ на колѣна маленькую кучерявую, коричневую собачку и сталъ щекотать ея шейку.

— Отецъ Савелій, ты чего-то сомнѣваешься? спросила черезъ стѣнку протопопица, хорошо изучавшая всѣ мельчайшія привычки мужа.

— Нѣтъ, другъ, ни въ чемъ не сомнѣваюсь! отвѣчалъ, вздохнувъ, протопопъ, и положивъ собачку въ ноги на свою постель, прикрылъ ее одѣяломъ.

— Тебѣ не подать ли, отецъ протопопъ, на ночь чистый платочекъ? освѣдомилась, приложивъ свой курносый носикъ къ створу двери, Наталья Николавна.

— Платочекъ? да вѣдь ты мнѣ въ субботу дала платочекъ.

— Ну такъ что-жь что въ субботу?... Да отопритесь... что это вы за моду такую взяли, чтобъ запираться?

Попадья принесла чистый фуляровый платокъ и они съ мужемъ снова начали крестить другъ друга и снова разстались.

Отцу протопопу не спалось. Онъ долго ходилъ по своей комнатѣ и наконецъ подошелъ къ небольшому красному шкафику, утвержденному на высокомъ комодѣ съ выгнутою доскою. Изъ этого шкафа отецъ протопопъ досталъ евгеніевскій календарь, переплетенный въ толстую синюю папку съ желтымъ холщевымъ

корешкомъ, положилъ эту книгу на кругломъ столикѣ, стоявшемъ у его постели, и зажегъ передъ собою двѣ экономическія свѣчки.

— Будешь читать вѣрно? спросилъ опять въ эту минуту изъ-за стѣны голосъ заботливой протопопицы.

— Да, почитаюсь немножко, отвѣчалъ отецъ Туберозовъ, и осѣдлавъ свой гордый римскій носъ большими очками, началъ медленно перелистывать свою синюю книгу.

Онъ не читалъ, а только перелистывалъ эту книгу и притомъ останавливался не на томъ, что̀ въ ней было напечатано, а только просматривалъ его собственною рукою исписанныя прокладныя страницы.

Всѣ эти записи были сдѣланы разновременно и отличались нерѣдко весьма большою оригинальностью и разнообразіемъ. Всѣ онѣ были замѣчательны своею краткостью и сжатостью, но несмотря на эту краткость, повидимому, воскрешали передъ отцомъ протопопомъ цѣлый міръ воспоминаній, къ которымъ старшій попъ Стараго Города любилъ отъ времени до времени обращаться.

Сегодня онъ просматривалъ свой календарь съ самой первой прокладной страницы, на которой было написано: «По рукоположеніи меня 4-го февраля 1831 года преосвященнымъ Гавріиломъ во іерея, получилъ я отъ него сію книгу въ подарокъ за мое доброе прохожденіе семинарскихъ наукъ и за поведеніе».

За первою надписью, совершенною въ первый день іерейства Туберозова, была вторая: «Проповѣдывалъ впервые въ соборѣ послѣ архіерейскаго служенія. Темою проповѣди избралъ текстъ притчи о сыновьяхъ вертоградаря: «Одинъ сказалъ *не пойду* и пошелъ, а другой отвѣчалъ *пойду*, и не пошелъ». Говорилъ плавно и естественно. Владыко одобрили и послѣ обѣдни поставили отцу ректору на замѣчаніе, отчего въ семинаріи мнѣ не дана была фамилія *Остромысленскій;* но, впрочемъ, присовокупили владыко, и сія фамилія Туберозовъ для проповѣдника весьма благоприличная.

«1832 года, декабря 18-го, гласила слѣдующая надпись: былъ призванъ высокопреосвященнымъ и получилъ назначеніе въ Старый Городъ, гдѣ нарочито силенъ расколъ. Указано противодѣйствовать оному всячески».

«1833 года въ восьмой день февраля выѣхалъ съ попадьею изъ Благодухова въ Старый Городъ и прибылъ сюда 12-го числа о заутрени. Въ церкви засталъ нестроеніе. Расколъ силенъ».

«Осмотрѣвшись, нахожу, что противодѣйствіе расколу точка въ точку по консисторской инструкціи немыслимо и о семъ пи-

салъ въ консисторію и получилъ выговоръ. Писано 17-го апрѣля».

Протоіерей пропустилъ нѣсколько замѣтокъ и остановился опять на слѣдующей: «получивъ замѣчаніе о недоставленіи доносовъ, оправдывался, что въ расколѣ дѣлается все извѣстное, про что и писать не чего, и при семъ добавилъ въ рапортѣ, что духовенство находится въ крайней бѣдности и того для, по человѣческой слабости, не противудѣйственно подкупамъ и само потворствуетъ расколу. За сей доносъ получилъ строжайшій выговоръ и замѣчаніе и вызванъ къ личному объясненію.»

Ниже, чрезъ нѣсколько записей, значилось: «Былъ по дѣламъ въ губерніи и преставляясь владыкѣ докладовалъ о бѣдности причтовъ. Владыко очень о семъ соболѣзновали; но замѣтили, что и самъ Господь нашъ не имѣлъ гдѣ главы восклонить, а къ сему учить не уставалъ. На сіе ничего его преосвященству не возражалъ.»

«Политично за вечернимъ столомъ у отца ключаря еще разъ заводилъ рѣчь о семъ же предметѣ съ отцемъ благочиннымъ и съ секретаремъ консисторіи; однако сіи рѣчи мои обращены въ шутку. Секретарь со усмѣшкой сказалъ, что «бѣдному удобѣе въ царствіе Божіе внити», что мы и безъ его благородія знали; а отецъ ключарь при семъ разсказали небезъинтересный анекдотъ объ одномъ студентѣ, который, будучи въ мирскомъ званіи, на вопросъ владыки, имѣетъ-ли онъ состояніе? отвѣтствовалъ: «имѣю, ваше преосвященство, и движимое, и недвижимое». Что же такое утебя есть движимое? вопросилъ его владыко, видя замѣтную мизерность его костюма. «А движимое у меня, — домъ въ селѣ», отвѣтствовалъ вопрошаемый. «Какъ такъ, домъ движимое?» — «А такъ что какъ вѣтеръ подуетъ, то онъ весь и движется». Владыкѣ отвѣтъ сей весьма своеобразнымъ показался и онъ еще болѣе любопытствуя вопросилъ: «А что же ты своею недвижимостью нарицаешь?» — «А недвижимость моя, отвѣчалъ студентъ, матушка моя, дьячиха, да наша коровка бурая, кои обѣ ногъ не двигаютъ, одна отъ старости, другая же отъ безкормицы». Не мало сему всѣ мы смѣялись, хотя я впрочемъ находилъ въ семъ наиболѣе достойнаго горькаго плача, нежели веселости. Начинаю замѣчать во всѣхъ значительную смѣшливость и легкомысліе, въ коихъ добраго не предусматриваю.

Позже чрезъ годъ было написано:

«Представлялъ репортомъ о дозволеніи имѣть на пасхѣ словопреніе съ раскольниками, — въ чемъ и отказано. Въ добавокъ къ форменной бумагѣ секретарь смѣючись отписалъ приватно,

что если скука одолѣваетъ, то чтобы къ нимъ проѣхался. Нѣтъ ужь покорнѣйше спасибо!

13 окт. 35 г. «Читалъ книгу объ обличеніи раскола. Все въ ней есть, да одного нѣтъ, что раскольники *блюдутъ свое заблужденіе*, а мы своимъ *правымъ путемъ небрежемъ* и какъ младенцы идемъ онымъ играючи; а сіе, мню, яко важнѣйшее.

«Сегодня утромъ, 18-го марта сего 1836 года, попадья Наталья Николаевна намекнула мнѣ, что она чувствуетъ себя непорожнею. Подай Господи намъ сію радость. Ожидать 9-го ноября.

«9-го мая на день св. Николая угодника происходило разрушеніе дѣевской часовни. Зрѣлище было страшное и непристойное, и къ сему же какъ на зло желѣзный крестъ съ купольнаго фонаря сорвался и повисъ на цѣпяхъ, а будучи понуждаемъ баграми къ паденію, упалъ внезапно и проломилъ пожарному солдату голову, отчего тотъ здѣсь же и померъ. Вечеромъ къ молельной собирался народъ, и ихъ, и нашъ церковный и много горестно плакали.

«10 мая. Были большія со стороны начальства ошибки. Предъ полунощью прошелъ слухъ, что народъ вынесъ на камень лампаду и началъ молиться надъ разбитой молельной. Всѣ мы собрались и видимъ, точно идетъ моленіе и лампада горитъ въ рукахъ у старца и не потухаетъ. Городничій велѣлъ подвезти пожарныя трубы и изъ нихъ народъ окачивать. Было сіе весьма необдуманно и скажу даже глупо, ибо народъ зажегъ свѣчи и пошелъ по домамъ воспѣвая «мучителя фараона» и крича «Господь побораетъ намъ и вѣтеръ свѣщей не гаситъ». Говорилъ городничему, сколь неосторожно сіе его распоряженіе; но ему что? ему лишь бы у нѣмца выслужиться.

«17-го мая попадья Наталья Николаевна намекнула, что она ошиблась.

«20-го мая. По донесенію городничаго, за нехожденіе со крестомъ о пасхѣ въ дома раскольниковъ, былъ снова вызванъ въ губернію. Изложилъ сіе дѣло владыкѣ обстоятельно, что сіе учинилъ не по нерадѣнію, ибо то даже въ карманный ущербъ самому себѣ учинено было; но сдѣлалъ сіе для того, дабы раскольники чувствовали, что чести моего съ причтомъ посѣщенія лишаются. Владыко задумались и потомъ объясненіе мое приняли; но царь жалуетъ, да псарь разжалываетъ. Такъ-какъ дѣло сіе касалось и гражданской власти, то дабы и тамъ конецъ оному положить, владыко послали меня объяснить сіе губернатору.

«Оле мнѣ грѣшному, что я здѣсь вытерпѣлъ!

»Оле вамъ братія мои, искреніи и други, за срамоту мою и униженіе! Губернаторъ яко нѣмецъ, соблюдая амбицію, попа къ

себѣ не допустилъ, а отрядилъ меня для собесѣдованія о семъ къ правителю. Сей же правитель, полякъ, не повладычнему дѣло сіе разсмотрѣть изволилъ, а напустился на меня съ крикомъ и рыканіемъ, говоря, что я потворствую расколу и сопротивляюсь волѣ моего государя. Оле тебѣ ляше прокаженный, и ты меня сопротивленіемъ царю упрекаешь? Однако ушелъ молча, памятуя хохлацкую пословицу: «скачи враже, какъ панъ каже».

«Марта. Сегодня въ субботу страстную приходили причетники и дьяконъ просить, дабы шелъ со крестомъ на пасхѣ и по домамъ раскольниковъ, ибо несоблюденіе сего имъ въ ущербъ. Отдалъ имъ изъ своихъ денегъ сорокъ рублей, но не пошелъ на сей срамъ, дабы принимать деньги у воротъ, какъ подаяніе.

«11-го іюля 1837 года былъ осрамленъ до слезъ и до рыданія. Опять былъ на меня доносъ, и опять я предстоялъ передъ онымъ губернаторскимъ правителемъ за невхожденіе со крестомъ въ дворы раскольниковъ. Доносъ сдѣланъ причетомъ. Какъ перенести сію низость и неблагородство? Мыслитель и администраторъ! сложи въ просвѣщенномъ умѣ своемъ, изъ чего жизнь попа русскаго сочетавается. Возвращаясь домой, цѣлую дорогу сѣтовалъ на себя, что не пошелъ въ академію, но пріѣхавъ домой, былъ нѣжно обласканъ попадьею и возблагодарилъ Бога, тако устроившаго, яко же есть.

«Декабря 29. Начинаю замѣчать, что городничество не благоволитъ ко мнѣ, а за что, сего отгадать не въ силахъ. Предположилъ устроить у себя въ домѣ на святкахъ вечернія собесѣдованія съ раскольниками; но сіе вдругъ стало извѣстно въ губерніи и сочтено за непозволительное и дано мнѣ замѣчаніе. Не инако думаю, какъ городничему порученъ за мною особый надзоръ. Наилучшее къ сему шуточно относиться.

«1-го генваря, благослови вѣнецъ лѣта благости твоея Господи, а попу Савелью новый путь въ губернію. Видно, и окропленіе мое не дѣйствуетъ.

«8 генваря, день крещенія Господня. Пишу сіе сидя въ смрадницѣ въ архіерейскомъ домѣ при семинарскомъ корпусѣ. Къ винѣ моей о собесѣдованіяхъ присоединена пущая вина. Донесено губернатору, что моимъ дьячкомъ Лукьяномъ промѣнена раскольникамъ старопечатная псалтырь изъ книгъ дѣевской молельной, кои находятся у меня на сохраненіи. Дѣло то и вправду совершилось, но я оное утаилъ, считая то, вопервыхъ, за ничтожное, а вовторыхъ, зная тому причину — бѣдность, которая Лукьяна дьячка довела до сего. Но сіе пустое дѣло мнѣ прямо

*

вмѣнено въ злодѣйское преступленіе и взятъ подъ началъ и посланъ въ семинарскую квасную квасы квасить.

«9 апрѣля. Возвратился изъ-подъ начала. Тронутъ былъ очень слезами жены дьячка Лукьяна. А самаго Лукьяна сослали въ пустынь, но всего, впрочемъ, на одинъ годъ.

«Августа 15. Вернулся изъ губерніи пономарь Евтихеичъ и сказывалъ, что между владыкою и губернаторомъ произошла нѣкая распря изъ-за визита.

«2 октября. Слухи о распрѣ подтверждаются. Губернаторъ, бывая въ царскіе дни въ соборѣ, имѣетъ обычай въ сіе время довольно громко разговаривать. Владыко положили прекратить сіе обыкновеніе и послали своего костыльника просить его превосходительство вести себя благопристойнѣе, сказавъ при семъ, что это не въ киркѣ. Губернаторъ принялъ сіе амбиціонно и черезъ малое время снова возобновилъ свои бесѣды; но на сей разъ владыко уже сами остановились и громко сказали:

«— Я уже теперь начну, когда ваше превосходительство кончите.

«Очень это со стороны владыки одобряю.

«8 ноября. Получилъ набедренникъ. Не знаю, чему приписать. Развѣ предъидущему.

«6 генваря 1837 г. Новая новость! Владыко на новый годъ остановилъ губернаторскую дочь, когда она подходила къ благословенію въ рукавичкѣ, и сказали:

«— Скинь прежде съ руки собачью шкуру.

«А я до сей поры и не зналъ, что наша губернаторша не нѣмка.

«1 февраля представленъ къ скуфьѣ.

«17 марта. Богоявленскій протопопъ, идучи ночью, отъ боли взятъ обходными въ часть, яко бы былъ въ нетрезвомъ видѣ. Владыко на другой день въ мантіи его посѣтили. О, ляше правитель, будете вы теперь сію продѣлку свою помнитѣ!

«18 мая. Владыко переведены въ другую эпархію.

«16 августа. Былъ у новаго владыки. Мужчина, показалось, весьма разсудительный и характерный. Разговаривали о состояніи духовенства и приказали составить о семъ записку. Сказали, что рекомендованъ имъ прежнимъ владыкой съ отличной стороны. Спасибо тебѣ, бѣдный дѣдуня!

«25 декабря. Не знаю, что о себѣ думать, къ чему я рожденъ и на что призванъ. Попадья укоряетъ меня, что я и въ сей праздникъ работаю, а я себѣ лучшаго и удовольствія не нахожу,

какъ сію работу. Пишу мою записку съ радостію такою и любовію, что и сказать не умѣю. Озаглавилъ ее такъ: «О положеніи православнаго духовенства и о средствахъ, какъ оное возвысить». Думаю, что такъ будетъ добре. Никогда еще не помню себя столь счастливымъ и торжествующимъ, столь добрымъ и столь силы и разумѣнія преисполненнымъ.

«1 апрѣля. Представилъ записку владыкѣ. Попадья говоритъ, напрасно сего числа представлялъ; по ея уму число сіе обманчиво. Замѣтимъ.

«10 августа. Произведенъ въ протоіерея.

«4 генваря 1839 года. Получилъ пакетъ изъ консисторіи, и сердце мое, стѣсненное предчувствіемъ, забилось радостью; но сіе было не о запискѣ моей, а дарованъ мнѣ наперстный крестъ. Благодарю, весьма благодарю; но объ участи записки моей все-таки сѣтую.

«8 апрѣля. Назначенъ благочиннымъ. О запискѣ слуховъ не имѣется. Не знаю, чѣмъ бы сіи трубы вострубить заставить?

«10 апрѣля 1840 года. Годъ какъ благочинствую. О запискѣ слуховъ нѣту. Видно, попадья не все пустякамъ вѣритъ. Сегодня она меня насмѣшила, замѣтивъ, что я, можетъ быть, не такъ подписался.

«20 іюня 1841 года. Воду прошедъ яко сушу, и египетскаго зла избѣжавъ, пою Богу моему дондеже есмь. Что это со мною было? Что такое я вынесъ, и какъ я изо всего этого вышелъ на свѣтъ божій? Любопытенъ я весьма, что дѣлаешь ты, сочинитель повѣстей, басенъ, балладъ и романовъ, не усматривая въ жизни тебя окружающей нитей, достойныхъ вплетенія въ занимательную для чтенія басню твою? Или тебѣ, исправитель нравовъ человѣческихъ, и вправду нѣтъ никакого дѣла до жизни, а нужны только претекстъ для празднословія? Вѣдомо ли тебѣ, что такое есть попъ, котораго призвали, чтобы привѣтствовать твое рожденіе и призовутъ еще разъ проводить тебя въ могилу? Извѣстно ли тебѣ, что жизнь сего попа не скудна бѣдствіями и приключеніями, или ты думаешь, что его кутейному сердцу недоступны высокія страсти, и что оно не слышитъ страданія? Или же ты съ своей авторской высоты не замѣчаешь меня, попа; или ты мыслишь, что уже самое время мое прошло, и что я уже ненуженъ странѣ, тебя и меня воскормившей и воспитавшей?... *О, слѣпецъ*! скажу я тебѣ, если ты мыслишь первое; *о, глупецъ*! скажу тебѣ, если ты мыслишь второе, и въ силу сего заключенія стремишься не поднять и оживить меня, а навалить на меня камень и глумиться надъ тѣмъ, что я смраденъ сталъ задохнувшися. Сколько тѣхъ хитростей употреблено тобою разновременно,

дабы осмѣять меня, подъ именемъ жрецовъ, браминовъ и факировъ, и сколько посмѣется надъ тобою за весь сей трудъ твой позднѣйшій потомокъ, которому время его дастъ поразмыслить о результатахъ нашего приниженія и пригнетенія. Будетъ то время, а можетъ быть, и нынѣ есть, когда по поводу сего не единымъ человѣкомъ вспомнится старая исторія о реалистахъ хозяевахъ, истребившихъ на земляхъ своихъ всѣхъ пернатыхъ, дабы они вишни напрасно не съѣли, а впослѣдствіи лишившихся за то всѣхъ полей отъ ничтожной тли и мошки.

«Но снисхожу отъ философствованія и предрекательствъ къ тому событію, по которому напало на меня сіе философствованіе.

«Я отрѣшенъ отъ благочинія и чуть не изверженъ сана. А за что? А вотъ за что. Запотую повѣсть сію съ подробностью.

«Въ мартѣ мѣсяцѣ сего года, въ проѣздъ черезъ нашъ городъ нѣмца съ полякомъ, предводителемъ дворянства, было праздновано торжество, и я, пользуясь симъ случаемъ моего свиданія съ губернаторомъ, обратился къ оному сановнику съ жалобою на обремененіе помѣщиками крестьянъ работами въ воскресные дни и даже въ двунадесятые праздники, и говорилъ, что такимъ образомъ бѣдность наша еще увеличивается, ибо по цѣлымъ селамъ нѣтъ ни у кого ни ржи, ни овса... Но только лишь я слово сіе «овса» выговорилъ, какъ сановникъ мой возгорѣлся гнѣвомъ, прянулъ отъ меня какъ отъ гадины и закричалъ: «Да что вы ко мнѣ съ овсомъ пристали! Я овсомъ не торгую!» Этого я не долженъ былъ стерпѣть и отвѣчалъ: «А вы должны знать, что если нужна наша Русь, то нужны ей и дьякъ и священникъ». Разсмѣявшись злобнымъ смѣхомъ на мои слова, оный полякъ-правитель подсказалъ мнѣ: «не бойтесь, отецъ, было бы болото, а черти найдутся». Эта послѣдняя вещь была для меня горше первой. Кто сіи *черти?* что сіе *болотомъ* твои ляшскія уста назвали? подумалъ я въ гнѣвѣ, и не удержавъ себя въ совершенномъ молчаніи, отвѣчалъ польскому кобелю, на Руси сидящему паномъ: «Что у дурака бываетъ одна рѣчь на пословицу, да и та дурацкая, и что я, уважая санъ свой, даже и его сляха на сей разъ чортомъ назвать не хочу, дабы симъ самымъ не обозвать свою Русь болотомъ». И чѣмъ же сіе для меня кончилось? Нынѣ я, *бывый благочинный* и, слава Тебѣ Творцу моему, что еще не *бывый попъ* и не разстрига. Нѣтъ, сего ты, сочинитель, должно

быть, не спишешь. Да; будетъ съ твоей головы знать и про одни печеныя яйца.

«3-го сентября. Осенняя погода нагоняетъ жесточайшую скуку. Привыкъ весьма дѣйствовать—нынѣ тоскую, и до той глупости, что даже секретно отъ жены часто плачу.

«27-го января 1842 года. Купилъ у жида за семь рублей органчикъ и игорныя шашки.

«Мая 18-го. Взялъ въ клѣтку чижа и началъ учить подъ органчикъ.

«2-го марта 1845 года. Три года прошло безъ всякой перемѣны въ жизни. Домикъ свой чинилъ, да занимался чтеніемъ отцовъ церкви и историковъ. Вывелъ два заключенія, и оба желаю признавать ошибочными. Первое изъ нихъ, что христіанство еще на Руси не проповѣдано; а второе, что событія повторяются и ихъ можно предсказывать. О первомъ заключеніи говорилъ разъ съ отцомъ Николаемъ, и былъ удивленъ, какъ онъ это внялъ, и согласился. Значитъ, не я одинъ сіе вижу, а и другіе видятъ, но отчего же имъ всѣмъ это смѣшно; а моя утроба симъ до кровей возмущается.

«Новый 1846 годъ. Къ намъ начинаютъ ссылать поляковъ. О запискѣ моей еще свѣдѣній нѣтъ. Сильно интересуюсь политичною заворожкою, что̀ начинается на Западѣ, и препумеровалъ для сего себѣ газету. Чтеніе исторіи кончено.

«6-го мая 1847 года. Прибыли къ намъ еще два новые поляка, панъ Алонзій Конаркевичъ, да панъ Болеславъ Непокойчицкій, сей въ лѣтахъ самыхъ юныхъ, но уже и теперь канальи весьма комплектная. Городничиха наша, яко полька, собрала около себя цѣлый сонмъ соотчичей и сего Августина, или Августа, нарочито къ себѣ приблизила. Толкуютъ, что сіе будто потому, что сей юнецъ изряденъ видомъ и милъ манерами, но мнѣ мнится здѣсь нѣчто иное.

«20-го ноября. Замѣчаю нѣчто весьма удивительное и непонятное: поляки у насъ словно господами нашими дѣлаются: все черезъ нихъ у городничаго можно сдѣлать и въ губерніи тоже, ибо сей Непокойчицкій оному моему правителю оказывается пріятель.

«3-го февраля 1848 года. Чего съ роду не хотѣлъ сдѣлать, то нынѣ сдѣлалъ: написалъ на поляковъ порядочный доносъ, потому что превзошли всякую мѣру. Мало того, что они уже съ давнихъ поръ гласно издѣваются надъ газетными извѣстіями и представляютъ, что все сіе, что̀ въ газетахъ изложено, яко бы

не такъ, а совершенно обратно, яко бы насъ бьютъ, а не мы бьемъ непріятелей, но отъ слова уже и до дѣла доходятъ. На панихидѣ за воиновъ на брани убіенныхъ подняли съ городничихою столь непристойный хохотъ, что отецъ протоіерей послалъ причетника попросить ихъ о спокойномъ стояніи, или о выходѣ, послѣ чего они улыбаючись изъ храма вышли. Но когда мы съ причтомъ, окончивъ служеніе, проходили мимо бакалейной лавки Ляляныхъ, то одинъ изъ поляковъ вышелъ со стаканомъ вина на крыльцо и, подражая голосомъ діакону, возгласилъ: *много ли это?* Я все сіе понялъ, что это посмѣяніе многолѣтію, и такъ и описалъ, и сего не срамлюсь, и за доносчика себя не почитаю, ибо я русскій и деликатность съ таковыми людьми долженъ считать за неумѣстное.

«1-е апрѣля, вечеромъ. Донесеніе мое о поступкѣ поляковъ, какъ видно, хотя поздно, но все-таки возымѣло свое дѣйствіе. Сегодня утромъ пріѣхалъ въ городъ жандармскій начальникъ, Бржебржицкій, и пригласивъ меня къ себѣ, долго и въ подробности обо всемъ этомъ разспрашивалъ. Я разсказалъ все, какъ было; а онъ объявилъ мнѣ, что всѣмъ этимъ польскимъ мерзостямъ на Руси скоро будетъ конецъ. Опасаюсь однако, что все сіе, какъ на зло, сказано мнѣ *перваго апрѣля.* Начинаю вѣрить, что число сіе дѣйствительно обманчиво.

«7-го сентября. Первое апрѣля на сей разъ, мнится, не обмануло: Капаркевича и Непокойчицкаго обоихъ перевели на жительство въ губернію.

«25-го ноября. Нашъ городничій съ супругою изволили выѣхать: онъ опредѣленъ въ губернію полицмейстеромъ.

«5-го декабря. Прибылъ новый городничій. Сей уже не токмо имѣетъ жену польку, но къ тому еще и самъ полякъ. Называется капитанъ Мрачковскій. Фамилія отъ слова *мракъ.* Ты, Господи вѣси, когда къ намъ что-нибудь отъ *свѣта* приходить станетъ.

«9-го декабря. Былъ сегодня у новаго городничаго на фрыштыкѣ. Любезностью большой обладаютъ оба, и онъ, и жена. Подвыпивъ изрядно, пѣлъ намъ: «Ты помнишь ли, товарищъ славы бранной?» А потомъ сынишка, одѣтый въ русской рубашонкѣ, тоже пѣлъ: «Ахъ морозъ, морозецъ, молодецъ ты русскій».

«20-го декабря. Нѣтъ, первое-то апрѣля нетолько обманчиво, а и загадочно. Не хочу даже всего со мною бывшаго въ сей пріѣздъ въ губернію вписывать, а скажу одно, что руганъ и срамленъ былъ всячески и только что не битъ остался за мое

донесеніе. Не вѣдаю съ чьихъ рѣчей, прямо накинулись на меня, что «ты, дескать, ужь надоѣлъ своимъ сутяжничествомъ; не на добро тебя и грамотѣ выучили, чтобы ты не въ свое дѣло мѣшался, ябедничалъ, да сутяжничалъ». Серцевѣдецъ мой! Когда жь это я ябеды пускалъ и съ кѣмъ сутяжничалъ? Но ничего я и отвѣчать не могъ, потому что каждое движеніе губъ моихъ встрѣчало грозное, «молчи!» Избыхся всѣхъ *лишнихъ* и се возвратясь сижу и твержу себѣ то слово: *молчи*, и вижу, что слово сіе разумно. Одною единымъ, единаго не понимаю, отчего мой поступокъ, хотя можетъ быть и неосторожный, не инымъ чѣмъ, не неловкостію и не образованностію моею изъясненъ, а чѣмъ бы вамъ мнилось? злопомнѣніемъ, что меня пьянымъ не напоили, къ чему я однако, благодаря моего Бога, и непривержень? Отъ малаго сего къ великому заключая, припоминаю себѣ слова французской дѣвицы Шарлоты Кордай д'Армонъ, какъ она въ предказненномъ письмѣ своемъ писала, что «у новыхъ народовъ мало патріотовъ, кои бы самую простую патріотическую горячность понимали и вѣрили бы возможности чѣмъ-либо ей жертвовать. Вездѣ эгоизмъ и все имъ объясняется». Оно бы, глядючи на однихъ своихъ, пожалуй и я заключить сіе склоненъ; но имѣя передъ очами сихъ самыхъ поляковъ, у которыхъ всякая дальняя сосна своему бору шумитъ, да раскольниковъ, коихъ всѣ обиды и пригнѣтенія не отучаютъ любить Руси, подумаешь, что есть еще и любовь къ отечеству своему. Вотъ до чего домыслишься!... Однако звучно да будетъ мнѣ по вся дни сіе слышанное мною: *молчи*.

«2 января 1849 года. Ходилъ по всѣмъ раскольникамъ и бралъ у воротъ сребреники и злотницы. Противиться мнѣ не время; однако же минутами горестно сіе чувствовалъ; но дѣлалъ ради того, дабы не перерядить попадью въ дьячихи, ибо послѣ бывшаго со мною и сіе возможно. Былъ и у городничаго: онъ все со мною бывшее знаетъ и весьма меня на рѣчахъ сожалѣлъ; а что тамъ на сердцѣ, про то Богу извѣстно. Но что по истинѣ достойно курьеза и смѣха, то это выходка противъ меня судейши. «Правда ли, спросила она меня, что вы доносили на поляковъ? Какъ это низко. — Вы послѣ этого теперь не что иное, какъ ябедникъ», а я ей на это отвѣчалъ: а «вы послѣ этого не что иное, какъ дура, да еще и русская». Разсуждаю, отчего она такъ сказала и нахожу, что всего не семь смертныхъ грѣховъ, а восемь, и восьмой изъ нихъ долженъ называться *рыхлость*. Это нашъ грѣхъ русскій, имъ же всѣ мы грѣшимъ и за честь себѣ имъ грѣшить поставляемъ. Опять одни раскольники

не такъ. Достойно ли сіе, что я все завидую характерамъ моихъ сопротивниковъ?

«1 января 1849 г. Годъ прошелъ тихо и смиренно. Ждалъ непріятностей отъ судейши, да все обошлось прекрасно: мы русскіе незлопамятны, можетъ потому, что за насъ и заступаться некому. — Въ будущемъ году думаю начать пристройку, ибо вдался въ нѣкоторую слабость: полюбилъ преферансовую игру и началъ со скуки курить, а отъ сего траты. Курилъ спервоначала шутя у городничаго, а нынѣ и дома всею этою сбруею обзавелся. Надо бы бросить.

«1850 годъ. Надо бросить.—Нѣтъ, братикъ, не бросишь. Такъ привыкъ курить, что не могу оставить. Рѣшилъ слабость сію не искоренять, а за нее взять къ себѣ какого-нибудь бездомнаго сиротку и воспитать. На попадью Наталью Николавну плоха надежда—дастъ намекъ, что будто есть у нея что-то, но выйдетъ сіе всякій разъ все къ первому апрѣлю подходящее. Да разсмотрѣвъ себя нахожу, что и самъ становлюся старъ и жирѣю.

«Августъ мѣсяцъ. Сдѣлалъ я себѣ добрую вставку: собиралъ, собиралъ по грошу, да по алтыну и, дабы не истратились по мелочи, размѣнялъ на сѣренькія и хватилъ шиломъ патоки: оказались всѣ три фальшивыя. Ахти горе мнѣ великое! Плакалъ, да жегъ; но потомъ самъ не мало надъ своими слезами смѣялся—что за малодушіе.

«27 октября. У насъ въ городѣ открыты фальшивыя деньги въ большомъ количествѣ. Пало подозрѣніе по началу на арестантовъ; но видно, нѣчто иное таится: Мрачковскій внезапно отставленъ отъ должности и поѣхалъ въ губернію.

«20 февраля 1853 года. Благородное дворянство избрало намъ новаго исправника, друга моего, пана Непокойчицкаго. Онъ женился на Кропотовой и учинился нашимъ помѣщикомъ, а нынѣ и исправникомъ. Все сіе полагаю интриги, да жратва устроили. За то предводителемъ избрали Плодамосова. Такимъ маперомъ хоть черезъ зерницу есть русская кость. Хвала тебѣ и за то, благородное дворянство.

«7 апрѣля. Пріѣхалъ новый исправникъ, панъ Непокойчицкій, самъ мнѣ и визитъ сдѣлалъ. О старой ссорѣ моей за «много ли это», и помина не дѣлаетъ.

«20 мая. Впервые читалъ у исправника русскую газету «Колоколъ», господина Искандера. Рѣчь смѣлая и штилистическая; но съ непривычки нѣсколько дико.

«2 іюня. Вчера, на день ангела своего, справлялъ пиръ. Думалъ сдѣлать сіе скромненько—по достоянію, но Непокойчицкій утромъ прислалъ цѣлую корзину вина, и сластей, и рому, а

вечеромъ всѣ нагрянули, и Непокойчицкій и новый городничій Порохонцевъ. Это весьма добрый мужикъ. Онъ подпивши зѣло-зѣло, сталъ вдругъ меня съ Непокойчицкимъ мирить за старое и я помирился и просилъ извиненія, и много разъ съ нимъ поцаловался. Не знаю, къ чему мнѣ было сіе дѣлать, еслибы самъ не былъ тоже въ подпитіи. Сегодня утромъ выражалъ о семъ Порохонцеву большое сожалѣніе, но онъ сказалъ, что не надо о томъ жалѣть, когда подпивши цалуешься, ибо это лучше, чѣмъ выпивъ подерешься. Все это такъ, но все-таки досадно. Служивши сегодня у головы молебенъ, самъ себя ткнулъ въ носъ кропиломъ и назидательно сказалъ себѣ: «не пей попъ вина».

«23 августа. Читалъ записки Дашковой и о Павлѣ Петровичѣ. Очень все любопытно. Съ мнѣніями Дашковой во многомъ согласенъ; но что до Петра, о томъ думаю иначе. Однако, спасибо Непокойчицкому, что разсѣеваетъ этими книгами мою сильную скуку.

«9 сентября. Чуть не размолвился съ Непокойчицкимъ на сватьбѣ Порохонцева. Онъ началъ глумяся разспрашивать меня, что̀ значитъ, что у насъ при вѣнчаньи поютъ: «живота просиша у тебе?» Я хотѣлъ-было отвѣчать, что онъ сіе пойметъ, если ему когда-нибудь петлю подъ висѣлицей надѣнутъ. Но раздумалъ, и смолчалъ.

«1 января 1857. Совсѣмъ не узнаю себя. Шесть лѣтъ и строки сюда не вписывалъ. Житіе мое странное, зане житіе мое стало сытое. Перечитывалъ все со дня преподобія своего здѣсь написанное и вижу, сколь полезно подобное писаніе провѣрить. Достойно замѣчанія, сколь я сталъ иначе ко всему относиться за сіи годы и не могу сказать, чтобы о семъ сожалѣлъ. Я пока уже третій годъ благочинствую, схоронивъ отца Николая. Самъ ни воюю, никого не безпокою и себѣ никакого безпокойства не вижу. Укатали сивку крутыя горки и противъ рожна прати болѣе неохота. Но далеко, однако, нѣсколько далеко ужь зашелъ по сему пути и снова ткнутъ нѣкоторымъ событіемъ записать себѣ малую нотаточку. Всѣ сіи годы читалъ постоянно упомянутую газету «Колоколъ» и прочее многое въ этомъ родѣ за границею печатаемое, и не разъ высказывалъ удивленіе: какъ сіи листы здѣсь получаются? но спросить о семъ считалъ за неловкость. Но вчерашняго числа случась у исправника при разборѣ губернской почты, разломилъ балуясь одинъ конвертъ, и въ немъ нашелъ эту газету—и весьма сконфузился, но исправникъ, смѣясь, сказалъ мнѣ: «что же, ничего, отче — ты нашъ братъ Исаакій, съ нами и поплясывай». Вотъ какъ надо быть осторожнымъ. Какъ стрекоза не успѣлъ оглянуться, а ужь тебя и мордой тычутъ, что и ты молъ такой

же! Теперь, можетъ, и самъ станешь объяснять «живота просиша», такъ-какъ онъ по безстыдству своему объясняетъ.

«20-го октября. Наборы производятся съ жестокою неправдою.

«2-го іюня. Прибылъ новый дьяконъ изъ дьячковъ каоедральнаго собора, Ахилла Десницкій. Сей всѣхъ насъ больше, всѣхъ насъ толще, и съ такой физіономіей, и съ такой фигурой, что надо радоваться на него глядя. Голосъ имѣетъ весьма добрый, нрава веселаго, и на первый разъ показался очень почтителенъ. Но наипаче всего веселъ пріятностью нрава. Предъявлялъ мнѣ копію съ своего семинарскаго атестата, въ коемъ написано: «Поведенія хорошаго, но *удобоносителенъ*». А что сіе означаетъ? спросилъ я. А то объяснилъ онъ, что, будучи въ горячечной болѣзни въ семинарскомъ госпиталѣ, проносилъ больнымъ богословамъ водку. И сіе, молъ, изрядно.

«9-го сентября. Получилъ камилавку и крестъ, по чьему бы мнилось ходатайству? А все сіе по засвидѣтельствованію Непокойчицкаго о моей рачительности по благочинію. Ну, спасибо ему.

«7-го марта 1858 года. Исходъ израилевъ былъ: поѣхали въ Питеръ Россію направлять на все доброе всѣ друзья мои, и губернаторъ, и его оный правитель, да и нашего Непокойчицкаго за собою на изрядное мѣсто потянули. Однако, мнѣ его даже искренно жаль стало, что отъ насъ уѣхалъ. Скука будто еще болѣе.

«7-го декабря. По указанію дьячка Сергѣя, замѣтилъ, что дьяконъ Ахилла многихъ проходящихъ богомольцевъ изъ честолюбія благословляетъ потаемно іерейскимъ благословеніемъ, и при семъ еще особенно какъ-то поддерживаетъ лѣвой рукою правый рукавъ рясы. Сказалъ: дабы сего отнюдь впередъ не было.

«18-го іюля 1861 года. Дьяконъ Ахилла опять замѣченъ въ томъ, что благословляетъ. Дабы уменьшить его подобіе съ священникомъ, я изломалъ его палку, которой онъ даже и права носить по своему чину не имѣетъ. Перенесъ все сіе благопокорно, и тѣмъ меня ужасно смягчилъ.

«1-го января 1862 года. Даже новогодія пропускаю, и ничѣмъ оставляю отмѣченныя. Сколь горячъ былъ нѣкогда ко всему трогающему, столь нынѣ обычно нѣсколько ко всему отношусь. Протопопица Наталья Николавна говоритъ, что я каковъ былъ, таковъ и сегодня; а гдѣ тому такъ быть! Ей, можетъ, это въ иную минуту и такъ покажется, потому что и сама сарриныхъ лѣтъ дожила; но а мнѣ-то это виднѣе... Тѣло-то, шутъ ли

по немъ — тѣло-то здорово и толсто, да душа-то корой обростаетъ. Вижу многое, и непростительно равнодушествую. Вижу, что нѣчто дивное намъ на Руси готовится и зрѣетъ: въ судахъ лихоимство ожесточенное; въ молодыхъ головахъ шатость; восьмой смертный грѣхъ все усиливается; а поляки сидятъ предсѣдателями и совѣтниками, и командирами. Образуется нѣчто систематическое: народу то потворствуютъ и мирволятъ, то внезапно начинаютъ сборы податей, и поступаютъ тогда безпощадно, говоря при семъ, что сiе «царская подать». Дивно, что всего сего какъ-бы никто не замѣчаетъ. Повсюду окрестъ, какъ Непокойчицкiй говорилъ: «тихо вшендзе, но цо то бендзе». Изъ Петербурга весьма нерѣдко стали получать «Колоколъ» и нѣкоторыя печатныя воззванiя. Удивляемся, кто бы симъ одолженiемъ насъ одолжилъ.

М. Стебницкiй.

НАША ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Преступленіе и наказаніе. Романъ въ шести частяхъ съ эпилогомъ. *Ѳ. М. Достоевскаго.* Изданіе исправленное. *Два тома. Петербургъ.* 1867.

Статья вторая и послѣдняя.

Раскольниковъ не есть типъ. То-есть онъ не настолько своеобразенъ, не представляетъ такихъ опредѣленныхъ и органически связанныхъ между собою чертъ, чтобы его образъ носился передъ нами, какъ живое лицо. Въ частности же—это не есть типъ нигилистическій, не видоизмѣненіе того типа настоящаго нигилиста, который всѣмъ болѣе или менѣе знакомъ и который всѣхъ раньше и всѣхъ мѣтче былъ угаданъ Тургеневымъ въ его *Базаровѣ.*

Что же? Мѣшаетъ это роману? Тѣ, кто читалъ романъ, мы думаемъ, согласятся съ нами, что отсутствіе большей типичности здѣсь не вредитъ, а даже какъ будто способствуетъ дѣлу. Неопредѣленность, *молодая* неопредѣленность и неустановленность Раскольникова очень идетъ къ его *фантастическому* (по словамъ Порфирія) поступку. Кромѣ того невольно чувствуется, что Базаровъ никакимъ образомъ не совершилъ бы *такъ* и *такого* дѣла. Человѣкъ, слѣдовательно, выбранъ г. Достоевскимъ нельзя сказать, чтобы не вѣрно.

Но главное, очевидно, здѣсь не въ человѣкѣ, не въ обрисовкѣ извѣстнаго типа. Не здѣсь центръ тяжести романа. Цѣль романа состоитъ не въ томъ, чтобы вывести передъ глазами читателей какой-нибудь новый типъ, изобразить намъ «бѣдныхъ» людей, «подпольнаго» человѣка, людей «мертваго дома», «отцовъ и дѣтей» и т. д. Весь романъ сосредоточивается около одного поступка, около того, какъ родилось и совершилось нѣкоторое *дѣйствіе*, и какія повлекло за собою послѣдствія въ душѣ совершившаго. Такъ романъ и называется; на немъ надписано не имя

человѣка, а названіе событія, съ нимъ случившагося. Предметъ обозначенъ вполнѣ ясно: дѣло идетъ о *преступленіи и наказаніи*.

И въ этомъ отношеніи всякій согласится, что романъ г. Достоевскаго очень типиченъ. Удивительно типично изображены всѣ тѣ процесы, которые совершаются въ душѣ преступника; вотъ что̀ составляетъ главную тему романа, и что̀ поражаетъ въ немъ читателей. Живо и глубоко схвачено въ немъ то, какъ идея преступленія зараждается и укрѣпляется въ человѣкѣ, какъ борется съ нею душа, инстинктивно чувствуя ужасъ этой идеи; какъ человѣкъ, вскормившій въ себѣ злую мысль, почти лишается наконецъ воли и разума и слѣпо повинуется ей; какъ онъ *механически* совершаетъ преступленіе, долго созрѣвавшее въ немъ органически; какъ пробуждается въ немъ потомъ боязнь, подозрительность, злоба къ людямъ, отъ которыхъ ему грозитъ кара; какъ начинаетъ онъ чувствовать омерзеніе къ себѣ и къ своему дѣлу; какъ прикосновеніе живой и теплой жизни пробуждаетъ въ немъ муки безсознательнаго раскаянія; какъ наконецъ ожесточенная душа не выдерживаетъ и размягчается до чувства умиленія.

Передъ этимъ страшнымъ процесомъ личность Раскольникова съ ея особенностями совершенно сглаживается и исчезаетъ. Сперва поглотила его извращенная идея, а потомъ въ немъ съ неодолимою силою просыпается *человѣкъ*, человѣческая душа, и мучитъ его своимъ пробужденіемъ, съ которымъ онъ старается совладать. При такихъ явленіяхъ индивидуальность дѣйствующаго лица естественно должна отступить на задній планъ. Такъ слѣдуетъ это изъ самого смысла романа. Преступленіе вовсе не есть дѣйствіе, характеристическое для личности Раскольникова; люди, въ характеристику которыхъ входитъ преступленіе, совершаютъ дѣла этого рода гораздо легче и совершенно *иначе*. Раскольникову же просто довелось *перенести* на себѣ преступленіе; можно сказать, что *оно съ нимъ случилось* и душа его отозвалась на него такъ, какъ отозвалась бы, вообще говоря, душа *всякаго* человѣка.

И такъ понятно, что личность Раскольникова подавлена самымъ событіемъ и не представляетъ яснаго типическаго образа. Въ этомъ отношеніи самая тэма автора ставила его въ выгодное положеніе, именно давала ему возможность высказать всю силу таланта, несмотря на недостатокъ полной типичности. Гораздо правильнѣе мы можемъ требовать болѣе ясной типичности отъ остальныхъ лицъ романа. Ихъ очень много и они выполнены очень не равномѣрно. Наиболѣе удавшимися и даже вполнѣ удачными слѣдуетъ признать пьяницу Мармеладова и его

жену Катерину Ивановну. Это дѣйствительные типы, ярко, отчетливо очерченные. Въ нихъ ясно выразились главныя достоинства таланта г. Достоевскаго. Онъ открылъ читателямъ, какъ возможно относиться симпатически къ этимъ людямъ, такимъ слабымъ, смѣшнымъ, жалкимъ, потерявшимъ всю силу владѣть собою и походить на другихъ людей.

Но главная сила автора, какъ мы уже замѣтили, не въ типахъ, а въ изображеніи положеній, въ умѣньи глубоко схватывать отдѣльныя движенія и потрясенія человѣческой души. Въ этомъ отношеніи онъ достигъ во многихъ мѣстахъ своего новаго романа до полнаго и удивительнаго мастерства.

Романъ задуманъ и расположенъ очень просто, но вмѣстѣ правильно и строго. Три года Раскольниковъ живетъ въ Петербургѣ, одинъ, оторванный отъ своей семьи и терпящій большую нужду. Эти три года были, конечно, временемъ, когда молодой умъ сталъ впервые работать надъ пониманіемъ жизни, и работалъ съ увлеченіемъ и односторонностію молодости. Романъ открывается, когда идея преступленія вполнѣ созрѣла. Раскольниковъ уже давно удалился отъ своихъ товарищей и былъ совершенно одинокъ. «Съ нѣкотораго времени онъ былъ въ раздражительномъ и напряжонномъ состояніи, похожемъ на ипохондрію» (Т. I. стр. 2) и «бѣжалъ всякаго общества» (Т. I, стр. 14).

Впослѣдствіи Раскольниковъ прекрасно описываетъ свое состояніе въ это время. Онъ указываетъ даже на тѣ свои *наклонности*, въ которыхъ злая мысль находила себѣ пищу, которыя она разработывала въ свою пользу.

«Предположи—такъ говоритъ онъ Сонѣ — что я *самолюбивъ*, завистливъ, *золъ*, мерзокъ, *мстителенъ*». «Я вотъ тебѣ сказалъ давеча, что въ университетѣ себя содержать не могъ. А знаешь ли ты, что я можетъ и могъ? Мать прислала бы, чтобы внести что́ надо, а на сапоги, платье и на хлѣбъ я бы и самъ заработалъ; навѣрно! Уроки выходили, по полтиннику предлагали. Работаетъ же Разумихинъ! Да я озлился и не захотѣлъ. Именно *озлился* (это слово хорошее!). *Я тогда какъ паукъ къ себѣ въ уголъ забился*. Ты вѣдь была въ моей конурѣ, видѣла... А знаешь ли, Соня, что низкіе потолки и тѣсныя комнаты душу и умъ тѣснятъ! О, какъ ненавидѣлъ я эту конуру! А все-таки выходить изъ нея не хотѣлъ. Нарочно не хотѣлъ! По суткамъ не выходилъ и работать не хотѣлъ, и даже ѣсть не хотѣлъ, все лежалъ. Принесетъ Настасья—поѣмъ, не принесетъ—такъ и день пройдетъ; *нарочно со зла не спрашивалъ!* Ночью огня нѣтъ, лежу въ темнотѣ, а на свѣчи не хочу заработать. Надо было учиться, я книги распродалъ; а на столѣ у меня, на запискахъ да на

тетрадяхъ на палецъ и теперь пыли лежитъ. *Я лучше любилъ лежать и думать. И все думалъ...»* (Т. II. стр. 224).

Самолюбіе и то озлобленіе, которое отъ него происходитъ, вотъ тѣ черты Раскольникова, на которыя оперлась идея преступленія. Прекрасно изображенъ процесъ, обыкновенно происходящій въ душѣ преступника; человѣкъ раздражаетъ, натравливаетъ себя на страшное дѣло, старается увлечься до самозабвенія. Романъ открывается въ минуту полнаго развитія этого процеса. Раскольниковъ идетъ къ процентщицѣ, чтобы *сдѣлать пробу.*

Но природа въ немъ возмущается и имъ овладѣваетъ *чувство безконечнаго отвращенія* (Т. I, стр. 12). Его вдругъ что-то тянетъ къ людямъ. (стр. 14) и онъ сходится съ Мармеладовымъ, провожаетъ его домой и видитъ его семейство. Эта картина возбуждаетъ въ немъ опять приливъ злобы и недобрая мысль опять воскресаетъ (стр. 40). Получается письмо отъ матери съ дурными вѣстями: сестра жертвуетъ собой для блага матери и брата. Озлобленіе Раскольникова достигаетъ высшей степени. Превосходно изображено волненіе и внутренняя борьба, которую испытываетъ Раскольниковъ вслѣдствіе письма матери. Мучительно разбираетъ онъ всю безвыходность своего положенія, все безсиліе свое поправить дѣло.

«Вдругъ онъ вздрогнулъ: одна, тоже вчерашняя мысль опять пронеслась въ его головѣ. Но вздрогнулъ онъ не оттого, что пронеслась эта мысль. Онъ вѣдь зналъ, онъ *предчувствовалъ*, что она непремѣнно пронесется, и уже ждалъ ея; да и мысль эта была совсѣмъ не вчерашняя. Но разница была въ томъ, что мѣсяцъ назадъ и *даже вчера еще* она была *только* мечтой, а теперь... теперь явилась вдругъ не мечтой, а въ какомъ-то новомъ, грозномъ и совсѣмъ незнакомомъ ему видѣ, и онъ вдругъ самъ сознавалъ это... Ему стукнуло въ голову, и потемнѣло въ глазахъ».

Раскольниковъ уже не владѣетъ собой; *мысль* его одолѣла. Встрѣча съ дѣвушкой, которая только что увлечена на путь порока, еще глубже вонзаетъ ему въ сердце сожалѣніе о сестрѣ. Инстинктивно стараясь уйти отъ своей злой мысли, онъ направляется къ Разумихину. Но онъ не понимаетъ себя, и опомнившись, рѣшаетъ: «Къ Разумихину я на другой день, послѣ *того* пойду, тогда уже *то* будетъ кончено, и когда все по новому пойдетъ»... (стр. 81).

Но еще разъ, въ послѣдній разъ со всею силою пробуждается въ немъ душа. Онъ уходитъ куда нибудь дальше отъ того дома, гдѣ «въ углу, въ этомъ ужасномъ шкафу и созрѣвало все *это*».

На дорогѣ онъ засыпаетъ на скамейкѣ парка и видитъ томительный сонъ, въ которомъ выражается протестъ души противъ задуманнаго дѣла. Онъ видитъ себя мальчикомъ, надрывающимся отъ жалости при видѣ безчеловѣчно убиваемой лошади. Проснувшись, подавленный впечатлѣніями сна, онъ наконецъ ясно чувствуетъ, какъ противится его природа замышляемому имъ преступленію. «Я не вытерплю, не вытерплю!» повторяетъ онъ.

«Онъ былъ блѣденъ, глаза его горѣли, изнеможеніе было во всѣхъ его членахъ, но ему вдругъ стало дышать какъ-бы легче. Онъ почувствовалъ, что уже сбросилъ съ себя это страшное бремя, давившее его такъ долго, и на душѣ его стало вдругъ легко и мирно. «Господи!—молилъ онъ—покажи мнѣ путь мой, а я отрекаюсь отъ этой проклятой мечты моей»! (стр. 92).

Разсказывать дальше — почти невозможно. Раскольниковъ, измученный и истомленный своею внутреннею борьбою, наконецъ подчиняется мысли, которую такъ давно ростилъ въ душѣ своей. Описаніе преступленія удивительно и его невозможно передавать другими словами. Слѣпо, механически выполняетъ Раскольниковъ давно окрѣпшій замыселъ. Душа его замерла, и онъ дѣйствуетъ какъ во снѣ. У него почти нѣтъ ни соображенія, ни памяти; его дѣйствія безсвязны и случайны. Въ немъ какъ будто исчезло все человѣческое, и только какая-то звѣриная хитрость, звѣриный инстинктъ самосохраненія, дали ему докончить дѣло и спастись отъ поимки. Душа его умирала, а звѣрь былъ живъ.

Послѣ совершенія преступленія, для Раскольникова начинается двоякій рядъ мученій. Вопервыхъ, мученія страха. Несмотря на то, что всѣ концы спрятаны, подозрительность не оставляетъ его ни на минуту, и малѣйшій поводъ къ опасенію нагоняетъ на него мучительный страхъ. Второй рядъ мученій заключается въ тѣхъ чувствахъ, которыя испытываетъ убійца при сближеніи съ другими людьми, съ лицами, у которыхъ нѣтъ ничего на душѣ, которыя полны теплотою и жизнью. Сближеніе это происходитъ двоякимъ образомъ. Вопервыхъ, самого преступника тянетъ къ живымъ людямъ, потому что ему хотѣлось бы стать съ ними наравнѣ, отбросить ту преграду, которую онъ самъ положилъ между ними и собою. Вотъ отчего Раскольниковъ отправляется къ Разумихину. «Сказалъ я (думаетъ онъ про себя) третьяго дня... что къ нему послѣ *того* на другой день пойду, ну что жь, и пойду! *Будто ужъ я не могу теперь зайти*»... По этой же причинѣ онъ такъ усердно начинаетъ хлопотать о раздавленномъ Мармеладовѣ, и сближается съ его осиротѣвшимъ семействомъ, особенно съ Сонею.

Второе обстоятельство, по которому Раскольниковъ очутился

среди людей живыхъ и имѣющихъ близкія къ нему отношенія, заключается въ пріѣздѣ его семейства въ Петербургъ. То письмо, которое было послѣднимъ толчкомъ къ убійству, содержало въ себѣ извѣстіе, что мать и сестра Раскольникова должны явиться въ Петербургъ, гдѣ сестра и пожертвуетъ собою, вышедши за Лужина.

Такимъ образомъ Раскольниковъ, бывшій до тѣхъ поръ одинокимъ и удалявшійся отъ людей, теперь и волею и неволею окруженъ людьми, съ которыми связанъ всего ближе. Читатель чувствуетъ, что еслибы эти люди были около Раскольникова прежде, то онъ никогда бы не совершилъ преступленія. Теперь же, когда преступленіе совершено, эти люди даютъ поводъ къ пробужденію въ душѣ преступника всевозможныхъ мукъ, вызываемыхъ прикосновеніемъ жизни къ душѣ, извратившей себя и коснѣющей въ своемъ извращеніи.

Таково весьма простое, но вмѣстѣ очень правильное и искусное построеніе романа.

Очень правильно также развита извѣстная постепенность въ душевныхъ страданіяхъ преступника. Сперва Раскольниковъ совершенно подавленъ случившимся и даже заболѣваетъ. Первая его попытка сойтись съ живыми людьми, свиданіе съ Разумихинымъ, просто ошеломляетъ его. «Подымаясь къ Разумихину, онъ не подумалъ о томъ, что съ нимъ, стало быть, лицомъ къ лицу сойдтись долженъ. Теперь же, въ одно мгновеніе, догадался онъ уже на опытѣ, что *всего менѣе расположенъ* въ эту минуту сходиться лицомъ къ лицу съ кѣмъ бы то ни было на свѣтѣ» (т. I, стр. 173). Онъ уходитъ, не владѣя собою. Точно такъ первыя муки отъ боязни подавляютъ его. Онѣ разрѣшаются страшнымъ, томительнымъ сновидѣніемъ (удивительныя двѣ страницы, 178—179), послѣ котораго Раскольниковъ заболѣваетъ.

Мало-по-малу, однако же, преступникъ становится крѣпче. Онъ сходится съ Разумихинымъ, хитритъ съ Заметовымъ, принимаетъ дѣятельное участіе въ судьбѣ семейства Мармеладовыхъ, въ судьбѣ своей сестры, увертывается отъ хитраго слѣдователя Порфирія, открываетъ свою тайну Сонѣ и пр. Но, по мѣрѣ того, какъ преступникъ овладѣваетъ собою, страданіе его не ослабѣваетъ, а становится только постояннѣе и опредѣленнѣе. Сначала онъ еще чувствуетъ порывы радости, когда страхъ, нагнанный какою-нибудь случайностію, отлегаетъ вдругъ отъ сердца, или когда ему удастся сблизиться съ другими людьми и почувствовать себя все еще человѣкомъ. Но потомъ эти колебанія исчезаютъ.

«Какая-то особенная тоска — разсказываетъ авторъ — начала сказываться ему въ послѣднее время. Въ ней не было чего-нибудь особенно ѣдкаго, жгучаго; но отъ нея вѣяло чѣмъ-то постояннымъ, вѣчнымъ, предчувствовались безъисходные годы этой холодной, мертвящей тоски, предчувствовалась какая-то вѣчность на «аршинѣ пространства» (т. II, стр. 239).

Вотъ тѣ мотивы, на которые написана самая бо̀льшая, центральная часть романа. Можно замѣтить — хотя, право, въ подобныхъ вещахъ трудно полагаться на собственное сужденіе и лучше довѣриться проницательности художника—что въ душѣ Раскольникова, сверхъ страха и боли, должна бы еще занимать большое мѣсто третья тэма — *воспоминаніе о преступленіи.*

Воображеніе и память преступника, казалось бы, должны чаще обращаться къ картинѣ страшнаго дѣла. Чтобы пояснить свою мысль, припомнимъ превосходное описаніе преступленія въ романѣ Диккенса «Нашъ общій другъ». Учитель Брадлей Гедстонъ убиваетъ Евгенія Рейборна. Состояніе убійцы тотчасъ послѣ преступленія и избавленія отъ опасности описывается такъ:

«Онъ находился въ томъ состояніи духа, которое тяжелѣе и мучительнѣе угрызеній совѣсти. Въ немъ угрызеній совѣсти не было; но злодѣй, который можетъ отстранить отъ себя этого мстителя, не въ состояніи избѣжать болѣе медленной пытки, состоящей въ *безпрерывной передѣлкѣ* своего злодѣянія, и передѣлкѣ его все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ успѣхомъ. Въ оправдательныхъ показаніяхъ и въ притворныхъ сознаніяхъ убійцъ, карающую тѣнь этой пытки можно прослѣдить въ каждой говоримой лжи. Еслибы я сдѣлалъ это, какъ показываютъ, можно ли вообразить, чтобъ я сдѣлалъ такую-то ошибку? Еслибы я сдѣлалъ это какъ показываютъ, неужели я оставилъ бы не замкнутою эту лазейку, которую ложный и злонамѣренный свидѣтель такъ безчестно выставляетъ противъ меня? Состояніе злодѣя, безпрерывно открывающаго слабыя мѣста въ своемъ преступленіи, старающагося укрѣпить ихъ, когда сдѣланнаго дѣла уже нельзя измѣнить, есть такое состояніе, которое усиливаетъ тяжесть преступленія тѣмъ, что *заставляетъ совершать его тысячу разъ вмѣсто одного*; но это въ то же время и такое состояніе, которое въ натурахъ злобныхъ и нераскаянныхъ караетъ преступленіе самымъ тяжкимъ наказаніемъ».

«Брадлей спѣшилъ впередъ, тяжко прикованный къ идеѣ своей ненависти и своего мщенія, и все думалъ, что онъ могъ бы удовлетворить то и другое многими способами, гораздо болѣе успѣшными въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ онъ сдѣлалъ. Орудіе могло быть лучше, мѣсто и часъ могли быть лучше выбраны.

Ударить человѣка сзади въ темнотѣ, на окраинѣ рѣки — дѣло довольно ловкое; но слѣдовало бы тотчасъ же лишить его возможности защищаться; а вмѣсто того, онъ успѣлъ обернуться и схватить своего противника, и потому, чтобы покончить съ нимъ прежде, чѣмъ явилась какая-нибудь случайная помощь, пришлось отдѣлаться отъ него, поспѣшно столкнувъ его въ рѣку, прежде чѣмъ жизнь была окончательно выбита изъ него. Еслибы можно было опять это сдѣлать, то слѣдовало бы сдѣлать не такъ. Предполагается, что его голову нужно бы подержать нѣсколько времени подъ водой. Предполагается, что первый ударъ долженъ быть вѣрнѣе; предполагается, что его слѣдуетъ застрѣлить; предполагается, что его слѣдуетъ задушить. Предполагайте что̀ угодно, только не предполагайте оторваться отъ этой одной идеи; это оказалось бы неумолимой невозможностью».

«Ученіе въ школѣ началось на слѣдующій день. Ученики видѣли небольшую перемѣну, или совсѣмъ не видали таковой, на лицѣ своего учителя, потому что оно всегда носило на себѣ медленно-измѣняющееся выраженіе. Но въ то время, какъ онъ прослушивалъ урокъ, *онъ все передѣлывалъ свое дѣло*, и все передѣлывалъ его лучше. Становясь съ кускомъ мѣла у чорной доски, онъ прежде чѣмъ принимался писать на ней, задумывался о мѣстѣ на берегу, и о томъ, не была ли вода глубже, и не могло ли паденіе совершиться прямѣе, гдѣ-нибудь выше или ниже на рѣкѣ. Онъ былъ готовъ провести черту или двѣ на доскѣ, чтобы выяснить себѣ то, о чемъ думалъ. Онъ *передѣлывалъ дѣло сызнова*, все улучшая передѣлку—во время классныхъ молитвъ, во время вопросовъ, задаваемыхъ ученикамъ, и въ теченіе всего дня» (кн. четвертая, гл. VII).

Казалось бы, нѣчто подобное должно совершаться и съ Раскольниковымъ. Между тѣмъ, Раскольниковъ только два раза возвращается воображеніемъ къ своему преступленію. Нужно при этомъ отдать справедливость автору, что оба воспоминанія изображены съ удивительною силою. Въ первый разъ Раскольниковъ по невольному влеченію приходитъ самъ на мѣсто преступленія (т. I, стр. 265—268). Во второй разъ послѣ того, какъ мѣщанинъ назвалъ его на улицѣ *убивцомъ*, онъ видитъ сонъ, въ которомъ вторично убиваетъ свою жертву (т. I, стр. 428—431). Этотъ сонъ, и также два прежніе сна, которые мы приводили, составляютъ едва ли не лучшія страницы романа. Фантастичность, свойственная сновидѣніямъ, схвачена съ изумительной яркостію и вѣрностію. *Странная*, но глубокая связь съ дѣйствительностію уловлена во всей ея странности. Съ этими снами невозможно и сравнивать послѣдняго сна, который Раскольниковъ видитъ

въ каторгѣ (т. II, стр. 429, 430) и который есть явное сочиненіе, холодная аллегорія.

Итакъ, центральная часть романа главнымъ образомъ занята изображеніемъ припадковъ страха и той душевной боли, въ которой сказывается пробужденіе совѣсти. По своему всегдашнему пріему авторъ написалъ множество варіяцій на эти тэмы. Одно за другимъ онъ описываетъ намъ всевозможныя измѣненія однихъ и тѣхъ же чувствъ. Это сообщаетъ монотонность всему роману, хотя не лишаетъ его занимательности. Но романъ томитъ и мучитъ читателя, вмѣсто того, чтобы поражать его. Поразительные моменты, которые переживаетъ Раскольниковъ, теряются среди его постоянныхъ мученій, то ослабѣвающихъ, то снова поражающихъ. Нельзя сказать, чтобы это было невѣрно; но можно замѣтить, что это неясно. Разсказъ не сосредоточенъ около извѣстныхъ точекъ, которыя бы вдругъ озаряли для читателя всю глубину душевнаго состоянія Раскольникова.

Между тѣмъ многія изъ такихъ точекъ схвачены въ романѣ, много въ немъ сценъ, гдѣ состояніе души Раскольникова обнажается съ большою яркостію. Мы не станемъ останавливаться на сценахъ боязни, на этихъ припадкахъ *звѣринаго страха и звѣриной хитрости* (какъ выражается самъ авторъ, см. т. I, стр. 189). Для насъ, разумѣется, гораздо интереснѣе другая, положительная сторона дѣла, именно та, гдѣ душа преступника пробуждается и протестуетъ противъ совершоннаго надъ нею насилія. Своимъ преступленіемъ Раскольниковъ оторвалъ себя отъ живыхъ и здоровыхъ людей. Каждое прикосновеніе къ жизни мучительно отзывается въ немъ. Мы видѣли, какъ онъ не могъ видѣть Разумихина. Впослѣдствіи, когда добрый Разумихинъ сталъ заботиться и хлопотать о немъ, присутствіе этого добродушнаго человѣка раздражаетъ Раскольникова до изступленія (т. I, стр. 259). Но какъ радъ Раскольниковъ самъ заботиться о другихъ, какъ радъ случаю примкнуть къ чужой жизни по поводу смерти Мармеладова! Очень хороша сцена между убійцею и маленькою дѣвочкою Полею.

«Раскольниковъ разглядѣлъ худенькое, но милое личико дѣвочки, улыбавшееся ему и весело, подѣтски на него смотрѣвшее. Она прибѣжала съ порученіемъ, которое видимо ей самой очень нравилось».

«— Послушайте, какъ васъ зовутъ?... а еще: гдѣ вы живете? спросила она торопясь, задыхающимся голоскомъ».

«Онъ положилъ ей обѣ руки на плеча и съ какимъ-то счастіемъ глядѣлъ на нее. *Ему такъ пріятно было на нее смотрѣть — онъ самъ не зналъ почему*» (т. I, стр. 290).

Разговоръ кончается очень глубокою чертою. Полчка разсказываетъ, какъ она молится вмѣстѣ съ своею матерью, съ меньшою сестрою и братомъ; Раскольниковъ проситъ ее молиться и за него.

Послѣ этого прилива жизни, Раскольниковъ самъ идетъ къ Разумихину, но скоро теряетъ минутную бодрость и самоувѣренность. Затѣмъ слѣдуетъ новый ударъ: прiѣздъ матери и сестры.

«Радостный, восторженный крикъ встрѣтилъ появленiе Раскольникова. Обѣ бросились къ нему. Но онъ стоялъ какъ мертвый: *невыносимое внезапное сознанiе ударило въ него какъ громомъ.* Да и руки его не поднимались обнять ихъ: *не могли.* Мать и сестра сжимали его въ объятiяхъ, цѣловали его, смѣялись, плакали... Онъ ступилъ шагъ, покачнулся и рухнулся на полъ въ обморокѣ» (т. I, 299).

Каждый разъ присутствiе родныхъ и разговоръ съ ними составляетъ пытку для преступника. Когда мать объясняетъ ему, какъ она рада его видѣть, онъ перебиваетъ ее:

«— Полноте, маменька, со смущенiемъ пробормоталъ онъ, не глядя на нее и сжавъ ея руку: — успѣемъ наговориться!»

«Сказавъ это, онъ вдругъ смутился и поблѣднѣлъ: опять одно недавнее ужасное ощущенiе мертвымъ холодомъ прошло по душѣ его; опять ему вдругъ стало совершенно ясно и понятно, что онъ сказалъ сейчасъ ужасную ложь, что нетолько никогда теперь не придется ему успѣть наговориться, но уже *ни объ чемъ больше, никогда и ни съ кѣмъ нельзя ему теперь говорить.* Впечатлѣнiе этой мучительной боли было такъ сильно, что онъ на мгновенiе почти совсѣмъ забылся, всталъ съ мѣста, и не глядя ни на кого, пошелъ вонъ изъ комнаты» (т. I, стр. 355).

По естественной реакцiи, эти муки вызываютъ въ немъ ненависть къ тѣмъ, кто ихъ вызываетъ собою.

«Мать, сестра, думаетъ про себя Раскольниковъ — какъ любилъ я ихъ! Отчего теперь я ихъ ненавижу? Да, я ихъ ненавижу, физически ненавижу, подлѣ себя не могу выносить...» (т. I, стр. 428).

Очень замѣчательно слѣдующее мѣсто среди несвязныхъ мыслей полубредящаго Раскольникова:

«Бѣдная Лизавета! Зачѣмъ она тутъ подвернулась!... Странно однакожь, *почему я объ ней почти и не думаю, точно и не убивалъ?...* Лизавета! Соня! бѣдныя, кроткiя, съ глазами кроткими... Милыя! Зачѣмъ онѣ не плачутъ? Зачѣмъ не стонутъ? Онѣ все отдаютъ... глядятъ кротко и тихо... Соня, Соня! тихая Соня!...» (тамъ же).

Затѣмъ Раскольниковъ увлекается въ борьбу съ Лужинымъ и Свидригайловымъ. Но мысль какъ нибудь опять вступить въ живыя отношенія къ людямъ, продолжаетъ мучить его. Онъ идетъ къ Сонѣ, съ тѣмъ, чтобы открыть ей свою тайну. Изъ разговора съ нею онъ видитъ всю ея кротость, незлобіе, нѣжную сострадательность. На него находитъ минута умиленія.

«Онъ все ходилъ взадъ и впередъ, молча и не взглядывая на нее. Наконецъ подошелъ къ ней; глаза его сверкали. Онъ взялъ ее обѣими руками за плечи. Взглядъ его былъ сухой, воспаленный, острый, губы его сильно вздрагивали... Вдругъ онъ весь быстро наклонился, и припавъ къ полу, поцаловалъ ея ногу» (т. II, стр. 76).

Онъ откладываетъ, однакоже, признаніе до другого раза. Наступаетъ новая борьба съ Порфиріемъ и съ Лужинымъ, и Раскольниковъ опять набирается бодрости. Онъ идетъ къ Сонѣ признаваться уже какъ будто съ надеждой убѣдить ее въ своей правдивости; но его замыслы разлетаются въ прахъ передъ соприкосновеніемъ съ живымъ лицомъ.

Сцена сознанія есть лучшая и центральная сцена всего романа (т. II, 207—222). Раскольниковъ терпитъ глубокое потрясеніе. «Онъ совсѣмъ, совсѣмъ не такъ предполагалъ *объявить*, и самъ не понималъ того, что̀ съ нимъ дѣлалось» (стр. 212).

Когда, наконецъ, признаніе сдѣлано, оно вызываетъ въ Сонѣ тѣ слова и дѣйствія, въ которыхъ содержится приговоръ Раскольникову, приговоръ *гуманнѣйшій*, какъ того требуетъ самая натура Сони.

«Вдругъ точно пронзенная, она вздрогнула, вскрикнула и бросилась, сама не зная для чего, передъ нимъ на колѣни.

«— *Что̀ вы, что̀ вы это надъ собой сдѣлали*! отчаянно проговорила она, и вскочивъ съ колѣнъ, бросилась ему на шею, обняла его и крѣпко-крѣпко сжала его руками.

«Раскольниковъ отшатнулся и съ грустною улыбкой посмотрѣлъ на нее:

«— Странная какая ты, Соня—обнимаешь и цалуешь, когда я тебѣ сказалъ *про это*. Себя ты не помнишь.

«— *Нѣтъ, нѣтъ тебя несчастнѣе никого теперь въ цѣломъ свѣтѣ*! воскликнула она, какъ въ изступленіи, не слыхавъ его замѣчанія, и вдругъ заплакала, какъ въ истерикѣ.

«Давно уже незнакомое ему чувство волной хлынуло въ его душу и разомъ размягчило ее. Онъ не сопротивлялся ему: *двѣ слезы выкатились изъ его глазъ и повисли на рѣсницахъ*.

«— Такъ не оставишь меня, Соня? говорилъ онъ, чуть не съ надеждой смотря на нее.

«— Нѣтъ, нѣтъ; никогда и нигдѣ! воскликнула Соня».

Здѣсь человѣкъ вполнѣ сказался въ Раскольниковѣ. Онъ не сознаетъ еще, но уже чувствуетъ, что *несчастные его нѣтъ никого на свѣтѣ*, и что онъ самъ виноватъ въ своемъ несчастіи.

«Соня, у меня сердце злое», говоритъ онъ черезъ нѣсколько минутъ.

Наконецъ, муки его достигаютъ крайняго предѣла. Тогда онъ, гордый, высокоумный Раскольниковъ, обращается къ бѣдной дѣвочкѣ за совѣтомъ.

«— Ну, что̀ теперь дѣлать, говори! спросилъ онъ, вдругъ поднявъ голову и съ безобразно искаженнымъ отъ отчаянія лицомъ смотря на нее.

«— Что̀ дѣлать! воскликнула она, вдругъ вскочивъ съ мѣста, и глаза ея, доселѣ полные слезъ, вдругъ засверкали. — Встань! (Она схватила его за плечо; онъ приподнялся, смотря на нее почти въ изумленіи). Поди сейчасъ, сію же минуту, стань на перекресткѣ, поклонись, поцалуй сначала землю, которую ты осквернилъ, а потомъ поклонись всему свѣту, на всѣ четыре стороны, и скажи всѣмъ вслухъ: «я убилъ!» Тогда Богъ опять тебѣ жизни пошлетъ. Пойдешь? Пойдешь? спрашивала она его, вся дрожа, точно въ припадкѣ, схвативъ его за обѣ руки, крѣпко стиснувъ ихъ въ своихъ рукахъ и смотря на него огневымъ взглядомъ».

Какъ видно, бѣдная Соня очень хорошо знаетъ, *что̀ нужно дѣлать*. Но Раскольниковъ все еще противится, и старается побороть свое мученіе. Онъ рѣшается исполнить совѣтъ Сони только тогда, когда ловкій Порфирій довелъ его до того, что могъ сказать ему въ глаза: «ка̀къ, кто убилъ?...—да вы убили, Родіонъ Романычъ!» и потомъ далъ тотъ же совѣтъ, какъ и Соня.

Рѣшившись, наконецъ, выдать себя, онъ прощается съ матерью, которая только догадывается о томъ, въ чемъ дѣло, и съ сестрою, которая все знаетъ. Эти сцены, какъ намъ показалось, слабѣе другихъ. А, главное, онѣ не рождаютъ въ душѣ Раскольникова никакого новаго чувства. Гораздо болѣе значенія и силы имѣетъ одна изъ послѣднихъ минутъ передъ формальнымъ сознаніемъ Раскольникова. Онъ уже шелъ въ контору черезъ Сѣнную.

«Когда онъ дошелъ до средины площади, съ нимъ вдругъ произошло одно движеніе—одно ощущеніе овладѣло имъ сразу, захватило его всего—съ тѣломъ и мыслію.

«Онъ вдругъ вспомнилъ слова Сони: «поди на перекрестокъ, поклонись народу, поцалуй землю, потому что ты и передъ ней

согрѣшилъ, и скажи всему міру вслухъ: *я убійца!*» Онъ весь задрожалъ, припомнивъ это. И до того уже задавила его безвыходная тоска и тревога всего этого времени, но особенно послѣднихъ часовъ, что онъ такъ и ринулся въ возможность *этого цѣльнаго, новаго, полнаго ощущенія.* Какимъ-то припадкомъ оно къ нему подступило: загорѣлось въ душѣ одной искрой, и вдругъ, какъ огонь, охватило всего. Все разомъ въ ней размягчилось и хлынули слезы. Какъ стоялъ, такъ и упалъ онъ на землю...

«Онъ сталъ на колѣни среди площади, поклонился до земли и поцаловалъ эту грязную землю *съ наслажденіемъ и счастіемъ.* Онъ всталъ и поклонился въ другой разъ».

Тотчасъ послѣ этого онъ предалъ себя.

Вотъ и весь душевный процесъ Раскольникова. Мы не говоримъ о томъ *воскресеніи*, которое описано въ эпилогѣ. Оно разсказано въ слишкомъ общихъ чертахъ, и самъ авторъ говоритъ, что оно относится не къ этой исторіи, а къ новой, къ исторіи обновленія и перерожденія человѣка.

И такъ Раскольниковъ до конца не могъ понять и осмыслить движеній, подымавшихся въ его душѣ и составлявшихъ для него такую муку. Онъ не могъ понять и осмыслить и того *наслажденія и счастья*, которыя почувствовалъ, когда вздумалъ послѣдовать совѣту Сони. «Онъ былъ скептикъ, онъ былъ молодъ, отвлечененъ и, стало быть, жестокъ»: такъ говоритъ самъ авторъ о своемъ героѣ (т. II, стр. 73). Ожесточеніе не давало Раскольникову понимать того голоса, который такъ громко говорилъ въ его душѣ.

Теперь будетъ ясно, если мы скажемъ, что авторомъ выполнена только одна изъ двухъ сторонъ, представляемыхъ задачею. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ главный интересъ романа? Чего ждетъ постоянно читатель съ той минуты, какъ совершено преступленіе? Онъ ждетъ внутренняго переворота въ Раскольниковѣ, ждетъ пробужденія въ немъ истинно-человѣческаго образа чувствъ и мыслей. Тотъ *принципъ*, который Раскольниковъ хотѣлъ убить въ себѣ самомъ, долженъ воскреснуть въ его душѣ и заговорить еще съ большею силою, чѣмъ прежде.

Но авторъ такъ поставилъ дѣло, что для него эта вторая сторона задачи оказалась слишкомъ большою и трудною, чтобы браться за нее въ этомъ же самомъ произведеніи. Тутъ заключается и недостатокъ, и вмѣстѣ достоинство романа г. Достоевскаго. Онъ задался такъ широко, его Раскольниковъ такъ *ожесточенъ въ своей отвлеченности*, что обновленіе этой падшей души не могло совершиться легко, и представило бы намъ, вѣ-

роятно, возникновеніе душевной красоты и гармоніи очень высокаго строя.

Раскольниковъ есть истинно русскій человѣкъ именно въ томъ, что дошелъ до конца, до края той дороги, на которую его завелъ заблудшій умъ. Эта черта русскихъ людей, черта чрезвычайной серьёзности, какъ-бы религіозности, съ которою они предаются своимъ идеямъ, есть причина многихъ нашихъ бѣдъ. Мы любимъ отдаваться цѣльно, безъ уступокъ, безъ остановокъ на полдорогѣ; мы не хитримъ и не лукавимъ сами съ собою, а потому и не терпимъ мировыхъ сдѣлокъ между своею мыслью и дѣйствительностью. Можно надѣяться, что это драгоцѣнное, великое свойство русской души когда-нибудь проявится въ истинно-прекрасныхъ дѣлахъ и характерахъ. Теперь же, при нравственной смутѣ, господствующей въ однѣхъ частяхъ нашего общества, при пустотѣ, господствующей въ другихъ, наше свойство доходитъ во всемъ до краю — такъ или иначе — портитъ жизнь и даже губитъ людей.

Одно изъ самыхъ печальныхъ и характеристическихъ явленій такой гибели и хотѣлъ изобразить намъ художникъ.

ЖЕНЫ И ДОЧЕРИ.

(Wives and Daughters).

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ М-СЪ ГАСКЕЛЬ

Часть первая.

I.

Заря торжественнаго дня.

Начну старымъ дѣтскимъ припѣвомъ. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ былъ городъ, въ городѣ былъ домъ, въ домѣ комната, въ комнатѣ постелька, а въ постелькѣ лежала маленькая дѣвочка. Она уже давно не спала и томилась желаніемъ встать, но не смѣла, страшась невидимой силы въ сосѣдней комнатѣ. То была нѣкая Бетти, сонъ которой не слѣдовало нарушать, пока часы не пробьютъ шесть; а тогда она, съ неизмѣнной точностью, просыпалась сама, и никого въ цѣломъ домѣ не оставляла въ покоѣ. Настало іюньское утро и, несмотря на раннюю пору, комната была полна солнечнаго свѣта и тепла.

На комодѣ, противъ маленькой канифасной постельки, на которой покоилась Молли Гибсонъ, висѣла на какой-то подставкѣ шляпка, тщательно прикрытая отъ пыли большимъ бумажнымъ платкомъ. И изъ такой плотной и тяжелой ткани былъ этотъ платокъ, что вещица, находившаяся подъ нимъ, будь она сдѣлана изъ легкаго газа, кружева и цвѣтовъ, непремѣнно «расплюснулась бы», употребляя выраженіе Бетти. Но шляпа была изъ прочной соломы и все украшеніе ея состояло въ простой, бѣлой лентѣ, положенной вокругъ донышка и спускавшейся по обѣимъ сторонамъ въ видѣ завязокъ. Но за то изъ-подъ полей виднѣлась изящная рюшка, каждая складочка которой была хорошо знакома Молли, такъ-какъ наканунѣ она съ большимъ трудомъ ее сама складывала. Изъ рюшки выглядывалъ маленькій голубой бантикъ — первый, который предстояло носить Молли.

Но вотъ и шесть часовъ! О томъ возвѣстилъ серебристый, мѣрный звукъ колокола, призывавшаго всѣхъ и каждаго къ дневному труду, подобно тому, какъ онъ это дѣлалъ уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Молли быстро вскочила съ постельки, босикомъ подбѣжала къ комоду, приподняла платокъ и еще разъ взглянула на шляпку. Затѣмъ она подошла къ окну, послѣ нѣкоторыхъ усилій открыла его и въ комнату пахнулъ свѣжій утренній воздухъ. Роса уже высохла на цвѣтахъ въ саду, но еще сверкала вдали, на высокой травѣ, въ полѣ. На первомъ планѣ лежалъ небольшой городокъ Голлингфордъ, на одну изъ улицъ котораго выходила парадная дверь домика мистера Гибсона. Тонкія струйки дыма начинали вылетать изъ трубъ коттеджей, гдѣ хозяйки уже хлопотали, приготовляя завтракъ.

Молли Гибсонъ видѣла все это; но думала только объ одномъ: «Погода будетъ хорошая! А я такъ боялась, что сегодняшній день никогда не настанетъ; а если и настанетъ, то непремѣнно будетъ дождливый!» Сорокъ-пять лѣтъ тому назадъ удовольствія дѣтей въ провинціальномъ городкѣ были очень ограничены и незатѣйливы. Молли достигла двѣнадцатилѣтняго возраста, а въ жизни ея еще не было ни одного событія, которое могло бы сравниться съ тѣмъ, что̀ ее ожидало въ настоящій день. Бѣдняжка, правда, лишилась матери. Это было великимъ бѣдствіемъ ея жизни, но не составляло событія въ томъ смыслѣ, о какомъ мы говоримъ. Да кромѣ того, она въ это время была слишкомъ мала и не сознавала многаго изъ того, что̀ вокругъ нея происходило. Удовольствіе же, ожидавшее ее теперь, заключалось въ томъ, что ей предстояло впервые участвовать въ годичномъ голлингфордскомъ праздиествѣ.

Маленькій, въ безпорядкѣ разбросанный городокъ, сливаясь съ окрестными полями, съ одной стороны примыкалъ къ большому парку, гдѣ жили лордъ и леди Компоръ — «графъ» и «графиня» — какъ называли ихъ обыкновенно горожане, въ сердцахъ которыхъ еще жило чувство феодальной преданности. Чувство это выражалось нерѣдко весьма наивными способами, смѣшными, если смотрѣть на нихъ издалека, но весьма знаменательными для того времени. Это было еще до утвержденія билля о реформѣ, но тѣмъ не менѣе, между двумя-тремя наипросвѣщеннѣйшими изъ голлингфордскихъ жителей нерѣдко происходили разговоры весьма либеральнаго свойства. Кромѣ того, въ графствѣ проживало одно знакомое семейство виговъ, время отъ времени выступавшее впередъ для того, чтобъ состязаться на выборахъ съ Компорами, которые были тори. Читатель могъ бы предположить, что вышеупомянутые, свободно-разговаривающіе граждане, по край-

ней мѣрѣ допускали возможность подачи голосовъ въ пользу Гели-Гаррисоновъ, представителей ихъ собственныхъ политическихъ мнѣній. Ни чуть не бывало. «Графъ» владѣлъ замкомъ, и бо̀льшая часть земли, на которой возвышается Голлингфордъ, принадлежала ему. Онъ и его домашніе кормились, лечились и до нѣкоторой степени одѣвались съ помощью добраго городскаго населенія. Отцы и дѣды голлингфордцевъ всегда подавали голоса въ пользу старшаго сына изъ Комноръ-Тоуэрса и, слѣдуя примѣру предковъ, каждый продолжалъ подавать голосъ въ пользу владѣтельнаго лорда, ни мало не заботясь о такихъ пустякахъ, какъ политическія убѣжденія

Подобнаго рода вліяніе богатыхъ землевладѣльцевъ на ихъ болѣе смиренныхъ сосѣдей не было рѣдкимъ явленіемъ въ тѣ дни, когда еще не существовали желѣзныя дороги. И счастливо было мѣстечко, въ которомъ покровительствующее ему семейство отличалось столь почтенными качествами, какъ семейство Комноровъ. Графъ и графиня требовали покорности и повиновенія; простодушное поклоненіе горожанъ принималось ими, какъ нѣчто, принадлежащее имъ по праву. А еслибы кто изъ голлингфордцевъ осмѣлился выразить мнѣніе или убѣжденіе, несогласное съ ихъ желаніями, они бы въ изумленіи остановились, пораженные ужаснымъ воспоминаніемъ о французскихъ санкюлотахъ, которые были страшилищемъ ихъ молодыхъ лѣтъ. Но затѣмъ графъ и графиня дѣлали городу много добра; они милостиво обращались съ своими вассалами и до нѣкоторой степени заботились о ихъ благосостояніи. Лордъ Комноръ былъ весьма снисходительный землевладѣлецъ. Онъ нерѣдко бралъ бразды правленія въ собственныя руки и отстранялъ отъ дѣла своего управляющаго. Это не совсѣмъ-то нравилось послѣднему, который, впрочемъ, былъ слишкомъ богатъ и независимъ для того, чтобы черезчуръ заботиться о сохраненіи мѣста, гдѣ его распоряженія могли подвергаться измѣненіямъ всякій разъ, что милорду «вздумается сунуть носъ туда, гдѣ его не спрашиваютъ». Столь непочтительное выраженіе обыкновенно произносилось управляющимъ въ святилищѣ его собственнаго дома и означало привычку графа — самому обращаться съ разспросами къ арендаторамъ, и собственными глазами и ушами слѣдить за ходомъ вещей въ имѣніи. Но арендаторы его за то особенно любили. Лордъ Комноръ, правда, иногда высказывалъ ужь слишкомъ большую склонность къ болтовнѣ, но графиня своей неприступностью вполнѣ искупала слабость мужа. Она бывала снисходительна только разъ въ годъ. Вмѣстѣ съ молоденькими леди, своими дочерьми, она основала школу, которая, между прочимъ,

нисколько не походила на тѣ изъ нынѣшнихъ школъ, гдѣ дѣти поселянъ и ремесленниковъ получаютъ болѣе широкое умственное развитіе, нежели то, какое нерѣдко выпадаетъ на долю членовъ семействъ, занимающихъ болѣе высокое положеніе въ свѣтѣ. Нѣтъ, школа леди Комноръ была иного разряда: въ ней дѣвочекъ приготовляли быть искусными швеями, ловкими горничными и хорошими кухарками. Ихъ пріучали опрятно одѣваться въ форменное платье, изобрѣтенное самими леди изъ Комнор-Тоуэрса и состоявшее изъ бѣлаго чепчика, бѣлой пелеринки, клѣтчатаго холщевого передника и голубой юбки. При этомъ частые книксены и безпрестанно повторяемые: «слушаю-съ Ма'амъ», были, что-называется, *de rigueur*.

Графиня проводила въ Тоуэрсѣ только нѣсколько мѣсяцевъ въ году, и поэтому рада была завербовать для своей школы сочувствіе и помощь голлингфордскихъ дамъ. Она желала, чтобъ онѣ въ ея отсутствіе занимались ею. Многія изъ благородныхъ обитательницъ города, имѣя въ распоряженіи достаточное количество свободнаго времени, являлись на зовъ миледи и приносили въ даръ требуемыя отъ нихъ услуги, а также и шопотомъ, торопливо произносимыя восклицанія: «Ахъ, какъ это мило со стороны графини! Какъ это похоже на дорогую графиню: она всегда думаетъ о другихъ!» и т. д. Каждому новому посѣтителю Голлингфорда, въ числѣ достопримѣчательностей города, прежде всего показывалась школа графини, гдѣ съ особенной настойчивостью старались обратить его вниманіе на опрятныхъ маленькихъ дѣвочекъ и ихъ изящныя работы. Взамѣнъ всего этого леди Комноръ и ея дочери каждое лѣто, въ нарочно назначенный для того день, оказывали голлингфордскимъ дамамъ пышное гостепріимство, принимая ихъ въ великолѣпномъ тоуэрскомъ фамильномъ зàмкѣ, стоявшемъ въ аристократическомъ уединеніи посреди огромнаго парка, одни изъ воротъ котораго выходили почти въ самый городъ. Это годичное торжество совершалось обыкновенно въ слѣдующемъ порядкѣ. Около десяти часовъ одинъ изъ тоуэрскихъ экипажей выѣзжалъ изъ парка и по очереди останавливался у различныхъ домовъ, гдѣ жили дамы, удостоенныя приглашенія. Собравъ ихъ — гдѣ по одной, гдѣ по двѣ — нагруженный экипажъ возвращался, катился по гладкой, осѣненной тѣнистыми деревьями дорогѣ и останавливался у главнаго входа. Здѣсь изъ него вылетала стая нарядныхъ леди, которыя по широкимъ ступенямъ парадной лѣстницы поднимались къ тяжелой двери, ведущей въ зàмокъ. Затѣмъ экипажъ снова удалялся въ городъ, опять нагружался расфранченными женщинами, и опять возвращался. И это повторялось до тѣхъ поръ, пока

все общество не собиралось на лицо или внутри замка, или въ окружавшихъ его прекрасныхъ садахъ. Тогда начинали, съ одной стороны, показывать разныя достопримѣчательности, а съ другой — сыпать изъявленія восторга и удивленія. Затѣмъ гостей угощали завтракомъ, вели въ домъ и показывали имъ собранныя тамъ рѣдкости и сокровища, а они опять ахали и восхищались. Въ четыре часа подавали кофе, и это служило сигналомъ къ разъѣзду. Появлялся экипажъ и развозилъ приглашенныхъ леди по домамъ, куда онѣ возвращались съ пріятнымъ сознаніемъ хорошо-проведеннаго дня, но въ то же время и съ ощущеніемъ усталости, вслѣдствіе усилій, какія дѣлали, чтобъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ держать себя прилично и точно ходить на ходуляхъ. Леди Комноръ и ея дочери тоже чувствовали нѣчто подобное: онѣ бывали довольны собой и до крайности утомлены. Послѣднее неизбѣжно при сознательномъ стремленіи сдѣлать себя пріятнымъ обществу, съ которымъ имѣешь весьма мало общаго.

Въ первый разъ въ жизни Молли Гибсонъ попала въ число приглашенныхъ въ Тоуэрсъ гостей. Она была слишкомъ молода, чтобъ участвовать въ занятіяхъ по школѣ, и ея приглашеніе состоялось на совершенно исключительномъ основаніи. Лордъ Комноръ случайно встрѣтилъ доктора, мистера Гибсона, въ то время, какъ тотъ выходилъ изъ фермы, въ которую милордъ направлялъ свои шаги. Графъ обратился къ доктору съ какимъ-то незначительнымъ вопросомъ (лордъ Комноръ рѣдко проходилъ мимо своихъ знакомыхъ безъ того, чтобъ не сдѣлать имъ какого либо вопроса; правда, онъ не всегда ожидалъ на него отвѣта, но таковъ ужь былъ его способъ вести разговоръ), и пошелъ съ нимъ вмѣстѣ къ стѣнѣ, гдѣ стояла привязанная къ кольцу лошадь мистера Гибсона. Молли тоже была тамъ. Она уютно сидѣла на своемъ мохнатомъ маленькомъ пони и ожидала отца. Ея серьёзные, задумчивые глазки широко раскрылись при несомнѣнномъ фактѣ приближенія «графа». Въ ея воображеніи этотъ сѣдоватый, краснолицый, нѣсколько неуклюжій мужчина былъ чѣмъ-то среднимъ между царемъ и архангеломъ.

— Это ваша дочь, Гибсонъ, а? Миленькая дѣвочка. Сколько ей лѣтъ? Пони нуждается въ чисткѣ, говорилъ онъ, поглаживая лошадку.—Какъ васъ зовутъ, душенька? Онъ очень отсталъ въ платежѣ, какъ я уже вамъ говорилъ, но онъ дѣйствительно боленъ. Мнѣ надо, однако, присматривать за Шипшенксомъ: онъ слишкомъ строгъ. Чѣмъ онъ боленъ? Вы пріѣдете къ намъ въ четвергъ на наше школьное празднество, маленькая дѣвочка, какъ васъ зовутъ? Смотрите, Гибсонъ, пришлите ее или приве-

зите сами. Да не забудьте приказать вашему груму почистить пони: я увѣренъ, его не чистили съ прошлаго года,—неправда ли? Не забудьте четверга, маленькая дѣвочка, кàкъ васъ зовутъ? Это уже рѣшенное дѣло,—такъ ли?—И графъ пошелъ прочь, завидѣвъ на другомъ концѣ двора старшаго сына фермера.

Мистеръ Гибсонъ вскочилъ на лошадь и поѣхалъ рядомъ съ Молли. Они нѣсколько времени молчали, потомъ она спросила тихимъ, слегка взволнованнымъ голоскомъ:

— Папа, мнѣ можно будетъ поѣхать?

— Куда, моя милая? спросилъ онъ, внезапно пробуждаясь отъ своихъ мыслей.

— Въ Тоуэрсъ, въ четвергъ, вы знаете. Этотъ джентльменъ (она изъ робости не рѣшалась назвать его графомъ) пригласилъ меня.

— А ты бы хотѣла поѣхать? Мнѣ этотъ день всегда кажется такимъ скучнымъ и длиннымъ. Празднество начинается рано, въ самую жару.

— О, папа! проговорила Молли съ упрекомъ.

— Такъ тебѣ хочется ѣхать?

— Да,—если можно. Онъ вѣдь пригласилъ меня. Кàкъ вы думаете, можно будетъ? Онъ два раза повторилъ приглашеніе.

— Хорошо! Мы посмотримъ. Я думаю, это можно устроить, если ты очень желаешь, Молли.

Они снова замолчали, потомъ Молли сказала:

— Папа, я желаю ѣхать, а впрочемъ, мнѣ все равно.

— Вотъ странная рѣчь! Но я полагаю, тебѣ все равно въ случаѣ, если это будетъ стоить много хлопотъ. По моему мнѣнію, дѣло можно устроить, считай же его рѣшеннымъ. Только, помни, тебѣ понадобится бѣлое платье. Ты скажи Бетти, что ѣдешь, а она ужь позаботится о твоемъ нарядѣ.

Мистеру Гибсону предстояло, однако, отстранить два или три препятствія прежде, чѣмъ вполнѣ успокоиться насчетъ поѣздки Молли въ Тоуэрсъ. Это потребовало съ его стороны нѣсколькихъ усилій, но ему очень хотѣлось доставить удовольствіе своей маленькой дѣвочкѣ. На другой же день онъ отправился въ Тоуэрсъ, повидимому, для того, чтобы навѣстить больную служанку, но въ сущности съ тайной цѣлью встрѣтиться съ миледи и заставить ее подтвердить приглашеніе лорда Компора. Онъ постарался выбрать для этого самое удобное время. Въ его сношеніяхъ съ знатнымъ семействомъ ему нерѣдко приходилось прибѣгать къ дипломатическимъ хитростямъ. Онъ въѣхалъ во дворъ зàмка около двѣнадцати часовъ, за нѣсколько времени до второго завтрака и послѣ открытія почтовой сумки, когда полу-

ченныя письма уже прочитаны, и всѣ успѣли вдоволь наговориться о ихъ содержаніи. Поставивъ въ конюшню лошадь, мистеръ Гибсонъ вошелъ въ домъ съ задняго крыльца, навѣстилъ больную, далъ ключницѣ нужныя предписанія и вышелъ въ садъ. Тамъ онъ вскорѣ, согласно съ своими ожиданіями, набрелъ на леди Комноръ. Она толковала съ дочерью о содержаніи письма, которое держала раскрытымъ въ рукѣ, и въ то же время давала садовнику наставленія насчетъ одной цвѣточной клумбы.

— Я пріѣхалъ взглянуть на Нанни, и воспользовался случаемъ, чтобъ доставить леди Агнесѣ растеніе, которое, я ей говорилъ, растетъ на Комнор-Моссѣ.

— Очень вамъ благодарна, мистеръ Гибсонъ! Мама, посмотрите: это — *Drosera rotundifolia.* Я такъ давно желала ее имѣть.

— Ахъ, да: она очень красива; только я мало смыслю въ ботаникѣ. Я надѣюсь, Нанни лучше; къ слѣдующей недѣлѣ всѣ въ домѣ должны быть здоровы: у насъ будетъ много гостей. А тутъ еще и Данби собираются пріѣхать! Мы являемся сюда недѣли на двѣ отдохнуть, оставляемъ половину прислуги въ городѣ; а между тѣмъ, лишь только разносится молва о нашемъ пріѣздѣ въ замокъ, какъ насъ начинаютъ закидывать письмами, въ которыхъ то и дѣло говорится о свѣжемъ деревенскомъ воздухѣ и о томъ, какъ Тоуэрсъ долженъ быть красивъ весной. Въ этомъ, признаюсь, немало виноватъ лордъ Комноръ: какъ только мы сюда пріѣзжаемъ, онъ отправляется къ сосѣдямъ и зазываетъ ихъ провести у насъ нѣсколько дней.

— Мы возвращаемся въ Лондонъ въ пятницу 18-го числа, утѣшала леди Агнеса.

— О, да! Лишь только мы покончимъ наши дѣла со школой. Но до этого счастливаго дня еще цѣлая недѣля!

— Кстати! сказалъ мистеръ Гибсонъ. — Я встрѣтилъ вчера милорда на фермѣ Кроссъ-тризъ, и онъ былъ такъ добръ, что пригласилъ на четвергъ мою маленькую дочку, которая тогда была со мной. Я полагаю, это доставило бы дѣвочкѣ большое удовольствіе! Онъ остановился и ждалъ отвѣта леди Комноръ.

— Очень хорошо. Если милордъ ее пригласилъ, она должна пріѣхать, только я желала бы, чтобъ онъ не былъ до такой степени гостепріименъ. Рѣчь не о вашей дочери: мы ей рады; но онъ на дняхъ встрѣтилъ и тоже позвалъ младшую миссъ Броунингъ, о существованіи которой я не имѣла понятія.

— Она одна изъ дамъ посѣтительницъ школы, мама, сказала леди Агнеса.

— Весьма вѣроятно, я не спорю. Я знаю, что есть какая-то мисъ Броунингъ, но и не подозрѣвала, что ихъ двѣ; а милордъ, лишь только объ этомъ провѣдалъ, тотчасъ же счелъ нужнымъ пригласить и другую. Теперь экипажу придется ѣздить взадъ и впередъ четыре раза, пока онъ привезетъ ихъ всѣхъ. Слѣдовательно, ваша дочь можетъ свободно пріѣхать; я, ради васъ, ее охотно приму. Ее Броунинги могутъ взять съ собой. Устройте это съ ними, да смотрите вылечите Нанни поскорѣй: на слѣдующей недѣлѣ ей надо приняться ужь и за работу.

Мистеръ Гибсонъ повернулся, собираясь уйдти, но леди Компоръ его снова позвала:

— А, кстати, Клеръ здѣсь. Вы помните Клеръ? Она когда-то была вашей паціенткой.

— Клеръ? повторилъ онъ съ изумленіемъ.

— Неужели вы ее забыли? Мисъ Клеръ, наша бывшая гувернантка, сказала леди Агнеса.— Она жила у насъ лѣтъ двѣнадцать-четырнадцать тому назадъ, когда леди Коксгевенъ еще не была замужемъ.

— Ахъ, да! вспомнилъ онъ: — мисъ Клеръ, у которой была скарлатина; хорошенькая, но слабаго сложенія дѣвушка. Я думалъ, она вышла замужъ.

— Да, сказала леди Компоръ.—Она была маленькое, глупенькое созданьице и сама не знала, что̀ для нея хорошо, что̀ дурно. Мы всѣ ее очень любили, но она насъ оставила, вышла замужъ за бѣднаго пастора и превратилась въ нелѣпѣйшую мистрисъ Киркпатрикъ. Мы же продолжали ее звать по прежнему: «Клеръ». Мужъ ея умеръ, и въ настоящую минуту она гоститъ у насъ. Всячески мы стараемся придумать для нея что-нибудь такое, что̀ бы дало ей возможность существовать, не разлучаясь съ дочерью. Она теперь гдѣ-то гуляетъ въ паркѣ: можетъ быть, вы пожелаете возобновить съ ней знакомство?

— Благодарю васъ, миледи, но я не могу долѣе оставаться. У меня много больныхъ, а я и то здѣсь замѣшкался.

Но какъ ни много было у доктора больныхъ, онъ все-таки улучилъ вечеромъ свободную минутку, чтобъ завернуть къ мисъ Броунингъ и попросить ихъ взять Молли на свое попеченіе для поѣздки въ Тоуэрсъ. Двѣ мисъ Броунингъ, высокія, красивыя, уже не первой молодости женщины, всегда были очень любезны и предупредительны съ вдовцомъ-докторомъ.

— Помилуйте, мистеръ Гибсонъ, да мы будемъ въ восторгѣ! Вамъ нечего было насъ объ этомъ и просить, сказала старшая мисъ Броунингъ.

— Я не могу спать по ночамъ, все думаю о предстоящемъ

праздникѣ, сказала мисъ Фёбе. — Вы знаете, я прежде никогда тамъ не бывала. Сестра уже не разъ ѣздила, а меня, хотя мое имя и записано въ числѣ дамъ, посѣтительницъ школы, графиня никогда не приглашала. Не могла же я сама имъ навязаться и явиться, непрошенная,—въ такой важный домъ!

— Я въ прошломъ году говорила Фёбе, вмѣшалась ея сестра: — что это не болѣе, какъ недоразумѣніе со стороны графини, и что ея сіятельство, конечно, будетъ очень сожалѣть, не видя Фёбе въ числѣ гостей. Но у Фёбе очень деликатныя чувства, мистеръ Гибсонъ, и, несмотря на всѣ мои доводы, она осталась дома. Для меня день былъ тоже потерянъ: я все думала о Фёбе и не могла забыть, съ какимъ печальнымъ лицомъ стояла она у окна, когда я садилась въ карету. Вы не повѣрите, у нея были слезы на глазахъ.

— Ну, ужь и поплакала же я, послѣ твоего отъѣзда, Салли! сказала мисъ Фёбе. — Но тѣмъ не менѣе, я увѣрена, что хорошо сдѣлала, не поѣхавъ туда, куда меня не звали. Неправда ли, мистеръ Гибсонъ?

— Совершенно справедливо, отвѣчалъ онъ. — Но ныньче вы ѣдете; къ тому же въ прошломъ году шелъ дождь.

— Да, да, я помню... Чтобъ нѣсколько забыться, я принялась чистить и убирать ящики, и вдругъ была испугана стукомъ дождевыхъ капель объ оконныя стекла. Боже мой! подумала я: что̀ станется съ бѣлыми атласными ботинками сестры, если ей прійдется идти по мокрой травѣ послѣ такого сильнаго дождя? Я, видите ли, очень хлопотала о томъ, чтобъ у нея были нарядныя ботинки, и вотъ въ нынѣшнемъ году она подарила мнѣ точно такія же.

— Пусть Молли надѣнетъ все, что́ у нея есть лучшаго, сказала мисъ Броунингъ. — Если она захочетъ, мы можемъ ей одолжить наши бусы или цвѣты.

— Молли поѣдетъ въ простомъ бѣломъ платьѣ, поспѣшилъ объявить мистеръ Гибсонъ.

Онъ не слишкомъ-то довѣрялъ вкусу мисъ Броунингъ и не хотѣлъ, чтобъ онѣ наряжали его дочь. Онъ гораздо болѣе полагался на старую Бетти, зная ея любовь къ простотѣ. Мисъ Броунингъ съ достоинствомъ выпрямилась и сказала съ легкимъ оттѣнкомъ неудовольствія въ голосѣ:

— О, хорошо: вы, безъ сомнѣнія, правы.

Но мисъ Фёбе прибавила:

— Молли будетъ мила во всемъ, что̀ ни надѣнетъ.

II.

Первый шагъ въ большомъ свѣтѣ.

Въ четвергъ, въ десять часовъ утра, тоуэрскій экипажъ началъ свои дѣйствія. Молли была готова задолго до его перваго появленія, хотя и было рѣшено, что она и мисъ Броунингъ отправятся только съ послѣднимъ или четвертымъ разомъ. Ея личико было вымыто чисто на чисто; ея платьице, оборки на немъ и ленты сіяли снѣжной бѣлизной. Сверху на дѣвочку набросили тяжелый черный бурнусъ, убранный дорогими кружевами и нѣкогда принадлежавшій ея матери, что придавало ей нѣсколько старообразный видъ. Въ первый разъ въ жизни Молли надѣла лайковыя перчатки: до сихъ поръ она носила однѣ бумажныя. Перчатки эти были слишкомъ велики для ея маленькихъ, кругленькихъ пальчиковъ, но Бетти сказала въ утѣшеніе, что онѣ ей должны служить еще на многіе годы. Молли слегка дрожала отъ ожиданія и разъ, даже, ей сдѣлалось дурно. Напрасно Бетти толковала о какомъ-то горшкѣ, въ которомъ вода не хотѣла кипѣть: Молли ей не внимала и не отводила глазокъ отъ извилистой дороги. Наконецъ, послѣ двухчасоваго ожиданія, экипажъ появился. Молли пришлось сидѣть на самомъ кончикѣ передней скамьи. Съ одной стороны ей надо было остерегаться, чтобъ не измять новыя платья мисъ Броунингъ, а съ другой жаться, чтобъ не безпокоить толстую мистрисъ Гуденофъ съ племянницей. Такимъ образомъ Молли скорѣе стояла нежели сидѣла, и своимъ возвышеннымъ положеніемъ въ центрѣ экипажа привлекала на себя взоры голлингфордскихъ жителей. День этотъ имѣлъ такое большое значеніе въ глазахъ всѣхъ горожанъ, что ихъ обычныя будничныя занятія не могли не подвергнуться нѣкоторымъ упущеніямъ. Служанки выглядывали изъ верхнихъ оконъ домовъ; жоны торговцевъ стояли на порогѣ своихъ лавокъ; жительницы коттеджей высыпали со всѣхъ сторонъ съ дѣтьми на рукахъ. Ребятишки, еще слишкомъ юныя для того, чтобъ съ должнымъ уваженіемъ смотрѣть на графскую карету, сопровождали ее громкими криками. Женщина, отворявшая ворота парка, низко присѣла передъ ливрейными лакеями. Экипажъ вскорѣ очутился въ виду Тоуэрса. Между дамами царствовало глубокое молчаніе, некстати прерванное неудачнымъ замѣчаніемъ племянницы мистрисъ Гуденофъ, недавно пріѣхавшей въ Голлингфордъ и потому еще незнакомой съ его нравами и обычаями. Когда онѣ подъѣхали къ двойному полукругу лѣстницы, ведущей въ зáмокъ, она спросила:

— Это называется у нихъ крыльцомъ, неправда ли?

Дружное «тсъ» было единственнымъ ей отвѣтомъ. Молли сдѣлалось страшно, и она почти желала снова очутиться дома. Но она не замедлила оправиться, и вскорѣ совсѣмъ забылась, когда общество разсѣялось по парку, которому она никогда не видала ничего подобнаго. Зеленыя бархатныя лужайки, облитыя солнечнымъ свѣтомъ, разстилались по обѣимъ сторонамъ, и терялись въ густой чащѣ деревьевъ. Близь самаго дома возвышались стѣны и заборы, но они были сверху до низу покрыты дикими розами, козьей жимолостью и разными вьющимися растеніями въ полномъ цвѣту. Здѣсь были также клумбы, покрытыя пунцовыми, желтыми, алыми, голубыми цвѣтами; на дернѣ кучками лежалъ обвалившійся съ деревьевъ цвѣтъ. Молли крѣпко держалась за руку одной изъ мисъ Броунингъ. Онѣ ходили по саду въ обществѣ нѣсколькихъ другихъ дамъ, подъ предводительствомъ одной изъ графскихъ дочерей, которую, повидимому, очень забавлялъ неудержимый потокъ восторженныхъ восклицаній, вызываемыхъ каждымъ новымъ видомъ, каждымъ новымъ предметомъ. Молли ничего не говорила, какъ то и было, впрочемъ, прилично ея возрасту и положенію; она только время отъ времени облегчала себя глубокимъ вздохомъ. Вскорѣ онѣ подошли къ блестящему ряду стеклянныхъ строеній, гдѣ помѣщались теплицы. Стоявшій у входа садовникъ встрѣтилъ общество и ввелъ его въ оранжереи. Тепличныя растенія и въ половину не такъ понравились Молли, какъ цвѣты на открытомъ воздухѣ; за то лэди Агнеса имѣла болѣе развитый и ученый вкусъ. Она распространялась о рѣдкости того или другаго растенія, указывала на различные способы ухода за тѣмъ или другимъ цвѣткомъ, и этими подробностями до такой степени утомила Молли, что у той закружилась голова. Сначала она старалась пересилить овладѣвшую ею дурноту, но потомъ, боясь упасть или громко расплакаться и тѣмъ произвести суматоху, она схватила за руку мисъ Броунингъ и проговорила:

— Можно мнѣ пойдти въ садъ? Я здѣсь едва дышу.

— Конечно можно, моя милая. Я думаю, вы ничего не понимаете; а вѣдь все это очень поучительно и заключаетъ въ себѣ много латыни.

И она быстро отвернулась отъ нея, какъ-бы опасаясь проронить слово изъ того, что̀ говорила лэди Агнеса. Молли же поспѣшила удалиться изъ душной оранжерейной атмосферы. На свѣжемъ воздухѣ она нѣсколько оправилась и, никѣмъ незамѣчаемая, пошла себѣ бродить по парку. Она переходила съ одного прелестнаго мѣста на другое, то выходила на открытую поляну,

то вступала въ отгороженный и усѣянный цвѣтами палисадникъ, гдѣ пѣніе птицъ и шумъ падающей изъ фонтана воды были единственными звуками, касавшимися ея слуха, а вершины деревьевъ составляли какъ-бы граціозный вѣнокъ на яркомъ іюньскомъ небѣ. Молли шла, нисколько не заботясь о томъ, гдѣ она находится, подобно бабочкѣ, порхающей съ цвѣтка на цвѣтокъ. Наконецъ она устала, хотѣла вернуться и тогда только замѣтила, что заблудилась. Къ тому же она боялась встрѣтиться съ незнакомыми лицами, не имѣя около себя миссъ Броунингъ, которая прикрыла бы ее своимъ покровительствомъ. Отъ жары у нея разболѣлась голова. Внезапно она набрела на широко раскинувшееся, тѣнистое кедровое дерево, густыя вѣтви котораго представляли надежное убѣжище отъ палящихъ лучей солнца. Въ тѣни стояла скамейка; Молли присѣла и заснула.

Черезъ нѣсколько времени она открыла глаза и быстро вскочила на ноги: передъ ней стояли двѣ незнакомыя дамы. Отъ смутнаго сознанія какой-то вины, а также отъ усталости и голода Молли заплакала.

— Бѣдняжка! Она заблудилась! Вѣроятно, она пріѣхала сюда съ кѣмъ-нибудь изъ голлингфордскихъ дамъ, сказала та изъ незнакомокъ, которая казалась старшей. На видъ ей было лѣтъ сорокъ, а въ дѣйствительности всего тридцать. Ея некрасивыя черты лица имѣли серьёзное, нѣсколько строгое выраженіе. Одѣта она была въ богатый утренній туалетъ. Ея густой, рѣзкій голосъ, еслибъ она занимала болѣе низкое положеніе въ свѣтѣ, могъ бы быть названъ грубымъ, но подобное слово никакъ нельзя было примѣнить къ леди Коксгевенъ, старшей дочери графа и графини. Другая дама имѣла болѣе моложавый видъ, хотя и была нѣсколькими годами старше первой. Она показалась Молли очень красивой, а слѣдовательно и очень доброй. Отвѣчая на замѣчаніе леди Коксгевенъ, она заговорила мягкимъ, нѣжнымъ голосомъ.

— Бѣдное маленькое созданіе! жара ее совсѣмъ истомила, къ тому же у нея такая тяжелая соломенная шляпка. — Позвольте, душенька, я вамъ ее развяжу.

Молли съ трудомъ наконецъ удалось проговорить:

— Я Молли Гибсонъ и пріѣхала сюда съ двумя миссъ Броунингъ.

Она очень боялась, чтобъ не подумали, будто она явилась на празднество непрошенная, и безъ всякаго на то права.

— Миссъ Броунингъ? вопросительно повторила леди Коксгевенъ.—Это должны быть тѣ двѣ высокія молодыя женщины, съ которыми говорила леди Агнеса.

— Весьма вѣроятно: я видѣла, за ней ходила цѣлая вереница дамъ. Потомъ, взглянувъ на Молли, она продолжала: — Ѣли ли вы что-нибудь, мое дитя? Вы очень блѣдны, или это отъ жару?

— Я еще ничего не ѣла, жалобно проговорила Молли. И дѣйствительно, она очень хотѣла ѣсть, пока не заснула.

Дамы о чемъ-то пошептались, затѣмъ леди Коксгевенъ заговорила повелительнымъ тономъ, съ какимъ, впрочемъ, обращалась къ Молли съ самаго начала:

— Подождите здѣсь: мы пойдемъ домой и Клеръ вамъ принесетъ чего-нибудь поѣсть, а до тѣхъ поръ не двигайтесь съ мѣста. Отсюда до дому, по крайней-мѣрѣ, четверть мили.

Онѣ ушли, а Молли осталась сидѣть, въ ожиданіи обѣщанныхъ благъ. Она не знала, кто это такая Клеръ; аппетитъ ея отчасти прошелъ, но она чувствовала, что безъ посторонней помощи не можетъ стоять на ногахъ. Хорошенькая леди не замедлила вернуться, а за ней шелъ лакей съ небольшимъ подносомъ въ рукахъ.

— Посмотрите, какъ добра леди Коксгевенъ, сказала та, которую звали Клеръ. — Она сама приготовила вамъ завтракъ. Попробуйте что-нибудь съѣсть и, я увѣрена, вы совсѣмъ оправитесь.

— Эдуардъ, вы можете идти: я сама принесу подносъ.

Завтракъ состоялъ изъ хлѣба, холоднаго цыпленка, желе, стакана вина, графина свѣжей воды и большой кисти винограда. Молли протянула дрожащую ручку за водой, но не была въ состояніи сдержать стаканъ. Клеръ поднесла ей его къ губамъ. Дѣвочка съ жадностью выпила нѣсколько глотковъ и немного освѣжилась. Но ѣсть она рѣшительно не могла, несмотря на всѣ усилія; у нея сильно болѣла голова. Клеръ захлопотала:

— Возьмите винограду, это будетъ вамъ всего полезнѣе. Постарайтесь что-нибудь съѣсть, а то я не знаю, какъ мы съ вами доберемся до дому.

— У меня очень болитъ голова, сказала Молли, съ трудомъ поднимая отяжелѣвшія вѣки.

— Какъ это непріятно! проговорила Клеръ все тѣмъ же мягкимъ голосомъ безъ малѣйшей досады, какъ-бы произнося только неопровержимую истину. Молли чувствовала себя очень виноватой и совсѣмъ несчастной. Клеръ продолжала уже не такъ терпѣливо:—что́ я буду съ вами дѣлать, если вы не подкрѣпите себя пищею на столько, чтобы быть въ состояніи дойдти до дому? Я уже цѣлые три часа топчусь по саду: я устала и пропустила завтракъ. Потомъ, какъ-бы пораженная счастливой мыслію, она прибавила: — прилягте немного и постарайтесь съѣсть хоть

винограду, а я подожду васъ и сама закушу что-нибудь. Вы увѣрены, что не захотите цыпленка?

Молли повиновалась и, прислонясь къ спинкѣ скамьи, медленно общипывала виноградную кисть и смотрѣла, съ какимъ аппетитомъ Клеръ уписывала цыпленка и желе и запивала ихъ виномъ. Она была очень мила въ своемъ траурномъ платьѣ и, несмотря на поспѣшность, съ какою она глотала пищу, какъ-бы опасаясь быть застигнутой въ расплохъ, Молли не могла не любоваться ею.

— Ну, готовы ли вы теперь, душенька? спросила она, когда на подносѣ ничего болѣе не осталось. — Вы съѣли почти весь виноградъ; пойдемте, вотъ такъ хорошо. Мы войдемъ съ бокового входа, я проведу васъ въ мою комнату, вы ляжете на мою постель, соснете часокъ другой, и ваша головная боль совсѣмъ пройдетъ.

Онѣ пошли. Клеръ несла пустой подносъ, къ великому стыду Молли. Но бѣдняжка едва передвигала ноги и не была въ состояніи предложить свои услуги. «Боковой входъ» состоялъ изъ крыльца, ведущаго изъ маленькаго, наполненнаго цвѣтами палисадника въ прихожую, устланную цыновками и въ которую отворялось нѣсколько дверей. Въ углу стояли легкія садовничьи орудія, стрѣлы и луки молодыхъ дѣвицъ. Леди Коксгевенъ, вѣроятно, поджидала Клеръ съ Молли, потому что встрѣтила ихъ въ прихожей.

— Какъ она теперь себя чувствуетъ? спросила она; но взглянувъ на пустые тарелки и стаканы, прибавила: — э, да тутъ, какъ я вижу, нѣтъ ничего серьёзнаго. Вы, добрая, старая Клеръ, къ чему вы сами несли подносъ, а не велѣли за нимъ придти лакею? Въ такую жару и себя-то съ трудомъ таскаешь.

Молли очень хотѣлось, чтобъ ея хорошенькая спутница сказала леди Коксгевенъ, кто преимущественно очистилъ обильный завтракъ, но подобная мысль, повидимому, не приходила въ голову Клеръ. Она только сказала:

— Бѣдняжечка еще не совсѣмъ оправилась и жалуется на головную боль. Я хочу положить ее на мою постель: она, можетъ быть, уснетъ.

Молли видѣла, какъ леди Коксгевенъ съ улыбкой что-то шепнула «Клеръ». Ей даже, къ великому ея смущенію, послышались слѣдующія слова: «я подозрѣваю, она, просто, объѣлась». Но бѣдная дѣвочка была слишкомъ слаба, чтобъ о чемъ либо долго думать. Бѣлая постель въ прохладной комнатѣ имѣла весьма привлекательный видъ для ея больной головки. Кисейныя занавѣски слегка раздувались душистымъ вѣтеркомъ, врывавшимся

въ открытое окно. Клеръ прикрыла дѣвочку легкой шалью и спустила сторы. Когда она уходила, Молли приподнялась и сказала:

— Прошу васъ, ма'амъ, не дайте имъ уѣхать безъ меня. Прикажите кому-нибудь меня разбудить, если я усну. Я должна ѣхать вмѣстѣ съ мисъ Броунингъ.

— Не безпокойтесь, душенька: я позабочусь о васъ, сказала Клеръ, стоя у дверей и посылая маленькой Молли воздушный поцалуй. Затѣмъ она скрылась и все позабыла. Въ половинѣ четвертаго экипажъ былъ поданъ нѣсколько ранѣе обыкновеннаго по приказанію леди Комноръ, которая внезапно соскучилась занимать своихъ гостей и устала отъ ихъ восторженныхъ восклицаній.

— Отчего бы не приказать заложить двухъ экипажей, мама, и такимъ образомъ заразъ отдѣлаться отъ всѣхъ гостей? посовѣтовала леди Коксгевенъ. — Нѣтъ ничего несноснѣе этого медленнаго разъѣзда по очереди!

Совѣтъ пришелся по вкусу, и гостей поспѣшили отправить по домамъ всѣхъ за одинъ пріемъ. Мисъ Броунингъ поѣхала въ каретѣ, а мисъ Фёбе, вмѣстѣ со многими другими дамами, втолкнули въ какой-то огромный семейный экипажъ, похожій на нынѣшніе омнибусы. Каждая изъ сестеръ думала, что Молли Гибсонъ находится съ другой, тогда какъ на дѣлѣ—она покоилась крѣпкимъ сномъ на постели мистрисъ Киркпатрикъ, урожденной Клеръ.

Подъ вечеръ служанки вошли въ комнату для того, чтобы прибрать ее. Ихъ болтовня разбудила Молли. Дѣвочка приподнялась, откинула назадъ волосы и старалась припомнить, гдѣ она. Черезъ минуту она была на ногахъ, къ великому изумленію служанокъ, и спрашивала у нихъ:

— Скажите, пожалуйста, скоро мы отсюда поѣдемъ?

— Господи благослови и помилуй! Кто бы подумалъ, что здѣсь кто-нибудь есть? Кто вы, душенька? Вѣрно, одна изъ голлингфордскихъ леди? Онѣ всѣ уже съ часъ тому назадъ уѣхали.

— Какъ уѣхали? Что же со мной будетъ? Леди, которую зовутъ Клеръ, обѣщалась мнѣ разбудить меня во время. Папа будетъ обо мнѣ безпокоиться, а что скажетъ Бетти, я и не знаю!

Дѣвочка заплакала; а служанки съ изумленіемъ и сожалѣніемъ на нее смотрѣли. Въ ту же минуту, послышались шаги мистрисъ Киркпатрикъ. Она вполголоса напѣвала какую-то итальянскую арію и шла въ свою комнату одѣваться къ обѣду. Служанки

переглянулись, шепнули одна другой: «предоставимъ это ей», и обѣ исчезли въ сосѣднюю комнату.

Мистрисъ Киркпатрикъ отворила дверь и при видѣ Молли остолбенѣла на порогѣ.

— Я совсѣмъ объ васъ позабыла, сказала она наконецъ. — Но не плачьте, а то вамъ никуда нельзя показаться. Конечно, я должна буду взять на себя послѣдствія вашего неумѣстнаго сна, и если мнѣ не удастся сегодня же вечеромъ отправить васъ въ Голлингфордъ, то вы проведете ночь у меня въ комнатѣ, а завтра мы постараемся васъ отослать пораньше.

— Но папа! всхлипывая проговорила Молли: — онъ привыкъ, чтобъ я ему наливала чай, да и со мной нѣтъ ничего необходимаго для ночи.

— Нечего толковать о томъ, чему нельзя помочь. Я вамъ дамъ все, что нужно на ночь, а вашъ папа обойдется и безъ васъ. Но въ другой разъ не засыпайте въ чужомъ домѣ: вы не вездѣ встрѣтите такихъ гостепріимныхъ хозяевъ, какъ здѣсь. Если вы перестанете плакать и обѣщаетесь быть умницей, то я попрошу, чтобъ вамъ позволили придти къ десерту вмѣстѣ съ мистеромъ Смитомъ и маленькими леди. А теперь я васъ отошлю въ дѣтскую, гдѣ вы напьетесь чаю, потомъ возвратитесь сюда причесать волосы и прибраться. Я полагаю, вамъ должно быть очень пріятно, что вы попали въ такой знатный домъ. Многія маленькія дѣвочки хотѣли бы быть на вашемъ мѣстѣ.

Говоря это, она дѣлала свой туалетъ. Она сняла свое черное траурное платье и накинула на себя блузу; затѣмъ распустила свои длинные, шелковистые, каштановаго цвѣта волосы и начала ходить по комнатѣ, собирая различныя туалетныя принадлежности. Между тѣмъ она ни на минуту не умолкала.

— У меня у самой есть маленькая дочка, и чего бы она не дала, чтобъ вмѣстѣ со мной погостить у лорда Компора! Но она должна проводить каникулы въ школѣ. Вамъ же предстоитъ поспать здѣсь всего одну ночь, и вы принимаете такой плачевный видъ! Я была занята съ этими несносными—этими добрыми, хочу я сказать—дамами изъ Голлингфорда—и очень устала. Нельзя же одновременно обо всемъ думать.

Молли, услышавъ, что у мистрисъ Киркпатрикъ есть дочь, утерла слезы и осмѣлилась спросить:

— Вы замужемъ, ма'амъ? Мнѣ казалось, что васъ звали Клеръ.

Мистрисъ Киркпатрикъ добродушно отвѣчала:

— Я не похожа на замужнюю, неправда ли? Всѣ удивляются, не вы одна. Семь мѣсяцевъ тому назадъ я овдовѣла; у меня

нѣтъ ни одного сѣдого волоса на головѣ, тогда какъ у леди Коксгевенъ, которая моложе меня, ихъ уже очень много.

— Почему онѣ зовутъ васъ «Клеръ»? продолжала Молли, ободренная привѣтливостію и сообщительностію своей собесѣдницы.

— Потому что я жила у нихъ, когда была мисъ Клеръ. Неправдали, какое хорошенькое имя? Я вышла замужъ за мистера Киркпатрика; онъ, бѣдный, былъ только пасторъ, но изъ хорошей фамиліи, и еслибъ трое изъ его родственниковъ умерли бездѣтными, я могла бы быть женой баронета. Но провидѣніе рѣшило иначе; а мы должны покоряться его волѣ. Два кузена его женились и обзавелись семействами; а бѣдный, дорогой Киркпатрикъ умеръ и оставилъ меня вдовой.

— У васъ есть маленькая дѣвочка? спросила Молли.

— Да,—моя милая Синція! Я желала бы, чтобъ вы ее видѣли; она мое единственное утѣшеніе. Если у меня будетъ время, я вамъ покажу ея портретъ, когда мы прійдемъ ложиться спать, а теперь мнѣ надо идти. Леди Комноръ не слѣдуетъ заставлять ждать ни минуты; а она просила меня сойдти внизъ пораньше. Я позвоню, и когда прійдетъ служанка, попросите ее отвести васъ въ дѣтскую, и сказать нянькѣ леди Коксгевенъ, кто вы такая. Вы напьетесь чаю съ маленькими леди, и вмѣстѣ съ ними явитесь къ десерту. Вотъ такъ! Мнѣ очень жаль, что вы заспались и остались здѣсь; но, поцалуйте меня и не плачьте — вы довольно миленькая дѣвочка, хотя у васъ и не такой свѣжій цвѣтъ лица, какъ у Синціи! — А, Нанни,—будьте такъ добры, проведите эту молоденькую леди (какъ васъ зовутъ, душенька,— Гибсонъ, да?) — мисъ Гибсонъ, въ дѣтскую къ мистрисъ Дайсонъ, и попросите ее позволить ей напиться чаю съ ея воспитанницами; а потомъ пусть она вмѣстѣ съ ними отправитъ ее къ десерту. Я все объясню миледи.

Лицо Нанни озарилось улыбкой, когда она услышала имя Гибсона. Удостовѣрившись, что Молли, дѣйствительно, дочь «доктора», она охотно взялась исполнить порученіе мистрисъ Киркпатрикъ.

Молли была очень услужливая дѣвочка и къ тому же любила дѣтей. Она вскорѣ пріобрѣла всеобщее расположеніе въ дѣтской, вопервыхъ, безпрекословнымъ повиновеніемъ высшей тамъ власти, а вовторыхъ, тѣмъ, что оказала мистрисъ Дайсонъ большую услугу, забавляя крошечную дѣвочку, между тѣмъ, какъ нянька наряжала старшихъ братьевъ и сестеръ, облекая ихъ въ кисею, кружева, бархатъ и широкія, блестящія ленты.

— Ну, мисъ, сказала мистрисъ Дайсонъ, покончивъ съ своими питомцами: — что̀ я могу для васъ сдѣлать? Съ вами вѣдь нѣтъ другого платья?

Нѣтъ, съ Молли не было другого платья, а еслибъ и было, то это ни къ чему бы не повело, такъ-какъ во всемъ ея гардеробѣ нельзя было найдти ничего нарянѣе толстаго, бѣлаго платьица, которое было на ней надѣто. Ей оставалось только вымыть лицо и руки; а нянька причесала и напомадила ей волосы. Молли думала, что она гораздо охотнѣе провела бы ночь въ паркѣ подъ кедровымъ деревомъ, и предпочла бы не идти къ «десерту», что̀, повидимому, въ глазахъ дѣтей и няньки, составляло важнѣйшее событіе дня. Наконецъ, явился лакей, объявилъ, что пора идти внизъ, и мистрисъ Дайсонъ въ шумящемъ шелковомъ платьѣ повела своихъ питомцевъ въ столовую.

Въ ярко-освѣщенной комнатѣ, за накрытымъ столомъ, сидѣло большое общество мужчинъ и женщинъ. Каждый изъ дѣтей немедленно по приходѣ побѣжалъ къ матери, тёткѣ или комунибудь изъ знакомыхъ. У одной Молли никого тамъ не было.

— Кто эта высокая дѣвочка, въ простомъ бѣломъ платьѣ? Она не здѣшняя, я полагаю?

Леди, къ которой были обращены эти слова, поднесла къ глазамъ лорнетъ, взглянула на Молли, и тотчасъ же опять его опустила.

— Это, должно быть, маленькая француженка. Я знаю, леди Коксгевенъ искала француженку для своихъ дѣтей, чтобы они съизмала привыкли къ хорошему произношенію. Бѣдняжка, какой у нея сконфуженный видъ! Говоря это, дама, ближайшая сосѣдка лорда Комнора, сдѣлала знакъ Молли, чтобы она приблизилась. Молли робко подошла, съ нѣкоторымъ чувствомъ облегченія. Но когда леди заговорила съ ней пофранцузски, она вся вспыхнула и едва слышнымъ голосомъ проговорила:

— Я не понимаю пофранцузски... Я только Молли Гибсонъ, ма'мъ!

— Молли Гибсонъ! громко повторила дама, какъ-бы не находя это изъясненіе удовлетворительнымъ.

Лордъ Комноръ услышалъ восклицаніе и тонъ, какимъ оно было произнесено.

— О, о! сказалъ онъ: — такъ вы та маленькая дѣвочка, которая спала у меня на постели?

И онъ заговорилъ басомъ, подражая голосу сказочнаго медвѣдя, который обращается съ этимъ вопросомъ къ маленькой дѣвочкѣ. Но Молли не читала сказки «О Трехъ Медвѣдяхъ», и вообразила себѣ, что графъ на самомъ дѣлѣ сердится. Она задрожала и прижалась къ ласковой дамѣ, которая ее подозвала къ себѣ. Лордъ Комноръ, когда ему приходила въ голову какая-нибудь шутка, любилъ переворачивать ее на всѣ лады и повторять не-

сметное количество разъ. Такъ и теперь, пока дамы оставались за столомъ, онъ не переставалъ преслѣдовать Молли намеками на «Спящую Красавицу», на «Семь спящихъ дѣвъ» и проч. Онъ и не подозрѣвалъ, что его шутки заставляли страдать бѣдную дѣвочку, которая и безъ того считала себя очень виноватой за то, что уснула, тогда какъ ей слѣдовало бодрствовать. Еслибъ Молли была посмѣлѣе, она могла бы сказать, что просила мистрисъ Киркпатрикъ разбудить ее, когда настанетъ время отъѣзда. Но всѣ ея мысли въ настоящую минуту были устремлены на неловкость ея положенія въ этомъ богатомъ и знатномъ домѣ, гдѣ она была лишняя и никому до нея не было дѣла. Раза два она вспоминала объ отцѣ, спрашивала себя, гдѣ онъ, и безпокоится ли о ней? Но при этомъ воспоминаніи у нея сжималось горло, слезы подступали къ глазамъ, и она спѣшила перенести свои мысли на другой предметъ, чтобъ не расплакаться. Она инстинктивно сознавала, что чѣмъ менѣе будетъ обращать на себя вниманія, тѣмъ лучше для нея.

Она послѣдовала за дамами, когда тѣ вышли изъ столовой, и почти надѣялась, что ее никто не замѣтитъ. Но надежда ея не сбылась, и она немедленно сдѣлалась предметомъ разговора между дамой, оказавшей ей покровительство за обѣдомъ, и страшной леди Комноръ.

— Знаете, я приняла эту дѣвочку за француженку! У нея черные волосы, темныя рѣсницы, острые глаза и блѣдный цвѣтъ лица, какой встрѣчается нерѣдко во Франціи. Къ тому же, я слышала, леди Коксгевенъ искала хорошо воспитанную дѣвочку, которая могла бы быть пріятной собесѣдницей для ея дочери.

— Нѣтъ, отвѣчала леди Комноръ съ весьма суровымъ видомъ; такъ, по крайней-мѣрѣ, показалось Молли. — Она дочь здѣшняго доктора, и пріѣхала сюда сегодня утромъ съ голлингфордскими дамами. Она устала, прилегла въ комнатѣ Клеръ, и до такой степени заспалась, что даже не слышала, какъ всѣ разъѣхались. Завтра утромъ мы ее отошлемъ домой; но сегодняшнюю ночь она должна провести здѣсь. Клеръ была такъ добра, что позволила ей спать у себя въ комнатѣ.

Въ этихъ словахъ слышался скрытый упрекъ, и Молли показалось, будто ее кто укололъ булавкой въ самое сердце. Но въ эту минуту къ ней подошла леди Коксгевенъ. Ея голосъ былъ рѣзокъ, манеры повелительны, какъ и у матери; но Молли чувствовала, что подъ ними скрывалась болѣе мягкая натура.

— Какъ вы себя теперь чувствуете, моя милая? Вы на видъ гораздо свѣжѣе. Такъ вы останетесь у насъ на ночь? Клеръ,

нѣтъ ли здѣсь книгъ съ картинками, которыя могли бы позабавить миссъ Гибсонъ?

Мистрисъ Кирпатрикъ подошла къ тому мѣсту, гдѣ стояла Молли, и начала осыпать ее ласками. А леди Коксгевенъ перебирала толстыя книги, отыскивая между ними что-нибудь для Молли.

— Бѣдненькая! Вы вошли въ столовую такая сконфуженная; мнѣ хотѣлось подозвать васъ къ себѣ, но я не могла, потому что слушала въ то время разсказы лорда Коксгевена объ его путешествіяхъ. А, вотъ интересная книга: *Lodge's Portraits*. Я сяду возлѣ васъ и разскажу вамъ все, что знаю объ этихъ картинкахъ. Не безпокойтесь болѣе, милая леди Коксгевенъ; я позабочусь о ней, оставьте ее со мной!

Молли сильно покраснѣла, когда послѣднія слова коснулись ея слуха. Еслибы онѣ только согласились оставить ее въ покоѣ и «не безпокоиться о ней!» Эти слова мистрисъ Кирпатрикъ весьма умѣрили благодарность, какую Молли начинала чувствовать къ лэди Коксгевенъ. Но, конечно, она ихъ безпокоила; ей не слѣдовало тамъ быть.

Вскорѣ мистрисъ Кирпатрикъ позвали акомпанировать на фортепьяно пѣніе леди Агнесы, и тогда для Молли настало нѣсколько минутъ истиннаго наслажденія. Никѣмъ незамѣчаемая, она могла свободно разсматривать окружающіе ее предметы и, конечно, она никогда въ жизни не видѣла ничего столь прекраснаго и великолѣпнаго. Огромныя зеркала, бархатныя занавѣсы, картины въ золоченныхъ рамахъ, безчисленное множество зажженныхъ свѣчей наполняли и украшали большое зало, въ которой живописными группами размѣщалось множество нарядныхъ дамъ и мужчинъ. Внезапно Молли вспомнила о дѣтяхъ, съ которыми вошла въ столовую — гдѣ они были? Съ часъ тому назадъ, они, по знаку матери, отправились спать. Молли спрашивала себя, нельзя ли и ей уйдти, и раздумывала о томъ, какъ найдти дорогу въ комнату мистрисъ Кирпатрикъ. Но она сидѣла въ небольшомъ разстояніи отъ дверей и очень далеко отъ мистрисъ Кирпатрикъ, которую считала своей покровительницей. Не близко также была и леди Коксгевенъ, суровая лэди Комноръ и ея шутливый добродушный супругъ. И потому Молли продолжала сидѣть, перевертывая картинки, на которыя даже и не смотрѣла. А на сердечкѣ у нея становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Черезъ нѣсколько времени въ залу вошелъ лакей; онъ осмотрѣлся вокругъ себя, а затѣмъ подошелъ къ мистрисъ Кирпатрикъ, которая сидѣла за фортепьяно, окруженная музыкальной частью общества. Пріятная улыбка играла у нея на губахъ и она любез-

но подчинялась всѣмъ требованіямъ, съ какими къ ней обращались. По приходѣ лакея, она встала и подошла къ Молли въ ея уголку.

— Знаете ли, душенька, что вашъ папа пріѣхалъ за вами и привелъ съ собой вашего пони. И такъ я лишаюсь на ночь моей маленькой гостьи: я полагаю, вамъ надо ѣхать.

Надо ѣхать! Точно Молли въ этомъ сомнѣвалась! Она вся просіяла и чуть не заплакала отъ радости. Но слѣдующія слова мистрисъ Киркпатрикъ привели ее въ себя.

— Вы должны пойдти проститься съ леди Компоръ, моя душа, и поблагодарить ее за ея доброту къ вамъ. Вонъ она тамъ стоитъ, возлѣ статуи, и разговариваетъ съ мистеромъ Куртене.

Да! Она тамъ стояла въ сорока шагахъ — за тысячу верстъ! И надо было пройдти это пустое пространство и произнести благодарственную рѣчь!

— Развѣ надо? спросила Молли самымъ жалобнымъ и умоляющимъ голосомъ.

— Да, и поторопитесь, въ этомъ нѣтъ ничего ужаснаго—отвѣчала мистрисъ Киркпатрикъ, уже не столь нѣжнымъ голосомъ. Она знала, что ее ждутъ у фортепьяно, и ей хотѣлось какъ можно скорѣй покончить съ Молли.

Молли съ минуту постояла въ нерѣшимости, потомъ робко промолвила:

— Вамъ не трудно будетъ со мной пойдти?

— Мнѣ! Нисколько! сказала мистрисъ Киркпатрикъ, видя, что такимъ образомъ она всего скорѣе отдѣлается отъ Молли. Она взяла ее за руку и, проходя мимо фортепьяно, сказала съ очаровательной улыбкой:

— Мой маленькій другъ очень скроменъ и застѣнчивъ и проситъ меня пойдти съ нимъ проститься съ леди Компоръ. Отецъ дѣвочки пріѣхалъ за ней и она уѣзжаетъ.

Молли потомъ сама не знала, какъ это случилось, но услышавъ слова, произносимыя мистрисъ Киркпатрикъ, она вырвала у нея руку и одна подошла къ леди Компоръ, которая имѣла весьма величественный видъ въ малиновомъ бархатномъ платьѣ. Молли сдѣлала книксенъ на подобіе пансіонерки и сказала:

— Миледи, папа пріѣхалъ за мной, и я съ нимъ уѣзжаю; и миледи, я желаю вамъ доброй ночи и благодарю васъ за вашу доброту... ваше сіятельство—поспѣшила она прибавить, вспомнивъ наставленіе мисъ Броунингъ на счетъ этикета, котораго слѣдовало строго придерживаться, разговаривая съ графами и графинями.

Наконецъ, ей кое-какъ удалось выбраться изъ залы. Она по-

слѣ вспомнила, что не простилась ни съ леди Коксгевенъ, ни съ мистрисъ Кирипатрикъ, ни съ кѣмъ «изъ нихъ», какъ она непочтительно ихъ называла въ своихъ мысляхъ.

Мистеръ Гибсонъ былъ въ комнатѣ ключницы, когда Молли влетѣла туда какъ ураганъ, къ великому смущенію, величественной мистрисъ Броунъ. Она бросилась на шею къ отцу: «О, папа, папа, папа! Какъ я рада, что вы пріѣхали!» восклицала она и наконецъ громко, почти истерически заплакала, прижимаясь къ нему, какъ-бы желая удостовѣриться, что онъ дѣйствительно тутъ.

— Какая ты глупенькая, Молли! Или ты думала, что я навсегда оставлю въ Тоуэрсѣ мою маленькую дѣвочку? Ты такъ радуешься моему пріѣзду, какъ будто не надѣялась меня болѣе видѣть. Но теперь поспѣшимъ, надѣвай шляпку. Мистрисъ Броунъ, одолжите ей, прошу васъ, шаль или пледъ, или что нибудь въ этомъ родѣ, во что бы ее можно было закутать.

Но онъ умолчалъ о томъ, какъ, съ полчаса тому назадъ, пріѣхавъ домой и услыхавъ, что Молли еще не возвращалась, онъ, голодный и усталый, немедленно отправился къ миссъ Броунингъ. Онъ засталъ ихъ въ слезахъ, смущенныхъ и испуганныхъ, и не выслушавши даже ихъ извиненій, быстро возвратился домой, перемѣнилъ лошадь, велѣлъ осѣдлать пони и поскакалъ въ Тоуэрсъ. Напрасно Бетти кричала ему въ слѣдъ, чтобы онъ взялъ съ собой плащъ для Молли; онъ не хотѣлъ вернуться и продолжалъ путь, «что-то бормоча про себя», какъ послѣ разсказывалъ конюхъ Дикъ.

Мистрисъ Броунъ достала бутылку вина и тарелку съ пирожками для доктора, между тѣмъ, какъ Молли отправилась въ комнату мистрисъ Киркпатрикъ за своими вещами, теперь потерявшими для нея всю прелесть новизны. Комната эта, говорила ключница въ утѣшеніе отцу, нетерпѣливо ожидавшему возвращенія дѣвочки, отстояла на четверть мили, по крайней-мѣрѣ, отъ ея собственной. Мистеръ Гибсонъ, по обыкновенію всѣхъ домашнихъ докторовъ, пользовался всеобщею любовью въ Тоуэрсѣ; онъ всегда приносилъ съ собою утѣшеніе въ печали и облегченіе въ болѣзни. Мистрисъ Броунъ, страдавшая подагрой, особенно была къ нему предупредительна. Она и теперь вышла на дворъ укутать Молли въ шаль, когда та усаживалась на своего мохнатаго пони, и произнесла имъ вслѣдъ слѣдующее мудрое замѣчаніе:

— Ей будетъ гораздо лучше дома, мистеръ Гибсонъ.

Выѣхавъ въ паркъ, Молли ударила пони и погнала его во весь опоръ. Наконецъ, мистеръ Гибсонъ принужденъ былъ закричать:

— Молли, мы подъѣзжаемъ къ кроличьимъ норкамъ; тамъ опасно ѣхать такимъ скорымъ шагомъ. Остановись.

Она затянула поводья, и онъ поровнялся съ ней.

— Мы въѣзжаемъ подъ тѣнь деревьевъ, гдѣ не годится такъ скакать.

— О, папа! Я никогда въ жизни не чувствовала такой радости. Я была точно зажженная свѣча, когда на нее надѣваютъ гасильникъ.

— Вотъ какъ! А ты почему знаешь, что̀ тогда чувствуетъ свѣча?

— Почему — не знаю, но только я себя чувствовала точно такъ. И послѣ минутнаго молчанія она опять сказала:—о, я такъ рада, что нахожусь здѣсь! Такъ пріятно ѣхать на открытомъ свѣжемъ воздухѣ и вдыхать въ себя запахъ росистой травы! Папа, гдѣ вы? Я васъ не вижу.

Онъ поѣхалъ съ ней рядомъ, и полагая, что ей страшно въ темнотѣ, положилъ свою руку на ея.

— О, папа, какъ мнѣ пріятно чувствовать, что вы со мной, воскликнула она, крѣпко сжимая его руку — я хотѣла бы имѣть длинную, длинную цѣпь, такую длинную, какъ вашъ самый отдаленный визитъ. Я прицѣпила бы васъ къ одному концу, а себя къ другому, и когда мнѣ оказалась бы надобность въ васъ, я дернула бы за цѣпь; еслибъ вы не могли прійдти, вы дернули бы ее назадъ; во всякомъ случаѣ, мы знали бы, гдѣ каждый изъ насъ находится и не могли бы потерять одинъ другого.

— Я не вполнѣ отдаю себѣ отчетъ въ твоемъ планѣ; его подробности какъ-то черезчуръ сложны. Но если я хорошо понялъ, мнѣ предстоитъ играть роль осла, у котораго къ задней ногѣ прицѣплена колода.

— Я бы не сердилась даже и на названіе колоды, лишь бы намъ быть привязанными одинъ къ другому.

— Но я бы сердился за названіе осла, отвѣчалъ онъ.

— Я васъ никогда такъ не называла, по крайней-мѣрѣ, не имѣла этого въ виду. Ахъ, какъ хорошо чувствовать, что можешь опять говорить всякій вздоръ, какой взбредетъ на умъ.

— Такъ вотъ чему ты научилась въ знатномъ обществѣ, въ которомъ провела сегодняшній день. А я ожидалъ тебя найдти очень учтивой и церемонной, и даже прочелъ нѣсколько страницъ изъ «сэра Чарльза Грандисона», изъ желанія не отставать отъ тебя.

— О, я надѣюсь, что никогда не буду ни лордомъ, ни леди.

— Въ утѣшеніе я могу тебѣ сказать только одно: ты, безъ сомнѣнія, никогда не будешь лордомъ, и тысяча случайностей

противъ одной, что касается возможности тебѣ сдѣлаться леди въ томъ смыслѣ, въ какомъ ты говоришь.

— Всякій разъ, что я ходила бы за шляпкой, я сбивалась бы съ дороги; а длинные корридоры и высокія лѣстницы утомляли бы меня прежде, чѣмъ я успѣла бы выдти на воздухъ.

— Но тогда у тебя была бы горничная дѣвушка.

— О, папа, горничная дѣвушка хуже всякой леди. Я предпочла бы быть ключницей.

— Конечно! Разныя лакомства и вкусныя кушанья у тебя тогда были бы всегда подъ рукой, отвѣчалъ отецъ съ важнымъ видомъ.—Но мистрисъ Броунъ мнѣ говорила, что мысль объ обѣдѣ нерѣдко лишаетъ ее сна: надо принять въ соображеніе заботы и отвѣтственность, которыя встрѣчаются во всякомъ положеніи.

— Да, это правда, подтвердила Молли:—Бетти говоритъ, что я отравляю ея жизнь зелеными пятнами, которыя остаются на моемъ платьѣ послѣ того, какъ я посижу въ дуплѣ вишневаго дерева.

— А у мисъ Броунингъ разболѣлась голова отъ раскаянія въ томъ, что онѣ могли тебя позабыть въ Тоуэрсѣ. Но, скажи, гусенокъ, какъ это случилось?

— Я одна пошла въ паркъ — о, какъ онъ хорошъ! Тамъ я заблудилась и сѣла отдохнуть подъ большое дерево. Вдругъ пришли леди Коксгевенъ и мистрисъ Киркпатрикъ. Мистрисъ Киркпатрикъ принесла мнѣ позавтракать, а потомъ уложила меня спать на свою постель. Я думала, она меня разбудитъ во время; но она позабыла, а между тѣмъ всѣ уѣхали. Она хотѣла меня оставить въ замкѣ до завтра; я уже не смѣла сказать, какъ мнѣ хотѣлось домой. Я такъ боялась, что вы будете безпокоиться!

— Такъ ты провела не слишкомъ-то пріятный день?

— Нѣтъ, утро было препріятное — я никогда не забуду утра въ паркѣ! Но за то я въ жизнь не чувствовала себя такой несчастной, какъ въ этотъ безконечно-длинный вечеръ.

Мистеръ Гибсонъ счелъ своей обязанностью побывать въ Тоуэрсѣ до отъѣзда Комноровъ въ Лондонъ, извиниться передъ ними и поблагодарить ихъ за хлопоты съ Молли. Онъ засталъ ихъ на отлетѣ, когда всѣ были такъ заняты, что не могли принять его. Одна мистрисъ Киркпатрикъ, хотя ей было не менѣе другихъ дѣла, такъ-какъ она приготовлялась сопровождать леди Коксгевенъ, нашла возможность выдти къ доктору. Она съ ободрительной улыбкой выслушала его благодарность и — съ своей стороны—замѣтила, что никогда не забудетъ заботливости, съ какою онъ за ней ухаживалъ во время ея болѣзни.

*

III.

Дѣтство Молли Гибсонъ.

Шестнадцать лѣтъ тому назадъ, весь Голлингфордъ былъ взволнованъ вѣстью, что мистеръ Галь, искусный докторъ, къ которому въ теченіе столькихъ лѣтъ всѣ привыкли обращаться за совѣтами въ своихъ недугахъ, собирается взять себѣ партнера. Напрасно мистеръ Броунингъ (викарій), мистеръ Шипшенксъ (управляющій лорда Комнора) и самъ мистеръ Галь, какъ наиблагоразумнѣйшіе члены маленькаго общества, старались успокоить взволновавшееся народонаселеніе. Видя, что попытки ихъ не достигаютъ цѣли, они, наконецъ, рѣшились предоставить все времени. А между тѣмъ мистеръ Галь объявилъ своимъ паціентамъ, что глазамъ его, даже и вооруженнымъ сильными стеклами, нельзя безусловно вѣрить. Сами паціенты тоже начинали замѣчать, что ему измѣняетъ слухъ, хотя въ этомъ докторъ съ ними и не соглашался, а только въ свою очередь нападалъ на больныхъ за то, что они говорятъ слишкомъ тихо и даютъ ему о себѣ неточныя свѣдѣнія. «Они говорятъ», упрекалъ онъ ихъ, «точно пишутъ на промокающей бумагѣ: у нихъ всѣ слова сливаются. Кромѣ того, съ нимъ уже не разъ случались припадки подозрительнаго свойства. Онъ ихъ, хотя и называлъ «ревматическими», но прописывалъ себѣ отъ нихъ лекарство, какъ отъ подагры. Въ такихъ случаяхъ ему иногда приходилось откладывать свои посѣщенія даже и къ такимъ больнымъ, которые требовали немедленной помощи. Но, какъ бы то ни было, глухой, слѣпой, подверженный ревматизму мистеръ Галь все-таки былъ ихъ докторомъ; онъ ихъ вылечивалъ, исключая, впрочемъ, тѣхъ случаевъ, когда они умирали; слѣдовательно, онъ не имѣлъ права ни говорить, что старѣется, ни обзаводиться партнеромъ. И дѣйствительно, онъ продолжалъ работать не меньше прежняго: голлингфордскія старыя дѣвы успокоились, думая, что успѣли убѣдить своего современника въ томъ, будто онъ и молодъ и свѣжъ, какъ вдругъ онъ изумилъ ихъ самымъ непріятнымъ образомъ. Въ одинъ прекрасный день онъ представилъ имъ своего партнера въ лицѣ мистера Гибсона и началъ «самымъ хитрымъ образомъ» передавать ему свою практику.—«Но кто этотъ мистеръ Гибсонъ?» спрашивали онѣ—вопросъ, на который могло отвѣчать развѣ только одно эхо. Никому и впослѣдствіи не удалось ничего узнать о его предъидущей жизни, исключая того, что̀ сдѣлалось ясно само собой, съ перваго же дня его прибытія въ Голлингфордъ. Онъ былъ высокій, серьёзный, довольно кра-

сивый мужчина. Его стройная, нѣсколько худощавая фигура придавала ему «аристократическій видъ»; а это весьма нравилось въ то время, когда сильно развитые мускулы еще не вошли въ моду. Онъ говорилъ съ шотландскимъ акцентомъ; разговоръ же его отличался легкимъ саркастическимъ оттѣнкомъ. Что касается его происхожденія, родства и воспитанія, то за неимѣніемъ положительныхъ свѣдѣній, голлингфордское общество пустилось въ догадки. Наиболѣе распространенное предположеніе заключалось въ томъ, что мистеръ Гибсонъ незаконный сынъ одного шотландскаго герцога и какой-то француженки. Эти толки основывались на слѣдующихъ данныхъ: онъ говоритъ съ шотландскимъ акцентомъ; слѣдовательно, онъ шотландецъ. У него изящная наружность, благородная осанка и онъ любитъ, говорили его недоброжелатели—задавать тонъ; слѣдовательно, его отецъ непремѣнно долженъ быть человѣкъ знатный. Отсюда начинали перебирать всѣ степени перства: баронетъ, баронъ, виконтъ, графъ, маркизъ, герцогъ — далѣе никто не осмѣливался идти. Впрочемъ, одна старая дама, изучавшая англійскую исторію, однажды робко замѣтила, что «нѣкоторые изъ Стюартовъ— кхе, кхе, не всегда отличались, кхе, кхе, безупречной нравственностью и это кхе, кхе, осталось наслѣдственнымъ въ семействѣ». Но въ общемъ мнѣніи отецъ мистера Гибсона продолжалъ оставаться только герцогомъ.

Мать же его, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, была француженка: не даромъ у него черные волосы и такой смуглый цвѣтъ лица; къ тому же онъ бывалъ и въ Парижѣ. Все это могло быть и не быть правдой, но никому не удалось ничего болѣе разузнать, и всѣмъ пришлось удовлетвориться свѣдѣніями, доставленными о новомъ докторѣ мистеромъ Галемъ. Между прочимъ, онъ ручался за его искуство и нравственность, и называлъ его человѣкомъ далеко не дюжиннымъ. Популярность и слава, какъ извѣстно, вещи весьма непрочныя; мистеру Галю суждено было въ томъ убѣдиться на опытѣ еще до истеченія перваго года послѣ того, какъ онъ обзавелся партнеромъ. Теперь онъ болѣе не могъ жаловаться на недостатокъ времени и на свободѣ ухаживалъ за своей подагрой и за глазами. Младшій докторъ рѣшительно отодвинулъ его на задній планъ: почти всѣ обыватели Голлингфорда обращались за медицинскимъ пособіемъ къ мистеру Гибсону. Даже и въ знатныхъ домахъ, не исключая и Тоуэрса, куда мистеръ Галь ввелъ своего партнера со страхомъ и трепетомъ, безпокоясь о томъ, какое онъ произведетъ впечатлѣніе на милорда графа и на миледи графиню, даже и въ Тоуэрсѣ принимали мистера Гибсона съ такимъ же точно уваженіемъ, ка-

кое въ былое время оказывалось его почтенному предшественнику. Болѣе того—и это уже превзошло всякую мѣру въ глазахъ добродушнаго старика—мистера Гибсона однажды пригласили въ Тоуэрсъ отобѣдать вмѣстѣ съ знаменитымъ сэромъ Астлеемъ, звѣздой первой величины въ медицинскомъ мірѣ. Конечно, мистеръ Галь былъ тоже приглашенъ; но, какъ нарочно случившійся съ нимъ въ то время припадокъ подагры (съ тѣхъ поръ, какъ онъ обзавелся партнеромъ, ревматизмъ его развился въ сильной степени) уложилъ его въ постель, и онъ принужденъ былъ остаться дома. Бѣдный мистеръ Галь никакъ не могъ позабыть этой неудачи, и отнынѣ позволилъ своимъ глазамъ не видѣть, ушамъ не слышать, и впродолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни почти никуда не показывался. Онъ пригласилъ къ себѣ жить сиротку родственницу съ тѣмъ, чтобы она за нимъ ухаживала. Такимъ образомъ, старый холостякъ, брюзга, ненавистникъ женщинъ, долженъ былъ считать себя весьма счастливымъ, имѣя при себѣ хорошенькую, веселую Мери Пирсонъ, которая была кротка и добра къ нему, но ничего болѣе. Она подружилась съ дочерьми викарія, мистера Броунинга, а мистеръ Гибсонъ вскорѣ сошелся съ ними со всѣми тремя. Голлингфордцы много толковали о томъ, которой изъ молодыхъ дѣвушекъ суждено сдѣлаться мистрисъ Гибсонъ и нѣсколько разочаровались, когда красивый докторъ положилъ конецъ толкамъ и сплетнямъ, женясь на племянницѣ своего предшественника. Ни одна изъ мисъ Броунингъ, какъ зорко за ними ни наблюдали, не выказала при этомъ расположенія къ чахоткѣ. Напротивъ, онѣ даже немного черезчуръ шумно веселились на свадьбѣ. За то бѣдная мистрисъ Гибсонъ умерла отъ этой болѣзни черезъ четыре или пять лѣтъ послѣ своего замужества и три года спустя послѣ смерти своего дяди; Молли тогда пошелъ четвертый годъ.

Мистеръ Гибсонъ мало говорилъ о посѣтившемъ его горѣ; но всѣ подозрѣвали, что оно глубоко и сильно потрясло его. Онъ избѣгалъ изъявленій участія, и когда мисъ Фёбе Броунингъ, свидясь съ нимъ въ первый разъ послѣ того, залилась слезами, угрожавшими превратиться въ истерическій припадокъ, онъ быстро вышелъ изъ комнаты. Мисъ Броунингъ нашла этотъ поступокъ жестокимъ, что̀ не помѣшало ей недѣли двѣ спустя придти въ сильное негодованіе отъ того, что старая мистрисъ Гуденофъ осмѣлилась усомниться въ глубинѣ чувствъ мистера Гибсона. Добрая старушка соразмѣряла его печаль съ шириною крепа на шляпѣ, который вмѣсто того, чтобы обтягивать ее всю, оставлялъ почти три дюйма ея непокрытыми. Итакъ, вопреки всему, мисъ Броунингъ продолжали считать себя лучшими друзьями мистера Гиб-

сона въ силу привязанности, какую питали къ его покойной женѣ. Онѣ весьма охотно взялись бы за воспитаніе Молли и, безъ сомнѣнія, окружили бы ее почти материнскими попеченіями, еслибъ дѣвочку не охранялъ бдительный драконъ въ лицѣ ея няньки, Бетти, ревниво смотрѣвшей на всякое постороннее вмѣшательство въ дѣла ея питомицы. Она съ особеннымъ недоброжелательствомъ смотрѣла на тѣхъ дамъ, которыя, по своему положенію, по лѣтамъ или по характеру, были способны «дѣлать глазки» ея господину.

Положеніе мистера Гибсона, какъ доктора и какъ члена общества, вполнѣ опредѣлилось уже за нѣсколько лѣтъ до начала нашего разсказа. Онъ былъ вдовецъ и, повидимому, намѣревался оставаться таковымъ до конца жизни. Вся его любовь сосредоточивалась на Молли; но даже и съ ней, въ минуты наиболѣе нѣжнаго настроенія духа, онъ рѣдко и мало высказывался. Самымъ его ласковымъ для нея названіемъ было—гусенокъ; онъ очень любилъ съ нею шутить и надъ нею подтрунивать. Къ людямъ, дающимъ слишкомъ много воли своимъ чувствамъ, онъ питалъ нѣкотораго рода презрѣніе, вѣроятно основанное на чисто медицинскомъ взглядѣ на вредныя для здоровья послѣдствія всякаго необузданнаго движенія души. Имѣя привычку говорить о предметахъ только умственныхъ, не касаясь сердечной стороны своей жизни, онъ думалъ о самомъ себѣ, что постоянно и во всемъ слушается только голоса разсудка; но въ этомъ онъ жестоко ошибался. Молли, какъ-то инстинктивно, умѣла разгадать его. Пусть папа надъ нею насмѣхался и подшучивалъ, пусть онъ ее мучилъ «самымъ жестокимъ образомъ,» какъ говаривали другъ другу наединѣ миссъ Броунингъ — Молли тѣмъ не менѣе повѣряла ему на ушко всѣ свои радости и печали, и даже охотнѣе, нежели дѣлилась ими съ Бетти, этой ворчливой, но добрѣйшей изъ женщинъ. Дѣвочка, мало по малу, научилась вполнѣ понимать отца. Ихъ взаимныя отошенія были самаго пріятнаго свойства: полушутливыя, полусерьёзныя, они имѣли характеръ довѣрчивой дружбы. Мистеръ Гибсонъ держалъ трехъ служанокъ: Бетти, кухарку и молоденькую дѣвушку, которая носила названіе горничной, но въ сущности находилась подъ командой двухъ первыхъ: можно себѣ представить, каково ей жилось! Трехъ служанокъ было бы слишкомъ много для мистера Гибсона, еслибъ онъ не имѣлъ обыкновенія, по примѣру своего предшественника, содержать двухъ «учениковъ», которые, внеся ему значительную сумму денегъ, жили у него по контракту и учились его профессіи. Они занимали въ домѣ какое-то неловкое, двусмысленное положеніе: «точь въ точь амфибіи», не безъ основанія, говорила

мисъ Броунингъ. Они обѣдали вмѣстѣ съ мистеромъ Гибсономъ и съ Молли, причемъ служили имъ только помѣхой. Мистеръ Гибсонъ не умѣлъ и не любилъ поддерживать легкій пустой разговоръ, и усилія, какія онъ для этого дѣлалъ, были ему ненавистны. Но когда, ежедневно, по снятіи со стола скатерти, два неуклюжіе мальчугана съ радостной поспѣшностью вскакивали со своихъ стульевъ, отвѣшивали ему по поклону и, толкая другъ друга, быстро исчезали изъ столовой — имъ овладѣвало чувство недовольства, какъ послѣ дурно выполненной обязанности. Онъ могъ слышать ихъ топотъ, когда они бѣжали по коридору, задыхаясь отъ сдержаннаго смѣху. Но это недовольство только еще болѣе ожесточало его и заставляло еще нетерпѣливѣе смотрѣть на неловкость и нелѣпыя выходки его питомцевъ.

За исключеніемъ чисто научныхъ занятій съ ними, мистеръ Гибсонъ рѣшительно не зналъ, что̀ ему дѣлать съ этими мальчиками, которые постоянно смѣнялись одни другими. Ихъ взаимныя отношенія, повидимому, заключались въ томъ, чтобы какъ можно болѣе досаждать другъ другу: онъ — сознательно, они — безсознательно. Разъ или два мистеръ Гибсонъ заявлялъ о своемъ намѣреніи не принимать болѣе новыхъ учениковъ и назначалъ для пріема ихъ непомѣрныя цѣны, надѣясь этимъ способомъ избавиться отъ тяжкаго для него бремени. Но его репутація, какъ искуснаго доктора, приняла такіе размѣры, что всякій охотно вносилъ требуемую сумму, лишь бы доставить своему сыну возможность начать карьеру подъ руководствомъ Гибсона изъ Голлингфорда. Когда Молли минуло восемь лѣтъ, ея отецъ замѣтилъ, что дѣвочку ея возраста весьма неловко оставлять одну завтракать и обѣдать съ двумя мальчиками: ему самому занятія невсегда позволяли при этомъ присутствовать. Не столько для воспитанія Молли, сколько для устраненія этого неудобства, онъ пригласилъ къ себѣ въ домъ пожилую дѣвицу, дочь одного недавно умершаго лавочника, оставившаго свою семью въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Эта дѣвица приходила къ Молли каждое утро передъ завтракомъ, и оставалась съ нею до возвращенія ея отца, или, если его что нибудь долго задерживало, до той минуты, какъ она ложилась въ постель.

— Ну, миссъ Эйръ, говорилъ докторъ наставницѣ наканунѣ дня, когда ей надлежало вступить въ отправленіе ея новыхъ обязанностей: — вы должны дѣлать хорошій чай и присматривать за обѣдомъ, за молодыми людьми. Вамъ вѣдь тридцать-пять лѣтъ, не правда ли? Постарайтесь же заставить ихъ говорить — если не разумно, что̀, кажется, свыше человѣческихъ силъ, то, по край-

ней мѣрѣ, безъ заиканій и хихиканій. Не учите Молли слишкомъ многому: пусть она шьетъ, читаетъ, пишетъ и считаетъ; я хочу, чтобъ она какъ можно долѣе оставалась ребенкомъ. Если же я замѣчу, что ее учатъ болѣе, чѣмъ я того желаю, то я самъ примусь за ея воспитаніе. Я даже не увѣренъ, нужно ли чтеніе и письмо. Многія весьма добрыя и хорошія женщины выходятъ замужъ, не умѣя написать своего имени и замѣняя его крестомъ. Но намъ слѣдуетъ сдѣлать маленькую уступку общественнымъ предразсудкамъ, и потому, мисъ Эйръ, вы можете учить ее читать.

Мисъ Эйръ слушала съ изумленіемъ и въ глубокомъ молчаніи, но въ то же время съ твердою рѣшимостью повиноваться доктору, который былъ такъ добръ къ ея семейству. И такъ она заваривала крѣпкій чай; за обѣдомъ, какъ въ присутствіи такъ и въ отсутствіи хозяина, она надѣляла мальчугановъ большими порціями кушаньевъ и даже съумѣла развязать имъ языки, что̀ особенно ей удавалось, когда мистера Гибсона не бывало дома. Она учила Молли читать и писать, а затѣмъ, честно выполняя свое обѣщаніе, старалась оставлять ее въ полномъ невѣдѣніи на счетъ другихъ наукъ. Только послѣ продолжительной и упорной борьбы удалось Молли выпросить себѣ у отца уроки французскаго языка и рисованія. Онъ все боялся, чтобъ она не научилась слишкомъ многому, хотя ему рѣшительно нечего было этого бояться: учителя, сорокъ лѣтъ тому назадъ посѣщавшіе маленькіе городки, въ родѣ Голлингфорда, не отличались сами большими познаніями въ преподаваемыхъ ими предметахъ. Разъ въ недѣлю Молли посѣщала танцовальный классъ въ залѣ главной гостинницы подъ вывѣской: «Комморскій гербъ». Останавливаемая отцомъ въ каждой новой попыткѣ пріобрѣсти какое либо познаніе, она читала всякую попадавшуюся ей въ руки книгу украдкой и съ наслажденіемъ, какое чувствуется при вкушеніи запретнаго плода. Для своего положенія въ свѣтѣ мистеръ Гибсонъ имѣлъ весьма хорошую библіотеку. Медицинскія книги хранились въ кабинетѣ отца, и потому были недоступны Молли; но всѣ другія книги она или прочла или пробовала прочесть. Лѣтомъ она любила заниматься, сидя въ дуплѣ вишневаго дерева, гдѣ и пачкала платья зелеными пятнами, которыя отравляли жизнь Бетти. Но несмотря на этого «червя, сокрытаго въ цвѣткѣ», Бетти отличалась крѣпкимъ здоровьемъ, проворствомъ и въ полномъ смыслѣ слова процвѣтала. Она была единственнымъ темнымъ пятномъ въ жизни мисъ Эйръ, которая во всѣхъ другихъ отношеніяхъ чувствовала себя вполнѣ счастливой. Она очень радовалась тому, что нашла себѣ

приличное занятіе и хорошее вознагражденіе въ то время, какъ наиболѣе въ томъ нуждалась. Но Бетти, въ теоріи совершенно согласная съ мнѣніемъ мистера Гибсона на счетъ необходимости взять для Молли гувернантку, на практикѣ страшно возставала противъ всякого раздѣленія власти во всемъ, что касалось дѣвочки, которая со дня смерти мистрисъ Гибсонъ была ея питомицей, мучительницей и любимицей. Она съ самаго начала стала въ позицію строгаго судьи всѣхъ словъ и поступковъ мисъ Эйръ, и никогда не скрывала своего неодобренія. Впрочемъ, она не могла не чувствовать уваженія къ терпѣнію и добросовѣстности доброй леди—мисъ Эйръ была въ полномъ и наилучшемъ значеніи слова, настоящая «леди», хотя и занимала въ Голлингфордѣ скромное мѣсто дочери лавочника. Однако, это не мѣшало Бетти жужжать около нея съ неотвязчивостью комара и быть всегда на готовѣ, если не кусаться, то, по крайней-мѣрѣ, колоть изъявленіемъ своего неудовольствія. Мисъ Эйръ совершенно неожиданно нашла себѣ защитницу въ Молли, и это было тѣмъ удивительнѣе, что Бетти, обыкновенно, начиная свои нападки, какъ-бы имѣла въ виду оградить дѣвочку отъ какихъ-то мнимыхъ притѣсненій. Но Молли, возмущенная несправедливостью подобнаго образа дѣйствій, день ото дня все болѣе и болѣе привязывалась къ мисъ Эйръ и уважала ее за исполненное достоинства терпѣніе, съ какимъ она переносила оскорбленія, доставлявшія ей гораздо болѣе печали, нежели даже думала Бетти. Мистеръ Гибсонъ помогъ ея семейству въ нуждѣ, и она не хотѣла тревожить его своими жалобами, боясь доставить ему хотя бы минутное неудовольствіе. И она была за то вполнѣ вознаграждена. Бетти искушала Молли разнаго рода болѣе или менѣе соблазнительными внушеніями, но дѣвочка мужественно сопротивлялась и вопреки всему продолжала прилежно заниматься шитьемъ или трудиться надъ ариѳметической задачей. Бетти отпускала на счетъ мисъ Эйръ грубыя шутки, Молли оставалась невозмутимо серьёзной, какъ-бы ожидая объясненія непонятныхъ для нея словъ, а, какъ извѣстно, для шутниковъ нѣтъ ничего непріятнѣе необходимости переводить свои остроты на удобопонятный языкъ и указывать, гдѣ въ нихъ скрывается жало. Иногда Бетти случалось совершенно забываться и говорить дерзости мисъ Эйръ въ глаза. Но, когда это дѣлалось подъ мнимымъ предлогомъ защиты Молли, дѣвочка приходила въ неописанное негодованіе, и съ такой силой вступалась за свою гувернантку, что сама Бетти смущалась. Въ такихъ случаяхъ, она всегда обращала гнѣвъ Молли въ шутку и старалась къ тому склонить мисъ Эйръ.

— Господи благослови и помилуй ребёнка! говорила она: — можно подумать, что я злая калѣка, а она воробушекъ съ растопыренными крылушками, сверкающими глазками и носикомъ, готовымъ заклевать меня за то, что я осмѣлилась заглянуть въ его гнѣздышко. Полно, дитя! Если тебѣ пріятнѣе сидѣть въ душной комнатѣ и твердить уроки, чѣмъ ѣздить на возу съ сѣномъ или кататься съ Джобомъ Донкинымъ — то это твое дѣло, а не мое. Она маленькая злючка, не правда ли? и въ заключеніе Бетти улыбалась и подмигивала мисъ Эйръ. Но бѣдной гувернанткѣ было не до смѣху, и сравненіе Молли съ воробушкомъ пропало для нея даромъ. Она была добра и въ высшей степени совѣстлива, но зная изъ опыта своей семейной жизни, какіе горькіе плоды приноситъ неумѣнье владѣть собою, спѣшила сдѣлать Молли выговоръ. Дѣвочка печалилась, находя весьма жестокимъ, что ее порицаютъ за то, что̀ въ ея глазахъ было справедливымъ негодованіемъ, вызваннымъ дурнымъ поступкомъ Бетти. Но это были только маленькія горести весьма счастливаго дѣтства.

IV.

Сосѣди мистера Гибсона.

Такимъ образомъ дни Молли текли спокойно и однообразно въ кругу добрыхъ, любящихъ ее людей. Въ жизни ея не было событія важнѣе того, что ее позабыли въ Тоуэрсѣ. Ей пошелъ семнадцатый годъ, она сама сдѣлалась посѣтительницей въ школѣ графини, но никогда болѣе не присутствовала на годичномъ праздникѣ, даваемомъ знатнымъ семействомъ. Не трудно было найдти предлогъ, чтобы не ѣхать въ за̀мокъ, къ тому же воспоминаніе проведеннаго тамъ дня, было не слишкомъ-то пріятно, хотя Молли не разъ приходило на умъ, что она не прочь была бы снова взглянуть на сады.

Лэди Агнеса вышла замужъ; дома оставалась одна лэди Гаріета. Лордъ Голлингфордъ, старшій сынъ, лишился жены и съ тѣхъ поръ, какъ овдовѣлъ, гораздо чаще бывалъ въ Тоуэрсѣ. Онъ былъ высокъ ростомъ, некрасивъ собой и его считали столь же гордымъ, какъ и графиню, его мать; но въ сущности онъ былъ только робокъ и не умѣлъ вести пошлыхъ, но нерѣдко необходимыхъ въ общежитіи разговоровъ. Онъ затруднялся что̀ сказать людямъ, которыхъ привычки и интересы были другіе. Онъ былъ бы очень благодаренъ тому, кто подарилъ бы ему книгу, заключающую въ себѣ образчики разговоровъ, и прилежно затвердилъ бы ее наизусть. Онъ нерѣдко завидо-

валъ разговорной способности своего отца, который любилъ говорить со всякимъ, кто ему попадался на глаза, и не замѣчалъ несообразности въ его рѣчахъ. Вслѣдствіе природной сосредоточенности и робости, лордъ Голлингфордъ не пользовался популярностью, несмотря на свою доброту, простосердечіе и серьёзное образованіе, которое упрочило за нимъ почетное мѣсто въ кругу европейскихъ ученыхъ. Въ этомъ отношеніи голлингфордцы имъ гордились. Они знали, что этотъ высокій, серьёзный, нѣсколько неуклюжій наслѣдникъ Тоуэрса пользовался большимъ уваженіемъ за свой умъ и что онъ сдѣлалъ два или три открытія, хотя никто изъ нихъ не умѣлъ сказать, въ какой отрасли науки. Но тѣмъ не менѣе весьма пріятно было указывать на него иностранцамъ, посѣщавшимъ маленькій городокъ, и говорить: «это лордъ Голлингфордъ—знаменитый лордъ Голлингфордъ, знаете? Вы, конечно, о немъ слышали, онъ такой ученый!» Если посѣтитель зналъ его имя, то ему, конечно, были извѣстны и права его на знаменитость. Если же онъ о немъ никогда не слыхалъ, то изъ десяти случайностей возможна была развѣ только одна, чтобы онъ не постарался скрыть своего невѣжества и не сдѣлалъ вида, будто знаетъ лорда и настоящій источникъ его славы.

Онъ остался вдовцомъ съ двумя или тремя мальчиками. Они были въ училищѣ, и потому, по смерти жены, домъ лорда совершенно опустѣлъ, и онъ началъ проводить большую часть своего времени въ Тоуэрсѣ. Мать имъ гордилась, отецъ очень любилъ его, хотя нѣсколько боялся. Его друзья всегда встрѣчали хорошій пріемъ у лорда и леди Комноръ. Первый, впрочемъ, всегда и всѣхъ хорошо принималъ, но со стороны леди Комноръ было истиннымъ доказательствомъ ея привязанности къ сыну то, что она позволяла ему приглашать въ Тоуэрсъ «всякаго сорта людей». Подъ названіемъ «всякаго сорта людей» подразумѣвались люди, извѣстные своей ученостью, но которые не могли похвастаться высокимъ происхожденіемъ и, надо признаться, не всегда отличались изящными манерами.

Мистеръ Галь, предшественникъ мистера Гибсона, былъ принимаемъ миледи всегда съ дружеской снисходительностью; онъ былъ уже домашнимъ врачомъ Комноровъ, когда она въ первый разъ послѣ своего замужества пріѣхала въ Тоуэрсъ. Но ей никогда и въ голову не приходило воспротивиться тому, чтобъ онъ, въ случаѣ нужды, подкрѣплялъ себя пищею въ комнатѣ ключницы, хотя, конечно, *не вмѣстѣ* съ ключницей, *bien entendu*. Умный, добродушный, краснолицый докторъ, даже еслибъ ему и представился случай выбирать, предпочелъ бы это и самъ «закускѣ» съ ми-

лордомъ и миледи въ великолѣпной столовой. Конечно, когда изъ Лондона призывалась какая либо знаменитость, въ родѣ сэра Астлея, то изъ уваженія къ ней, а также и къ мѣстному доктору, мистеръ Гэль получалъ церемонное формальное приглашеніе откушать въ замкѣ. Въ такихъ случаяхъ мистеръ Галь погребалъ свой подбородокъ въ широкихъ складкахъ бѣлой кисеи, надѣвалъ короткіе панталоны, оканчивавшіеся на колѣняхъ бантами изъ лентъ, шелковые чулки и башмаки съ пряжками, однимъ словомъ—онъ наряжался такъ, чтобъ ему было какъ можно неудобнѣе. Затѣмъ онъ бралъ экипажъ въ «Компорскомъ гербѣ» и ѣхалъ въ Тоуэрсъ, утѣшая себя мыслью, что разсказъ объ этомъ на другой день весьма эфектно будетъ звучать въ ушахъ сквайровъ, которыхъ онъ имѣлъ обыкновеніе посѣщать: «Вчера за обѣдомъ графъ говорилъ то-то», или «графиня замѣтила», или «я съ удивленіемъ услышалъ вчера, обѣдая въ Тоуэрсѣ», повторялъ онъ безпрестанно въ такихъ случаяхъ. Но все это какъ-то измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ мистеръ Гибсонъ сдѣлался голлингфордскимъ «докторомъ» по преимуществу. Миссъ Броунингъ полагала, что это вслѣдствіе его благородной наружности и изящныхъ манеръ; мистрисъ Гуденофъ — «вслѣдствіе его аристократическаго происхожденія» — «сынъ шотландскаго герцога, моя милая, съ какой бы то ни было стороны, но это несомнѣнный фактъ». Хотя онъ нерѣдко просилъ мистрисъ Броунъ дать ему закусить въ ея комнатѣ — у него не хватало времени на церемонные завтраки съ миледи — тѣмъ не менѣе его всегда любезно принимали въ обществѣ самыхъ избранныхъ гостей. Онъ могъ бы въ любой день позавтракать съ герцогомъ, еслибъ таковой явился въ Тоуэрсѣ. Акцентъ его былъ шотландскій, но не провинціальный. На костяхъ его не было ни одной унціи лишняго мяса, а стройный станъ имѣлъ весьма аристократическій видъ. Лицо его было смуглое, а волосы черные; но въ то время, когда только что окончилась большая континентальная война, смуглый цвѣтъ лица и черные волосы были уже сами по себѣ явными признаками благороднаго происхожденія. Онъ не былъ ни черезчуръ веселъ (замѣчалъ со вздохомъ милордъ, но приглашенія подписывались рукою миледи), ни болтливъ, но говорилъ умно и съ легкимъ оттѣнкомъ сарказма; слѣдовательно, могъ быть безъ опасенія допущенъ въ любое общество.

Его шотландская кровь (онъ былъ шотландецъ, въ томъ никто не могъ сомнѣваться) придавала ему видъ какого-то угрожающаго достоинства, которое заставляло всѣхъ и каждаго обращаться съ нимъ съ уваженіемъ. Впродолженіе многихъ лѣтъ приглашенія отобѣдать въ Тоуэрсѣ доставляли ему весьма сомнительное удо-

вольствіе; но это былъ обрядъ, неразлучный съ его професіей, и онъ ему подчинялся безъ малѣйшаго внутренняго удовлетворенія.

Но когда лордъ Голлингфордъ возвратился въ Тоуэрсъ, вещи приняли другой оборотъ. Мистеръ Гибсонъ любилъ читать и слушать разговоры объ интересовавшихъ его предметахъ. Онъ время отъ времени встрѣчался съ знаменитостями ученаго свѣта, странными, простодушными людьми, весьма преданными исключительно занимавшимъ ихъ предметамъ, но совершенно несвѣдущими во всемъ остальномъ. Мистеръ Гибсонъ былъ въ состояніи понять и оцѣнить подобныхъ людей; онъ видѣлъ также, что оцѣнка его была имъ пріятна, такъ-какъ всегда носила на себѣ печать ума и искренности. Онъ началъ писать статьи въ одномъ изъ самыхъ уважаемыхъ медицинскихъ журналовъ, и въ этомъ обмѣнѣ свѣдѣній и мыслей съ своими учеными собратьями находилъ особенный интересъ. Онъ рѣдко видѣлся съ лордомъ Голлингфордомъ; одинъ былъ слишкомъ робокъ, другой слишкомъ занятъ для того, чтобы терять время на уничтоженіе препятствія къ ихъ сближенію — препятствія, заключавшагося въ различіи ихъ положенія въ свѣтѣ. Но какъ тотъ, такъ и другой всегда встрѣчались съ особеннымъ удовольствіемъ. Каждый полагался на уваженіе и симпатію другого съ довѣріемъ, какое рѣдко встрѣчается между людьми, носящими названіе друзей. Это было источникомъ счастья для обоихъ, особенно для мистера Гибсона, такъ-какъ ему рѣже приходилось имѣть столкновеніе съ личностями, выходящими изъ ряда обыкновенныхъ. Дѣйствительно, въ кругу, гдѣ онъ вращался, не было ни одного человѣка ему равнаго, и это служило источникомъ того недовольства, которое онъ по временамъ ощущалъ, не отдавая себѣ отчета, откуда оно происходило. Здѣсь былъ мистеръ Аштонъ, викарій, замѣнившій мистера Броунинга, вполнѣ добродѣтельный человѣкъ, но безъ одной оригинальной мысли въ головѣ. Онъ былъ до такой степени безпеченъ и миролюбивъ, что соглашался со всякимъ, не слишкомъ еретическимъ мнѣніемъ, и произносилъ самыя пошлыя рѣчи безукоризненнымъ тономъ истаго джентльмена. Мистеръ Гибсонъ раза два позабавился-было на его счетъ и довелъ постоянно и любезно совсѣмъ соглашающагося викарія до того, что онъ совершенно растерялся и завязнулъ въ болотѣ самыхъ еретическихъ понятій. Но мистеръ Аштонъ, увидя себя въ безвыходномъ положеніи, до такой степени смутился, и такъ жестоко себя упрекалъ за свою снисходительность къ чужимъ мнѣніямъ, что мистеръ Гибсонъ потерялъ вкусъ къ своей шуткѣ, и поспѣшилъ возвратиться къ тридцати-девяти правиламъ, какъ къ единственному способу успокоить растревоженнаго викарія. Во всякомъ другомъ вопросѣ, исключая православія, мистеръ

Гибсонъ могъ вовлекать его въ самыя дикія несообразности, но таково было невѣжество викарія на счетъ большей части, даже самыхъ обыкновенныхъ предметовъ, что его уступчивость въ этихъ случаяхъ, доколѣ бы она ни простиралась, не приводила ни къ какому забавному результату. Викарій имѣлъ порядочное состояніе; онъ не былъ женатъ, и велъ жизнь лѣниваго, съ утонченными вкусами холостяка. Онъ не былъ дѣятельнымъ посѣтителемъ своихъ бѣдныхъ прихожанъ, но тѣмъ не менѣе оказывалъ имъ щедрую помощь, и даже нерѣдко самымъ самоотверженнымъ образомъ; это случалось всякій разъ, что мистеръ Гибсонъ или кто либо другой наводилъ его на мысль.

— Распоряжайтесь моимъ кошелькомъ, какъ своимъ собственнымъ, Гибсонъ, имѣлъ онъ обыкновеніе говорить. — Я не умѣю ходить по бѣднымъ людямъ и заставлять ихъ говорить: я знаю, что слишкомъ мало дѣлаю въ этомъ отношеніи, но я охотно дамъ всякому, кто, по вашему мнѣнію, терпитъ нужду.

— Благодарю васъ; я и то часто къ вамъ обращаюсь безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти. Но, если мнѣ будетъ позволено сказать правду, я осмѣлюсь замѣтить, что вамъ не слѣдъ заставлять говорить другихъ; напротивъ, вамъ не мѣшало бы говорить самому.

— Это все одно и то же, жалобно возражалъ викарій.—Впрочемъ, я полагаю, тутъ есть нѣкоторая разница, и я нисколько не сомнѣваюсь въ справедливости вашихъ словъ. Но то и другое для меня одинаково трудно, и потому позвольте мнѣ купить право молчанія этой десятифунтовой бумажкой.

— Благодарю васъ. Это мало меня удовлетворяетъ, да и васъ тоже, я думаю. Но, вѣроятно, Грины и Джонсы предпочтутъ это.

Мистеръ Аштонъ послѣ подобной рѣчи всегда плачевно смотрѣлъ въ глаза мистера Гибсона, какъ-бы желая удостовѣриться, не заключается ли въ его словахъ насмѣшки. Вообще они были большими друзьями; но, за исключеніемъ чувства, которое заставляетъ большинство людей искать общества себѣ подобныхъ, они находили мало удовольствія въ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Личность, къ которой мистеръ Гибсонъ выказывалъ наиболѣе расположенія, по крайней-мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не поселился въ сосѣдствѣ лордъ Голлингфордъ — была личность нѣкоего сквайра Гамлея. Онъ и его предки назывались сквайрами съ незапамятныхъ временъ. Въ графствѣ было много болѣе значительныхъ землевладѣльцевъ, такъ-какъ владѣнія сквайра Гамлея простирались всего на восемьсотъ акровъ или около того. Но его семейство владѣло ими задолго до того времени, когда

впервые сдѣлалось извѣстнымъ имя графовъ Комноръ, и когда Гелп-Гаррисоны купили Колдсмонъ-паркъ; никто въ Голлингфордѣ не подозрѣвалъ о существованіи эпохи, въ которую бы Гамлеи не жили въ Гамлеѣ. «Они здѣсь со временъ «гептархіи», говорилъ викарій. «Нѣтъ», возражала мисъ Броунингъ, «я слышала, что Гамлеи изъ Гамлея жили еще до римлянъ». Викарій приготовлялся любезно съ ней согласиться, но мистрисъ Гуденофъ произнесла еще болѣе удивительное замѣчаніе: «Я всегда слышала», сказала она съ самоувѣренностью самой старой изъ голлингфордскихъ обывательницъ, «что Гамлеи изъ Гамлея существовали прежде язычниковъ». Мистеръ Аштонъ могъ только съ поклономъ отвѣчать: «Весьма вѣроятно, сударыня, весьма вѣроятно». Но онъ произнесъ эти слова съ такой почтительной вѣжливостью, что мистрисъ Гуденофъ почувствовала себя въ высшей степени польщенною. Она окинула общество самодовольнымъ взглядомъ, какъ-бы желая сказать: «Сама церковь подтверждаетъ мои слова; кто теперь осмѣлится ихъ оспаривать?» Но какъ бы то ни было, семейство Гамлеевъ было весьма древняго рода. Они уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій не увеличивали своихъ владѣній, а въ послѣднее столѣтіе не продали съ нихъ ни пучка рўты, хотя имъ это нелегко обходилось. Они никогда не отличались предпріимчивостью, не торговали, не пускались въ обороты и не предпринимали никакихъ нововведеній. У нихъ не было капиталовъ ни въ одномъ изъ банковъ. Они жили скорѣе какъ мелкіе помѣщики, нежели какъ зажиточные сквайры. И дѣйствительно, сквайръ Гамлей, придерживаясь обычаевъ и привычекъ своихъ предковъ, сквайровъ восемьнадцатаго столѣтія, имѣлъ мало общаго съ сквайрами современнаго ему поколѣнія. Въ этомъ спокойномъ консерватизмѣ было какое-то особеннаго рода достоинство, которое внушало безграничное къ нему уваженіе какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ классахъ, и, еслибъ онъ захотѣлъ, передъ нимъ раскрылись бы двери всѣхъ домовъ въ графствѣ. Но общество съ его удовольствіями имѣло для него мало привлекательности, и это, можетъ быть, происходило оттого, что сквайръ Роджеръ Гамлей получилъ далеко не такое воспитаніе, какое ему слѣдовало бы получить. Его отецъ, сквайръ Стефенъ, оборвался на экзаменѣ въ Оксфордѣ, и съ тѣхъ поръ съ неслыханнымъ упорствомъ отказывался туда возратиться. Мало того, онъ поклялся страшной клятвой, что никто изъ его будущихъ дѣтей никогда не сдѣлается членомъ какого бы то ни было университета.

У него былъ единственный сынъ, нынѣшній сквайръ, и онъ его воспиталъ согласно данной клятвѣ. Мальчикъ былъ помѣ-

щенъ въ провинціальную школу низшаго разряда, гдѣ научился многое ненавидѣть, а затѣмъ занялъ въ помѣстьи свое мѣсто наслѣдника. Такое воспитаніе принесло ему много вреда. Свѣдѣнія его въ наукахъ были въ высшей степени ничтожны; онъ сознавалъ этотъ недостатокъ образованія и сокрушался о немъ, по крайней мѣрѣ, въ теоріи. Онъ былъ неловокъ въ обществѣ и, по мѣрѣ возможности, держался отъ него въ сторонѣ; онъ былъ упрямъ, вспыльчивъ и повелителенъ съ близкими, но въ то же время великодушенъ, правдивъ и честенъ до крайности. Онъ обладалъ достаточнымъ количествомъ природнаго ума, и разговоръ его всегда былъ поучителенъ, хотя онъ нерѣдко основывалъ свои выводы на совершенно фальшивыхъ началахъ, которыя считалъ неопровержимыми, какъ математическая истина. Но затѣмъ никто не могъ быть остроумнѣе его въ доводахъ, какіе онъ приводилъ въ доказательство своихъ мнѣній. Онъ женился на модной, деликатно образованной лондонской леди, и женидьба его принадлежала къ числу тѣхъ странныхъ браковъ, причины которыхъ никому непонятны. Но, тѣмъ не менѣе, супруги были очень счастливы, хотя мистрисъ Гамлей, можетъ быть, и не впала бы въ то болѣзненное состояніе, въ какомъ находилась, еслибъ мужъ ея нѣсколько болѣе заботился объ удовлетвореніи ея вкусовъ или окружилъ ее обществомъ болѣе ей сроднымъ. Послѣ свадьбы онъ нерѣдко говаривалъ, что взялъ изъ Лондона все, что̀ тамъ было лучшаго, и онъ не переставалъ повторять женѣ этотъ комплиментъ до послѣдняго года ея жизни, который сначала приводилъ ее въ восторгъ, а потомъ всегда пріятно звучалъ въ ея ушахъ. Но, тѣмъ не менѣе, она иногда очень желала, чтобъ мужъ ея призналъ за Лондономъ еще и нѣкоторыя другія достоинства. Онъ самъ никогда болѣе тамъ не бывалъ, ей же не запрещалъ повременамъ туда ѣздить; но когда она, возвращаясь, передавала ему свои впечатлѣнія, онъ такъ мало выказывалъ ей сочувствія, что эти поѣздки потеряли для нея почти всю цѣну. Впрочемъ, онъ всегда охотно давалъ на нихъ свое согласіе и щедро надѣлялъ ее деньгами. «На, на, тебѣ, моя голубушка, возьми! Не отставай отъ другихъ въ нарядахъ и покупай все, что̀ тебѣ вздумается, только не урони чести Гамлеевъ изъ Гамлея. Посѣщай парки и театры, показывайся всюду. Я буду радъ, когда ты возвратишься, но пока веселись тамъ сколько душѣ угодно». А по возвращеніи онъ говорилъ: «хорошо, хорошо; я полагаю, ты довольна; слѣдовательно, все въ порядкѣ. Но меня утомляетъ говорить объ этомъ и я рѣшительно не понимаю, какъ ты могла все это вынести. Пойдемъ лучше, посмотримъ, какіе прелестные цвѣты растутъ въ южномъ саду. Я посѣялъ сѣмена всѣхъ наиболѣе лю-

бимыхъ тобою сортовъ; я ѣздилъ также въ голлингфордскій разсадникъ и купилъ тамъ отростки растеній, которыя тебѣ такъ понравились въ прошломъ году. Свѣжій воздухъ разсѣетъ нѣсколько въ моей головѣ туманъ отъ твоихъ разсказовъ о вихрѣ лондонскихъ удовольствій».

Мистрисъ Гамлей много читала и имѣла весьма развитой литературный вкусъ. Она была кротка и чувствительна, нѣжна и добра. Она отказалась отъ поѣздокъ въ Лондонъ и отъ общенія съ людьми, равными ей по развитію и положенію въ свѣтѣ. Ея мужъ, вслѣдствіе недостаточности своего образованія, чуждался общества, къ кругу котораго принадлежалъ по праву рожденія; но въ то же время онъ былъ слишкомъ гордъ для того, чтобъ сближаться съ низшими себя. Онъ еще нѣжнѣе полюбилъ жену за ея пожертвованія; но не находя удовлетворенія своимъ утонченнымъ вкусамъ и влеченіямъ, она впала въ болѣзненное состояніе. Трудно было опредѣлить, въ чемъ состояло ея нездоровье, только она никогда не чувствовала себя хорошо. Будь у нея дочь, все, можетъ быть, пошло бы иначе; но у нея было только два сына, и отецъ, желая доставить имъ преимущества, которыхъ самъ былъ лишенъ, очень рано отослалъ мальчика въ приготовительную школу. Затѣмъ имъ надлежало поступить въ Рёгби и Кембриджъ; Оксфордъ въ семействѣ Гамлеевъ пользовался наслѣдственной нелюбовью. Старшій сынъ, Осборнъ — такъ названный въ память имени, которое мать носила въ дѣвицахъ, былъ способный и талантливый мальчикъ. Наружность его имѣла утонченную грацію матери. Онъ имѣлъ кроткій, милый нравъ, ласковый и нѣжный какъ у дѣвочки. Онъ хорошо учился въ школѣ, получалъ награды, однимъ словомъ—росъ на радость и гордость отца и матери; послѣдняя, за неимѣніемъ друзей, избрала его повѣреннымъ своихъ мыслей и чувствованій. Роджеръ былъ двумя годами моложе Осборна; онъ походилъ на отца неуклюжимъ и плотнымъ сложеніемъ; лицо его имѣло угловатое очертаніе съ выраженіемъ серьёзнымъ и почти неподвижнымъ. Онъ былъ добръ, но тупъ, говорили о немъ школьные учителя. И дѣйствительно, онъ никогда не получалъ наградъ, но, возвращаясь домой, всегда привозилъ съ собой благопріятные отзывы о своемъ поведеніи. Когда онъ ласкалъ мать, та со смѣхомъ любила вспоминать извѣстную басню о болонкѣ и ослѣ, вслѣдствіе чего онъ сталъ удерживаться отъ всякаго изъявленія чувствъ. Послѣ того, какъ они вышли изъ Рёгби, много говорилось о томъ, послать Роджера вмѣстѣ съ Осборномъ въ университетъ, или нѣтъ? Мистрисъ Гамлей полагала, что это будетъ безполезная трата денегъ: нечего было надѣяться на его

успѣхи въ наукахъ; что-нибудь болѣе практичное, напримѣръ, званіе гражданскаго инженера, пришлось бы ему гораздо болѣе по плечу. Кромѣ того, если его отправить въ одинъ университетъ съ братомъ, его самолюбіе будетъ постоянно страдать; Осборнъ, безъ сомнѣнія, получитъ много отличій, и всякая неудача будетъ вдвойнѣ непріятна бѣдному Роджеру. Но отецъ упорно стоялъ на своемъ намѣреніи дать обоимъ сыновьямъ совершенно одинаковое образованіе. Если Роджеръ не воспользуется своимъ пребываніемъ въ Кембриджѣ, онъ самъ будетъ въ томъ виноватъ. Если же отецъ его туда не пошлетъ, онъ, пожалуй, будетъ впослѣдствіи объ этомъ сожалѣть, подобно тому, какъ въ теченіе многихъ лѣтъ сожалѣлъ сквайръ Стефенъ. Такимъ образомъ, Роджеръ послѣдовалъ за Осборномъ въ Trinity College, а мистрисъ Гамлей, по истеченіи года, прошедшаго въ нерѣшимости насчетъ назначенія Роджера, снова осталась одна. Она уже впродолженіе многихъ лѣтъ не была въ состояніи ходить далѣе своего сада; большую часть жизни она проводила на софѣ, которую лѣтомъ обыкновенно придвигали къ окну, а зимой къ камину. Комната ея была просторна и имѣла веселый видъ. Четыре большихъ окна выходили на поляну, испещренную цвѣточными клумбами и примыкающую къ рощѣ, посреди которой находился прудъ, покрытый водяными лиліями. Лежа на своемъ диванѣ, мистрисъ Гамлей написала нѣсколько стихотвореній, гдѣ воспѣвала этотъ прудъ, сокрытый въ лѣсной чащѣ. Она то читала, то писала. Возлѣ нея стоялъ маленькій столикъ; на немъ лежали новѣйшіе романы и поэтическія произведенія, карандашъ и листы чистой бумаги. Тутъ же стояла ваза съ цвѣтами, нарванными ея мужемъ; и зимой и лѣтомъ у нея ежедневно бывали свѣжіе букеты. Каждые три часа служанка приносила ей лекарство и стаканъ чистой воды съ бисквитомъ. Мужъ навѣщалъ ее такъ часто, какъ ему то позволяли его занятія на открытомъ воздухѣ и любовь къ нимъ. Но главное событіе дня, во время отсутствія мальчиковъ, составляло посѣщеніе мистера Гибсона.

Онъ зналъ, что она дѣйствительно страдала, хотя посторонніе о ней обыкновенно говорили, какъ о мнимой больной, а нѣкоторые даже упрекали его въ томъ, что онъ потворствуетъ ея капризамъ. Въ отвѣтъ на подобное обвиненіе онъ только улыбался. Онъ сознавалъ, что своими посѣщеніями доставляетъ ей истинное удовольствіе и приноситъ облегченіе ея неизъяснимой болѣзни. Онъ зналъ также, что сквайръ Гамлей былъ бы радъ видѣть его каждый день, и что тщательнымъ наблюденіемъ надъ больной, онъ могъ нѣсколько облегчать ея физическія страданія. Но за исключеніемъ всего этого, онъ находилъ большое удоволь-

ствіе въ обществѣ сквайра. Его вспышки, своеобразіе, консервативныя понятія насчетъ религіи, политики и нравственности, забавляли мистера Гибсона. Иногда мистрисъ Гамлей, какъ-бы извиняясь за него, старалась смягчать выраженія, по ея мнѣнію, оскорбительныя для доктора, или сглаживать слишкомъ рѣзкія противорѣчія. Но въ такихъ случаяхъ ея мужъ почти съ лаской бралъ за плечи мистера Гибсона и успокоивалъ жену слѣдующими словами:

— Оставь насъ, моя голубушка: мы понимаемъ другъ друга; не такъ ли, докторъ? Онъ мнѣ подъ часъ задаетъ жару не хуже, чѣмъ я ему; только онъ приправляетъ свои колкости сахаромъ и говоритъ ихъ съ учтивымъ и смиреннымъ видомъ; но я всегда знаю, когда онъ закатываетъ мнѣ пилюлю.

Мистрисъ Гамлей весьма часто изъявляла желаніе видѣть у себя Молли. Мистеръ Гибсонъ постоянно отвѣчалъ ей отказомъ, хотя едва ли и самъ могъ найдти достаточную къ тому причину. Онъ просто, просто не хотѣлъ разлучаться съ Молли, но, не сознаваясь въ этомъ, утверждалъ, что отлучка изъ дому прервала бы ея занятія и помѣшала урокамъ. Жизнь въ жаркой, пропитанной ароматомъ атмосферѣ комнаты мистрисъ Гамлей не могла быть полезна для дѣвочки. Иногда онъ находилъ, что Осборнъ и Роджеръ Гамлей должны были скоро возвратиться домой, и онъ не хотѣлъ, чтобы Молли находилась слишкомъ часто въ ихъ обществѣ. Или, наоборотъ, мальчиковъ не было дома, и онъ боялся, что его дѣвочка соскучится, проводя цѣлые дни съ глазу на глазъ съ больной леди.

Но наконецъ насталъ день, когда мистеръ Гибсонъ самъ выразилъ желаніе привезти Молли въ Гамлей и водворить ее тамъ на неопредѣленное время. Мистрисъ Гамлей приняла это предложеніе съ восторгомъ. Причиною же внезапнаго измѣненія въ образѣ мыслей мистера Гибсона, было слѣдующее происшествіе. Мы уже говорили, что мистеръ Гибсонъ имѣлъ у себя воспитанниковъ, которыхъ, впрочемъ, принималъ весьма неохотно. Но, какъ бы то ни было, а таковые обрѣтались у него въ домѣ; они назывались мистеръ Уиннъ и мистеръ Коксъ—«молодые джентльмены»—какъ ихъ величали домашніе, «молодые джентльмены мистера Гибсона»—какъ ихъ звали въ городѣ. Мистеръ Уиннъ былъ старшій и болѣе опытный; онъ иногда заступалъ мѣсто своего учителя и набивалъ себѣ руку, занимаясь бѣдными больными и «хроническими случаями». Мистеръ Гибсонъ имѣлъ обыкновеніе разсуждать съ мистеромъ Уинномъ о своей практикѣ, въ надеждѣ когда-либо вытянуть изъ мистера Уинна хоть одну оригинальную мысль. Молодой человѣкъ былъ тупъ и остороженъ;

онъ никогда не причинялъ вреда своей поспѣшностью, но за то всегда опаздывалъ. Однако, мистеръ Гибсонъ помнилъ, что ему случалось имѣть дѣло съ гораздо худшими «молодыми джентльменами», и онъ былъ радъ даже и такому старшему ученику, какъ мистеръ Уинпъ. Мистеру Коксу пошолъ девятнадцатый годъ или около того; онъ имѣлъ рыжіе, съ краснымъ отливомъ волоса и красное лицо; ему хорошо были извѣстны эти особенности его физіономіи, и онъ очень ихъ стыдился. Отецъ его, старый знакомый мистера Гибсона, служилъ офицеромъ въ Индіи. Мистеръ Коксъ въ настоящее время находился на какой-то съ непроизносимымъ именемъ стоянкѣ въ Пенджубѣ; но въ предыдущемъ году онъ былъ въ Англіи, и не разъ выражалъ свое удовольствіе по поводу того, что ему удалось помѣстить своего единственнаго сына къ старому другу. Онъ нетолько поручилъ мистеру Гибсону заботу о его воспитаніи, но еще почти сдѣлалъ его опекуномъ мальчика. При этомъ случаѣ онъ не преминулъ надавать доктору Кучу совѣтовъ и указаній, на которые мистеръ Гибсонъ отвѣчалъ съ неудовольствіемъ, что каждый изъ его воспитанниковъ и безъ того пользуется всѣмъ тѣмъ, о чемъ майоръ считалъ нужнымъ столько говорить. Но когда бѣдный мистеръ Коксъ осмѣлился заявить свое желаніе на счетъ того, чтобъ его сынъ былъ принятъ въ число членовъ семейства и проводилъ вечера въ гостиной, а не въ классной комнатѣ, мистеръ Гибсонъ отказалъ ему наотрѣзъ.

— Онъ долженъ вести образъ жизни, одинаковый съ другими. Я не хочу, чтобъ въ мою гостиную приносили пестикъ и ступку и наполняли ее запахомъ алоя.

— Но развѣ мой мальчикъ самъ долженъ дѣлать пилюли?

— Конечно. Младшій ученикъ всегда ихъ приготовляетъ. Это не трудная работа. Онъ будетъ утѣшаться мыслью, что не ему прійдется ихъ глотать. Къ тому же, у него будутъ всегда подъ рукой мятныя лепешки и вареныя въ сахарѣ ягоды шиповника, а по воскресеньямъ, въ награду за дѣланье пилюль въ теченіе цѣлой недѣли, онъ можетъ лакомиться тамариндами.

Майоръ Коксъ ни чуть не былъ увѣренъ въ томъ, что мистеръ Гибсонъ не подсмѣивался надъ нимъ. Но дѣло уже было улажено, и представляло столько выгодъ, что онъ счелъ за лучшее пропустить насмѣшку мимо ушей и даже покориться необходимости приготовленія пилюль. За всѣ эти непріятности онъ былъ вполнѣ вознагражденъ мистеромъ Гибсономъ въ минуту своего отъѣзда. Докторъ говорилъ мало, но въ манерѣ его было столько добродушія и искренняго чувства, что бѣдный отецъ былъ тронутъ до глубины души. Въ послѣднихъ прощальныхъ словахъ мистера

Гибсона ясно звучало: «Вы мнѣ поручили вашего сына, и я вполнѣ принялъ на себя отвѣтственность за его благосостояніе».

Мистеръ Гибсонъ слишкомъ хорошо сознавалъ свои обязанности и зналъ человѣческое сердце для того, чтобы какимъ либо наружнымъ образомъ выказывать свое предпочтеніе къ юному Коксу. Но онъ изрѣдка, такъ или иначе, давалъ ему чувствовать, что смотритъ на него съ особенной заботливостью, какъ на сына одного изъ своихъ друзей. Кромѣ того, въ самомъ мальчикѣ было что-то такое, что̀ нравилось мистеру Гибсону. Живой и опрометчивый, онъ любилъ поговорить; иногда очень метко попадалъ въ цѣль, а въ другой разъ дѣлалъ и грубыя ошибки. Мистеръ Гибсонъ говаривалъ, что его девизомъ, безъ сомнѣнія, будетъ: «убивать или вылечивать», на что однажды мистеръ Коксъ отвѣчалъ, что по его мнѣнію это самый лучшій девизъ для доктора. Если онъ не можетъ вылечить больного, то, конечно, ему лучше всего поскорѣй избавить его отъ страданій. Мистеръ Уиннъ съ изумленіемъ на него поглядѣлъ и замѣтилъ, что нѣкоторые могутъ столь рѣшительный образъ дѣйствій принять за убійство. Мистеръ Гибсонъ на это сухо отвѣчалъ, что онъ совершенно равнодушенъ къ упреку объ убійствѣ, но что онъ находитъ неблагоразумнымъ только скоро раздѣлываться съ прибыльными больными. Пока они въ состояніи платить доктору два шиллинга и шесть пенсовъ за визитъ, его прямая обязанность поддерживать въ нихъ жизнь; если они обѣднѣютъ—тогда другое дѣло. Мистеръ Уиннъ погрузился въ глубокое раздумье, а мистеръ Коксъ только засмѣялся. Наконецъ, мистеръ Уиннъ сказалъ:

— Но, сэръ, вы каждое утро, передъ завтракомъ, навѣщаете старую Нанси Грантъ, и вы прописали ей, сэръ, одно изъ самыхъ дорогихъ лекарствъ.

— А вы до сихъ поръ не знали, что людямъ всего труднѣе слѣдовать своимъ собственнымъ правиламъ? Вамъ еще многому слѣдуетъ научиться, мистеръ Уиннъ, сказалъ докторъ, выходя изъ комнаты.

— Я никакъ не могу раскусить доктора, съ отчаяніемъ въ голосѣ произнесъ мистеръ Уиннъ. — Чему вы смѣетесь, Коксъ?

— Я думаю о томъ, какъ это счастливо для васъ, что ваши родители успѣли начертать въ вашемъ юномъ сердцѣ правила нравственности. Еслибъ ваша мать вамъ не сказала, что убійство—преступленіе, вы, пожалуй, преспокойно стали бы отравлять всѣхъ бѣдныхъ людей. Вы дѣлали бы это въ увѣренности, что поступаете согласно съ даннымъ вамъ приказаніемъ, а въ судѣ, куда васъ призвали бы, вы, безъ сомнѣнія, привели бы

слова стараго Гибсона: — извините, милордъ судья, они не были въ состояніи мнѣ платить за визиты; я примѣнилъ къ дѣлу уроки, преподанные мнѣ мистеромъ Гибсономъ, знаменитымъ голлингфордскимъ врачомъ, и началъ отравлять нищихъ.

— Я терпѣть не могу его насмѣшливый видъ.

— А я его очень люблю. Еслибъ не остроуміе доктора, не тамаринды и еще кое-что, мнѣ одному извѣстное, то я давно бы удралъ въ Индію. Терпѣть не могу душныхъ городовъ, больныхъ людей, запаха лекарствъ и вони отъ пилюль на моихъ рукахъ;—фуй!

V.

Юношеская любовь.

Однажды мистеръ Гибсонъ, по какому-то непредвидѣнному обстоятельству, возвратился домой гораздо ранѣе обыкновеннаго. Онъ вошелъ чрезъ садовую калитку—садъ примыкалъ къ двору, гдѣ онъ оставилъ свою лошадь—и проходилъ черезъ переднюю, когда внезапно отворилась кухонная дверь и на порогѣ показалась молодая дѣвушка, помощница Бетти и кухарка. Она держала въ рукахъ письмо, которое какъ будто намѣревалась нести наверхъ; но, увидѣвъ доктора, вздрогнула и поспѣшно скрылась въ кухнѣ. Еслибъ не это движеніе, то мистеръ Гибсонъ, нисколько неотличавшійся подозрительностью, не обратилъ бы на нее ни малѣйшаго вниманія. Теперь же, онъ быстро отворилъ дверь въ кухню и такъ строго крикнулъ «Беттія», что ей ничего болѣе не оставалось, какъ немедленно явиться на его зовъ.

— Дай мнѣ письмо, сказалъ онъ. Она замялась.

— Это къ мисъ Молли, запинаясь проговорила она.

— Дай его мнѣ! повторилъ онъ энергичнѣе прежняго. Она чуть не плакала, но продолжала держать письмо за спиной.

— Онъ мнѣ сказалъ, чтобъ я его отдала ей въ собственныя руки, и я обѣщалась съ точностью выполнить его приказаніе.

— Кухарка, пойдите, отыщите мисъ Молли. Скажите ей, чтобъ она сейчасъ же шла сюда.

Онъ не спускалъ глазъ съ Беттіи. Всякая попытка къ бѣгству оказалась бы безполезной; она, правда, могла бы бросить письмо въ огонь, но у нея не хватило на то присутствія духа. Она стояла неподвижно, и только старалась не смотрѣть на своего господина.

— Молли, моя милая!

— Папа! Я не знала, что вы дома! сказала Молли съ удивленіемъ.

— Беттія, сдержите ваше слово: мисъ Молли здѣсь, отдайте ей письмо.

— Право, мисъ, я не могла поступить иначе!

Молли взяла письмо и не успѣла еще открыть его, какъ отецъ сказалъ.

— Вотъ и все, моя милая; тебѣ не зачѣмъ его читать. Дай мнѣ его. А вы, Беттія, скажите тому, кто васъ послалъ, что всѣ письма, адресованныя на имя мисъ Молли, должны проходить чрезъ мои руки. Ну, гусенокъ, отправляйся, откуда пришла.

— Папа, я васъ попрошу мнѣ сказать, отъ кого это письмо.

— Хорошо, мы это увидимъ.

Она неохотно, съ неудовлетвореннымъ чувствомъ любопытства, пошла вверхъ по лѣстницѣ къ мисъ Эйръ, которая продолжала быть, если не гувернанткой ея, то компаньонкой. Онъ уже вошелъ въ пустую столовую, заперъ дверь, распечаталъ письмо и началъ читать. Это было пламенное признаніе въ любви мистера Кокса. Онъ объявлялъ, что не можетъ ежедневно видѣть Молли и долѣе хранить молчаніе о страсти. Неужели она не подаритъ ему ни одного ласковаго взгляда? Неужели никогда не станетъ думать о немъ, единственной мыслью котораго была она? И такъ далѣе, примѣшивая ко всему этому приличную дозу самыхъ отчаянныхъ комплиментовъ на счетъ ея красоты... Цвѣтъ ея лица былъ нѣженъ, но не блѣденъ; ея глаза свѣтились, какъ двѣ полярныя звѣзды; ямочки на щечкахъ были слѣдами купидонова перста и проч.

Мистеръ Гибсонъ прочелъ письмо и задумался. «Кто бы подумалъ, что въ мальчикѣ столько поэзіи? Вѣроятно въ библіотеку попалъ томъ Шекспира; я возьму его прочь и замѣню Джонсоновымъ словаремъ. Одно меня утѣшаетъ — это ея невинность, или лучше сказать, невѣденіе, въ которомъ она пребываетъ. Ясно, что это его первое «признаніе въ любви». Тѣмъ не менѣе это предосадная исторія! Слишкомъ рано приходится начинать дѣло съ поклонниками. Ей всего семнадцать лѣтъ, да нѣтъ, еще даже менѣе: ей минетъ семнадцать только въ іюлѣ. Шестнадцать и три четверти. Она совершенный ребёнокъ. Конечно, бѣдная Дженни была не старѣе... а какъ я ее любилъ!» Мистрисъ Гибсонъ звали Мери, слѣдовательно, онъ не о ней говорилъ. Затѣмъ мысли его унеслись въ далекое прошлое, а письмо оставалось открытымъ въ рукѣ. Взоръ его нечаянно снова упалъ на него и мысли опять обратились къ настоящему. «Я не буду съ нимъ слишкомъ строгъ. Я только сдѣлаю ему намёкъ, а онъ достаточно востеръ и самъ все пойметъ.

бѣдный мальчуганъ! Самое благоразумное—было бы отослать его прочь, но, я полагаю, ему некуда будетъ идти».

Подумавъ еще немного, мистеръ Гибсонъ сѣлъ къ письменному столу и написалъ:

Мастеръ Коксъ.

(Наименованіе «мастеръ» его сильно оскорбитъ, подумалъ онъ, написавъ это слово).

Rp. Verecundiae ℨi.
Fidelitatis Domesticae ℨi.
Reticentiae gr. iij.
M. Capiat hanc dosim ter die in aquâ purâ.

R. Gibson, Ch.

Мистеръ Гибсонъ печально улыбнулся, перечитывая эти слова. «Бѣдная Дженни», сказалъ онъ громко; затѣмъ взялъ конвертъ и положилъ туда пламенное любовное посланіе и вышеприведенный рецептъ. Онъ запечаталъ это своей печатью съ отчетливо вырѣзанными готическими буквами: R. G. и задумался надъ адресомъ.

«Ему непонравится, если я и снаружи поставлю «*мастеръ* Коксъ» — незачѣмъ причинять ему безполезную боль». И онъ написалъ на конвертѣ:

Эдуардъ Коксъ Эск.

Затѣмъ мистеръ Гибсонъ занялся дѣломъ, такъ неожиданно приведшимъ его домой; а потомъ пошелъ на дворъ къ своей лошади. Вскочивъ въ сѣдло, онъ, какъ-бы невзначай, сказалъ конюху: «А кстати вотъ письмо къ мистеру Коксу. Не посылайте его къ нему черезъ служанокъ, а сами отдайте ему въ руки. Да сдѣлайте это сейчасъ же».

Когда онъ выѣхалъ изъ воротъ и очутился въ уединеніи тѣнистыхъ аллей, легкая улыбка исчезла съ его лица. Онъ умѣрилъ шагъ своей лошади и погрузился въ размышленіе. Весьма неловко положеніе отца, думалъ онъ, имѣющаго сиротку дочь, уже вышедшую изъ дѣтства и поставленную въ необходимость жить въ одномъ домѣ съ двумя молодыми людьми, хотя бы она и встрѣчалась съ ними только за обѣдами и завтраками, и хотя бы ихъ разговоръ состоялъ только изъ слѣдующихъ словъ: «позвольте вамъ передать картофель», или, какъ съ необыкновеннымъ постоянствомъ, ежедневно, повторялъ мистеръ Уиннъ: «не могу ли я вамъ помочь съ картофелемъ?»—оборотъ рѣчи, выводившій изъ себя мистера Гибсона. А между тѣмъ, мистеру Коксу, виновнику настоящихъ размышленій, еще надлежало пробыть три года въ ученьи у мистера Гибсона. Онъ уже, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ послѣднимъ изъ породы. Но, оставалось

еще три года времени и что̀ если эта нелѣпая страсть вздумаетъ длиться, что̀ тогда дѣлать? Рано или поздно, а Молли о ней узнаетъ. Эта послѣдняя возможность до такой степени волновала мистера Гибсона, что онъ поспѣшилъ сдѣлать усиліе и стряхнуть съ себя непріятную, неотвязчивую мысль. Онъ поскакалъ галопомъ и нашелъ, что быстрая ѣзда по тряской дорогѣ, вымощенной круглыми и отъ времени повыскакавшими изъ своихъ мѣстъ камнями, была весьма хорошимъ средствомъ для того, чтобъ возвратить бодрость духу, если не тѣлу. У него въ этотъ день было много больныхъ и онъ возвратился домой поздно, полагая, что худшее уже прошло, и что мистеръ Коксъ понялъ намекъ, заключавшійся въ рецептѣ. Оставалось только позаботиться о пріисканіи хорошаго мѣста для несчастной Беттін, выказавшей такія удивительныя способности къ интригѣ. Но мистеръ Гибсонъ поторопился радоваться. Молодые люди имѣли обыкновеніе пить чай со всѣмъ семействомъ въ столовой. Они являлись, проглатывали по двѣ чашки чаю, съѣдали приличное количество хлѣба, и исчезали. Въ этотъ вечеръ мистеръ Гибсонъ исподтишка наблюдалъ за ихъ физіономіями и въ то же время, вопреки своей привычкѣ, старался развязно поддерживать разговоръ объ обыкновенныхъ предметахъ. Онъ замѣтилъ, что мистеръ Уиннъ съ трудомъ удерживался, чтобъ не фыркнуть со смѣху, а что рыжеволосый, краснолицый мистеръ Коксъ былъ краснѣе и яростнѣе обыкновеннаго и выказывалъ явные признаки негодованія и гнѣва.

«Онъ, какъ будто, не хочетъ покончить дѣло втихомолку», думалъ про себя мистеръ Гибсонъ и приготовлялся къ борьбѣ. Онъ не послѣдовалъ—какъ то обыкновенно дѣлалъ—за Молли и мисс Эйръ въ гостиную, но остался на своемъ мѣстѣ, подъ предлогомъ чтенія газеты. Беттія, съ лицомъ опухшимъ отъ слезъ и смущеннымъ видомъ, прибирала чашки. Не прошло и пяти минутъ, послѣ ухода всѣхъ изъ столовой, какъ въ дверь послышался ожидаемый стукъ.

— Могу я съ вами поговорить, сэръ? сказалъ изъ-за двери невидимый мистеръ Коксъ.

— Конечно. Войдите, мистеръ Коксъ. Я самъ хотѣлъ съ вами поговорить объ аптекарскомъ счетѣ. Садитесь, пожалуйста.

— Я не объ этомъ... сэръ... пришелъ—хотѣлъ—нѣтъ, благодарю васъ... я лучше не сяду. И онъ стоялъ передъ докторомъ съ видомъ оскорбленнаго достоинства. — «Я пришелъ говорить съ вами о письмѣ, сэръ... о письмѣ съ оскорбительнымъ рецептомъ, сэръ».

— Съ оскорбительнымъ рецептомъ! Я не привыкъ слышать по-

добные отзывы о моихъ предписаніяхъ. Конечно, больные иногда сердятся, когда имъ называютъ ихъ болѣзнь по имени; они, я полагаю, также ненавидятъ и лекарства, которыя имъ даютъ.

— Я не просилъ васъ мнѣ прописывать лекарства.

— О, нѣтъ! Такъ это вы тотъ мистеръ Коксъ, который послалъ письмо съ Беттіей? Позвольте васъ увѣдомить, что это ей стоило мѣста, а, вдобавокъ, письмо было въ высшей степени нелѣпо.

— Вы поступили не такъ, джентльменъ, сэръ, перехвативъ его, распечатавъ и прочитавъ слова, которыя не вамъ были адресованы.

— Будто! сказалъ мистеръ Гибсонъ, и въ глазахъ его блеснулъ лукавый свѣтъ, а на губахъ мелькнула усмѣшка. «Меня нѣкогда считали довольно красивымъ молодцомъ, и въ двадцать лѣтъ я былъ щеголемъ не хуже другихъ; но не думаю, чтобъ и тогда даже я принялъ на свой счетъ милые комплименты, заключающіеся въ письмѣ.

— Вы поступили не по джентльменски, сэръ, повторилъ мистеръ Коксъ, запинаясь на каждомъ словѣ. Онъ собирался еще что-то сказать, но мистеръ Гибсонъ предупредилъ его.

— А мнѣ позвольте замѣтить вамъ, молодой человѣкъ, заговорилъ онъ съ внезапной строгостью въ голосѣ: — что вашъ поступокъ могутъ извинить только развѣ ваша молодость и крайнее невѣжество на счетъ того, что называется законами домашней честности. Я принялъ васъ въ мой домъ, какъ члена семейства, вы же склонили одну изъ моихъ служанокъ, безъ сомнѣнія, подкупивъ ее...

— Право, нѣтъ, сэръ: я въ жизнь не далъ ей ни одного пенни.

— Такъ вамъ слѣдовало бы дать. Всегда должно платить тѣмъ, кто исполняетъ за васъ грязную работу.

— Но, сэръ, вы, кажется, только что меня упрекали за подкупъ, пробормоталъ мистеръ Коксъ.

Мистеръ Гибсонъ, не обративъ вниманія на эти слова, продолжалъ: «Вы склонили одну изъ моихъ служанокъ на дурное дѣло. Она изъ-за васъ рисковала своимъ мѣстомъ, а вы даже не предложили ей за то приличнаго вознагражденія. Вы подослали ее съ письмомъ къ моей дочери — еще ребёнку»...

— Мисъ Гибсонъ, сэръ, почти семнадцать лѣтъ! Вы сами это на дняхъ говорили, сказалъ двадцатилѣтній мистеръ Коксъ. Но мистеръ Гибсонъ и это замѣчаніе пропустилъ мимо ушей.

— Съ письмомъ, продолжалъ онъ, которое вы хотѣли скрыть отъ ея отца, принявшаго васъ въ свой домъ съ полнымъ довѣріемъ къ вашей чести. Сыну вашего отца—я хорошо знаю майора

Кокса—слѣдовало прійдти ко мнѣ и сказать открыто: мистеръ Гибсонъ, я люблю...—или лучше... я воображаю, что люблю вашу дочь. Я полагаю, нечестно отъ васъ это скрывать, хотя я не въ состояніи заработать ни одного пенни. Не имѣя возможности еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ содержать даже самого себя безъ посторонней помощи, я ей ни слова не скажу о моихъ чувствахъ...—или лучше воображаемыхъ чувствахъ... Вотъ, какъ слѣдовало бы поступить сыну вашего отца, если только скромное молчаніе во всякомъ случаѣ не было бы лучше.

— А еслибъ я это сказалъ, сэръ—можетъ быть мнѣ и дѣйствительно слѣдовало такъ поступить, сказалъ мистеръ Коксъ въ несказанномъ безпокойствѣ:—что бы вы мнѣ отвѣтили?.. Одобрили бы вы мою страсть, сэръ?

— Весьма вѣроятно; я сказалъ бы вамъ—я не могу знать съ достовѣрностью, что я сдѣлалъ бы въ предполагаемомъ случаѣ—но весьма вѣроятно, я сказалъ бы вамъ, что вы молодой, но не безчестный, безумецъ, и посовѣтывалъ бы вамъ поменѣе думать о вашемъ чувствѣ и не раздувать его въ страсть. Затѣмъ, въ вознагражденіе за эту обиду, я предписалъ бы вамъ сдѣлаться членомъ голлингфордскаго крикетскаго клуба и давалъ бы вамъ полную свободу каждое воскресенье послѣ обѣда. Теперь же, я долженъ написать въ Лондонъ, къ агенту вашего отца и просить его взять васъ отсюда. При этомъ я, конечно, выплачу ему внесенную за васъ сумму денегъ, которая поможетъ вамъ поступить въ домъ какого либо другого доктора.

— Это очень огорчитъ моего отца, сказалъ мистеръ Коксъ съ испугомъ, если не съ раскаяніемъ.

— Я не вижу передъ собой другой дороги. Это доставитъ новые хлопоты майору Коксу (я позабочусь о томъ, чтобъ это ему не обошлось слишкомъ дорого), но его болѣе всего опечалитъ то, что вы могли обмануть оказанное вамъ довѣріе: я вѣрилъ вамъ, Робертъ, какъ собственному своему сыну!—Когда мистеръ Гибсонъ говорилъ серьёзно, и особенно въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ намекалъ на свои чувства, въ его голосѣ было что-то такое, чему многіе рѣшительно не могли противостоять: переходъ отъ шутки и сарказма къ нѣжной задумчивости невольно трогалъ до глубины души.

Мистеръ Коксъ опустилъ голову и, повидимому, размышлялъ.

— Я люблю мисс Гибсонъ, произнесъ онъ наконецъ.—Да и кто можетъ не любить ее?

— Мистеръ Уиннъ, я надѣюсь! сказалъ мистеръ Гибсонъ.

— Его сердце уже не принадлежало ему, когда онъ ее уви-

дѣлъ, отвѣчалъ мистеръ Коксъ. — Мое же было свободно, какъ вѣтеръ.

— Помогло ли бы вамъ исцѣлиться — такъ и быть, скажу — отъ вашей страсти, еслибъ она являлась къ обѣду въ синихъ очкахъ? Я замѣтилъ, вы особенно напираете на красоту ея глазъ.

— Вы смѣетесь надъ моимъ чувствомъ, мистеръ Гибсонъ. Вы точно забыли, что сами когда-то были молоды.

— Бѣдная Дженни! поднялось въ сердцѣ мистера Гибсона, и онъ почувствовалъ упрекъ.

— Ну, мистеръ Коксъ, посмотримъ, не удастся ли намъ съ вами сторговаться, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія. —Вы дурно поступили и, я надѣюсь, сами въ этомъ убѣждены, или убѣдитесь, когда пройдетъ первый пылъ и вы спокойно обо всемъ поразмыслите. Но я не хочу потерять всякое уваженіе къ сыну вашего отца. Дайте мнѣ честное слово, что доколѣ вы останетесь въ кругу моего семейства — въ качествѣ ученика, помощника, чего хотите — вы не сдѣлаете новой попытки открыться въ вашей страсти — вы видите, я стараюсь смотрѣть съ вашей точки зрѣнія на дѣло, которое въ моихъ глазахъ чистый пустякъ—вы не сдѣлаете новой попытки открыться письменно или словесно, или какимъ бы то ни было способомъ моей дочери, или кому либо другому. Подъ этимъ условіемъ, вы можете у меня жить. Если вы не въ состояніи дать мнѣ слово, я принужденъ буду обратиться къ вышеупомянутому средству и написать агенту вашего отца.

Мистеръ Коксъ стоялъ въ нерѣшимости.

— Мистеру Уинну извѣстны мои чувства къ мисъ Гибсонъ, сэръ. Мы не имѣемъ другъ отъ друга секретовъ.

— Я полагаю, онъ игралъ роль тростника. Вамъ знакома повѣсть о цирюльникѣ короля Мидаса, который узналъ, что подъ кудрями его царственнаго господина скрываются ослиныя уши. Цирюльникъ, за неимѣніемъ мистера Уинна, пошелъ на берегъ сосѣдняго озера и тамъ безпрестанно шепталъ тростнику: «У короля Мидаса ослиныя уши». Но онъ такъ часто повторялъ эти слова, что тростникъ выучилъ ихъ, и тоже началъ повторять; секретъ его, такимъ образомъ, пересталъ быть секретомъ. Если вы не перестанете говорить мистеру Уинну о вашей любви, увѣрены ли вы, что и онъ въ свою очередь не будетъ о ней говорить?

— Если я вамъ даю за себя честное слово джентльмена, сэръ, то въ то же время ручаюсь и за мистера Уинна.

— Я полагаю, что могу рискнуть. Но не забывайте, какъ мало

надо для того, чтобъ затмить добрую славу дѣвушки. У Молли нѣтъ матери, и поэтому вы должны уважать ее еще болѣе.

— Мистеръ Гибсонъ! если вы желаете, я поклянусь вамъ библіей... воскликнулъ легко «воспламеняющійся юноша».

— Пустяки. Какъ будто недостаточно вашего слова, если оно только чего-нибудь стоитъ.

Мистеръ Коксъ быстро подошелъ, и почти вдавилъ мистеру Гибсону кольцо въ палецъ пожатіемъ его руки.

Выходя изъ комнаты онъ сказалъ нерѣшительно:

— Могу я дать крону Беттіи?

— Ни подъ какимъ видомъ. Предоставьте Беттію мнѣ. Я надѣюсь, вы ей не скажете ни слова, пока она еще здѣсь. Я постараюсь доставить ей хорошее мѣсто.

Затѣмъ мистеръ Гибсонъ поѣхалъ доканчивать свои визиты. Онъ высчиталъ, что въ теченіе года совершаетъ кругосвѣтное путешествіе. Во всемъ графствѣ не было другого доктора съ столь обширной практикой. Онъ посѣщалъ уединенные коттеджи по окраинамъ большихъ селеній, фермы, къ которымъ вели узкія проселочныя дороги, осѣненныя вязовыми и буковыми деревьями. Онъ лечилъ всю знать на пятнадцать миль въ окружности отъ Голлингфорда, и былъ домашнимъ врачомъ аристократическихъ семействъ, которыя, слѣдуя модѣ, уѣзжали въ Лондонъ каждый февраль, и возвращались въ свои помѣстья въ началѣ іюля. Онъ, по необходимости, долженъ былъ часто отлучаться изъ дому, но никогда не чувствовалъ до какой степени это неудобно, и даже вредно, какъ въ настоящій лѣтній вечеръ. Его поразило открытіе, что его маленькая дѣвочка начинаетъ превращаться въ женщину, и что она уже сдѣлалась пассивнымъ предметомъ одного изъ самыхъ важныхъ интересовъ въ жизни женщины. А онъ, ея отецъ, и въ то же время заступающій ей мать, не можетъ за ней наблюдать такъ, какъ бы желалъ того. Его безпокойство разрѣшилось поѣздкой на слѣдующее утро въ Гамлей, гдѣ онъ и просилъ мистрисъ Гамлей позволить его дочери воспользоваться ея послѣднимъ приглашеніемъ — приглашеніемъ, которое въ свое время не было принято.

— Вы можете обратить противъ меня слѣдующее изреченіе: «Тотъ, кто не хочетъ, когда можетъ, когда захочетъ, получаетъ отказъ. И я не буду вправѣ роптать», сказалъ онъ.

Но мистрисъ Гамлей несказанно обрадовалась надеждѣ имѣть у себя въ гостяхъ молодую дѣвушку, которую не трудно будетъ занимать, которую, если больная устанетъ разговаривать, можно безъ церемоніи послать въ садъ, или заставить читать, но которой молодость и свѣжесть должны были, подобно нѣжному дыха-

нію лѣтняго вѣтерка, внести новый элементъ въ ея однообразную, скучную жизнь. Ничто не могло доставить ей большаго удовольствія, и такимъ образомъ было рѣшено, что Молли пріѣдетъ погостить въ Гамлей.

— Я только сожалѣю о томъ, что Осборна и Роджера нѣтъ дома, сказала мистрисъ Гамлей своимъ тихимъ, нѣжнымъ голосомъ: — она можетъ соскучиться, съ утра до вечера имѣя дѣло только со стариками, подобными сквайру и мнѣ. Когда она можетъ пріѣхать, моя голубушка? Я ужь начинаю ее любить.

Мистеръ Гибсонъ въ глубинѣ души былъ очень радъ, что молодые Гамлеи находились въ отсутствіи; онъ ни чуть не хотѣлъ, чтобъ его маленькая Молли попала изъ Сциллы въ Харибду. А онъ, какъ впослѣдствіи самъ шутливо сознавался, началъ смотрѣть на всѣхъ молодыхъ людей, какъ на волковъ, гоняющихся за его дорогой овечкой.

— Она ничего не знаетъ объ ожидающемъ ее удовольствіи, отвѣчалъ онъ: — я полагаю, встрѣтится надобность въ какихъ-нибудь приготовленіяхъ, но сколько времени онѣ продлятся, мнѣ рѣшительно неизвѣстно. Не забывайте, что она маленькая невѣжа, и не была воспитана... въ правилахъ этикета. Нашъ домашній образъ жизни, я боюсь, не совсѣмъ-то пригоденъ для молодой дѣвушки. Но я знаю, что нигдѣ ей не будетъ такъ хорошо, какъ здѣсь.

Когда мистрисъ Гамлей передала сквайру предложеніе мистера Гибсона, онъ остался не менѣе ея доволенъ предполагаемымъ посѣщеніемъ молоденькой дѣвушки. Онъ былъ очень гостепріименъ, когда ничто не затрогивало его гордости, и съ восторгомъ думалъ, что для его больной жены будетъ пріятная собесѣдница. Немного погодя онъ сказалъ: «А хорошо, что мальчики-то въ Кембриджѣ: будь они дома, у насъ, пожалуй, завязалась бы любовная исторія.»

— Такъ что-жь, еслибы и такъ? спросила его болѣе романическая супруга.

— «Это негодится», рѣшительно произнесъ сквайръ.

— Осборнъ получилъ высокое образованіе, не хуже любого мужчины въ графствѣ; онъ наслѣдникъ помѣстья; онъ Гамлей изъ Гамлея. Во всемъ графствѣ нѣтъ болѣе древней фамиліи, чѣмъ наша. Осборнъ можетъ жениться когда захочетъ. Еслибъ у лорда Голлингфорда была дочь, Осборнъ какъ разъ пришелся бы ей подъ пару. Совсѣмъ не кстати бы ему было влюбиться въ дочь Гибсона — да я этого и не допустилъ бы. Нѣтъ, лучше, что его здѣсь нѣтъ.»

— Правда, Осборну, можетъ быть, приличнѣе метить повыше.

— Можетъ быть! Я говорю: онъ долженъ. И сквайръ стукнулъ кулакомъ по столу, вслѣдствіе чего у его жены сильно забилось сердце. «А что касается до Роджера», продолжалъ онъ, не подозрѣвая трепета, въ какой повергъ свою собесѣдницу, «онъ самъ долженъ проложить себѣ дорогу; ему предстоитъ трудомъ заработывать свой хлѣбъ. Но, я боюсь, онъ не слишкомъ-то отличится въ Кембриджѣ, и ему впродолженіе многихъ лѣтъ еще нечего и думать о женитьбѣ.»

— Исключая развѣ того случая, если онъ женится па-богатствѣ, сказала мистрисъ Гамлей, имѣя въ виду скрыть свое біеніе сердца, а не чуть не высказать настоящее свое мнѣніе: она была до крайности неразсчетлива и романична.

— Ни одинъ изъ моихъ сыновей никогда не возьметъ съ моего согласія жены, у которой больше денегъ, чѣмъ у него, сказалъ сквайръ выразительно, но уже безъ удара кулакомъ.

— Конечно, если Роджеръ, достигнувъ тридцатилѣтняго возраста, будетъ заработывать до пятисотъ фунтовъ въ годъ, то онъ можетъ взять за женою капиталъ до десяти тысячъ. Но я нашелъ бы непростительнымъ, еслибы мой сынъ, имѣя всего двѣсти фунтовъ въ годъ, а Роджеръ будетъ получать отъ насъ не болѣе этого—женился на женщинѣ съ пятидесятью тысячами. Я бы отрекся отъ него.

— Но еслибы они любили другъ друга и все счастіе ихъ жизни зависѣло бы отъ ихъ соединенія? мягко спросила мистрисъ Гамлей.

— Вздоръ! Пустяки! Мы съ тобою, моя милая, горячо любили другъ друга и не могли бы быть счастливы ни съ кѣмъ, кромѣ самихъ себя; но это иное дѣло. Теперь люди не похожи на то, чѣмъ были во-дни нашей молодости. Нынѣшняя любовь чистый вздоръ, на сколько я понимаю—это не что иное, какъ сентиментальная чепуха.

Мистеръ Гибсонъ полагалъ, что къ отъѣзду Молли въ Гамлей не могутъ встрѣтиться никакія препятствія, и потому онъ умолчалъ о своемъ планѣ до утра того самого дня, когда мистрисъ Гамлей уже ожидала его къ себѣ. Онъ сказалъ: «кстати, Молли! Сегодня послѣ полудня ты ѣдешь въ Гамлей. Мистрисъ Гамлей пригласила тебя на одну или на двѣ недѣли, и мнѣ очень хочется, чтобы ты приняла это приглашеніе.

— Ѣхать въ Гамлей! Сегодня послѣ полудня! Зачѣмъ? Тутъ есть какая-нибудь тайна; пожалуйста, скажите мнѣ, папа, въ чемъ дѣло. Ѣхать въ Гамлей на недѣлю или на двѣ! Я до сихъ поръ никогда нигдѣ не бывала безъ васъ.

— Можетъ быть, и нѣтъ. Я полагаю, ты никогда не ходила,

пока не поставила ногъ на землю. Всякая вещь должна имѣть начало.

— Это непремѣнно имѣетъ что-нибудь общее съ тѣмъ письмомъ, которое было ко мнѣ адресовано, но которое вы взяли у меня изъ рукъ прежде, чѣмъ я успѣла взглянуть на почеркъ адреса.

Она устремила свои острые глаза на отца, какъ-бы желая проникнуть тайну.

Онъ усмѣхнулся: «ты колдунья, гусенокъ».

— Такъ это правда! Но если письмо было отъ мистрисъ Гамлей, почему же я не могла на него взглянуть? Мнѣ съ тѣхъ поръ не разъ приходило въ голову, что вы что-нибудь да затѣваете. Это было въ четвергъ, не правдали? Вы ходили, повѣся носъ, въ глубокой задумчивости, точь въ точь заговорщикъ. Скажите мнѣ папа—и она подошла къ нему съ умоляющимъ видомъ—почему я не могла видѣть письма и почему я должна немедленно ѣхать въ Гамлей?

— Развѣ тебѣ не хочется ѣхать? Ты предпочла бы остаться дома? Еслибы она отвѣтила на его вопросъ утвердительно, онъ остался бы очень доволенъ, несмотря на то, что изъ этого возникло бы новое затрудненіе; ему было тяжело разстаться съ ней даже на такое короткое время. Она немедленно отвѣчала.

— Я не знаю. Я полагаю, что захочу, когда свыкнусь съ этой мыслію. Теперь же я такъ удивлена неожиданностью, что и сама не знаю: чего хочу, чего нѣтъ. Вы знаете, мнѣ грустно разставаться съ вами. Зачѣмъ я должна ѣхать, папа?

— Въ эту самую минуту, три старыя леди сидятъ и думаютъ о тебѣ; у одной изъ нихъ въ рукахъ прялка, и она прядетъ нитку; у нея завязался узелъ и она не знаетъ, что̀ ей съ нимъ дѣлать. Сестра ея держитъ ножницы и хочетъ, какъ всегда въ затруднительныхъ случаяхъ, перерѣзать нитку. Но третья, самая умная, думаетъ, какъ бы ей развязать узелъ, и она-то и порѣшила, что тебѣ слѣдуетъ ѣхать въ Гамлей. Обѣ другія убѣждены ея доводами. Сама судьба назначила этой поѣздкѣ совершиться, и мнѣ ничего болѣе не остается, какъ покориться.

— Все это пустяки, папа, и вы только подстрекаете мое любопытство.

Мистеръ Гибсонъ перемѣнилъ тонъ и заговорилъ серьёзно.

— У меня есть причина, Молли, но я не хочу тебѣ сказать ея. Говоря это, я полагаюсь на твою честность; не думай объ этомъ и не старайся выводить заключеній, которыя могли бы навести тебя на истину и открыть тебѣ то, что̀ я желаю сохранить въ тайнѣ.

— Папа, я не буду болѣе объ этомъ думать. Но я хочу обез-

покоить васъ еще вопросомъ. Я въ этомъ году не дѣлала себѣ новыхъ платьевъ, а изъ прошлогоднихъ совсѣмъ выросла, такъ что у меня имѣется въ наличности всего три такихъ платья, которыя я еще кое-какъ могу надѣть. Не далѣе, какъ вчера, Бетти говорила, что мнѣ необходимо имѣть новыя.

— А то, что на тебѣ, развѣ негодится? Оно хорошенькаго цвѣта

— Да; но, папа, и она подобрала платье, какъ-бы собираясь танцовать: — оно изъ шерстяной матеріи; въ немъ жарко и тяжело, а теперь съ каждымъ днемъ становится все теплѣе и теплѣе.

— Зачѣмъ это, право, дѣвочки не одѣваются такъ, какъ мальчики, сказалъ мистеръ Гибсонъ съ досадой: — ну какъ знать человѣку, какія его дочери нужны платья и что ему дѣлать въ случаѣ, если онъ это узнаетъ въ ту минуту, когда они ей всего нужнѣе.

— Да, вотъ вопросъ! сказала Молли.

— Нельзя ли тебѣ побывать у мисъ Розы? Вѣдь у нея, кажется, есть готовыя платья для дѣвушекъ твоихъ лѣтъ?

— Мисъ Роза! Я въ жизнь никогда у нея ничего не покупала, отвѣчала Молли съ удивленіемъ.

Мисъ Роза содержала первый модный магазинъ въ городѣ, но до сихъ поръ Бетти шила всѣ платья Молли.

— На тебя начинаютъ смотрѣть, какъ на женщину, а я полагаю, ты, какъ и другія, должна имѣть счеты въ модныхъ магазинахъ. Это, впрочемъ, не значитъ, чтобъ ты не могла платить чистыми деньгами за все, что покупаешь. Вотъ тебѣ десятифунтовый билетъ; отправляйся къ мисъ Розѣ или къ какой хочешь другой мисъ, и возьми все, что тебѣ нужно. Гамлейскій экипажъ пріѣдетъ за тобой въ два часа; если что-нибудь не поспѣетъ во-время, тебѣ можно будетъ переслать это въ субботу, когда изъ Гамлея непремѣнно кто-нибудь да пріидетъ на рынокъ. Ненадо, не благодари меня! Я ни чуть не желаю ни тратить деньги, ни съ тобой разлучаться: мнѣ безъ тебя будетъ скучно. Только крайняя необходимость принуждаетъ меня отпустить тебя и истратить десять фунтовъ на твои наряды. Ну, уходи, ты мнѣ надоѣла, и я постараюсь какъ можно скорѣе разлюбить тебя.

— Папа! И она подняла пальчикъ въ видѣ угрозы: — вы снова дѣлаетесь таинственнымъ, и хотя я очень крѣпка въ своемъ словѣ, но все же не поручусь за себя, если вы не перестанете намекать на секреты.

— Иди, иди скорѣе прочь, да позаймись своими десятью фун-

тами. На что жь я тебѣ и далъ ихъ, какъ не для того, чтобъ отъ тебя отдѣлаться.

Но запасы мисъ Розы въ соединеніи со вкусомъ Молли не привели почти ни къ какому удовлетворительному результату. Она купила лиловую набивную матерію, которая хорошо стиралась, была не тяжела и прохладна для утра. Сшить же изъ нея платье могла и Бетти къ субботѣ. А для праздниковъ — подъ этимъ подразумѣвались воскресные дни и обѣденное время — мисъ Роза уговорила ее заказать себѣ платье изъ легкой шелковой, ярко-клѣтчатой матеріи, которая, увѣряла она, въ большой модѣ въ Лондонѣ, и которая, думала Молли, польститъ шотландскому вкусу отца. Но мистеръ Гибсонъ, увидя принесенный ею образчикъ, такъ и ахнулъ: въ немъ не было ничего шотландскаго, объявилъ онъ, и Молли слѣдовало бы знать это по инстинкту. Идти мѣнять матерію—было слишкомъ поздно, да къ тому же мисъ Роза обѣщалась приняться за кройку платья немедленно послѣ ухода Молли изъ ея магазина.

Въ этотъ день мистеръ Гибсонъ не сдѣлалъ ни одного отдаленнаго визита; онъ не хотѣлъ уѣзжать изъ города. Раза два онъ встрѣтилъ на улицѣ Молли, но не останавливался съ ней, а только бѣгло на нее взглядывалъ и посылалъ ей легкій поклонъ, все время упрекая себя за слабость, вслѣдствіе которой печалился при одной мысли о двухнедѣльной разлукѣ съ дочерью.

Къ тому же, думалъ онъ, я ничего не выигрываю. Къ ея возвращенію ничто не измѣнится, развѣ только мальчуганъ рѣшится покончить со своей воображаемой страстью. Она должна же будетъ возвратиться домой и чортъ знаетъ, что̀ изъ этого выйдетъ, если глупецъ вздумаетъ быть постояннымъ. И онъ началъ насвистывать арію:

I wonder any man alive
Should ever rear a daughter.

(Я удивляюсь, къ чему это только люди ростятъ и воспитываютъ дочерей).

НАШИ ПРІОБРѢТЕНІЯ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

I.

Уратюпе и его округъ.

Уратюпе находится подъ 41⁰ сѣвер. широты и 37⁰—38⁰ восточ. долготы отъ Пулкова. Мѣстность, подвѣдомственная этой крѣпости, населена таджиками, узбеками, керкмыкджузами и каракиргизами. Лѣтъ 60 назадъ, въ вѣденіи уратюпинскаго бека * было около 300 кышлаковъ или селеній. Предъ взятіемъ нами крѣпости, въ вѣденіи ея состояло только 128 кышлаковъ.

Уратюпинскій районъ граничитъ къ сѣверу съ рѣкою Сыр-Дарьей, къ западу песками Кызылкумомъ, къ юго-западу съ джузакскимъ райономъ, къ югу снѣжными горами Актау, къ востоку райономъ укрѣпленія Нау.

Сѣверо-западная сторона района необитаема и совершенно пустынна. Зимою подлѣ Сыр-Дарьи, около Ирджара, кочуютъ не въ большомъ количествѣ каракиргизы и керкмынджузы. Сарты или таджики держатся горъ: всѣ кышлаки расположены по долинамъ горъ по всему протяженію Актау, отъ Нау до Джузака. Кочевое поселеніе преимущественно живетъ въ горахъ и около нихъ даже и зимою, а лѣтомъ оно почти скрывается въ великолѣпныхъ и богатыхъ ущельяхъ горъ.

Немного счастливыхъ горъ въ Средней Азіи, въ которыхъ кипѣла бы такая жизнь въ лѣтнее время, какъ въ Актау противъ Уратюпе. Все кочевое поселеніе и половина осѣдлаго уходятъ на лѣто въ горы и расходятся по ущельямъ ихъ далеко, въ самую глубь. Тамъ построены цѣлыя селенія и лѣтнія помѣщенія осѣдлыхъ жителей. Долины и возвышенныя плоскости по-

* Бекъ — комендантъ крѣпости и вмѣстѣ съ тѣмъ военный начальникъ округа.

крыты хлѣбопашцами; горы, скаты и овраги покрыты стадами барановъ, лошадей, верблюдовъ и рогатаго скота; лѣса подъ снѣжною линіей скрываютъ звѣрей: медвѣдей, тигровъ, кабановъ, лисицъ и др.; вездѣ видна жизнь, вездѣ, или люди, или скотъ; слышны самые разнообразные голоса: человѣка, животныхъ домашнихъ и дикихъ и птицъ. Эти горы милы и дороги всѣмъ уратюпинцамъ; онѣ ихъ питаютъ, кормятъ, даютъ отдыхъ отъ лѣтней жары и защиту отъ враговъ; сюда, какъ въ надежное пристанище, скрываются уратюпинцы, когда подходитъ непріятель къ Уратюпе. Безъ этихъ горъ, уратюпинскій округъ не имѣлъ бы и трети своего населенія, и никакого политическаго значенія.

Въ уратюпинскомъ районѣ 128 кышлаковъ осѣдлаго населенія таджиковъ, или сартовъ. Кышлаки разбросаны по долинамъ, по скатамъ горъ и въ оврагахъ, такъ что мѣстность даетъ довольно оживленный видъ. Кругомъ видны кышлаки съ небольшими садиками; мѣстность перерѣзана тележными дорогами и тропинками, и въ концѣ осени и до начала весны между кышлаками покрыта кочевками керкмынджузовъ. Въ базарные дни въ Уратюпе, по всѣмъ дорожкамъ, по всѣмъ направленіямъ, двигаются изъ кышлаковъ на базаръ, или ѣдутъ обратно съ базара десятки, сотни верховыхъ на лошадяхъ, быкахъ, верблюдахъ и ослахъ. Зимой мѣстность населеннѣе, живѣе; тутъ все, и осѣдлое и кочевое, населеніе со своими стадами.

Въ 128 кышлакахъ населенія немногимъ болѣе самаго Уратюпе, т.-е. до 30,000 душъ обоего пола; во всѣхъ кышлакахъ 6,158 домовъ; количество домовъ въ кышлакахъ восходитъ отъ 5 до 200, по нижеслѣдующей таблицѣ.

Число кышлаковъ.	Число домовъ въ каждомъ кышлакѣ.
1.	5
12.	10— 20
55.	20— 40
28.	40— 70
13.	70—100
11.	100—120
3.	120—
3.	150—
2.	200—

Но нельзя положиться на эту цифру; аксакалы * навѣрно уменьшали, и на довольно значительные проценты. Безошибочно можно прибавить еще треть къ этому числу, т.-е 2,000 домовъ.

* Аксакалъ—городской старшина: *акъ*—бѣлый, сѣдой, *сакалъ*—борода.

Осѣдлое поселеніе, живущее въ этихъ кышлакахъ, ничѣмъ особенно не проявляетъ себя въ экономической и политической жизни, кромѣ того, что служитъ главнымъ потребителемъ уратюпинскаго базара: нѣтъ особой, или сильно развитой промышлености, ни особыхъ произведеній. Оно въ экономическомъ и политическомъ отношеніи вполнѣ подчиняется Уратюпе.

Кочеваго населенія въ уратюпинскомъ районѣ аксакалы считаютъ до 6,000 кибитокъ, т.-е. до 30,000 душъ обоего пола; но какое это племя, трудно навѣрное опредѣлить въ настоящее время, когда еще раздается громъ пушекъ и мы держимъ себя на военномъ положеніи [1]. По мѣрѣ знакомства съ населеніемъ, по мѣрѣ сближенія съ нимъ, вѣроятно, можно будетъ найдти признаки въ этихъ кочевникахъ, по которымъ ихъ должно было бы отнести къ подходящему имъ племени плотовъ. Спросите одного изъ нихъ: кто онъ? Узбекъ. А другой, даже его родной братъ, скажетъ, что онъ керкъ-мыкъ-джусъ. На ваше недоумѣніе они вамъ скажутъ, что узбеки и керкмыкджусы одно и то же, что керкмыкджусы составляютъ отдѣленіе узбековъ. Спросите какого-нибудь муллу книжника, онъ вамъ скажетъ, что керк-мык-джусы вовсе не узбеки, что они пришли сюда съ Чингисханомъ и остались здѣсь, и что потомъ къ нимъ примыкали понемногу и киргизы и узбеки и ногаи, и въ подтвержденіе справедливости своего мнѣнія укажетъ на уратюпинскихъ бековъ, которые всѣ были изъ одного рода керкмыкджусовъ, изъ дома *Аулядюхуляки* [2], одного изъ полководцевъ чингисхановыхъ, пришедшаго сюда вмѣстѣ съ нимъ. Но другой мулла, такой же книжникъ, объяснитъ вамъ, что керкмыкджусы происходятъ отъ ногаевъ, оставшихся здѣсь, когда ихъ родичи ушли на Уралъ и Волгу. Есть и такого рода объясненіе, что лѣтъ 600 тому назадъ неизвѣстно откуда явились кочевники въ числѣ 100 кибитокъ; за тѣмъ вскорѣ къ нимъ подошли еще 40 кибитокъ и остались здѣсь кочевать; отъ этого ихъ прозвали керкъ-юзъ [3], а потомъ прибавили слово *мыкъ* (тысяча), и вышло керкъ-мыкъ-джусъ. Къ этимъ разногласіямъ можно прибавить еще, что кочевники Туркестанской Области по правому берегу Дарьи, считаютъ ихъ своими киргизами, но уже отличающимися отъ нихъ и подчинившимися вліянію сартовъ, съ одной стороны, и узбековъ, съ другой. Бухарцы же относятъ ихъ къ узбекамъ.

Два типа особенно рѣзко выдаются у керкъ-мыкъ-джусовъ:

---

[1] Свѣдѣнія собирались тотчасъ по взятіи Уратюпе.
[2] Беки въ Уратюпе были наслѣдственные.
[3] Кыркъ—сорокъ, юсь, или джусъ—сто.

одинъ, общій всѣмъ тюркскимъ и финскимъ племенамъ, другой походитъ на арабскій; цвѣтъ лица коричневый, губы выдающіяся и очень толстыя, выдающаяся челюсть, большіе черные глаза.

Керкъ-мыкъ-джусы—самое воинственное населеніе въ уратюбинскомъ районѣ. Сипаи (конница) и даже сарбазы (пѣхота) были преимущественно изъ керкъ-мыкъ-джусовъ; они раздѣляются на 8 отдѣленій: 1) марка, 2) керкъ, 3) каргаюзъ, 4) утыюзъ, 5) урахли, 6) сурахли, 7) салимъ, 8) карачи.

Вмѣстѣ съ ними кочуютъ тюрки до 500 кибитокъ, каракиргизы до 100 кибитокъ.

Ура-тюпе—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Средней Азіи. Великолѣпныя развалины мечети, построенной за 336 лѣтъ эмиромъ Султаномъ Абдуллатыфомъ, свидѣтельствуютъ, что Ура-Тюпе и тогда былъ большой и важный городъ. Это было величественное медресе *кукульмесъ*. По народному преданію Ура-тюпе построенъ за 1,000 лѣтъ тому назадъ, царемъ *Кахкага* народа *Могъ*, пришедшаго въ это время съ сѣвера откуда-то изъ за Урала. Что это за народъ, преданіе не объясняетъ; оно говоритъ только, что Туркестанъ былъ въ это время столицею калмаковъ (калмыковъ) и что царю ихъ могскій царь *Кахкага* приходился сватомъ, женивъ своего сына на его дочери, и что по приглашенію его онъ перекочевалъ изъ-за Урала, гдѣ его тѣснилъ другой народъ, должно быть—русскій, т.-е. славяне, что сосѣдями его были болгаре. Вытѣснивъ кочевниковъ —какихъ? Преданіе тоже не знаетъ — онъ занялъ этотъ край, подчинилъ себѣ таджиковъ, и построилъ городъ и крѣпость, которая и теперь называется именемъ того народа *Могъ*. Чрезъ двѣсти лѣтъ пришли арабы, прогнали народъ *Могъ*, а остальное населеніе таджиковъ обратили въ магометанство, и возвратились обратно. Затѣмъ чингисхановы орды заняли этотъ край. Ауляду-Халюка былъ первымъ независимымъ бекомъ и волость его переходила наслѣдственно въ его родѣ до настоящаго времени. За исключеніемъ временъ Тамерлана и Абдуллы-Хана, Уратюпе было независимо до XIX столѣтія, когда взялъ его коканскій ханъ Муххамедъ-дале. Чрезъ 12 лѣтъ Уратюпе было взято бухарскимъ эмиромъ *Насрулла*. Потомъ нѣсколько разъ переходило отъ бухарцевъ къ коканцамъ, и обратно, и въ небольшіе промежутки бывало снова независимо. Бухарцы взяли его въ послѣдній разъ 9 лѣтъ тому назадъ.

Слѣдовательно, или городъ и подвѣдомственное ему населеніе и вообще мѣстность весьма важны, богаты и промышленны, или крѣпость его сама по себѣ важна, если онъ переходилъ изъ рукъ въ руки и служилъ ядромъ такого сильнаго раздора между Бухарой и Коканомъ.

Мѣстность нельзя сказать чтобы была ужь очень богата, особенно въ сравненіи съ богатѣйшей коканской природой. Можетъ быть, горы и берегутъ для предпринимателей неисчерпаемыя богатства, но ни Бухара ни Коканъ ими не пользовались. Въ горахъ есть великолѣпныя пастбищныя и хлѣбопашенныя мѣста, есть и лѣса, но ни то ни другое не будетъ приманкою для сосѣдей. Вообще богатствъ природы не видать. Можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ окажутся и богатства природы: говорятъ, здѣсь есть золото; но это въ будущемъ, а въ настоящемъ край этотъ составляетъ только небольшія удобства къ жизни: дешевизна жизненныхъ продуктовъ и большой запасъ лѣса въ горахъ верстъ за 35 отъ Уратюпе. Мѣстность дѣйствительно довольно густо населена; кышлаки, или селенія, какъ грибы насажены по долинамъ и скатамъ горъ и хребтовъ. Ущелья горъ покрыты аулами и стадами кочевниковъ — но и только. Уратюпинскій районъ немного производитъ для сосѣдей, и также мало занимаетъ у нихъ. Бо́льшую часть своихъ произведеній онъ потребляетъ самъ. Изъ Уратюпе вывозится въ Ташкентъ хлопокъ въ небольшомъ количествѣ, бумажныя издѣлія бязи, изюмъ, урюкъ и въ Ходжентъ хлѣбъ при хорошемъ урожаѣ: слѣдовательно ни въ торговомъ, ни въ промышленномъ отношеніяхъ уратюпинскій районъ не важенъ для сосѣдей; однако, одно то уже можетъ расположить къ завладѣнію крѣпостью, особенно для среднеазіатскаго хана, что это пунктъ довольно населенный, слѣдовательно, кромѣ внѣшняго расширенія границъ ханства, можетъ доставлять еще и доходъ казнѣ чрезъ сборъ зякета, а главное поднять ханство въ глазахъ сосѣдей. Но Уратюпе имѣетъ еще довольно сильную крѣпость; это, должно быть, и было главною причиною притязаній на нее враждующихъ сосѣдей, особенно со стороны Кокана. Владѣя Уратюпе, Коканъ охранялъ себя и свои владѣнія—Ходжентъ и даже Ташкентъ отъ нападенія бухарцевъ. Какъ сильная крѣпость, она всегда въ состояніи была на первое время задержать непріятеля, который обойдти ее не могъ, не рискуя быть отрѣзаннымъ отъ своихъ владѣній. Онъ не могъ даже идти на Ташкентъ, минуя Уратюпе; тогда она оставалась бы у него въ тылу. Уратюпинская крѣпость была важна для Бухары въ томъ отношеніи, что ставила ее въ грозное положеніе къ Кокану.

Какъ бы то ни было, Уратюпе и окрестности его въ этомъ столѣтіи весьма много вынесли отъ бухарцевъ и коканцевъ. Для нихъ это время было самое тревожное и тяжелое, можетъ быть, болѣе, чѣмъ для кого другого въ Средней Азіи. Поэтому и населеніе уратюпинское самое безпокойное и непокорное. Снѣговыя горы служили ему убѣжищемъ отъ преслѣдованія тѣхъ или другихъ.

Уратюпе—довольно значительный городъ; въ немъ 1,364 хаули. Хаули — это большой дворъ, въ которомъ помѣщается отъ 3 до 5 домовъ разныхъ хозяевъ, но родственныхъ другъ другу. У каждаго изъ помѣщающихся въ немъ домовъ есть свой небольшой дворъ; хаули имѣютъ одни ворота на улицу. Поэтому она представляетъ цѣлый лабиринтъ проходовъ, простѣнковъ, входовъ и выходовъ изъ двора во дворъ, сакель и конюшенъ или навѣсовъ. Слѣдовательно, въ Уратюпе будетъ около 5,000 домовъ или до 25,000 жителей. Но городъ занимаетъ весьма небольшое пространство, даже очень малое въ сравненіи съ числительностію населенія. Онъ меньше Ходжента въ объемѣ, а почти больше его по числу жителей. Уратюпе занимаетъ пространство верстъ на 6 въ окружности. Дома такъ плотно, тѣсно другъ къ другу пристроены, что составляютъ сплошную массу зданій, перерѣзанную узенькими улицами и переулками. Садовъ почти совсѣмъ нѣтъ въ городѣ, нѣсколько деревьевъ наперечетъ показываются изъ-за домовъ. Всѣ сады за городомъ. Напротивъ, Ходжентъ совершенно скрытъ въ садахъ; не видно ни домовъ, ни улицъ. О Ташкентѣ и говорить нечего. Городъ, по отсутствію садовъ, по тѣснотѣ или сплошности строеній и, наконецъ, по базару, походитъ на Бухару и ужъ не имѣетъ той привлекательности, какъ Ташкентъ, Ходжентъ и другіе города около Ташкента. Городъ весьма богатъ отличной водой: изъ средины города бѣгутъ по улицамъ до 10 источниковъ, изъ которыхъ проведены арыки * по дворамъ.

Въ Уратюпе довольно порядочный базаръ, до 1,045 лавокъ, вмѣстѣ съ тѣми, которыя въ трехъ караванъ-сараяхъ. По количеству жителей это не особенно большой базаръ, напримѣръ: въ Чимкентѣ, Сайрамѣ, Аулiеата базары доходятъ до 600 лавокъ, между тѣмъ какъ каждый изъ этихъ городовъ въ 10 разъ менѣе Уратюпе. Ниже, когда будемъ говорить о здѣшней торговлѣ, мы скажемъ подробнѣе объ этомъ базарѣ. Теперь прибавимъ только, что на этомъ базарѣ такая же грязь и нечистота, какъ и вообще на базарахъ городовъ, доселѣ занятыхъ нами въ Средней Азіи; однимъ отличается этотъ базаръ отъ другихъ нашихъ здѣшнихъ базаровъ, что въ немъ двѣ улицы, или два ряда лавокъ, совершенно крытые, такъ что изображаютъ собою крытую галерею, въ которой всѣ строенія двухъэтажныя; внизу лавка, вверху комната, одна или двѣ, куда прикащики, или сами хозяева, уходятъ на ночь. На базарѣ самая веселая жизнь города. Въ этихъ комнатахъ ночуютъ большею частію купцы-холостяки и неимѣющіе женъ. Они

* Арыкъ—ирригаціонная канава.

собираются компаніями по 10, 15 и 20 человѣкъ; на складчину имѣютъ пловъ, чай и приглашаютъ батчу и кутятъ * до полночи и за полночь. Удовольствіе обходится около 20 коп. съ человѣка. Есть постоянныя компаніи или артели — онѣ имѣютъ уже ангажированнаго батчу. Послѣ полночи всѣ расходятся по своимъ комнатамъ. Такимъ образомъ здѣсь ночное царствованіе батчей, которыхъ въ каждомъ городѣ много. До нашего прихода въ Уратюпе было 50 батчей. Женщинъ здѣсь, т.-е. въ этихъ комнатахъ надъ лавками, нѣтъ. Сюда приходить могутъ и женатые, которымъ надоѣло сидѣть дома, около своихъ женъ.

Въ городѣ четыре медресе (высшія школы), 60 мактефъ (низшія школы), 67 мечетей и 5 богаделенъ. Въ главномъ медресе 52 комнаты для учащихся; въ нихъ живутъ по одному и по два. Можно положить до 70 муллъ учащихся; въ старомъ медресе 13 комнатъ; въ нихъ 17 учениковъ; въ третьемъ—36 комнатъ, а въ четвертомъ 13. Такъ-какъ порожнихъ незанятыхъ комнатъ нѣтъ, то можно положить всѣхъ учащихся въ четырехъ медресе до 160 муллъ, при нихъ 10 мадарресовъ-учителей и 4 мудуали (сборщиковъ доходовъ); въ 60-ти мактефахъ, полагая minimum 15 и maximum 45 мальчиковъ, получимъ около двухъ тысячъ. Слѣдовательно, всѣхъ учащихся слишкомъ 2,000, значитъ 7% населенія Уратюпе; это довольно громко говоритъ о Средней Азіи.

Въ Средней Азіи медресе обыкновенно строются и содержатся на иждивеніе или пожертвованіе богатыхъ людей. Богатые люди, купцы, беки и ханы строютъ медресе, и на содержаніе его жертвуютъ 100 или 200 русскихъ десятинъ земли, или караван-сарай, на доходы съ которыхъ и содержатся медресе. Въ Бухарѣ почти всѣ медресе содержатся на счетъ эмира, который употребляетъ для нихъ половину получаемаго зякета (караванной пошлины). Оттого тамъ и возросло число мечетей до громадной цифры, до 360. Здѣсь предоставлены имъ бекомъ казенныя земли въ пользованіе хираджемъ. На содержаніе медресе, мактефъ и мечетей ежегодно собирается до 4,000 батмановъ пшеницы, то-есть до 60 тыс. пудовъ.

Календарь-хана — это богоугодное заведеніе въ родѣ нашихъ богаделенъ, съ тою разницею, что здѣсь живутъ не сирые и безпомощные, а дураки, юродивые, и имъ не предлагается ни пищи, ни одежды, а они сами себя содержатъ. Въ нищенскихъ рубищахъ, въ тряпьѣ, въ мохнатыхъ особаго покроя остроконечныхъ

* Батча—хорошенькій мальчикъ отъ 8 до 17 лѣтъ; одѣтый въ женскій костюмъ, онъ пляшетъ и развлекаетъ гуляющую публику.

шапкахъ, съ длинными палками съ желѣзнымъ набалдашникомъ, съ четками и съ торбами на плечахъ, ходятъ они по базару, или по городу, распѣвая духовныя пѣснопѣнія. Сарты даютъ имъ по чекѣ *, по куску хлѣба, или по щепоткѣ молотаго табаку, или кто чѣмъ торгуетъ; другіе ходятъ съ черепкомъ въ рукѣ, гдѣ на горящихъ угольяхъ горитъ благоухающая трава; подходя къ лавкѣ, они кадятъ черепкомъ, и за это благоуханіе получаютъ лепту; другіе гадаютъ, предсказываютъ будущее, предаются бѣшенству, кричатъ дико съ пѣной у рта — это блаженные, высшій классъ юродивыхъ; есть и такіе, что ходятъ совершенно нагіе, безъ всякаго покрова — это почти святые. Въ этихъ пяти домахъ живетъ болѣе 50 юродивыхъ.

Въ городѣ пять бань. Всѣ онѣ устроены по восточному: темныя, полы и лавки каменные. Въ нихъ можно только мыться; каждая состоитъ изъ пяти комнатъ; въ одной раздѣваются, въ остальныхъ моются; въ одной изъ комнатъ проведены три крана, изъ одного получается горячая вода, изъ другого теплая, изъ третьяго холодная. Въ Ташкентѣ мы застали всѣ бани съ полками, гдѣ можно париться—тамъ бани находились въ рукахъ татаръ, бывавшихъ въ Россіи.

Торговля Уратюпе.

Уратюпе, расположенное среди довольно густаго населенія и какъ довольно многолюдный городъ, естественно должно имѣть порядочную торговлю. Въ немъ окружающее его населеніе сбываетъ свои сельскія произведенія или скорѣе продукты, и въ замѣнъ получаетъ его производства. Здѣсь сельскіе жители и кочевники сбываютъ свой хлѣбъ, хлопокъ, дженушку, урюкъ, изюмъ, дыни, арбузы, скотъ, кожи невыдѣланныя, арканы и капы, лукъ и морковь и проч. и отсюда получаютъ они шелковыя и бумажныя произведенія, ситцы, сукна, чай, сахаръ, сапоги, калоши, сѣдла, узды, желѣзныя и мѣдныя издѣлія, посуду глиняную, табакъ, мыло, соль и прочія растительныя производства и привозные товары; словомъ, на этомъ базарѣ совершается весь внутренній обмѣнъ товаровъ, мѣна сельскихъ произведеній на ремесленныя и фабричныя производства и привозные товары и отпускъ во внѣ своихъ продуктовъ.

Базаръ уратюпинскій имѣетъ три караван-сарая и всего 1,045 лавокъ; самая большая часть лавокъ производитъ торговлю то-

* Мелкая мѣдная монета—$^{1}/_{3}$ копейки серебромъ.

варами мѣстнаго произведенія, для мѣстнаго же потребленія. Затѣмъ слѣдуютъ лавки съ привозными товарами и меньшая часть съ вывозными. Мы впали бы въ большую ошибку, еслибы по числу лавокъ уратюпинскаго базара заключили объ его торговлѣ и производительности края, или отъ количества лавокъ съ извѣстнымъ товаромъ вывели бы степень развитія производства этого предмета, или размѣръ его потребленія: напримѣръ, 11 лавокъ съ одними аракчинами, 10 лавокъ съ одними ножами, 13 лавокъ съ однимъ листовымъ табакомъ, 11 лавокъ съ однимъ молотымъ, или какъ здѣсь называютъ, съ носовымъ, 17 лавокъ съ лукомъ, рѣпой, свеклой и морковью, 40 съ арканами и капами. Это должно показывать, что здѣсь большая оптовая торговля этими товарами, что большой выпускъ, или вывозъ ихъ, что здѣсь большое производство ихъ? Ничего подобнаго нѣтъ: въ 11 лавкахъ съ арокчинами всѣхъ арокчиновъ наберется не болѣе 5,000; большая часть по 10 копеекъ серебромъ: полушелковыя 20, а шелковыя 50—80 копеекъ, послѣднихъ очень мало; слѣдовательно въ 11 лавкахъ всего товару отъ 500 до 1,000 руб.— это немного, особенно для спеціальной торговли! Въ 10 лавкахъ съ ножами будетъ самое большое 600 ножей, стоимостію отъ 30 до 1 р. 20 коп., положимъ въ 60 копеекъ каждый и получимъ всего товару на 400 рублей; на лавку приходится по 40 руб. полугодового оборота — и это немного! Въ 13 лавкахъ съ листовымъ табакомъ будетъ до 12 батмановъ табаку, то-есть около 200 пудовъ—по 3—4 руб. пудъ, а въ 11 лавкахъ съ носовымъ или молотымъ, всего товару отъ 10 до 7 пудовъ—это еще менѣе. Въ 17 лавкахъ съ лукомъ и морковью товару наберется рублей на 90; капиталъ двухъ послѣднихъ разрядовъ лавокъ оборачивается весьма часто, чрезъ два, три дня, такъ что въ результатѣ выйдетъ, что цифра купли и продажи этихъ лавокъ за цѣлый годъ будетъ выше прочихъ разрядовъ указанныхъ лавокъ. Въ сорока лавкахъ аркановъ и каповъ наберется до 4,000 аркановъ и до 2,000 каповъ; всего аркановъ на 600—800 руб. и каповъ отъ 800 до 1,200 р., положимъ всего на 1,000 рублей, получится въ каждой лавкѣ на 50 рублей товару — это если не годовая, то полугодовая пропорція продажи.

Ну стоитъ ли изъ-за этакой мелочи держать отдѣльную лавку и сидѣть въ ней? Зачѣмъ столько ненужныхъ лавокъ? Арокчины могутъ продаваться съ краснымъ товаромъ, что и водится на этомъ же базарѣ; ножи—въ мелочныхъ лавкахъ; для табаку достаточно двухъ-трехъ лавокъ; лукъ и морковь въ фруктовыхъ лавкахъ, въ которыхъ тоже немного товару, тѣмъ болѣе, что почти всѣ эти лавки сосредоточены вмѣстѣ въ одномъ ряду.

Это доказываетъ, конечно, что торговля весьма популярное занятіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаетъ общее мнѣніе русскихъ, что сарты народъ лѣнивый, праздный, чванный, что большинство купцовъ торгуетъ отъ нечего дѣлать, изъ честолюбія быть купцомъ.

Торговля предметами внутренняго произведенія.

Самое большое число лавокъ занято фруктами: виноградомъ, изюмомъ, урюкомъ, орѣхами миндальными, грецкими, фисташками, гранатами; тутъ же, въ нѣкоторыхъ лавкахъ, и дыни и арбузы; всѣхъ лавокъ 110. Изюмъ, за исключеніемъ мелкаго зеленаго, такъ-называемаго ханскаго, урюкъ, виноградъ, гранаты, дыни и арбузы суть мѣстный продуктъ, орѣхи и фисташки и зеленый изюмъ привозные изъ Бухары. Фисташки прежде вывозились и изъ Кокана, но въ послѣднее время кипчаки почти истребили фисташковое дерево въ горахъ около Кокана. Весь этотъ товаръ потребляется мѣстными жителями, то-есть жителями Уратюпе и прилежащихъ къ нему селеній. На вывозъ урюкъ и изюмъ скупаются не на базарѣ, а по селеніямъ, во время уборки ихъ. Въ этихъ лавкахъ товару отъ 20 до 100 руб. сер., большинство имѣетъ на 30—40 руб. сер.; положивши среднюю величину 60 рублей на лавку, получится всего товару на 6,600, положимъ, трехмѣсячнаго оборота. Около 10 лавокъ находится по улицамъ не на базарѣ, слѣдовательно, вмѣсто 110, достаточно было бы 30 или 40 лавокъ, которыя вполнѣ могли бы удовлетворить запросу жителей, такъ-какъ почти всѣ лавки сгруппированы въ одномъ мѣстѣ на базарѣ, еслибы торговля была здѣсь серьёзнымъ дѣломъ, спеціальностію, а не бездѣліемъ для большинства.

Цѣна этого разряда товарамъ слѣдующая:

	въ Уратюпе.		въ Ташкентѣ	
	фунты	копейки	фунты	копейки
Изюмъ	1	$3^1/_2$	1	4—5
Урюкъ	1	$3^1/_2$	1	5—6
Зеленый изюмъ.	1	6	1	10
Фисташки	1	7	1	10
Миндаль	1	7	1	—
Джида.	1	$1^1/_2$		
Рухатъ (горохъ варен.)	1	7		
Горохъ простой	1	$2^1/_2$		
Машь (горохъ маленькій черный)	1	$2^1/_2$		

Затѣмъ слѣдуютъ мясныя лавки — ихъ 80; каждая лавка продаетъ въ день мяса отъ одного до двухъ и рѣдкая до трехъ барановъ. Скотской говядины на базарѣ слишкомъ мало, въ одной, или двухъ лавкахъ Для города весьма достаточно было бы 20 лавокъ, тогда бы потребовалось отъ каждой лавки по 5—8 барановъ продажи въ день. Цѣны на говядину среднія: баранина 1 фунтъ 5 коп. с., говядина 1 фунтъ 3 коп., сало баранье 1 фунтъ 10 коп.

Послѣ мясныхъ лавокъ по числительности ихъ слѣдуютъ шестьдесятъ-двѣ лавки съ хлопкомъ въ сыромъ видѣ. Хлопокъ большею частію вывозится въ Ташкентъ.

Наконецъ слѣдуютъ 30 лавокъ съ пшеницей въ мукѣ и зернѣ; 14 съ ячменемъ и просомъ, 12 съ сырыми невыдѣланными кожами, 23 съ солью; 17 съ шелкомъ, 17 съ лукомъ, морковью и проч.; 13 съ табакомъ.

Хлѣба какъ вообще въ округѣ, такъ и на базарѣ, весьма достаточное количество; небольшое количество его возятъ въ Ходжентъ. Мука въ мирное время стоитъ 30—35 копеекъ пудъ. По взятіи нами Уратюпе, мука продавалась по 45 коп. пудъ; зерно иногда бываетъ 20 коп. пудъ; ячмень тоже отъ 20 до 40 коп. пудъ—въ мирное время отъ 20 до 30 к., просо отъ 20 до 30 к. пудъ.

Соль привозится изъ озера Нуръ-ата, близь могилы святого этого имени. Озеро находится на западъ отъ Уратюпе въ 50 верстахъ отъ Джизака, по направленію къ Кызылъ-Куму. Соль весьма бѣлая, чистая. На базарѣ продается по 10—15 коп. пудъ.

Шелководство мало распространено въ уратюпинскомъ округѣ; высота надъ уровнемъ моря и близость снѣговыхъ горъ, вѣроятно, главныя затрудненія для развитія здѣсь шелководства. Большая часть шелка вывозится въ Ходжентъ, Ташкентъ и Бухару, гдѣ выдѣлываются шаи, подшаи, бекасенъ и др. шелковыя и полушелковыя матеріи. Шелкъ въ пряжѣ стоитъ фунтъ 4 руб. 40 коп., въ Ташкентѣ продается отъ 5—6 руб., въ Коканѣ отъ 3 р. 50 копеекъ.

Торговля предметами внутренняго производства и внутренней ремесленности.

По числу лавокъ первое мѣсто занимаетъ ремесленность сапожная: 67 лавокъ съ сапогами и 16 съ калошами—итого 83 лавки. Собственно лавокъ съ сапогами и калошами будетъ не болѣе 20; остальныя—мастерскія, въ которыхъ въ базарные дни шьютъ и

починиваютъ сапоги и калоши; большая часть мастерскихъ занята починкой. Всѣ эти мастерскія сгруппированы въ одномъ мѣстѣ, подъ квадратнымъ навѣсомъ, устроеннымъ на столбахъ. Посрединѣ и по бокамъ чрезъ два шага въ рядъ поставлены небольшія жерди, упирающіяся верхнимъ концомъ въ навѣсъ. Каждая жердочка принадлежитъ одному сапожнику, возлѣ которой онъ и помѣщается въ базарный день. Такимъ образомъ, подъ навѣсомъ четыре ряда по прямой линіи, занятые весьма тѣсно мастеровыми. Покупатели ходятъ по рядамъ и высматриваютъ себѣ товаръ.

За сапожными мастерскими слѣдуютъ пекарни—ихъ 60.

Въ городѣ, по нашему вычисленію, 25 т. душъ обоего пола. Имѣя въ виду, что въ городѣ, особенно въ базарные дни, постоянный и значительный наплывъ народа изъ окружающихъ кышлаковъ и ауловъ, можно положить на каждую душу по два фунта хлѣба въ сутки. Слѣдовательно, 60 пекаренъ выпекаютъ въ день 50 т. фун. или 1,250 пудовъ лепешекъ, значитъ, на каждую пекарню приходится выпекать болѣе 20 пудовъ лепешекъ. Пекарни разбросаны по всему городу, на базарѣ ихъ не болѣе 20. Онѣ устроены такъ же, какъ и остальныя лавки, то-есть закрытыя съ трехъ сторонъ, а четвертая совершенно открыта. Въ нѣкоторыхъ пекарняхъ по двѣ печи. Лепешки пекутъ не такъ, какъ въ Россіи хлѣбъ: кусокъ приготовленнаго тѣста прижимается рукою, обернутою въ мату, къ верху, или небу печи и по бокамъ извнутри, но не кладется на̀-подъ, который весь занятъ горячими углями. Пекарь, помочивъ тѣсто водою съ верху, бросаетъ его въ данное мѣсто въ бокъ или въ верхъ печи внутри и потомъ, прижимая его, даетъ форму круглой лепешки. Когда онѣ испекутся, онъ снимаетъ ихъ, а на ихъ мѣсто насаживаетъ новыхъ. Пока хлѣбъ печется, подкладываются горячіе угли на̀-подъ. Такимъ образомъ печеніе производится цѣлый день.

Красильныя мастерскія—ихъ 30; онѣ разбросаны по всему городу. Въ этихъ мастерскихъ постоянная работа. Онѣ снабжаютъ разными полосатыми и клѣтчатыми и вообще выбойчатыми бумажными матеріями все населеніе округа, и кромѣ того ихъ работа сбывается въ степь кочевникамъ.

Съ бумажной бѣлой тканью, матой, 28 лавокъ; мата производится какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ города по кышлакамъ.

Наконецъ, 29 лавокъ съ маслами, 15 — съ мыломъ, 11 — съ носовымъ табакомъ, 3—съ сѣдлами, 13 — съ глиняной посудой и 40 лавокъ съ арканами и капами, съ уздами — 13.

Масла: зыгырное масло по 7 коп. фунтъ, кунжутное по той же цѣнѣ. Выжимки или остатки продаются особо: они служатъ отличнымъ кормомъ для рогатаго скота и верблюдовъ.

Глиняная посуда изъ простой глины дѣлается преимущественно въ городѣ; довольно крѣпкія и красивыя блюда, тарелки, чашки, кувшины расходятся по окрестностямъ, и даже въ Ходжентъ и Джизакъ.

Сюда же слѣдуетъ отнести и 24 кузницы, 12 мастерскихъ по плотничьей и слесарной работѣ, и 5 мѣдняковъ и лудильщиковъ.

Желѣзо, чугунъ и мѣдь вывозятся изъ Россіи въ ломѣ, или полосахъ и листахъ. Работа этихъ мастерскихъ самая безъискусственная, грубая.

Торговля привозными товарами.

Съ русскимъ краснымъ товаромъ	30	лавокъ.
« чаемъ и сахаромъ	34	лавки.
« халатами.	16	—
Мелочныхъ.	40	—
Съ арокчинами.	11	—
« красильными кореньями и травами. .	15	—
« кожами.	10	—
« рисомъ.	40	—

Русскіе товары идутъ сюда большею частію чрезъ Бухару, въ томъ числѣ и сахаръ. Сахаръ стоитъ 15 руб. пудъ; чай прежде шелъ изъ Кульджи, а главный привозъ былъ изъ Кашгара, тогда онъ стоилъ 1 р. 20 к. фунтъ; нынѣ, вслѣдствіе безпорядковъ и смутъ въ Кульджѣ и Кашгарѣ, чай привозится чрезъ Кабулъ, и потому продается дорого —2 р. 40 к. за фунтъ. Бòльшая часть халатовъ привозится изъ Бухары, Кокана и Ходжента, и самая малая часть внутренняго приготовленія; мелочныя лавки состоятъ изъ разныхъ украшеній для женщинъ и для конскихъ сбруй, разныхъ благовонныхъ травъ и кореньевъ, въ томъ числѣ перецъ стручковый и горчица, изъ бритвъ женскихъ и мужскихъ, кошельковъ, поясковъ, тесемокъ, лентъ и проч.; весь этотъ хламъ привозится частію изъ Россіи, частію изъ Персіи и Индіи чрезъ Бухару.

Рисъ привозится изъ Куромы ташкентскаго района. Вслѣдствіе послѣдней войны нашей, рисъ вздорожалъ въ Уратюпе. По взятіи Уратюпе онъ продавался по 1 р. 20 к. пудъ, тогда какъ въ Ташкентѣ стоитъ 60 коп., а за Чирчикомъ 30 и 40 коп. пудъ.

Заведенія.

Чайныхъ заведеній (самоварунчи) 40; сюда ходятъ какъ торговцы и вообще пріѣзжіе, такъ и жители города выпить на одну или на двѣ копейки чаю. Само собою, ихъ тянетъ сюда не одно чаепитіе, а и посидѣть въ компаніи, поглазѣть на проходящихъ, послушать, поболтать, а главное — полюбоваться и поиграть съ хорошенькимъ самоварчи. Самоварчи по большей части изъ батчей. По вечерамъ у самоварчи собирается большая публика: тогда онъ уже не самоварчи, а батча.

Чайное заведеніе почти ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ лавокъ, только на полу постланы ковры, или просто чистыя кошмы для публики, и грѣются нѣсколько чайниковъ на угольяхъ и кипитъ большой самоваръ.

Цирюльни—25. Здѣсь, также въ виду всей проходящей публики, правовѣрные брѣютъ свои головы и подстригаютъ усы. Брѣющійся всегда серьёзно и солидно смотритъ на проходящихъ, какъ исполняющій религіозную обязанность, между тѣмъ какъ цирюльникъ трудится надъ его головой, обмываетъ ее теплой водой съ мыломъ, или за уши, а то и за носъ поворачиваетъ его голову въ ту или другую сторону.

Заведенія пирожныя и съ пельменями—11. Заведеніе совершенно походитъ на чайное или на цирюльню; только вмѣсто чайниковъ и самовара стоятъ паровики деревянные, гдѣ пекутся на пару пельмени, пироги варятся въ маслѣ, или какъ лепешки въ печкѣ, или какъ пельмени въ пару.

Заведенія Кук-нар-хана, съ опіумомъ; ихъ 5. Здѣсь употребляютъ настоящій опіумъ, привозимый чрезъ Кабулъ, и гашишъ, приготовляемый изъ конопляннаго сѣмени. Въ этихъ заведеніяхъ всегда раздаются пѣсни, крикъ и шумъ. Публика напивается до безпамятства, до одуренія, и сидитъ съ мутными, опьянѣлыми, безжизненными глазами, едва передвигая руками, или погрузившись въ сладкую дремоту, въ созерцаніе; другіе поютъ, кричатъ! Это отборная публика: сюда ходятъ отъявленные, записные, такъ-сказать, пьяницы, у которыхъ нѣтъ ничего святого въ жизни; имъ не жаль и жизни, да и жалѣть-то нечего: тихо бьется кровь въ ихъ жилахъ; вѣчная тоска, хандра душитъ ихъ; ничего ихъ не радуетъ, не веселитъ и никакая красавица уже не расшевелитъ ихъ пустого сердца. Они охладѣваютъ къ семьѣ, къ женамъ, дѣтямъ. Имъ дайте опіумъ или гашишъ и возьмите у нихъ женъ, дѣтей, они не опечалятся. Блѣдные, осунувшись, съ отупѣлыми глазами, бродятъ они, какъ зачумленные, или прокаженные. И

этотъ разительный примѣръ не можетъ остановить сартовъ, не служитъ урокомъ: десятками ходятъ они въ заведеніе, и нерѣдко между испитыми, одутыми, опухшими и блѣдными лицами, показывается еще свѣжее, не совсѣмъ поблекшее молодое лицо; но томность взгляда, задумчивость, дремота, уже выдаютъ его: по какой онъ идетъ дорогѣ.

Наконецъ, слѣдуетъ сюда же отнести и бани — ихъ 5. Онѣ снаружи ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ домовъ города, о внутреннемъ устройствѣ сказано выше.

Хлѣбопашество.

Теперь остается сказать, на сколько мы ознакомились съ краемъ, о хлѣбопашествѣ и о доходахъ казны.

Хлѣбопашествомъ занимается какъ осѣдлое, такъ и кочевое населеніе. Это самая сильная производительность края и самое распространенное занятіе населенія. Развитію и распространенію хлѣбопашества весьма много содѣйствуютъ горы. Въ степи земли, удобной подъ хлѣбопашество, много, но нѣтъ воды для ея орошенія. Воды отъ источниковъ едва достаетъ для орошенія садовъ, огородовъ и небольшаго количества земли подъ хлопкомъ; горы же мало даютъ воды для степи, всего двѣ-три горныхъ рѣчки. Поэтому бо̀льшая часть хлѣбопашества производится въ горахъ, по долинамъ, и на возвышенныхъ плоскостяхъ, гдѣ хлѣбъ родится безъ искуственнаго орошенія земли: дожди и роса достаточно орошаютъ землю, чтобы она давала хорошій урожай. Случается иногда, что впродолженіе цѣлаго года нѣтъ дождя, тогда хлѣба родятся очень плохи: самъ 5 — 7. Когда же бываетъ достаточно дождей, тогда снимаютъ хлѣбъ самъ 15—20 и болѣе; отношеніемъ этимъ объясняется и дешевизна хлѣба на базарѣ: отъ 30 до 50 копеекъ пудъ муки. А такъ-какъ въ горахъ земли удобной подъ хлѣбопашество много, то хлѣбопашество и развито здѣсь болѣе другихъ промышленостей.

Доходы казны—хираджъ.

Уратюпинскій бекъ собиралъ въ годъ отъ 7 до 9 тысячъ батмановъ *, то-есть отъ 100 до 135 тысячъ пудовъ, хлѣба: пше-

* Батманъ—въ Ташкентѣ вѣситъ $10^1/_2$ пудовъ, въ Бухарскомъ ханствѣ до 15 пудовъ.

ницы, ячменя, проса. Это собиралъ собственно бекъ; цѣлая треть хлѣбопашенной земли была отдана въ пользованіе хираджемъ школамъ и мечетямъ, которыя собирали 4,000 батмановъ или 60,000 пудовъ. Слѣдовательно, хлѣбопашество даетъ отъ 160 до 200,000 пудовъ хираджа въ годъ, что составитъ отъ 50 до 70,000 рублей; кромѣ хлѣба взимался хираджъ съ хлопка, котораго получалось до 500 батмановъ въ неочищенномъ видѣ, съ шелухой или скорлупой. Съ земель, орошаемыхъ арыками, взимается $^1/_4$ — $^1/_5$ часть, что собственно и называется хираджемъ. У кого свои собственные арыки, они ничего не платятъ въ казну. Но это не повсемѣстно и по закону тѣ должны платить гушюръ или десятину. Наконецъ, съ полей, орошаемыхъ исключительно отъ дождей, взимается $^1/_6$ часть, такъ-какъ при этомъ естественномъ орошеніи предполагается меньшій урожай, чѣмъ при искуственномъ орошеніи арыками. Съ земель же, орошаемыхъ арыками, взимается бо̀льшій процентъ, потому что арыки принадлежатъ казнѣ и какъ-бы отданы въ пользованіе населенію. Кромѣ того собиралось танапнаго * сбора съ огородовъ, бакчей и садовъ до 30,000 р.

Зякетъ вообще шелъ въ казну эмира. Зякету со скота собиралось до 15 т. руб.; съ каравановъ до 4 т. рублей. Зякетъ со скота получался по шеріату: отъ 40 до 101 барана взимался одинъ, такъ что если было у даннаго лица только 39 барановъ, то онъ освобождался отъ налога; напротивъ, если у него 101 баранъ, тогда онъ взносилъ двухъ барановъ, съ 201 до 301 — трехъ и т. д. Съ верблюдовъ и коровъ взималось со 100 — одинъ.

Почти весь караванный зякетъ взимался съ каравановъ вывозныхъ изъ Уратюпе въ Ходжентъ и Ташкентъ. Проходящихъ чрезъ Уратюпе съ той или другой стороны и подлежащихъ оплачиванію пошлиной каравановъ было весьма незначительное число. Съ бухарскихъ каравановъ, шедшихъ въ Коканъ или Ходжентъ, зякетъ брался въ Джизакѣ, какъ равно и съ проходящихъ въ Бухару. Всѣ они проходили мимо Уратюпе. Только небольшіе караваны изъ Шехризябзя или другихъ мѣстъ, проходящіе по горнымъ проходамъ, минуя Джизакъ, подвергались здѣсь оплачиванію пошлиной. Затѣмъ, остались караваны, которые выходили собственно изъ Уратюпе и приходили въ него. Съ этихъ каравановъ и собиралось зякету до 4 т. руб.

По закону мусульманскому, зякетъ взимается съ одного капитала одинъ разъ въ годъ. Купецъ десять-ли разъ обернетъ свой

---

* Танапъ=$^1/_6$ нашей десятины.

капиталъ впродолженіе года, или одинъ разъ, все равно — онъ платитъ зякетъ съ него только разъ въ годъ, то-есть купецъ отправилъ въ январѣ даннаго года на 1,000 р. товару въ другой городъ, напримѣръ, изъ Уратюпе въ Коканъ—и заплатилъ зякетъ. Возвратившись изъ Кокана съ товаромъ коканскимъ тоже на 1,000 руб., онъ не платитъ уже зякета, но если болѣе, чѣмъ на 1,000 руб., то съ излишка платитъ зякетъ, напримѣръ, если на 1,400, то съ 400 руб. платитъ $^{1}/_{40}$ часть. Продавши этотъ товаръ въ Уратюпе, онъ снова везетъ въ Коканъ, или другое мѣсто уратюпинскій товаръ на 1,400 руб., не оплачивая за него зякета; если же болѣе, то платитъ только за излишекъ и т. д., слѣдовательно, собственно таможенной пошлины не было здѣсь. Таможенному сбору въ одинаковомъ размѣрѣ съ зякетомъ, то-есть въ размѣрѣ сороковой части, а иногда и вдвое болѣе, подвергались только иностранцы, напримѣръ, русскіе купцы. Съ нихъ каждый разъ взимался зякетъ, что̀ уже чисто таможенный сборъ. Но это былъ произволъ, несогласный съ духомъ шеріата.

Ю. Южаковъ.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

(Корреспонденція «Отечественныхъ Записокъ»).

Парижъ, 1-го апрѣля.

Правда о Мексикѣ. — Типографскія затѣи. — Переписка египетской арміи.

Изъ газетъ вамъ извѣстна мексиканская неурядица, которою ознаменовались, между прочимъ, дебаты французскаго законодательнаго корпуса въ знаменитое всяческими неурядицами засѣданіе 18-го марта. Говоря объ иностранныхъ дѣлахъ, Жюль Фавръ хотѣлъ показать своимъ сочленамъ категоріи правительственнаго большинства, что уклоненіемъ отъ воздѣйствія на внѣшнюю политику кабинета, они сами какъ-бы наталкиваютъ его на ошибки. «Когда насъ увѣдомили о снаряженіи экспедиціи въ Мексику», началъ-было ораторъ... Но президентъ и лихой батальйонъ министерскихъ депутатовъ тотчасъ прервали его восклицаніями. Вмѣсто преній закипѣло препирательство. «Къ вопросу! къ вопросу! Слушайтесь президента! къ порядку!» Закричали, застучали, загомонили, застрекотали. Десять минутъ продолжалась суматоха. Жюль Фавру не дали открыть рта. Онъ долженъ былъ оставить экспедицію въ покоѣ.

Итакъ, въ палатѣ нельзя и мимоходомъ касаться Мексики. Самое имя ея изъято изъ парламентскаго оборота. Одно упоминаніе о ней производитъ бурю. Оно если хотите и понятно. Въ пятидесятыхъ годахъ въ Мексику попалъ, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, о которыхъ было бы слишкомъ долго распространяться, графъ Гастонъ де-Рауссэ-Бульбонъ, потомокъ древняго и доблестнаго рода, ставшій по волѣ судебъ авантюристомъ, какихъ Франція не мало разсылаетъ по бѣлу свѣту. Испытавъ неудачи на золотыхъ пріискахъ, и имѣя причины ненавидѣть нагло обманувшее его мексиканское правительство, для поправленія своихъ дѣлъ и изъ мести президенту республики, генералу Санта-Аннѣ, графъ Рауссэ-Бульбонъ задумалъ покорить одну изъ мексиканскихъ провинцій, Сонору. Всего съ двумястами-пятьюдесятью-тремя подобранными

на плацерахъ искателями приключеній и съ тремя дрянными пушчонками, онъ взялъ штурмомъ укрѣпленный городъ Гермозильйо населенный двѣнадцатью тысячами душъ и защищаемый генераломъ Бланко во главѣ двухъ батарей, четырехъсотъ регулярныхъ пѣхотинцевъ, отряда индѣйской милиціи да мѣстныхъ національныхъ гвардейцевъ, всего больше полутора тысячъ человѣкъ. Вслѣдъ за этой побѣдой, на помощь ему явилось шестьсотъ новыхъ волонтеровъ, слѣдовать за нимъ въ огонь и въ воду вызвались тысячи калифорнійскихъ и иныхъ земляковъ, мексиканскія войска и власти ударились въ ретираду, по всей странѣ деревенскіе жители принялись готовиться къ возстанію въ пользу любезнаго имъ «графа Гастона». Нужны были лишь деньги, для содержанія формирующейся арміи, какой нибудь милльйонъ, да французскій полкъ, чтобы знаменемъ его регуляризировалось завоеваніе — и Сонора, за нею и вся Мексика, по всей вѣроятности, отлетѣли бы подъ французское владычество, или, по крайней-мѣрѣ, подъ французскій протекторатъ. Раусcэ-Бульбонъ настойчиво умолялъ о вмѣшательствѣ. Но Наполеонъ III, который въ то время благополучно возсѣдалъ уже на тронѣ, пренебрегъ авантюристомъ, только-что начинающимъ свою карьеру, и предпочелъ бросить милліардъ франковъ и полмильйона солдатъ въ крымскую кампанію (исторія происходила въ 1853 и 1854 годахъ). Совсѣмъ уже налаженное было предпріятіе лопнуло; покинутаго даже дипломатическимъ участіемъ графа Раусcэ-Бульбона схватили наконецъ и разстрѣляли. А потомъ, когда Мексика не представляла никакихъ поводовъ къ начинанію и ни малѣйшихъ шансовъ его успѣха, тюильрійскій кабинетъ смастерилъ свою плачевную экспедицію. Какъ же ему сносить напоминанія о такой непослѣдовательности и о такомъ промахѣ! На подобные случаи и придуманъ молчанію эпитетъ «золотаго».

Но если легко устроить безмолвіе въ покорномъ законодательномъ корпусѣ, трудно установить его въ прессѣ. Недомолвки палаты дополняются литературой. Скоро появится, говорятъ, подробное спеціальное описаніе злополучнаго мексиканскаго похода, составляемое, по неизвѣстнымъ доселѣ документамъ, однимъ изъ журнальныхъ сотрудниковъ Э. де-Жирардена, г. Клеманомъ Дювернюа. Пока вышло интересное сочиненіе вообще о Мексикѣ и объ ея австрійско-французскихъ дѣлахъ.

Мексика, какъ она есть въ дѣйствительности. *Правда объ ея климатѣ, населеніи и правительствѣ*, Э. Домнека *.

Вы, конечно, помните имя автора. Аббатъ Домнекъ — г. Домнекъ священникъ — прославился потѣшнымъ литературнымъ приключеніемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ сдѣлалъ ученое открытіе: нашелъ загадочный манускриптъ, который показался ему іероглифическимъ писаніемъ, и который онъ издалъ въ свѣтъ, съ пособіемъ отъ правительства, какъ матеріалъ для исторіи цивили-

* Le Mexique tel qu'il est. La verité sur son climat, ses habitants et son gouvernement, par *E. Domenech*. 1 vol. in 12, 348 pp. Chez *Dentu*.

заціи канадскихъ дикарей. Оказалось, что мнимый образчикъ графическаго искуства краснокожихъ не что иное, какъ дѣтское упражненіе въ калиграфіи и рисованіи какого нибудь школяра... Ошибка съ «американскою пиктографіей», какъ названо неудачное открытіе, не мѣшаетъ аббату Домнеку быть усерднымъ миссіонеромъ и неутомимымъ путешественникомъ, правдиво передающимъ публикѣ свои впечатлѣнія. Онъ долго жилъ въ Америкѣ, посѣтилъ Ирландію, собирая ея легенды, еще прежде изучалъ Мексику въ антропологическомъ и геодезическомъ отношеніи. Въ послѣднее время, онъ былъ священникомъ французскаго экспедиціоннаго корпуса, и потомъ главноуправляющимъ канцеляріею императора Максимиліана по дѣламъ прессы. Это обстоятельство придаетъ его книгѣ значеніе нетолько личныхъ, но и закулисныхъ наблюденій. Надобно прибавить, что г. Домнекъ не слѣдуетъ общему примѣру своихъ соотечественниковъ, которые съ перомъ въ рукахъ тотчасъ мостятся на ходули, пускаясь въ погоню за хорошимъ слогомъ: онъ пишетъ, какъ говоритъ, безъ претензій, такъ что, читая его, не приходится пожиматься отъ безпрестаннаго коверканья фразы и мысли. Къ сожалѣнію, онъ не далъ себѣ труда привести въ порядокъ собранные запасы матеріала. Замѣтки его разбросаны въ самомъ живописномъ безпорядкѣ. Чтобъ извлечь сущность содержанія, нужно собирать факты и черты по всѣмъ угламъ, нанизывать ихъ, какъ бисеръ на нитку. Не полѣнимся же заняться этимъ: въ результатѣ получится много любопытныхъ подробностей.

Мексика, какъ извѣстно, обширная страна пространствомъ болѣе 440,000 квадратныхъ верстъ, и всего съ 8-ю мильйонами населенія. Температурою она уподобляется раскаленной печи, съ тѣмъ непріятнымъ добавленіемъ, что каждый день доводится испытывать скачки отъ невыносимаго зноя почти-что къ холоду. Въ полдень — 35° жàра въ тѣни, около 50° на солнцѣ, вечеромъ и утромъ всего 6—7, или и полный 0. Несмотря на это, по увѣренію г. Домнека, если обезопасить себя отъ простуды перемѣною верхняго платья сообразно перемѣнамъ термометра, здоровье не терпитъ отъ такихъ варіацій. Мѣстные жители подвергаются желтой горячкѣ, тифу и другимъ болѣзнямъ, главнымъ образомъ, по своей собственной винѣ, вслѣдствіе своей нечистоплотности, неосторожности, апатическаго прозябанія въ какой-то созерцательной безпечности. Иностранцы гораздо больше страдаютъ отъ другихъ туземныхъ условій, напримѣръ, страшной дороговизны и неудобства поѣздокъ. Перевозъ съ судна на берегъ, лежащій въ разстояніи двухъ или трехъ десятковъ саженъ, стоитъ 5 фр. 30 сант.; за каждый чемоданъ — столько же. Потомъ столько же за переноску каждаго чемодана въ таможню, стоящую подъ бокомъ, и опять столько же за доставленіе въ гостиницу, которая въ нѣсколькихъ шагахъ. Путешествіе отъ Вера-Круца до Мексико, 400 километровъ, то-есть около 360 верстъ, обходится въ 300 франковъ. За одинъ багажъ платится дилижансу франкъ за фунтъ, а если поручить его частнымъ комиссіонерамъ, которые берутъ дешевле (50

сантимовъ за фунтъ), то приходится ожидать своихъ вещей отъ трехъ недѣль до мѣсяца, въ дождевую эпоху отъ трехъ до пяти мѣсяцевъ. Гостиницы почти безъ мебели. Въ каждую комнату пускается нѣсколько путешественниковъ. Съ нихъ получаютъ 5 фр. 30 с. за кровать, 5 фр. 30 с. за обѣдъ, 5 фр. 30 с. за завтракъ; прислуга считается особо. Дорогъ не существуетъ. Въ иныхъ мѣстахъ въ экипажъ впрягается шестьдесятъ муловъ; иногда транспорты употребляютъ на проходъ четырехъ верстъ — пять дней; если навстрѣчу попадается обозъ — разминуться нельзя: надобно выходить вонъ и перетаскивать экипажъ на рукахъ. Близь Чикиgите одинъ клочокъ пути такъ и называется: «Sal si puedes», «выберись отсюда, коли можешь». И все это не потому, чтобы не было средствъ исправлять дороги; шоссейные сборы взимаются очень исправно, и при каждой значительной заставѣ даютъ большія деньги, 100 тысячъ франковъ въ годъ въ Кордовѣ, 200 тысячъ въ Мексико, и т. д.; но администрація кладетъ ихъ въ свой собственный карманъ. Къ довершенію благополучія, поѣздки небезопасны отъ гверильясовъ или индѣйцевъ *команчей* и *апачей*, которые часто нападаютъ даже на села и ужь, конечно, не стѣсняются грабить одинокихъ проѣзжихъ. Всѣ дороги усыпаны крестами въ память убитыхъ. Обозамъ грозитъ захватъ—и при этомъ совершается оригинальная процедура возвращенія товаровъ. Отбили, положимъ, какао. Хозяинъ входитъ въ переговоры, условливаются о цѣнѣ выкупа, и заключается формальный договоръ съ бандитами, скрѣпленный правительственными властями.

Картина непривлекательная; но это приподнятъ только кончикъ завѣсы. Нравы обитателей довершаютъ некрасивую обстановку. Восьми-мильйонное населеніе Мексики состоитъ изъ 5 мильйоновъ индѣйцевъ, 2 мильйоновъ метисовъ и другихъ помѣсей, 6 тысячъ негровъ и мильйона бѣлыхъ. Индѣйцы, собственно и составляющіе народъ, не лишены добрыхъ качествъ, но испытываютъ глубочайшее презрѣніе своихъ властителей и находятся въ страшномъ загонѣ. Высшіе классы и всѣ болѣе или менѣе чистые потомки испанской расы, соединяютъ въ себѣ всѣ недостатки полуварварскихъ націй съ пороками цивилизаціи. Мексиканецъ игрокъ со дня рожденія; страсть его къ картамъ вошла въ пословицу. Неопрятность его такова, что, по отзыву г. Домнека, невидавшій ее собственными глазами европеецъ не можетъ составить себѣ о ней понятія. Лѣность его превосходить всякое вѣроятіе: покопавшись нѣсколько дней въ землѣ, не болѣе тридцати во всемъ году, и добывъ такимъ образомъ, благодаря изумительному плодородію почвы, достаточное для скуднаго пропитанія количество припасовъ, остальное время онъ бездѣльничаетъ упорнѣе неаполитанскаго лаццароне. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ трусъ первой руки. Г. Домнекъ приводитъ бездну случаевъ въ доказательство этой врожденной добродѣтели мексиканца. Два разбойника останавливаютъ генерала Альфаро съ пятью другими путешественниками, и почтенные мужи дозволяютъ обобрать себя безъ сопротивленія. Жена бандита

Моско расправляется съ дилижансомъ, въ которомъ шестеро здоровыхъ мужчинъ. Нѣсколько человѣкъ гверильясовъ являются въ село или небольшой городокъ и распоряжаются имъ, какъ своимъ домомъ, не встрѣчая ни малѣйшаго отпора. Гонзалэсъ съ тридцатью товарищами спокойно входитъ въ Френильйо, населенный 23.000 жителей, всѣхъ ихъ грабитъ, многихъ убиваетъ, безчеститъ женщинъ и удаляется не спѣша. То же повторяется въ Куэнкамэ, Мазапилѣ, Назасѣ, вездѣ, тогда какъ при самой слабой попыткѣ обороны, бандиты обыкновенно обращаются въ бѣгство: проживающіе въ Мексикѣ иностранцы отбиваются отъ нихъ одинъ отъ девяти. И, какъ всѣ трусы, мексиканецъ жестокъ: въ военныхъ и разбойничьихъ нападеніяхъ онъ мучитъ плѣнныхъ, выкалываетъ глаза дѣтямъ, отрѣзываетъ у женщинъ груди. Кромѣ того, мексиканецъ воръ по призванію. Онъ крадетъ все, что ему подвернется, отъ золотой монеты, до изорванной книги, которую онъ не умѣетъ читать, и крадетъ вездѣ. На балу, данномъ городу французскими офицерами, гости отрѣзали и стащили золотую бахраму занавѣсокъ. На придворныхъ балахъ дамы наполняютъ свои карманы мелкими вещицами уборной. Министры генерала Санта-Анны воровали изъ залы совѣта, и во время самыхъ засѣданій, серебряныя чернилицы; теперешніе приближенные императора Максимиліана воруютъ его серебряную посуду, которую бдительный надзоръ особой нѣмецкой прислуги едва спасаетъ отъ конечнаго расхищенія. Въ церквахъ, если доступъ къ алтарю не загороженъ рѣшеткой, набожные посѣтители спроваживаютъ всю утварь. Конокрадство самое обыкновенное дѣло, и его даже нисколько не скрываютъ. Нельзя купить лошади, не услышавъ отъ продавца, по окончаніи сдѣлки: «кстати, этотъ конь не любитъ пить воду въ такомъ-то мѣстѣ», т.-е. этотъ конь въ такомъ-то мѣстѣ украденъ, туда его не водите. Прибѣгать къ правосудію было бы напраснымъ трудомъ. Ѳемида—неизвѣстная Мексикѣ богиня. Мексиканскіе судьи сами первые мошенники и въ явной стачкѣ со всевозможными плутами. Подпрефектъ Дурандо освободилъ отъ взысканія убійцу, который обязался заплатить ему за эту услугу 30 піастровъ (159 франковъ), и не заплатилъ: подпрефектъ позвалъ его къ суду за неисполненіе обѣщанія. Общество нисколько не преслѣдуетъ ни взяточничества, ни подобныхъ продѣлокъ. Напротивъ, ловкіе судейскіе пройдохи награждаются ласкательнымъ эпитетомъ «Vivos», «тонкая бестія», и пользуются всеобщимъ уваженіемъ. Оттого на дверяхъ каждаго мексиканскаго дома красуется молитва, въ предохраненіе, между прочимъ, отъ судебнаго нашествія.

Эта послѣдняя черта говоритъ о религіозности мексиканцевъ; но религіозность ихъ подстать ихъ прочимъ качествамъ. Мексика совершенно какъ-бы монашеская страна. Церкви и монастыри составляютъ въ ней три пятыхъ всѣхъ зданій. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ монастыри занимаютъ больше половины города сплошной постройкой. Однакожъ аббатъ Домнекъ не хочетъ считать мексиканцевъ христіанами. Дѣло въ томъ, что большинство ин-

дѣйскаго населенія—католики лишь по наружности, а въ сущности остались язычниками. Теперешніе ихъ обряды перемѣшаны съ остатками прежнихъ вѣрованій. Они пляшутъ въ церкви, сворачиваютъ голову курицѣ при посѣщеніи больного священникомъ съ дарами; начиная какое нибудь предпріятіе, бросаютъ въ кратеръ одного погасшаго волкана, извѣстнаго подъ именемъ «Чортовой дыры», кресты, чашки и ладанки; приносятъ въ жертву голубей, а въ провинціи Пуэбло закалываютъ въ честь св. Михаила, въ которомъ видятъ своего прежняго бога брани Гуитципокли, мальчика сироту или дряхлаго старика. Собственно мексиканцы, кровные католики, не лучше ихъ, ибо знаютъ изъ религіи только суевѣріе да внѣшнюю форму. О милостыни, о благотворительныхъ заведеніяхъ въ Мексикѣ нѣтъ и помину. Набожность ограничивается обрядовою стороною, которая притомъ отличается неимовѣрною странностью. Распятіе Христа представляется въ лицахъ. Въ лицахъ также представляется Рождество, съ публичнымъ разрѣшеніемъ отъ бремени... Обожаніе святыхъ доходитъ до идолопоклонства, изображеніе ихъ и вообще божественныхъ предметовъ — до смѣшнаго. Въ церквахъ у ногъ разряженныхъ въ шелкъ и бархатъ статуекъ угодниковъ лежатъ на алтарѣ чучелы собачекъ; на распятіяхъ пригвожденъ Спаситель съ ободранною кожею и въ кружевной юбкѣ; статуи святыхъ сподвижницъ одѣты какъ оперныя танцовщицы, въ шелковые чулки, короткія платья декольтэ. Священники курятъ въ ризницѣ. Вообще духовенство отличается невѣжествомъ и распущенностью. У каждаго патера такъ-называемая кузина или племянница, и отъ нея нѣсколько дѣтокъ, и ихъ вовсе не скрываютъ ни отъ прихожанъ, ни отъ духовныхъ властей, напротивъ—торжественно подводятъ епископамъ во время ихъ посѣщеній: «ваше преосвященство, благословите моихъ чадъ и ихъ матерь». Кромѣ того, духовенство жадно до крайности и облагаетъ требы громадной платой. Бракосочетанія такъ дороги въ Мексикѣ, что, по свидѣтельству г. Домнека, рабочіе классы не собрали бы нужной суммы въ пятьдесятъ лѣтъ, и обходятся безъ вѣнчанія, живутъ въ наложничествѣ.

Легко себѣ представить, что такое въ подобной странѣ политика. Безпрестанныя мексиканскія революціи г. Домнекъ объясняетъ очень просто. Общественной нравственности, ничего, похожаго на европейскую совѣстливость—нѣтъ. Съ другой стороны, бездна лицъ привыкла жить на счетъ казны и не знаетъ никакихъ другихъ средствъ существованія, кромѣ должностей. А какъ тощимъ мексиканскимъ бюджетомъ всѣхъ не накормишь, то въ столицѣ постоянно копошится нѣсколько десятковъ тысячъ недовольныхъ, которые и сочиняютъ быстро идущіе одинъ за другимъ перевороты. Внѣ этого нечего искать никакихъ другихъ причинъ волненій. Партій въ Мексикѣ, въ политическомъ смыслѣ, не существуетъ: есть лишь люди, ищущіе поживы. Мексиканскіе такъ-называемые либералы ничѣмъ не лучше другихъ. Либерализмъ тамъ равносиленъ слову «самоуправство», ненависть къ счастливому

сопернику, занявшему доходное мѣсто, и нажива всевозможными путями. Предводители гверильясовъ, защитники націи противъ своего или чужаго правительства, это люди, проигравшіеся въ пухъ, которые сперва грабили съ нѣсколькими молодцами по большимъ дорогамъ, потомъ собрали болѣе значительную шайку, обзавелись политическимъ предлогомъ и продолжаютъ грабить въ широкихъ размѣрахъ, пока ихъ не разстрѣляютъ, или пока успѣхи ихъ набѣговъ не побудятъ правительство предложить имъ долю въ администраціи. Ортега, прежде чѣмъ попалъ въ генералы и губернаторы Закатекаса, показывалъ обезьянъ и насидѣлся въ тюрьмѣ за кражу.

Нельзя заподозривать автора въ преувеличеніи. Черты мексиканскаго характера должны быть вѣрны. Онѣ встрѣчаются въ исторіи графа Рауссэ-Бульбона, которую я напомнилъ въ началѣ этой статьи. По пріѣздѣ въ Мексику, Рауссэ-Бульбонъ основалъ компанію для разработки копей Оризона. Сперва правительство дало ему разрѣшеніе; потомъ, когда другія личности поднесли одному изъ административныхъ дѣятелей, генералу Бланко, 150,000 франковъ и задобрили высшія власти, у него безъ церемоніи отняли формальную концессію въ пользу предложившихъ взятку конкуррентовъ. По жалобѣ Рауссэ-Бульбона, Санта-Анна, чтобы выиграть время, притворился-было готовымъ на составленіе новаго договора, уже подписалъ его—и уничтожилъ, даже безъ всякаго предлога. Все это, какъ видно изъ изданной по дѣлу переписки, сопровождалось безчисленными фактами мелкой недобросовѣстности, хитрости и лжи.

И въ такомъ-то омутѣ очутился несчастный австрійскій эрцгерцогъ съ своей супругой. Г. Домнекъ рисуетъ августѣйшую чету заманчивыми красками. «Императрица Шарлота—говоритъ онъ—высокая, красивая женщина, рождена для престола. Манеры ея истинно-царскія; въ быстрыхъ глазахъ свѣтятся высокія мысли. Она не сантиментальна, но добра и великодушна, и тратила на помощь бѣднымъ по 10,000 франковъ въ недѣлю, не считая тайныхъ подаяній. Еслибы мексиканцы поняли ее и оцѣнили, она была бы провидѣніемъ страны. Умъ ея твердъ и настойчивъ безъ деспотизма, отличается прямотою, тонкостью и либерализмомъ; сужденіе ея вѣрно. Въ кабинетѣ императрицы постоянно лежитъ собраніе мѣстныхъ законовъ, ибо она безъ устали изучаетъ все, что́ нужно. Но относительно Мексики императрица не была достаточно освѣдомлена заранѣе».—«Императоръ Максиміліанъ—продолжаетъ г. Домнекъ—высокъ ростомъ, хорошо сложенъ, съ кроткою физіономіею. При видѣ его, чувствуешь, что онъ происходитъ отъ длиннаго ряда государей. Въ публикѣ онъ очаровываетъ своею обходительностью, въ тѣсномъ кружку добръ до безконечности и привлекаетъ къ себѣ самые недовѣрчивые характеры. Голосъ его, вся его особа дышетъ симпатіей. Кто не совсѣмъ глупъ и не совсѣмъ лишенъ сердца, тотъ привязывается къ нему послѣ первой бесѣды наединѣ».

Императору Максимиліану авторъ дѣлаетъ тотъ же упрекъ, что̀ и императрицѣ. Онъ очень либераленъ, преисполненъ лучшихъ намѣреній, безпрестанно трудится надъ своей государственной задачей, такъ что трудно даже перечислить всѣ изданные въ теченіе года законы, декреты и постановленія, но нисколько не знаетъ страны и ежеминутно впадаетъ въ ошибки. Выборъ чиновниковъ и сановниковъ имперіи самый неосмотрительный. Довѣріе императора упало на самыя недостойныя личности; всѣ должности отъ алкада до министра достались людямъ невѣжественнымъ, несвѣдущимъ, ограниченнымъ, лѣнивымъ, недобросовѣстнымъ и подкупнымъ, словомъ, тѣмъ самымъ искателямъ мѣстъ, жаднымъ интриганамъ всѣхъ партій, которые составляютъ язву Мексики. Многіе изъ избранныхъ Максимиліана — явные преступники, заслуживающіе не почестей, а галеръ. Одинъ изъ его адъютантовъ даже и провелъ уже три года на галерахъ, за мошенничество. Съ другой стороны, императоръ имѣлъ неосторожность кокетничать съ своими политическими противниками. Лица, служившія ему вѣрой и правдой съ начала вмѣшательства, усланы подъ различными предлогами въ Европу, въ видахъ уступки враждующей противъ имперіи партіи, и ради сближенія съ нею, важные посты розданы — начальникамъ гверильясовъ, соблаговолившимъ протянуть руку примиренія. Въ министерство посажены даже завѣдомые приверженцы Хуареса. Наконецъ, привезенные императоромъ съ собою сановники, вовсе не государственные дѣятели. Директоръ его канцеляріи, бельгіецъ Элданъ, отставной инженерный кондукторъ, составилъ себѣ карьеру игрою на фортепьяно и пѣніемъ романсовъ; членъ государственнаго совѣта, австріецъ Шерценлехнеръ — ограниченная посредственность.

Такимъ образомъ, императоръ Максимиліанъ окружилъ себя неспособными и недоброжелательными помощниками. И безъ одобренія своихъ совѣтниковъ, какъ истый конституціонный монархъ, онъ ничего не предпринималъ; эти же господа норовили, улучивъ минуту, предать его Хуаресу, или инымъ образомъ устроить ему участь разстрѣляннаго Итурбидэ, а пока мѣшали всѣмъ его начинаніямъ. Максимиліанъ декретировалъ введеніе метрической системы вѣсовъ и мѣръ — гг. Рамирэзъ и Доблэзъ не дали декрету указаннаго хода. Максимиліанъ предоставилъ постройку желѣзной дороги въ Халапу компаніи, которая просила 20,000 франковъ правительственной помощи на версту — гг. Рамирэзъ и Доблэзъ отдали чугунку другому товариществу, съ 30,000 поверстной субсидіи. Г. Рамирэзъ почему-то не хотѣлъ даже дозволить Максимиліану чеканку монеты съ его изображеніемъ, и такъ забралъ его въ руки, что когда министръ иностранныхъ дѣлъ находился въ Мексикѣ, монетный дворъ билъ республиканскія деньги, и только во время его отлучекъ появлялись императорскіе піастры. Короче сказать, благодаря подземной работѣ максимиліанова кабинета, имперія истощилась въ безплодныхъ усиліяхъ и растратила свою дѣятельность на декреты, оставшіеся мертвой буквой.

Конечно, и малымъ, которое императору удалось-таки завести по части государственныхъ и общественныхъ учрежденій и сооруженій, онъ въ нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлалъ для Мексики больше, чѣмъ всѣ предыдущія правительства въ пятьдесятъ лѣтъ; но вліяніе министровъ-предателей или политически-ничтожныхъ людей не допустило его утвердить имперію цѣлой системой прочныхъ и серьёзныхъ нововведеній. Въ этомъ отношеніи, чѣмъ важнѣе иниціатива, тѣмъ больше она встрѣчаетъ препятствій и тѣмъ вѣрнѣе разрѣшается неудачей. Напримѣръ, Мексика чрезвычайно богатая страна. Она изобилуетъ неистощимыми рудниками золота, серебра, мѣди, желѣза, ртути, сѣры, керосиномъ, строевымъ и дорогимъ мёбельнымъ лѣсомъ, медицинскими растеніями; почва ея удивительно плодородна; но всѣ эти сокровища никого не обогощаютъ. Семь-восьмыхъ населенія одѣты въ лохмотья и живутъ не почеловѣчески, или по крайней-мѣрѣ такъ, какъ люди жили во времена Монтезумы. Почему? Потому что съ 1821 года по 1860 Мексика перемѣнила сорокъ президентовъ, и испытала двѣсти-сорокъ-двѣ революціи; потому что въ теченіе полувѣка, ее опустошаютъ правительственныя арміи и гверильясы; потому что торговли и промышлености не существуетъ никакой, дорогъ нѣтъ; перевозъ, который во Франціи обходится отъ 10 до 4 сантимовъ, а въ Сѣверной Америкѣ стоитъ всего 1 сантимъ съ версты за тонну, здѣсь оплачивается во сто-двадцать-пять разъ дороже противъ Америки, и простирается до 1 фр. 25 сант. На мѣстѣ у фермера хлѣбъ дешевле 5 франковъ за квинталъ; но ближайшій рынокъ отстоитъ за сто верстъ, и доставка туда требуетъ затраты 20 франковъ. За 12 фр. 50 сант. можно купить серебряную копь, въ которой нашлись бы мильйоны, да разработать ее нѣтъ ни средствъ, ни умѣнья. Въ окрестностяхъ Дуранго находится желѣзная гора, содержащая, по приблизительному опредѣленію, болѣе 300 мильйоновъ тоннъ желѣза. Правильная разработка ея дала бы по 15 мильйоновъ тоннъ въ годъ, то-есть вывозъ и доходъ, а ее ломаютъ чуть не руками по мѣрѣ надобности ближайшихъ городковъ. Само лѣнивое и непредпріимчивое населеніе не въ состояніи справиться съ этими непорядками. Его нужно бы подогнать чужой иниціативой: иммиграціей и пришлыми компаніями. Двадцать тысячъ семей изъ Соединенныхъ Штатовъ и нѣмецкіе переселенцы собирались въ Мексику; десять тысячъ человѣкъ уже направились туда: менѣе ста изъ нихъ удалось основаться; остальнымъ было отказано въ клочкѣ необъятныхъ мексиканскихъ пустырей, и токъ устремился въ Бразилію. Англійскіе и американскіе банкиры предлагали положить начало различнымъ финансовымъ и промышленнымъ предпріятіямъ, тѣмъ болѣе полезнымъ государству, что помимо экономическаго ихъ значенія, они имѣли значеніе политическое, ибо, завися своимъ преуспѣяніемъ отъ успѣховъ имперіи, заинтересовывали въ ея сохраненіи опасныхъ сосѣдей, американскихъ капиталистовъ: предложеніе положено въ долгій ящикъ. Но главная ошибка Максимиліана заключается въ

отношеніи его къ создавшей имперію консервативной, или правильнѣе, клерикальной партіи. Призвавшіе австрійскаго эрцгерцога клерикалы надѣялись давать тонъ его политикѣ. Вмѣсто единенія съ ними, императоръ бросился въ объятія противной партіи и, по внушенію ея, нетолько отдалилъ отъ себя клерикаловъ, но вооружилъ ихъ противъ себя внезапнымъ и крутымъ отчужденіемъ духовныхъ имуществъ. Императоръ счелъ раціональную мѣру нужнѣе пристрастнаго пособничества. Въ теоріи онъ правъ, на практикѣ — возстановилъ противъ себя единственныхъ сочувствовавшихъ имперіи людей, которые пользуются въ странѣ громаднымъ и безраздѣльнымъ вліяніемъ, и, какъ прежде, интриговали въ пользу его, такъ теперь возбуждаютъ на «пришельца» податливое ихъ совѣтамъ населеніе. По мнѣнію г. Домнека, Максимиліану не удержаться въ Мексикѣ.

Что касается до экспедиціи, то по отзыву г. Домнека, вліяніе французовъ при дворѣ было совершенно ничтожно. Въ населеніи первоначально существовала партія, желавшая нетолько французскаго вмѣшательства, но даже французскаго управленія, въ лицѣ какого-нибудь генерала или принца, однакоже понемногу партія эта исчезла. Неудачу экспедиціи г. Домнекъ объясняетъ различными причинами: опрометчивостью, съ которою она была снаряжена по подстрекательствамъ мексиканскихъ эмигрантовъ (Франція вѣчно попадаетъ въ просакъ съ эмиграціей!), безъ развѣдки объ истинномъ положеніи умовъ въ странѣ; пренебреженіемъ указаніями мѣстныхъ, расположенныхъ ко вмѣшательству обитателей и, главное, плохимъ веденіемъ военныхъ операцій. Мексику, по ея обширности и незначительности экспедиціоннаго корпуса, нельзя было завоевать всю разомъ; благодаря разстояніямъ и дурному положенію дорогъ, даже мѣстные признанные націею президенты никогда не господствовали по всѣмъ провинціямъ одинаково прочно. Слѣдовало, занявъ одинъ пунктъ, мало-по-малу подвигаться изъ него вокругъ. Вмѣсто того, французская армія бѣшено металась во всѣ стороны. Край съ виду покорялся, но по уходѣ войскъ, которыхъ было слишкомъ мало, чтобы вездѣ держать гарнизоны, являлись гвериліясы, и опять приходилось начинать съ начала. Къ этому г. Домнекъ прибавляетъ еще малую помощь со стороны приведенныхъ Максимиліаномъ союзниковъ. Бельгійскій легіонъ, разсчитывавшій на одну лишь дворцовую службу, дрался неохотно. Австрійцы не умѣли держать себя относительно населенія.

Авторъ забываетъ упомянуть и еще два обстоятельства: вопервыхъ, двусмысленное поведеніе маршала Базена, который, какъ теперь открылось, заботился не столько объ утвержденіи максимиліанова трона, сколько о постройкѣ изъ хаотическаго матеріала престола самому себѣ. Вовторыхъ, неумѣніе держать себя относительно населенія и французовъ. Самъ г. Домнекъ признается, что продолжительность кампаніи и вѣчныя стычки, неприводящія ни къ какимъ результатамъ, ожесточили солдатъ, которые «стали третировать мексиканцевъ пренебрежительно, безъ церемоніи».

Безцеремонно третировало ихъ и французское начальство. Комендантъ Мексико, полковникъ Лагардъ, для искорененія воровства, дулъ заподозрѣнныхъ имъ палками, и давалъ паціенту столько палочныхъ ударовъ, сколько минутъ продолжались его объясненія: пять такъ пять, двадцать-пять такъ двадцать-пять. Тотъ же полковникъ былъ въ Мексико и полиціймейстеромъ, и обращался съ политическими агитаторами какъ нигдѣ съ политическими агитаторами не обращаются: посылалъ сомнительныхъ мексиканскихъ офицеровъ чистить городскія трубы. Боевыя военныя власти подвергали весь край отвѣтственности за продѣлки гверильерскихъ шаекъ: городокъ Соледадъ сожженъ ими до тла, на томъ основаніи, что близь его произошло нападеніе на обозъ армейскихъ припасовъ. Въ военное время не всегда можно обойтись безъ крупныхъ мѣръ, однако постоянное употребленіе суровой расправы въ концѣ-концовъ вредитъ, ибо внушаетъ населенію вмѣстѣ съ значительнымъ страхомъ и отчаяніе, злобу. Въ книгѣ г. Домиска описаны любопытные факты. Почетнѣйшія лица Мексики не ходятъ на балы французскихъ офицеровъ, объясняя, что не хотятъ водиться съ «французской канальей». Найденный или нарочно для этого украденный крестъ почетнаго легіона привязывается, въ знакъ презрѣнія, къ лошадиному хвосту. Французскій портной теряетъ процессъ на томъ основаніи, говоритъ рѣшеніе, «что всѣ его свидѣтели—французы, т.-е. люди, поддерживающіе другъ друга и на правдивость которыхъ нельзя положиться». Вообще, достаточно быть французомъ, чтобы проиграть дѣло... Очевидно, экспедиціонный корпусъ сумѣлъ возбудить противъ себя національную ненависть.

Но я заговорился о Мексикѣ, и чтобы не выходить за обыкновенные предѣлы этихъ писемъ, долженъ отложить отчетъ о другихъ болѣе или менѣе заслуживающихъ вниманія изданіяхъ до слѣдующей Хроники. Теперь, пользуясь немногими остающимися строками, повѣдаю вамъ новую парижскую книжную манію. Здѣсь и въ этомъ отношеніи вѣчно на что-нибудь мода. Были въ ходу книги in 8⁰, потомъ въ 12-ю долю листа, потомъ in-4⁰ и in-8⁰ въ два столбца, потомъ иллюстрированныя, компактныя и не знаю еще какія изданія. Теперь страсть къ подражанію эльзевирамъ и старопечатнымъ книгамъ, къ оригинальнымъ оберткамъ «escargot vieux style». Въ послѣдніе годы Францію наводнила дешевая фабрикація. Издаются романы по 1 франку за объемистый томъ, классики и общеполезныя сочиненія по 25 сантимовъ за книжку; выходятъ газеты въ восемь страницъ и шестнадцать убористыхъ столбцовъ, съ четырьмя гравюрами, по одному су за нумеръ. Все это очень полезно для распространенія любви къ чтенію, но понятно, по внѣшности далеко не изящно и типографски неудовлетворительно. Отсюда реакція библіофиловъ — и другая крайность: изданія на голландской или иной особенно доброкачественной бумагѣ, древнимъ шрифтомъ, въ античномъ корешкѣ. Современный журналъ-балагуръ и анекдотистъ, «la Revue de Poche» облекается въ

пергаментъ и смотритъ библіографическою рѣдкостью. Какой-нибудь глупѣйшій романъ «Blancandin et l'orgueilleuse d'amour» печатается вычурнымъ манеромъ по 12 и по 20 франковъ за экземпляръ, и дѣлаетъ даже особо-роскошные оттиски въ 180 франковъ. Ежедневная стихотворная газета-пересмѣшница «Muse historique» наряжается чуть не въ шелкъ. Все это хорошо, пока касается нѣкоторыхъ изданій и круга спеціальныхъ любителей. На бѣду мода начинаетъ трогать и предназначенныя къ общему обороту книги. Недавно вышла

Частная переписка египетской арміи *.

Это письма различныхъ дѣятелей египетской экспедиціи генерала Бонапарте, отъ высшихъ распорядителей, до рядовыхъ солдатъ, посланныя къ роднымъ, пріятелямъ и знакомымъ и перехваченныя англійскими крейсерами. Не представляя ничего новаго въ историческомъ отношеніи, они уже по своему откровенному, часто наивному тону служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ имѣющимся свѣдѣніямъ, напримѣръ — о бѣдствіяхъ египетскаго похода, и интересны съ точки зрѣнія частностей, подробностей, интимныхъ историческихъ мелочей. Въ хорошемъ изданіи безъ причудъ, они стóили бы франкъ. Но въ угоду модѣ, ихъ тиснули и на голландской, и даже на китайской бумагѣ, и вогнали въ 3, въ 6 и въ 10 франковъ, смотря по экземпляру. А внутреннюю сторону изданія оставили безъ вниманія. Въ первый разъ письма были напечатаны въ Англіи, въ 1799 году, съ ядовитыми примѣчаніями нѣкоего швейцарца д'Ивернуа. Директорія отвѣчала своими коментаріями на его примѣчанія: вотъ эта-то полемика и интересна, но ея-то и нѣтъ въ роскошномъ изданіи. — Да избавитъ насъ Богъ отъ эльзевировскаго повѣтрія!

Н. Щербань.

ОБОЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Австро-прусская война 1866 года. («Военный Сборникъ», № 3 1867 г.). Соч. полк. *Драгомирова.*

Нѣтъ сомнѣнія, что изъ всѣхъ событій послѣдняго времени наиболѣе важное, по своимъ результатамъ, есть война 1866 года между Австріею и Пруссіею. Уже и тѣ результаты, которые осуществлены теперь, при сколько нибудь внимательномъ раз-

* Correspondance intime de l'armée d'Egypte, 1 vol. in-16. 146 pp. — Chez *Pincebourde.*

смотрѣніи ихъ, оказываются громадными. Въ самомъ дѣлѣ кампаніею 1866 года, продолжавшеюся нѣсколько недѣль, Прусія достигла почти того, къ чему во Франціи стремились десятки королей изъ рода Капетинговъ, Валуа и Бурбоновъ, чѣмъ пріобрѣли право на благодарность французовъ аббатъ Сюже, Лудовикъ XI, кардиналъ Ришльё и что завершено было только въ концѣ XVIII вѣка республиканскимъ правительствомъ. Сплоченіе народа въ одно политическое тѣло, требовавшее во Франціи вѣковъ, Прусіею достигнуто, по крайней мѣрѣ видимымъ образомъ, въ нѣсколько недѣль. Вотъ въ чемъ заключается громадное значеніе войны 1866 года между Австріею и Прусіею. Войны, и вообще военное дѣло, въ наше время потеряли значительную долю того интереса, который онѣ имѣли начиная съ первыхъ вѣковъ цивилизаціи; это видно, между прочимъ, въ томъ, что современный историкъ, излагая исторію какого нибудь народа, на первомъ планѣ обыкновенно ставитъ внутреннюю жизнь этого народа, его промышленость, культуру, благосостояніе, степень свободы, которою онъ пользуется. Не такъ смотрѣли на это дѣло въ древности: у Геродота, даже у Ѳукидида, у Тита Ливія, главное вниманіе обращено на войны; внутренняя жизнь стоитъ на второмъ планѣ, и древніе историки, если и разсматриваютъ ее, то повидимому только, какъ приготовленіе къ послѣдующимъ войнамъ или какъ послѣдствіе войнъ оконченныхъ. Этотъ взглядъ, однако, хотя совершенно односторонenъ, но въ основаніи своемъ имѣетъ двѣ вполнѣ справедливыя мысли: 1-е, что характеръ народа, его духъ, понятія и даже степень благосостоянія и свободы обнаруживаются въ самомъ веденіи войны; такъ характеръ грековъ и всѣ особенности ихъ жизни выразились и обнаружились для наблюдателя во время войнъ греко-персидскихъ; 2-е, войны имѣютъ рѣшительное вліяніе на судьбу народовъ; побѣды или пораженія ведутъ за собою рѣшительныя перемѣны въ народной жизни и могутъ приводить къ уничтоженію цѣлыхъ народностей. Какъ вы философски ни относитесь къ войнѣ, но если она имѣетъ возможность поддерживать или уничтожать самое существованіе народностей, она достойна вниманія философа.

Именно съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія достойна вниманія австро-прусская война 1866 года. Поднявши значеніе собственно прусскаго народа и государства, и болѣе или менѣе соединивши въ одно цѣлое весь германскій народъ, эта война въ то же время высказала какъ матеріальныя, такъ и нравственныя силы и средства, которыми пруссаки достигли извѣстной цѣли. И безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ, какъ впрочемъ и вездѣ, гораздо болѣе достойны вниманія силы и средства нравственныя, чѣмъ матеріальныя, потому что матеріальныя силы сами не что иное, какъ произведеніе силъ нравственныхъ. Потому при изученіи этой войны не столько интересно наблюдать самый ходъ ея, сколько тѣ нравственныя средства народа, которыя обстанавливали самый ходъ

войны, какъ въ то время, когда она была ведена, такъ и тогда, когда подготовлялись для нея средства.

У военныхъ писателей существуетъ слѣдующій афоризмъ: всѣ разбитыя арміи разбиты не въ то время, когда происходила самая битва, а гораздо раньше; т.-е. успѣхъ сраженій и вообще войнъ вполнѣ обусловливается предварительными приготовленіями, обстоятельствами, вообще положеніемъ вещей, которыя въ свою очередь опредѣляются нравственными силами народовъ или правительствъ. Какія же были особыя обстоятельства, каково было положеніе вещей въ Прусіи и Австріи, и каковы были нравственныя силы противниковъ, пруссаковъ и австрійцевъ, произведшія извѣстные результаты?

Въ наше время болѣе и болѣе входитъ въ обычай между европейскими правительствами—посылать во время войнъ, на мѣсто дѣйствія непріятельскихъ армій, людей, извѣстныхъ своими познаніями въ военномъ дѣлѣ, для наблюденія вблизи за ходомъ военныхъ событій, за дѣйствіемъ различныхъ военныхъ системъ и извѣстныхъ военныхъ средствъ. Вслѣдствіе этого обычая наше правительство отправило въ прошломъ году полковника Драгомирова въ прусскую армію, совершавшую свой знаменитый маршъ противъ австрійцевъ. Возвратившись домой, г. Драгомировъ въ началѣ этого года читалъ публичныя лекціи о кампаніи, которую онъ наблюдалъ, и потомъ началъ печатать свои лекціи въ «Военномъ Сборникѣ». Лекціи г. Драгомирова были приняты публикой съ большимъ вниманіемъ и одобреніемъ, и съ этими-то лекціями мы намѣрены познакомить нашихъ читателей. Главнымъ образомъ на основаніи наблюденій г. Драгомирова, мы и постараемся указать тѣ нравственныя силы прусскаго правительства и народа, и то положеніе дѣлъ, которыя привели пруссаковъ къ ихъ блистательнымъ побѣдамъ.

Извѣстно оригинальное устройство прусской арміи, до сихъ поръ бывшее единственнымъ, но теперь нашедшее себѣ подражаніе даже у такого народа, какъ французы, которые почти всегда и во всемъ давали тонъ остальной Европѣ, и очень рѣдко сами заимствовали что-нибудь у другихъ. Извѣстно также, какъ возникло это устройство изъ великихъ военныхъ неудачъ, которыя Прусія потерпѣла въ 1806 и 1807 годахъ. Съ тѣхъ поръ это устройство не подвергалось существеннымъ измѣненіямъ; армія была увеличиваема въ числѣ, но сущность ея устройства оставалась та же. Исторія Прусіи въ этомъ столѣтіи, послѣ 1815 года, имѣетъ общія черты почти всѣхъ государствъ материка Европы: сначала неумолимая и несправедливая реакція, по внушенію вѣнскихъ политиковъ, направлявшихъ всѣхъ своихъ собратій на материкѣ Европы; реакція произвела большія народныя неудовольствія, и даже волненія, и т. д. Но Прусія раньше другихъ государствъ Германіи оставила путь реакціи; и хотя послѣ того прусское правительство не довольно постоянно шло по пути прогреса, но, вопервыхъ, всѣ уклоненія съ этого пути народъ приписывалъ вліянію Австріи, что̀ отчасти было и справедливо; вовторыхъ, несмотря на эти уклоне-

нія, прусское правительство успѣло осуществить полезнѣйшій для Германіи планъ соединенія ея посредствомъ Таможеннаго Союза. Все это вмѣстѣ сдѣлало то, что народъ во всей Германіи сталъ смотрѣть на Прусію, какъ на представительницу всей вообще Германіи, и уже въ 1849 году партизаны нѣмецкаго единства предлагали королю Фридриху-Вильгельму IV императорскую корону всей Германіи. Король отказался отъ императорской короны, но не отказался отъ мысли относительно болѣе дѣйствительнаго объединенія Германіи и еще сдѣлалъ нѣсколько попытокъ къ осуществленію этой мысли. Нынѣшній король Вильгельмъ I съ самаго начала своего царствованія заявилъ твердое намѣреніе неуклонно держаться конституціонныхъ началъ, и можно сказать, что онъ сдержалъ свое слово, несмотря на продолжавшійся нѣсколько лѣтъ раздоръ между правительствомъ и народнымъ представительствомъ. По крайней-мѣрѣ, король воздержался отъ coup d'état и, не уступая парламенту въ спорѣ, ссылался на свое конституціонное право, понимаемое, разумѣется, по своему.

Раздоръ прусскаго правительства и парламента, какъ извѣстно, произошелъ изъ за-увеличенія бюджета съ цѣлью произвести реформу въ арміи, и въ то же время увеличить численность ея. Конечная цѣль этой реформы состояла въ той же мысли о болѣе дѣйствительномъ объединеніи Германіи; замѣчательно, что большинство парламента было еще болѣе привязано къ этой мысли. Но правительство и парламентъ разсчитывали достигнуть этой цѣли различными средствами: въ то время, какъ правительство разсчитывало только на военную силу, парламентъ надѣялся развитіемъ свободныхъ учрежденій привлечь всю Германію къ Прусіи, и потомъ соединить ее подъ прусскою гегемоніею. Послѣ того какъ король переспорилъ парламентъ по вопросу о реформѣ войска, послѣ того, какъ эта реформа была осуществлена, ему нужно было искать случай употребить реформированное войско въ дѣло, для достиженія той цѣли, которая составляла главный предметъ его помышленій. Мы не станемъ разсказывать, какъ король, еще при самомъ началѣ спора съ парламентомъ, окружилъ себя наиболѣе энергичными партизанами той же самой идеи, во главѣ которыхъ онъ поставилъ замѣчательнаго человѣка нашего времени, графа Бисмарка; не будемъ повторять всѣмъ извѣстныя событія, какъ король прусскій затѣялъ войну съ Даніею, въ которую вмѣшалась на свое несчастіе Австрія, и какъ пруссаки и австрійцы изъ союзниковъ сдѣлались врагами, между которыми вспыхнула наконецъ война 1866 года; всѣ эти событія слишкомъ извѣстны, чтобы нужно было еще распространяться объ нихъ. Займемся теперь тѣми средствами, которыя король имѣлъ для достиженія своей цѣли. Масса народа не имѣла особеннаго расположенія къ прусскому правительству; но нельзя сказать, чтобы раздоръ правительства съ парламентомъ съ представителей переходилъ на тѣхъ, кого они представляли. Народъ принималъ въ этомъ спорѣ сторону своихъ представителей, но не принимая въ немъ прямаго участія, не давалъ

ему слишкомъ много вѣса. И правительству, выждавши время, немного могло бы стоить — привлечь народъ нетолько Прусіи, но и всей Германіи, что̀ оно и сдѣлало съ большимъ искуствомъ. Съ самаго начала спора съ Австріею изъ-за покоренныхъ герцогствъ, прусское правительство нисколько не скрывало, что оно стремится ни болѣе, ни менѣе какъ къ реформѣ союза, къ объединенію Германіи. Это возстановило противъ Прусіи всѣхъ почти мелкихъ и среднихъ государей Германіи, которые при всякой подобной перемѣнѣ могли только терять, ничего не выигрывая. Но это привлекло къ ней народъ и, между прочимъ, ослабило оппозицію прусскаго парламента, которая стала выжидать, чѣмъ окончатся начинанія правительства, весьма пріятныя и для ней самой. Впрочемъ, не особенно много прусское правительство разсчитывало въ веденіи войны на одобреніе парламента или сочувствіе нѣмецкаго народа; оно хорошо знало, что есть вещи гораздо болѣе необходимыя, чѣмъ то или другое, для успѣха въ войнѣ, именно хорошо организованное войско и хорошее состояніе финансовъ.

Что касается финансовъ, прусское правительство, будучи самымъ бѣднымъ по количеству государственныхъ доходовъ между первоклассными государствами, несмотря на то, имѣло самое лучшее состояніе финансовъ. Доходы государства въ 1864 году простирались до 141.000,000 талеровъ; Австрія въ томъ же году имѣла до 380.000,000 талеровъ, то-есть въ $2^1/_2$ раза болѣе, чѣмъ Прусія. Но въ томъ же году Прусія имѣла только 277.000,000 талеровъ долгу, тогда какъ Австрія имѣла его 2.000,000,000 талеровъ, то-есть долгъ Прусіи только вдвое превосходилъ ея государственные доходы, а долгъ Австріи превосходилъ ея доходы болѣе чѣмъ впятеро. Долгъ Прусіи отнималъ у нея 15.000,000 талеровъ изъ ея дохода, то-есть около $^1/_{10}$ всей его суммы, а долгъ Австріи отнималъ у нея 225.000,000 талеровъ, то-есть больше, нежели половину, около $^3/_5$ всего ея дохода. Давно сказано, что деньги — это нервъ, управляющій войною; безъ нихъ невозможно въ настоящее время веденіе войны. И очевидно, что съ этой стороны Прусія стояла несравненно выгоднѣе, чѣмъ Австрія. Впрочемъ, несмотря на свои запутанные финансы, Австрія все-таки тратила гораздо больше на свое войско, чѣмъ Прусія. Въ 1864 году Прусія тратила на войско 37.000,000 талеровъ, а Австрія 70.000,000 талеровъ, то-есть почти вдвое болѣе. Соотвѣтственно этой суммѣ Австрія должна бы имѣть вдвое болѣе многочисленное войско, чѣмъ Прусія; но этого не было. Особенность прусской военной системы даетъ ей возможность на средства, сравнительно незначительныя, содержать большое войско. Притомъ, въ военной администраціи Прусіи, какъ и во всемъ ея управленіи, царствуетъ поразительная бережливость. Но эта бережливость не есть скупость; офицеры прусской арміи вознаграждены достаточнымъ содержаніемъ, солдаты также содержатся очень хорошо. Именно это достаточное вознагражденіе и составляетъ лучшую эко-

номію. Г. Драгомировъ заключаетъ, что въ Прусіи никто, ни военные начальники, ни интендантскіе чиновники не *пользуются*; и тамъ это до такой степени вошло въ общее правило, что о чемъ нибудь подобномъ и не слышно. Потому каждая копейка, назначенная на извѣстное употребленіе, и идетъ на это употребленіе, или остается въ видѣ сбереженія. Кромѣ того, духъ экономіи царствуетъ при всякомъ употребленіи денегъ; все дѣлается самымъ экономическимъ образомъ. Между прочимъ, обращаетъ на себя вниманіе слѣдующій фактъ: въ прусской арміи всякая вещь дослуживаетъ свой срокъ. Чтобы понять значеніе этого правила, нужно вспомнить, какихъ издержекъ стоитъ всякая, даже незначительная, реформа при другомъ порядкѣ, когда почти по капризу начальника дѣлаются постройки, перестройки, ломки, когда вводятся въ употребленіе вещи и орудія новой формы, причемъ старыя бросаются, какъ хламъ. Въ Прусіи, если крайняя необходимость не заставляетъ перемѣнить какую нибудь существенную принадлежность военнаго дѣла, то исключеній не бываетъ: всякая вещь дослуживаетъ свой терминъ. Все это даетъ возможность прусскому правительству содержать отличную армію на средства очень незначительныя.

Нравственное состояніе этой арміи, равно какъ способность ея къ бою, ея знакомство со своимъ дѣломъ доведены до высшей степени совершенства, потому что прусская государственная машина дѣйствуетъ вполнѣ цѣлесообразно и, разумѣется, достигаетъ тѣхъ самыхъ цѣлей, къ которымъ стремится, а не противоположныхъ. Прежде всего г. Драгомировъ замѣчаетъ, что въ Прусіи вездѣ, а слѣдовательно и въ арміи, господствуетъ въ высшей степени уваженіе къ закону и законности, и такъ-какъ это уваженіе существуетъ одинаково какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ сферахъ, то, вслѣдствіе этого, вездѣ господствуетъ, кромѣ того, довѣріе къ закону; всякій знаетъ, что законъ нарушенъ никѣмъ не будетъ. Замѣчательно въ этомъ отношеніи производство въ офицерскіе чины. Право на офицерскій чинъ дается образованіемъ. Всякій солдатъ, поступившій вслѣдствіе обязательности военной службы для всѣхъ, можетъ заявить, что онъ будетъ держать экзаменъ на офицерскій чинъ. Тотчасъ объ немъ собираются справки, и если оказывается, что онъ имѣетъ за себя какія нибудь ручательства, то ему дается возможность готовиться къ экзамену. Жаль, что г. Драгомировъ не изложилъ тѣхъ требованій, которыя предъявляются людямъ, желающимъ быть офицерами; было бы небезъинтересно сравнить эти требованія съ нашими. Любопытно, что нѣмецкая любовь къ классицизму выражается здѣсь тѣмъ, что отъ претендента на званіе офицера въ Прусіи требуется знаніе латинскаго языка. По словамъ г. Драгомирова, въ пруссакахъ вообще, а въ офицерахъ еще болѣе, замѣтна чрезвычайная самонадѣянность, и она основывается, главнымъ образомъ, на довѣріи ихъ къ своему образованію. Въ томъ, что нѣмецкая нація въ образованіи не отстала отъ другихъ націй, никто не сомнѣвается; въ этомъ случаѣ, довѣріе пруссаковъ къ себѣ имѣетъ основаніе. Изъ фактовъ, выражаю-

щихъ образованность въ средѣ офицеровъ, г. Драгомировъ приводитъ тотъ, что въ Пруссіи нѣтъ ни одного офицера, который бы не понималъ топографическихъ картъ и не умѣлъ ими пользоваться въ походѣ, тогда какъ въ другихъ арміяхъ это правило допускаетъ слишкомъ многочисленныя исключенія. И замѣчательно, что именно эта сторона образованія офицера принесла существенную пользу пруссакамъ въ послѣднюю кампанію. Передъ самымъ началомъ войны, прусское правительство успѣло достать подробнѣйшую карту Богеміи, которую оно тотчасъ же и издало и разослало въ армію въ числѣ 2,000 экземпляровъ, такъ что каждый ротный и эскадронный командиръ получилъ одинъ экземпляръ карты. Это избавило ихъ отъ необходимости довѣряться проводникамъ; и безъ проводниковъ они не сбивались съ дороги и неуклонно слѣдовали предположенному маршруту; и, быть можетъ, частію благодаря этому, маршъ пруссаковъ былъ такъ неуклоненъ и неотразимъ, несмотря на то, что они подвигались впередъ весьма незначительными отрядами. Уваженіе къ закону въ прусской арміи видно, между прочимъ, въ томъ, что при дальнѣйшемъ производствѣ въ чины существуетъ самая строгая справедливость. Производства за отличіе нѣтъ; это уничтожаетъ всякую возможность претензій, непотизма и т. п. и спасаетъ армію отъ скороспѣлыхъ, неопытныхъ и безталанныхъ полковниковъ и генераловъ. Въ полковники среднимъ числомъ попадаютъ послѣ 32 лѣтъ службы; слѣдовательно, если предположить, что человѣкъ вступилъ на службу 18 лѣтъ, то онъ будетъ полковникомъ только въ 50 лѣтъ. Замѣчательно при замѣщеніи вакансій слѣдующее правило: если вакансія очистилась вслѣдствіе смерти, то она составляетъ принадлежность полка; но если офицеръ оставилъ службу вслѣдствіе какой-нибудь исторіи, вслѣдствіе проступка, то вакансію замѣщаютъ посредствомъ перевода изъ другихъ полковъ. Въ Пруссіи совершенно невозможны такія удачи, вслѣдствіе которыхъ полковникъ Скалозубъ успѣвалъ на службѣ, «то смотришь выключатъ иныхъ, другіе смотришь перебиты». Здѣсь исключеніе не приноситъ пользы остающимся; слѣдовательно, нѣтъ никакой причины товарищамъ интриговать одному противъ другого; перебивать также никто не перебиваетъ другихъ. Между прочимъ, въ Пруссіи примѣровъ не бываетъ, чтобы человѣкъ, не командовавшій ротою, получилъ полкъ, или не командовавшій полкомъ получилъ бригаду. Даже офицеры генеральнаго штаба подлежатъ этому правилу; они не могутъ получать высшихъ чиновъ, если не командовали извѣстными низшими частями войскъ. Потому офицеры генеральнаго штаба обязаны оставлять службу въ штабѣ и на время идти командовать ротами, полками и т. п. Цѣлесообразность этого правила очевидна: оно спасаетъ армію отъ вліянія людей, которые, основываясь на одной теоріи, и не будучи знакомы съ практикою, только вредили бы ей своими распоряженіями по генеральному штабу.

Уваженіе къ закону въ прусской арміи имѣетъ еще то слѣдствіе, что всякій офицеръ съ самою строгою пунктуальностью исполняетъ

свои обязанности, не оставляя безъ вниманія, какъ главнаго, такъ и подробностей, и всякій офицеръ того же требуетъ отъ подчиненныхъ. Отъ того всякій дѣлаетъ свое дѣло внимательно; дѣлать дѣло спустя рукавъ, надѣяться на авось, тамъ неизвѣстно, что̀ это такое. Но это строгое исполненіе долга не увлекаетъ ни офицеровъ, ни генераловъ въ педантизмъ и формализмъ. Въ прусской арміи допускается уклоненіе отъ формы, когда оно вызывается какою нибудь существенною потребностью; тамъ понимаютъ, говоритъ г. Драгомировъ, «что дѣло въ томъ, чтобы цѣль была достигнута, а не въ томъ, чтобы она достигалась именно въ тѣхъ формахъ, которыя составителю устава казались лучшими».

Отношеніе начальниковъ къ подчиненнымъ вполнѣ человѣческое; обыкновенно въ походѣ штабъ генерала Штейнмеца обѣдалъ съ нимъ вмѣстѣ, за столомъ шелъ оживленный и самый непринужденный разговоръ; но если тутъ же за столомъ оказывалось, по случаю военнаго времени, какое-нибудь дѣло, то мгновенно отношенія собесѣдническія исчезали, и являлись отношенія подчиненныхъ къ начальнику. Намъ всѣ эти подробности кажутся удовлетворяющими всѣмъ требованіямъ хорошо организованной службы, которая, требуя отъ человѣка исполненія дѣла, въ то же время не давитъ его деспотизмомъ или пренебреженіемъ начальника.

Вообще, какъ видно, въ прусской арміи всякій хорошо исполняетъ свой долгъ, потому что всякій знаетъ, въ чемъ заключается его долгъ и умѣетъ его исполнить. О прусскомъ солдатѣ нечего и говорить; по тому состоянію, въ которомъ находится въ Прусіи образованіе народа, можно заключить, что прусскій солдатъ есть наиболѣе грамотный въ цѣлой Европѣ. Что онъ былъ вооруженъ также лучше всѣхъ солдатъ Европы, это извѣстно, хотя г. Драгомировъ и не находитъ въ прусскомъ игольномъ ружьѣ тѣхъ достоинствъ, о которыхъ такъ много говорили, и даже не отдаетъ справедливости самой частой стрѣльбѣ, которая составляетъ главное достоинство игольнаго ружья. Что прусскій солдатъ обученъ хорошо всему, что̀ нужно для боя, а не для показа, за это ручается весь духъ арміи отъ генерала до низшаго офицерскаго чина, гдѣ всякій полагаетъ свою амбицію въ томъ, чтобы вполнѣ исполнить свой долгъ.

Такимъ образомъ, изъ обозрѣнія г. Драгомирова мы видимъ, что прусская армія, находясь въ отличномъ состояніи со стороны матеріальной, главную силу почерпаетъ въ своемъ состояніи нравственномъ. Способности и образованіе офицеровъ и генераловъ, вмѣстѣ съ уваженіемъ къ службѣ, на которой они встрѣчаютъ справедливость и равенство, гдѣ ихъ не обходятъ производствомъ, чтобы доставить чинъ или мѣсто сыну знатныхъ родителей, гдѣ они находятъ достаточное содержаніе, общее стремленіе къ исполненію долга, всеобщая честность, дѣлающая то, что всякая вещь достигаетъ своего назначенія—вотъ что̀ составляло силу прусской

арміи въ 1866 году. Замѣчательно, между прочимъ, то, будто нетолько офицеры, но и солдаты во время похода были введены во всѣ тайны военныхъ цѣлей, къ которымъ стремились главнокомандующіе; это дало всему войску особаго рода апломбъ, съ которымъ оно участвовало въ дѣлахъ; солдаты и офицеры усерднѣе дѣлали дѣло, когда они сознавали, къ чему оно клонится, какъ оно относится къ общей цѣли. Нельзя не видѣть одной изъ причинъ нравственной крѣпости прусской арміи въ томъ, что главная цѣль всей войны, много разъ передъ этимъ провозглашенная правительствомъ, объединеніе Германіи, не могла не дѣйствовать на энергію нетолько офицеровъ, но и солдатъ, которые при своей грамотности, при постоянномъ чтеніи дешовыхъ газетъ, обыкновенно также сочувствуютъ идеѣ германскаго единства.

Г. Драгомировъ ничего не говоритъ о состояніи австрійской арміи; но судя по тому, что мы знаемъ изъ газетъ, состояніе ея далеко не походитъ на состояніе арміи прусской. Въ то время, какъ во главѣ прусскихъ корпусовъ мы встрѣчаемъ такія неизвѣстныя и даже простонародныя имена, какъ Штейнмецъ, Фохтсъ, или Мольтке, въ австрійской арміи корпусами командуютъ потомки сподвижниковъ Валленштейна, какъ генералъ Галласъ; а этотъ Галласъ былъ, послѣ сраженія при Садовой, обвиненъ въ томъ, что во время самаго дѣла былъ нетрезвъ; странный случай! Потомъ главнокомандующій Бенедекъ жаловался, что эрцгерцогъ Леопольдъ, командиръ корпуса, не исполнялъ его приказаній, почему главнокомандующій и требовалъ его увольненія. Очевидно, тутъ какъ будто играетъ главную роль не дѣло, не обязанность, а претензія знатной породы. На это же намекаетъ тотъ случай, что австрійскій офицеръ не захотѣлъ возвратиться изъ прусскаго плѣна, когда узналъ, что его размѣниваютъ на доктора изъ евреевъ; ему показалось это унизительнымъ. Очевидно, что въ этомъ обществѣ еще много остатковъ среднихъ вѣковъ; такому обществу не вынести борьбы съ обществомъ, въ которомъ уважается не претензія знатнаго рода, а знаніе, трудъ, исполненіе долга. Дѣло, за которое стояла Австрія съ своими союзниками, само за себя говоритъ; несостоятельное учрежденіе Германскаго Союза, съ первыхъ дней своего существованія возбудившее крайнее неудовольствіе всего нѣмецкаго народа, все болѣе и болѣе отживало свое время. Поддерживать его можно было только изъ личныхъ выгодъ, какъ дѣйствительно поступала въ этомъ случаѣ Австрія съ своими союзниками, при совершенно близорукомъ отношеніи къ явленіямъ и требованіямъ жизни. Того, что̀ отжило свой вѣкъ, поддержать нельзя; еще меньше можно разсчитывать на успѣшную поддержку того, что̀ и существовать не должно было. И обыкновенно всѣ защищающіе то, что̀ потеряло право на существованіе, для своей защиты пользуются и средствами, потерявшими бо̀льшую долю своей силы, и обнаруживаютъ весьма недостаточное умѣнье. Въ такомъ положеніи именно была Австрія съ своими нѣмецкими союзниками; войска у нихъ было не меньше, чѣмъ у Пруссіи и Ита-

ліи вмѣстѣ *. Но самый принципъ, защищаемый ими, былъ слабѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ и средства ихъ были слабѣе, недѣйствительнѣе, и умѣнье ихъ меньше.

Прусская армія передъ началомъ войны состояла изъ 320,000 человѣкъ дѣйствующихъ войскъ, изъ 90,000 резерва, изъ 65,000 ландвера перваго призыва и 20,000 ландвера второго призыва, всего 495,000 человѣкъ. Численность этихъ войскъ, очевидно, незначительна, сравнительно съ арміями другихъ первоклассныхъ державъ материка; и очевидно, если эта армія имѣла такой необыкновенный успѣхъ, то этому она обязана не своею численностью. Изъ всей этой цифры войскъ были составлены передъ началомъ войны четыре арміи: первая подъ начальствомъ принца Фридриха-Карла изъ 96,000 человѣкъ; вторая подъ начальствомъ наслѣднаго принца прусскаго изъ 115,000; третья подъ начальствомъ генерала Гервардта изъ 40,000 человѣкъ; четвертая, майнцская, подъ начальствомъ Фогеля фон-Фалькенштейна, изъ 55,000 человѣкъ. Общее командованіе надо всѣми арміями предоставилъ себѣ самъ король, при которомъ, въ качествѣ начальника главнаго штаба, былъ генералъ Мольтке; графъ Бисмаркъ и военный министръ также во все время кампаніи находились при главной квартирѣ. Г. Драгомировъ представляетъ очень поучительную характеристику главнѣйшихъ личностей, командовавшихъ арміями и корпусами, начиная съ наслѣднаго принца Фридриха-Вильгельма. Наслѣдный принцъ, командуя арміею, не представлялъ въ ней только офиціальнаго главнокомандующаго, за котораго дѣйствовали другіе; нѣтъ, это знатокъ военнаго дѣла, который ему посвятилъ себя вполнѣ, который изучилъ его въ теоріи и на практикѣ. Кромѣ того, при знаніи дѣла онъ отличается примѣрною исполнительностью, то-есть это человѣкъ дѣла и долга. Между прочимъ, его прибытію на поле сраженія подъ Кёнигсгрецомъ, не случайному, а разсчитанному и заранѣе условленному, пруссаки обязаны полнотою побѣды въ этотъ день. Наслѣдный принцъ пользуется самою горячею привязанностію офицеровъ и солдатъ, главнымъ образомъ за то, что самъ онъ въ высшей степени внимателенъ къ подчиненнымъ; заботливость его о больныхъ и раненыхъ не имѣетъ себѣ подобной. Но въ то же время его военная распорядительность, хладнокровіе въ опасностяхъ возбуждаютъ къ себѣ удивленіе наиболѣе опытныхъ людей военныхъ. Всѣ эти качества наслѣднаго принца обнаружены блистательнымъ образомъ въ послѣднюю войну; но армія знала ихъ еще раньше; она видѣла полное проявленіе ихъ между прочимъ въ шлезвиг-голштинскую войну.

Другой принцъ, командовавшій арміею, Фридрихъ-Карлъ, представляетъ иной характеръ. Это человѣкъ исключительно военный; онъ преданъ военному дѣлу вполнѣ и нераздѣльно. Это замѣча-

* Военныя силы собственно Австріи простирались въ военномъ составѣ до 700,000 человѣкъ, да 7-й, 8-й, 9-й и 10-й корпуса бывшей союзной арміи, то-есть войска союзниковъ Австріи, простирались почти до 300,000.

тельный военный писатель, который, между прочимъ, написалъ «l'art de battre l'armée française»; заглавіе книги показываетъ, куда стремятся помыслы принца Фридриха-Карла, который не съ плеча написалъ эту брошюру. Нѣтъ; говорятъ, что это одинъ изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ военной исторіи и военнаго дѣла вообще. Ему только 38 лѣтъ (онъ племянникъ короля, отъ брата, который тоже называется Фридрихомъ-Карломъ), но подобно наслѣдному принцу и онъ успѣлъ гораздо раньше кампаніи 1866 года пріобрѣсти отличную репутацію; въ шлезвигскую войну онъ показалъ военныя дарованія, выходящія изъ ряда вонъ. Его можно было бы сравнить съ нашими старыми генералами, которые ничего не хотѣли знать, кромѣ военнаго дѣла, еслибы, въ то же время, его можно было упрекнуть въ пристрастіи къ формѣ, къ выправкѣ. Напротивъ, мало генераловъ, которые такъ много обращали бы вниманія на сущность дѣла, какъ принцъ Фридрихъ-Карлъ, и такъ мало уважали бы форму, если съ ней несоединено ничто существенное. Замѣтить слѣдуетъ еще, что принцъ Фридрихъ-Карлъ, подобно наслѣдному принцу, отличается самымъ серьёзнымъ, нѣмецкимъ, въ лучшемъ значеніи этого слова, образованіемъ. Этимъ, впрочемъ, гогенцоллернскій домъ отличался всегда, со времени самого Фридриха II. Послѣ всего этого неудивительно, что такіе люди хорошо устроили то дѣло, за которое брались, и умѣли одержать большія побѣды. Именно такіе люди бываютъ отмѣчены въ исторіи, какъ созидатели и собиратели царствъ.

Изъ другихъ личностей, принимавшихъ дѣятельнѣйшее участіе въ войнѣ, стоитъ обратить вниманіе на генерала Мольтке, начальника главнаго штаба. Мольтке принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ людей въ Пруссіи; онъ уже не молодой человѣкъ, и находится въ службѣ болѣе 40 лѣтъ; слѣдовательно, можно думать, что ему никакъ не меньше 60 лѣтъ. Онъ въ особенности замѣчателенъ глубокимъ и всестороннимъ изученіемъ военнаго дѣла въ теоріи, хотя, какъ мы видѣли, въ Пруссіи нельзя ограничиться одною теоріею, одною службою въ генеральномъ штабѣ; тамъ непремѣнно требуютъ еще службы въ строю. Отличительная черта Мольтке — внимательность къ малѣйшимъ подробностямъ всякаго дѣла, и способность къ самой неутомимой дѣятельности. Его считаютъ душою всей послѣдней кампаніи; ему приписываютъ планъ самаго похода, и всѣ приготовленія къ нему, которыя, по истинѣ, изумляютъ своею аккуратностью и всесторонностью. Нечего и говорить о вооруженіи и обученіи войска; стоитъ обратить вниманіе на приготовленія, непосредственно предшествовавшія войнѣ. Достаточно замѣтить, что нетолько военное министерство вошло въ сношенія со всѣми управленіями желѣзныхъ дорогъ и заранѣе съ точностью опредѣлило, когда и сколько оно потребуетъ вагоновъ для перевозки вòйска, самыя войскà, какъ пѣхотныя, такъ и другихъ родовъ, были заранѣе пріучены къ посадкѣ въ вагоны, чтобъ въ случаѣ дѣйствительной надобности не тратилось на это слишкомъ много времени. Въ высшей степени достойно

вниманія также устройство госпитальной части въ виду предстоявшей войны. Кромѣ постоянныхъ военныхъ госпиталей, было устроено 97 большихъ госпиталей, преимущественно въ провинціяхъ, пограничныхъ съ Австріею — на 33,000 кроватей; были организованы особыя больничныя транспортныя комисіи, которыя должны были доставлять раненыхъ въ ближайшіе или болѣе отдаленные госпитали, смотря по состоянію здоровья; объ отправкѣ больныхъ также предварительно сдѣланы соглашенія съ управленіями желѣзныхъ дорогъ; въ вагонахъ были сдѣланы особыя приспособленія къ помѣщенію раненыхъ и т. д. И разумѣется, все это было сдѣлано съ самой строгою добросовѣстностію, потому что въ Прусіи никто *не пользуется*; все это сдѣлано было не для смотра, не для начальства. а для дѣла. И виновникомъ всей этой разумной и полезной дѣятельности былъ генералъ Мольтке, который все успѣвалъ обсудить, предпринять и привести въ исполненіе. Мы сказали, что генералъ Мольтке — человѣкъ, отличающійся неутомимою дѣятельностью и пониманіемъ дѣла; теперь прибавимъ одну черту, которая покажетъ, на сколько онъ руководится личными интересами, или личными симпатіями, при исполненіи дѣла. Во время войны, одинъ генералъ, подчиненный генералу Мольтке, написалъ своей женѣ письмо, въ которомъ съ полною откровенностью описывалъ ей положеніе дѣлъ въ арміи, какъ онъ понималъ его. Свои заслуги, между прочимъ, онъ возвышалъ сверхъ мѣры, а заслуги Мольтке унижалъ, отозвался неблагопріятно о принцѣ Фридрихѣ-Карлѣ, но въ особенности не пощадилъ Мольтке. Письмо не дошло по адресу, но было перехвачено австрійцами, которые, для произведенія скандалу, взяли да и напечатали его. Скандалъ, дѣйствительно, произошелъ; вѣроятно, генералъ, писавшій письмо, нехорошо себя чувствовалъ; но Мольтке, задѣтый, главнымъ образомъ, въ письмѣ, не обратилъ на него никакого вниманія, и даже не хотѣлъ читать его и въ газетахъ, находя, что въ частныхъ письмахъ всякій можетъ писать о немъ все, что вздумаетъ, и что частная кореспонденція есть дѣло, неимѣющее никакого отношенія къ службѣ. И авторъ письма нетолько не имѣлъ никакихъ непріятностей, нетолько продолжалъ оставаться на своемъ мѣстѣ, но, по окончаніи кампаніи, получилъ весьма рѣдкую награду, гогенцоллернскую звѣзду, къ чему онъ, безъ сомнѣнія, былъ представленъ генераломъ Мольтке. Въ самомъ дѣлѣ, хорошіе нравственные характеры представляютъ всѣ эти вліятельнѣйшія лица прусской арміи.

Замѣчательная тоже личность генералъ Штейнмецъ, это совершенно бѣловласый старицъ 70 лѣтъ. Характеристическая черта его—исполненіе долга, въ которомъ онъ самъ никогда не манкируетъ, и котораго онъ настойчиво требуетъ отъ всѣхъ подчиненныхъ. Онъ убѣжденъ, что хорошая армія должна достигнуть всякой цѣли, непредставляющей невозможности, и къ этой мысли онъ пріучилъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ; они знаютъ, что у генерала Штейнмеца нельзя отговариваться трудностью дѣла. У него должно

быть исполнено все, что̀ имъ приказано. Разъ не удалось колоннѣ сбить непріятеля, онъ другой разъ пошлетъ, и третій и четвертый, и пошлетъ ту же самую, а не другую колонну, чтобъ всякій не надѣялся чужими руками загребать жаръ. Замѣчательна его собственная энергія; несмотря на свои лѣта, онъ весь походъ дѣлалъ верхомъ и никогда не отступалъ отъ правила на каждомъ переходѣ пропустить мимо себя цѣлый корпусъ, и такимъ образомъ ежедневно сдѣлать ему смотръ. Черезъ это корпусъ держался постоянно въ состояніи, готовомъ къ бою. Замѣчательно, что несмотря на собственную долговременную привычку къ пунктуальности и формальности, генералъ Штейнмецъ свободенъ отъ придирчивости и педантизма; при подобныхъ смотрахъ онъ не придирался ни къ солдатамъ, ни къ офицерамъ, если замѣчалъ у кого изъ нихъ цвѣтокъ на каскѣ позади герба, или цвѣтокъ въ петлицѣ; нѣкоторые офицеры прикрывались пледами, и до этого генералу Штейнмецу не было дѣла; но если солдатъ безъ всякой причины являлся неряхой, если онъ, напримѣръ, просто не застегивалъ погона, по невнимательности, то ему доставалось отъ генерала Штейнмеца, то-есть дѣлалось замѣчаніе или выговоръ. При подобныхъ осмотрахъ корпуса всего больше обращалось вниманіе на обозъ. Генералъ Штейнмецъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы у него въ обозѣ лишнихъ людей не было; ежедневно у каждаго солдата, находимаго въ обозѣ, спрашивали: зачѣмъ онъ тамъ и почему. Безспорно, что эта настойчивость тоже не придирка, а имѣетъ существенное основаніе: обыкновенно на походахъ все, что̀ лѣниво, все, что̀ любитъ быть подальше отъ дѣла, старается забраться въ обозъ подъ разными предлогами, такъ что иногда обозъ заключаетъ въ себѣ довольно значительную долю арміи. И у генерала Штейнмеца, несмотря на его настойчивость, ежедневно человѣкъ 10 или 15 старались пристать къ обозу, которыхъ онъ и выгонялъ оттуда. Вмѣстѣ съ подобною пунктуальностью и настойчивостью, генералъ Штейнмецъ соединяетъ замѣчательную умѣренность: питался онъ во время похода, чѣмъ богъ пошлетъ, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ штабомъ; обозъ его укладывается весь на небольшой повозкѣ, несмотря на то, что онъ корпусный командиръ. Замѣчательно, что генералъ Штейнмецъ, находя всѣ послѣднія усовершенствованія въ огнестрѣльномъ оружіи дѣломъ весьма полезнымъ, все-таки самое главное полагаетъ въ холодномъ оружіи и въ способности арміи безостановочно идти впередъ по бою барабана Нельзя въ этой чертѣ, равно какъ во многихъ другихъ у г. Штейнмеца, и частію у другихъ генераловъ прусской арміи, не видѣть сходства съ нашимъ Суворовымъ: онъ тоже штыкъ предпочиталъ пулѣ. Но это не главное — главное состоитъ вотъ въ чемъ: когда у Суворова однажды спросили, какимъ образомъ ему такъ блистательно удавались всѣ его военныя дѣйствія, онъ отвѣчалъ: «Я самъ всегда и вездѣ, гдѣ было можно, за всѣмъ смотрѣлъ, старался меньше полагаться на другихъ, и не жалѣлъ себя ни въ походахъ, ни въ сраженіяхъ». Вотъ какъ объяснялъ великій полководецъ успѣхъ своихъ сраженій — внимательностью дѣлу,

разумѣется, при томъ умѣ и томъ военномъ образованіи, которые онъ имѣлъ. Совершенно то же вниманіе къ дѣлу, при большомъ, нетолько военномъ, но и общемъ образованіи, мы видимъ у всѣхъ прусскихъ генераловъ: а ихъ способности, ихъ умъ довольно гарантируются ихъ предыдущею службою, требующею хорошаго умѣнья понимать вещи, потому что безталанности не находятъ, покровительства въ Прусіи; имъ не даютъ чиновъ, обходя трудящихся людей, болѣе, нежели они достойны ихъ.

Обращая еще разъ вниманіе на все, что мы видѣли, мы не можемъ не признать справедливости вышеприведеннаго афоризма относительно прусской кампаніи 1866 года. Дѣйствительно, пруссаки побѣдили австрійцевъ не въ битвѣ при Садовой, а гораздо раньше, въ то время, когда они усовершенствовали свою государственную и военную машину; когда прусское правительство издавало такія положенія, которыя даютъ въ арміи, равно какъ и въ гражданской службѣ, безпрепятственную дорогу способностямъ, образованію, труду и строгому исполненію обязанностей.

Публицисты Германіи говорятъ еще, что Прусія потому должна всегда побѣждать Австрію, что она служитъ представительницею протестантизма, требующаго отъ человѣка искренности въ исполненіи долга, въ добродѣтели, въ то время, какъ Австрія служитъ представительницею католичества съ его фарисействомъ и іезуитизмомъ, которые нравственно разслабляютъ какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлые народы. Въ этой мысли мы не находимъ ничего такого, что препятствовало бы съ нею согласиться. Напротивъ, разсмотрѣнное нами положеніе дѣлъ и людей въ Прусіи и отчасти въ Австріи, видимымъ образомъ, подтверждаетъ ее.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Государственный бюджетъ Россіи на 1867 годъ.—Преобразованія въ военномъ министерствѣ.—Всеподданнѣйшій отчетъ министра юстиціи.—Продажа русскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ.—Передача николаевской желѣзной дороги въ частныя руки.—Пріемъ туркестанской депутаціи государемъ императоромъ.—Годовщина 4-го апрѣля. — Ожиданіе славянскихъ гостей въ Петербургѣ и Москвѣ.—Восточный вопросъ. — Люксембургскій вопросъ.—Закрытіе сѣверогерманскаго парламента. — Австрія. — Министерскій кризисъ въ Италіи и министерство Ратацци.—Ходъ вопроса о парламентской реформѣ въ Англіи.—Испанія.—Путешествіе греческаго короля въ Европу.— Сербія и другія турецко-славянскія земли.—Мексика.

8 апрѣля.

Самымъ важнымъ событіемъ внутренней политики Россіи, съ появленія нашей послѣдней хроники, было, безъ сомнѣнія, обнародованіе государственнаго бюджета на 1867 годъ. Публика уже давно съ нетерпѣніемъ ожидала этого важнаго документа,

дающаго въ Россіи общественному мнѣнію единственное средство контроля надъ дѣлами страны, контроля конечно косвеннаго, но все-таки исключающаго ту полную безотчетность передъ страною правительственныхъ факторовъ, къ которой пріучила насъ наша исторія. Въ нынѣшнемъ году къ обычнымъ причинамъ нетерпѣливаго ожиданія, состоящимъ въ весьма естественномъ желаніи узнать, на основаніи точныхъ данныхъ, матеріальное положеніе страны, присоединились еще и другія причины, каковы тревожное настроеніе всего европейскаго финансоваго міра, паденіе иностранныхъ государственныхъ бумагъ на заграничныхъ биржахъ, слухи о разныхъ продажахъ и уступкахъ, дѣлаемыхъ русскимъ правительствомъ, будто бы съ цѣлью покрыть довольно значительный бюджетный дефицитъ. Все это взятое вмѣстѣ, заставляло съ особымъ нетерпѣніемъ ожидать появленія единственнаго документа, по которому возможно судить о справедливости ходящихъ слуховъ и распространенныхъ опасеній.

Нетерпѣливое ожиданіе публики наконецъ удовлетворено. Государственный бюджетъ обнародованъ и сообщенныя намъ правительствомъ цифры, повидимому, должны разсѣять тревогу, возбужденную событіями, предшествовавшими обнародованію бюджета. Дефицитъ, о которомъ такъ много толковали въ послѣднее время, дѣйствительно, оказался; но, вопервыхъ, онъ вовсе не представляетъ угрожающихъ размѣровъ, именно—онъ равняется 15.206,000 р.; а вовторыхъ покрытіе этого дифицита уже обезпечено и находится въ рукахъ правительства — это часть англоголандскаго займа, заключеннаго въ послѣднихъ мѣсяцахъ минувшаго года При помощи этого ресурса, равновѣсіе бюджета оказывается полнымъ. Ожидаемые доходы (хотя, конечно, включаемая сюда часть означеннаго займа не составляетъ дохода) исчислены въ 443.850,171 р. $2^3/_4$ к., а за вычетомъ издержекъ взиманія остается 397.088,354 р. $17^3/_4$ к. Расходы съ причисленіемъ къ нимъ издержекъ взиманія, составляютъ тоже 443.850,171 р. $2^3/_4$ к., а безъ этихъ издержекъ 397.088,354 р. $17^3/_4$ к.

Разсмотримъ же съ нѣкоторою подробностію рубрики доходовъ, чтобъ составить себѣ понятіе, какимъ путемъ достигается такое, говоря относительно, счастливое равновѣсіе.

Прежде всего мы видимъ, что изъ 45 статей доходовъ, 24 статьи, по сравненію съ бюджетомъ 1866 г., представляютъ увеличенія, 19 статей представляютъ уменьшеніе; *одна*, именно доходы Царства Польскаго, невошедшіе въ сметы министерствъ имперіи, является въ первый разъ въ общемъ государственномъ бюджетѣ, а *одна* (доходы съ штемпельной бумаги, установленной для написанія судебно-медицинскихъ и врачебно полицейскихъ актовъ) представляетъ полное тождество съ тою же рубрикою бюджета 1866 года. А такъ-какъ предвидимые на 1867 годъ доходы превышаютъ доходы 1866 года на 81.374,359 р. $67^3/_4$ к., то все это весьма значительное увеличеніе должно пасть только на упомянутыя 24 статьи... Посмотримъ же, какія именно

отрасли государственныхъ доходовъ представляютъ это увеличеніе, дающее возможность заключить нынѣшній бюджетъ счастливымъ равновѣсіемъ.

Прежде всего мы видимъ, что прямые налоги представляютъ весьма значительное увеличеніе. Подати должны дать въ 1867 году 41.865,131 р. 89 к., то-есть на 6.360,990 р. 41 к. болѣе, чѣмъ въ 1866 году; зато налогъ на право торговли (10.000,000) представляетъ уменьшеніе въ 95,500 р. сер., такъ что увеличеніе прямыхъ налоговъ составляетъ 6.265,490 р. 47 к. сер. Питейный доходъ (125.053,316 р. 10 к.) представляетъ увеличеніе въ 231,724 р. 10 к. сер.; доходъ съ соли 1.547,307 р. 50 к.; акцизъ съ табаку 1.448,000 р.; акцизъ съ свеклосахарнаго производства 410,500 р.; таможенный доходъ — 1.874,561 р. Мы не станемъ приводить точныхъ цифръ прочихъ увеличеній; скажемъ просто, что большая часть изъ статей, отъ которыхъ можно бы было ожидать значительнаго возвышенія цифръ дохода, каковы, напримѣръ, почты и телеграфъ — представляютъ увеличенія весьма незначительныя.

Наибольшая масса увеличенія доходовъ предвидится по доходамъ отъ государственныхъ имуществъ. Такъ, напримѣръ, оброки и прочіе сборы съ государственныхъ крестьянъ и поселянъ, живущихъ на казенныхъ земляхъ, должны дать въ нынѣшнемъ году болѣе *двухъ съ половиною мильйоновъ* излишка противъ прошлаго года; продажа казенныхъ земель, угодій, рекрутскихъ квитанцій и проч. доставитъ излишка до *мильйона* р. сер.; доходъ съ желѣзныхъ дорогъ превыситъ прошлогодній болѣе, чѣмъ на *три съ половиною* мильйона.

Въ главѣ «поступленій разнаго рода», мы встрѣчаемъ также значительное увеличеніе, именно, болѣе *полутора мильйона* въ статьѣ «возвраты ссудъ», и болѣе *четырехъ мильйоновъ* — въ статьѣ «случайные доходы разнаго рода».

Наконецъ, въ главѣ оборотныхъ поступленій мы видимъ, что остатки отъ заключенныхъ сметъ, простиравшіеся въ прошломъ году только на 500,000 р. сер., предполагаются нынѣ въ 3.500,000.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что отъ государственныхъ имуществъ, отъ поступленій разнаго рода и поступленій оборотныхъ ожидается увеличеніе государственныхъ доходовъ болѣе чѣмъ на 12.500,000 р. сер. — явленіе вполнѣ отрадное, и заставляющее сожалѣть, что источники нѣкоторыхъ изъ доходовъ, доставляющихъ такое важное увеличеніе, обозначены въ росписи безъ достаточной ясности. Публикѣ очень бы хотѣлось знать, напримѣръ, по какимъ именно ссудамъ послѣдуютъ возвраты, обѣщающіе болѣе полутора мильйоновъ увеличенія доходовъ, въ чемъ состоятъ случайные доходы разнаго рода, обѣщающіе увеличеніе въ 4.000,000, и откуда явятся остатки отъ заключенныхъ сметъ, обѣщающіе излишекъ въ 3.000,000 р. сер.? Къ сожалѣнію, докладъ министра финансовъ, сопровождающій государственную роспись, не представляетъ никакихъ объясненій на этотъ счетъ.

Изъ этого доклада мы видимъ, однако, что за всѣми приведенными увеличеніями, въ бюджетѣ 1867 года, какъ мы уже замѣтили, все-таки оказался бы дефицитъ въ 15.206,000 руб. сер., еслибъ не представилась возможность покрыть недостающую сумму суммами англо-голландскаго займа 1866 года. И такимъ образомъ, равновѣсіемъ въ нынѣшнемъ бюджетѣ мы обязаны англо-голландскому займу, заключенному въ концѣ минувшаго года, и увеличеніемъ доходовъ по приведеннымъ нами выше статьямъ. Не будь этихъ двухъ рессурсовъ, то-есть не заключи правительство въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1866 года иностраннаго займа, да не окажись увеличенія доходовъ по государственнымъ имуществамъ, оборотнымъ поступленіямъ, и поступленіямъ разнаго рода, въ бюджетѣ оказался бы дефицитъ въ 28.000,000 р. сер...

Возвратимся однако къ докладу г. министра финансовъ и изложимъ вкратцѣ главныя черты этого документа. Прежде всего мы узнаемъ изъ доклада, что замедленіе обнародованія бюджета произошло отъ поздняго полученія сметъ Царства Польскаго, ко-которыя разсмотрѣны окончательно только въ началѣ марта. Другою причиною замедленія было вторичное разсмотрѣніе сметъ имперіи послѣ сокращеній, сдѣланныхъ министрами и главноуправляющими въ сметахъ расходовъ, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія отъ 6-го октября 1866 года.

Превышеніе въ цифрахъ какъ доходовъ, такъ и расходовъ, являющееся въ нынѣшней росписи по сравненію ея съ росписью прошлаго года, докладъ объясняетъ очень пространно. Въ доходахъ перечисляются всѣ увеличенія, ожидаемыя: по бюджету Царства Польскаго, по прямымъ податямъ, пошлинамъ таможеннымъ и акцизнымъ и т. д. Между прочимъ, въ числѣ статей, обѣщающихъ такое увеличеніе, мы находимъ и *николаевскую желѣзную дорогу*, на долю которой ожиданія доклада полагаютъ 1.953,000 руб. сер. увеличенія, то-есть *болѣе половины* всего увеличенія доходовъ, ожидаемыхъ отъ желѣзныхъ дорогъ вообще; но, какъ мы уже сказали, о статьяхъ, обозначенныхъ въ росписи названіями «возвраты ссудъ», «случайные доходы разнаго рода» и «остатки отъ заключенныхъ сметъ», статьяхъ, представляющихъ въ общей сложности увеличеніе доходовъ болѣе чѣмъ въ 8.500,000 руб. сер., въ «докладѣ» мы не находимъ рѣшительно никакихъ объясненій.

Увеличеніе расходовъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ между разными частями государственнаго управленія.

По государственнымъ долгамъ расходы увеличились вообще на 5.259,000 руб. сер. (круглыми цифрами); по высшимъ государственнымъ учрежденіямъ — на 219,000 руб. сер.; по святѣйшему синоду — на 694,000 руб. сер.; по министерству внутреннихъ дѣлъ — на 709,000 руб. сер.; по министерству народнаго просвѣщенія — на 193,000 руб. сер.; по министерству путей сооб-

шенія — на 3,790 руб. сер.; по министерству юстиціи — на 583,000 руб. сер.

Увеличенія расходовъ по государственному контролю, управленію государственнаго коннозаводства и гражданскому управленію закавказскаго края, оказываются весьма незначительными, именно не достигаютъ ни одно 50,000 руб. сер.

По министерству двора расходы увеличились на 1.202,322 руб. 9 коп. сер.; но въ докладѣ объ этомъ увеличеніи не упомянуто.

Уменьшеніе расходовъ оказывается по слѣдующимъ отраслямъ государственнаго управленія:

По военному министерству издержки сокращены на 6.321,000 руб. сер., главнымъ образомъ отъ уменьшенія численности войскъ и ограниченія кредитовъ по хозяйственно-операціоннымъ расходамъ.

По морскому министерству расходы сократились на 4.993,000 руб. сер. Докладъ не приводитъ никакихъ объясненій пути, которымъ достигнуты эти сокращенія; но изъ самой росписи видно, что они получились отъ уменьшенія расходовъ по центральной администраціи и портовыхъ управленій (болѣе 700,000 р. сер.); отъ уменьшенія численности строевыхъ чиновъ (на денежномъ довольствіи почти 600,000, на продовольствіи болѣе 200,000, на обмундированіи около 200,000, итого около 1.000,000); отъ сокращенія издержекъ по плаваніямъ, внутреннему (болѣе 1.000,000) и заграничному (болѣе 600,000 р. сер.); наконецъ, отъ весьма значительнаго ослабленія дѣятельности нашихъ заводовъ и адмиралтействъ (уменьшеніе расходовъ почти на 2.000,000). Такимъ образомъ оказывается, что сокращеніе бюджета морскаго министерства куплено цѣною уменьшенія численнаго состава моряковъ, ограниченія плаваній нашихъ судовъ и дѣятельности нашихъ заводовъ и адмиралтействъ.

Расходы министерства финансовъ уменьшились на 655,000 р. сер. Это уменьшеніе докладъ объясняетъ, главнымъ образомъ, исключеніемъ части расходовъ процентнаго сбора въ западномъ краѣ, прекращеніемъ вознагражденія казнѣ Царства Польскаго за таможенный доходъ, вслѣдствіе сліянія бюджета царства съ росписью имперіи, и ограниченіемъ нѣкоторыхъ другихъ доходовъ.

Послѣднее уменьшеніе расходовъ относится къ министерству почтъ и телеграфовъ. Оно простирается на 627,000 р. сер. и происходитъ главнымъ образомъ, по словамъ доклада, отъ уменьшенія производимой насчетъ государственнаго земскаго сбора приплаты на содержаніе на станціяхъ лошадей для почтъ и проѣзжающихъ.

Просматривая данныя, извлеченныя нами изъ доклада г-на министра финансовъ, равно какъ и изъ самой государственной росписи, мы, на основаніи сообщаемыхъ этими документами цифръ, должны придти къ заключенію, что положеніе нашихъ финан-

совъ вообще на столько удовлетворительно, на сколько позволяетъ это ихъ общее, издавна потрясенное состояніе. Порядокъ, въ которомъ распредѣлены уменьшенія и увеличенія расходовъ по разнымъ отраслямъ администраціи, не можетъ, за немногими исключеніями, вызвать никакихъ возраженій. Въ теоріи эти сокращенія и увеличенія распредѣлены совершенно правильно. Почти во всѣхъ отрасляхъ, расходы по которымъ принято въ политической экономіи считать обременительными, расходы эти уменьшились. Такъ, напримѣвъ, уменьшены военныя и морскія издержки государства и издержки министерства финансовъ. Правда, на это можно замѣтить, что бываютъ такія эпохи, когда издержки на флотъ и армію не могутъ считаться обременительными, то-есть непроизводительными, и что въ такія эпохи желательнѣе видѣть уменьшеніе расходовъ, обращенное на другія отрасли администраціи, издержки по которымъ тоже не признаются производительными политическою экономіею, каковы, напримѣръ, внутренняя администрація страны и проч., но, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ радоваться уже и тому, что роковая необходимость сокращеній не остановила увеличенія расходовъ по тѣмъ отраслямъ государственной администраціи, для которыхъ подобное увеличеніе признано всѣми полезнымъ и плодотворнымъ для страны.

Такъ, напримѣръ, почти четырехмильйонное увеличеніе расходовъ по министерству путей сообщенія должно считаться положительно пріятнымъ явленіемъ, потому что оно краснорѣчиво говоритъ о развитіи въ Россіи дѣятельности, которая послужитъ богатымъ источникомъ ея будущаго богатства и благосостоянія.

Не менѣе пріятно видѣть и увеличеніе расходовъ по народному образованію. Въ этомъ случаѣ даже можно пожалѣть о маломъ размѣрѣ этого увеличенія, недостигающаго и 200,000 р. сер. При такомъ увеличеніи расходы правительства на народное образованіе составляютъ только 7.255,814 р. 76³/₄ к. сер., то-есть немного болѣе *двѣнадцати копеекъ* сер. на душу, принимая численность населенія Россіи въ 72.000,000 душъ. Это очень немного, и въ этомъ отношеніи мы остаемся далеко отъ всѣхъ европейскихъ государствъ.

Въ числѣ прочихъ отраслей администраціи, увеличеніе издержекъ по которымъ можетъ считаться явленіемъ благопріятнымъ, мы должны упомянуть, вопервыхъ, министерство юстиціи, увеличившіяся издержки котораго вызваны введеніемъ въ дѣйствіе великой и плодотворной судебной реформы, и святѣйшій синодъ, которому въ настоящее время поручена важная задача улучшенія быта нашего сельскаго духовенства, распространенія православія въ западномъ краѣ, и преобразованія духовно-учебныхъ заведеній.

Повторяемъ опять, все, что сообщаютъ намъ офиціальныя данныя о состояніи нашихъ финансовъ, по теоріи должно значительно успокоить взволнованные умы, и если эта цѣль не будетъ

вполнѣ достигнута, то причинъ неуспѣха надобно будетъ искать, вопервыхъ, отчасти въ силѣ паники, охватившей умы, а отчасти и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ составленія нынѣшней государственной росписи, допускающихъ неясныя толкованія и сомнѣнія.

Послѣ обнародованія государственнаго бюджета, въ области нашей внутренней политики всего болѣе обращали на себя вниманіе публичныя заявленія о дѣятельности двухъ нашихъ министерствъ, именно военнаго министерства и министерства юстиціи. Первымъ изъ такихъ заявленій слѣдуетъ считать статью «Русскаго Инвалида», сопровождавшую приказы военнаго министра о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ нынѣшнемъ составѣ ввѣреннаго ему министерства, и имѣвшую, очевидно, офиціальный характеръ. Изъ статьи этой мы узнаемъ, что для военнаго министерства готовится новое положеніе, уже вполнѣ разработанное въ законодательномъ отношеніи. Новые штаты, учрежденные вышеупомянутыми приказами, вводятся нынѣ съ тою цѣлью, чтобъ ко времени утвержденія этого новаго положенія, всѣ части министерства были приведены въ составъ, имъ опредѣленный. Такимъ образомъ, съ изданіемъ новаго положенія о военномъ министерствѣ, какъ высшемъ центральномъ военномъ учрежденіи, довершается реформа военнаго управленія вообще, начатая въ 1864 году учрежденіемъ военно-окружныхъ управленій. Впрочемъ, по словамъ статьи «Инвалида», учрежденіе этихъ управленій нельзя считать началомъ реформы военнаго управленія. Потребность такой реформы была сознана еще въ 1857 году, и тогда же послѣдовало распоряженіе о сокращеніи личнаго состава министерства.

Исполняя это распоряженіе, министерство приступило къ разработкѣ предполагаемыхъ преобразованій, и черезъ пять лѣтъ, то-есть въ 1862 году, издано положеніе о срочныхъ донесеніяхъ войскъ по инспекторской части. Въ томъ же, и въ слѣдующемъ 1863 годахъ были введены въ составъ министерства до тѣхъ поръ отдѣльныя учрежденія; именно, штабы генерал-фельдцейхмейстера, генерал-инспектора по инженерной части, и главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній слиты съ соотвѣтствующими имъ департаментами и управленіями; но на этомъ и остановилось въ то время преобразованіе. Опытъ показалъ, что сократить составъ министерства и упростить его дѣлопроизводство возможно не иначе, какъ правильною организаціей мѣстныхъ управленій. Эта организація достигнута положеніями о военныхъ округахъ, примѣненными съ 1865 года ко всѣмъ частямъ имперіи.

Развитіе системы военныхъ округовъ опредѣлило точныя основанія измѣненій главныхъ частей министерства. Оно выяснило необходимость дать администраціи устройство, при которомъ мѣстныя управленія по каждой части имѣли бы свой соотвѣтствующій центральный органъ. Затѣмъ необходимо было опредѣлить кругъ дѣятельности каждаго центральнаго округа, и отно-

шеніе его къ высшимъ подвѣдомственнымъ учрежденіямъ, а также его обязанности, права и проч. Все это и составило предметъ новаго положенія о военномъ министерствѣ.

Между тѣмъ, по мѣрѣ развитія системы военныхъ округовъ, преобразованіе центральныхъ учрежденій продолжалось. Департаменты коммисаріатскій и провіантскій слиты въ одно главное интендантское управленіе; департаменты инспекторскій и генеральнаго штаба образовали одно управленіе главнаго штаба. Новыми приказами такое слитіе продолжается. Всѣ дѣла по военно-врачебной администраціи и улучшенію госпитальной части сосредоточиваются въ главномъ военно-госпитальномъ комитетѣ, пенитенціарная часть отдается въ вѣдѣніе главнаго военно-тюремнаго комитета; учреждаются: техническій комитетъ при главномъ интендантскомъ управленіи, и совѣщательный комитетъ при управленіи иррегулярныхъ войскъ. Департаменты медицинскій и аудиторіатскій преобразовываются въ главныя управленія: медицинское и военно-судное; совѣщательный комитетъ при главномъ штабѣ обращается въ военно-ученый комитетъ; офицерскіе классы для офицеровъ, приготовляющихся къ занятію мѣстъ по военно-судебному вѣдомству, обращаются въ военно-юридическую академію, а аудиторское училище — въ училище военно-юридическое. Общія присутствія при главныхъ хозяйственныхъ управленіяхъ упраздняются.

Послѣ всѣхъ этихъ преобразованій составъ военнаго министерства принимаетъ совершенно стройный видъ, вполнѣ соотвѣтствующій системѣ, на основаніи которой оно преобразовано. Въ главѣ этого состава стоятъ императорская главная квартира, военный совѣтъ, генералъ-аудиторіатъ, канцелярія военнаго министерства и главный штабъ; затѣмъ слѣдуютъ главныя управленія: интендантское, артиллерійское, инженерное, военно-медицинское, военно-учебныхъ заведеній, иррегулярныхъ войскъ и военно-судное. Изъ этихъ управленій при артиллерійскомъ, инженерномъ, военно-медицинскомъ и военно-судномъ состоятъ подготовляющія къ ихъ спеціальностямъ академія и училища (послѣднія за исключеніемъ военно-медицинскаго управленія).

При вводимыхъ нынѣ штатахъ значительная часть исполнительной дѣятельности прежнихъ центральныхъ учрежденій переходитъ къ мѣстнымъ органамъ, вслѣдствіе чего личный составъ новыхъ управленій можетъ быть сокращенъ въ весьма значительной степени. Въ общемъ итогѣ сокращается 314 офицерскихъ должностей, и 607 должностей нижнихъ чиновъ.

Такое сокращеніе должностей даетъ возможность увеличить содержаніе служащихъ, нетолько не превышая суммъ, отпускавшихся на этотъ предметъ до настоящаго времени, но еще уменьшивъ расходы на 72,216 р. сер.

Не нужно слишкомъ глубоко вникать въ сущность совершающагося нынѣ въ военномъ министерствѣ преобразованія, для того, чтобы понять всю его цѣлесообразность и поразительную строй-

ность выполненія заданной себѣ преобразователемъ мысли. И то и другое видно съ перваго взгляда, и можно смѣло сказать, что удачнымъ осуществленіемъ такой сложной административной реформы, нынѣшній военный министръ упрочиваетъ за собою навсегда свою вполнѣ заслуженную репутацію превосходнаго организатора. Реформою этою положено прекрасное и незыблемое основаніе такимъ военнымъ порядкамъ въ Россіи, при которыхъ она можетъ смѣло соперничать въ этомъ отношеніи съ европейскими державами, наиболѣе славящимися организаціею своихъ военныхъ силъ.

Второе публичное заявленіе о дѣятельности нашихъ высшихъ административныхъ учрежденій сдѣлано министерствомъ юстиціи, въ формѣ извлеченія изъ всеподданнѣйшаго отчета министра юстиціи за періодъ времени отъ 17 мая до 17 ноября 1866 года. Обнародованная во всеобщее свѣдѣніе часть этого отчета относится собственно до новыхъ судебныхъ учрежденій. Эта часть отчета начинается данными насчетъ устройства помѣщеній для новыхъ судебныхъ мѣстъ. Мы узнаемъ изъ этихъ данныхъ, что при спѣшности произведенныхъ работъ издержки на нихъ оказались вовсе не столь обременительными, какъ этого ожидали. На громадныя работы въ С.-Петербургѣ и Москвѣ употреблено до 338,000 р. сер. Устройство помѣщеній въ городахъ губернскихъ и судебныхъ потребовало еще меньшихъ расходовъ. На 14 окружныхъ судовъ въ с.-петербургскомъ и московскомъ судебныхъ округахъ потребовалось среднимъ числомъ на каждый судъ только 7,000 р. сер. Расходъ казны уменьшился отъ сдѣланныхъ земскими собраніями и городскими обществами пожертвованій. Отчетъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что, при всеобщемъ сочувствіи народа къ судебному преобразованію, надо ожидать такого же содѣйствія со стороны всѣхъ сословій и въ другихъ мѣстностяхъ, по мѣрѣ введенія въ нихъ судебной реформы, такъ что особенно обременительныхъ расходовъ для казначейства въ этомъ дѣлѣ отнюдь не предвидится.

Столь же умѣренны оказались и издержки на необходимыя для новыхъ судебныхъ установленій украшенія и мебель, а также на знаки для мировыхъ судей и судебныхъ приставовъ. Бо́льшая часть этихъ издержекъ (до 70,000 р. сер.) пришлась на обѣ столицы; остальные окружные суды потребовали среднимъ числомъ до 2,200 р. сер. на каждый.

Движеніе личнаго состава министерства юстиціи, вызванное введеніемъ судебной реформы, было весьма значительно. По новымъ судебнымъ установленіямъ за время, обнимаемое отчетомъ, было назначено и перемѣщено 532 лица, по прежнимъ еще дѣйствующимъ судамъ 979 лицъ.

Дѣятельность министерства по другимъ пріуготовительнымъ распоряженіямъ къ введенію судебной реформы была огромна. Ему приходилось имѣть неослабное наблюденіе за составленіемъ списковъ лицъ, имѣющихъ право быть избранными въ мировые

судьи, списковъ присяжныхъ засѣдателей, за своевременнымъ выборомъ и утвержденіемъ мировыхъ судей. При этомъ министерству приходилось разъяснять множество недоразумѣній, возникавшихъ вслѣдствіе новости дѣла. Кромѣ того, надо было составить и издать различныя правила, открыть комитеты для принятія прошеній о поступленіи въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, и разсматривать эти прошенія, снабдить новыя судебныя мѣста экземплярами Полнаго Собранія Законовъ и т. д.

Такая дѣятельность министерства юстиціи подготовила возможность безпрепятственнаго осуществленія судебной реформы, и 17 мая 1866 года, новые судебные уставы вступили въ силу въ с.-петербургскомъ и московскомъ округахъ, а въ ноябрѣ и декабрѣ того же года въ прочихъ 14 округахъ.

Переходя къ результатамъ судебной реформы, отчетъ начинаетъ заявленіемъ о томъ всеобщемъ сочувствіи, которымъ встрѣтила страна мировые суды. Онъ выставляетъ на видъ, что со времени открытія этихъ судовъ возбуждено громадное количество такихъ гражданскихъ исковъ, которые въ прежнихъ судахъ вовсе не возникали, или по своей малоцѣнности, или же по неимѣнію у истцовъ никакихъ формальныхъ доказательствъ, равно какъ и принесено мировымъ судьямъ множество жалобъ на такія притѣсненія и обиды, а также мелкія кражи и мошенничество, которыя прежде обиженные оставляли безъ послѣдствій.

При такомъ огромномъ количествѣ исковъ и жалобъ число мировыхъ судей, первоначально опредѣленное, оказалось недостаточнымъ. Въ Петербургѣ, напримѣръ, въ первое полугодіе существованія мировыхъ судей, на каждаго изъ нихъ пришлось среднимъ числомъ по 2,000 дѣлъ. Въ этомъ числѣ изъ 13,178 дѣлъ, по которымъ возможна была апелляція, въ мировой съѣздъ перенесено только 1,510 дѣлъ, а изъ нихъ только по 124-мъ дѣламъ мировой съѣздъ отмѣнилъ рѣшенія мировыхъ судей.

Въ Москвѣ на каждаго мирового судью пришлось по 1,800 дѣлъ. Рѣшеній, подлежащихъ апелляціи, оказалось 7,081; изъ нихъ обжалованы въ мировой съѣздъ 978, и измѣнены 151.

Приведенныя нами изъ отчета данныя въ высшей степени краснорѣчивы. Онѣ показываютъ лучше всякихъ громкихъ фразъ и огромное довѣріе народа къ мировымъ судамъ, и прекрасную дѣятельность мировыхъ судей, вполнѣ оправдывающую такое довѣріе.

Дѣятельность общихъ судебныхъ установленій оказалась не менѣе благотворною. И здѣсь сочувствіе страны къ новымъ судебнымъ порядкамъ сказалось сразу. Отчетъ совершенно справедливо считаетъ доказательствомъ такого сочувствія присутствіе многочисленной публики нетолько на процесахъ уголовныхъ, но и при подробномъ, иногда весьма продолжительномъ, разбирательствѣ процесовъ гражданскихъ. Объ участіи присяжныхъ въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ отчетъ говоритъ, что оно, и сопряженная съ нимъ торжественность отправленія правосудія, возвысили общее уваженіе къ судебнымъ установленіямъ, и вмѣстѣ

съ тѣмъ сблизили взаимнымъ довѣріемъ лицъ судебнаго вѣдомства со всѣми слоями общества. Далѣе отчетъ приводитъ весьма утѣшительные факты сочувствія, встрѣченнаго окружными судами при выѣздахъ ихъ въ уѣзды, для открытія временныхъ засѣданій съ присяжными засѣдателями. Отчетъ съ большою похвалою отзывается объ уѣздныхъ присяжныхъ засѣдателяхъ, состоявшихъ по большей части изъ крестьянъ (въ Ямбургѣ изъ 12 присяжныхъ было 11 крестьянъ). Они, по словамъ отчета, оправдали вполнѣ возложенныя на нихъ надежды, разрѣшая правильно и удовлетворительно, въ наибольшей части случаевъ, самые трудные вопросы. Отчетъ не забываетъ также и сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Онъ говоритъ, что единодушіе, съ которымъ оно относилось къ дѣйствіямъ судей и прокуроровъ, много способствовало успѣху новаго дѣла.

Разбираемый нами отчетъ кончается утѣшительнымъ заявленіемъ, что министерствомъ приняты уже всѣ мѣры и собрана громадная масса матеріаловъ для повсемѣстнаго введенія новыхъ судебныхъ установленій въ имперіи, въ назначенный для этого четырехлѣтній срокъ.

При отчетѣ приложена вѣдомость о движеніи дѣлъ въ общихъ судебныхъ установленіяхъ московскаго и с.-петербургскаго округовъ, съ 17 мая по 17 ноября 1866 года. Цифры этой вѣдомости столь же краснорѣчивы, какъ и данныя отчета, а можетъ быть и еще болѣе, потому что онѣ фактически доказываютъ громадное превосходство новыхъ судовъ. Мы возьмемъ здѣсь только нѣсколько цифръ по с.-петербургскому округу.

Въ с.-петербургскую палату за время, обнимаемое вѣдомостію, поступило 329 уголовныхъ и 60 гражданскихъ дѣлъ, въ окружной судъ 336 уголовныхъ и 1,930 гражданскихъ дѣлъ. Изъ нихъ палатою разрѣшено дѣлъ уголовныхъ 271, гражданскихъ 27, окружнымъ судомъ дѣлъ уголовныхъ 214, гражданскихъ 885. Изъ этихъ послѣднихъ на правѣ апеляціи 575; апеляціонныхъ жалобъ подано только 59.

Врядъ ли нужно прибавить что-либо къ этимъ цифрамъ. Онѣ, вмѣстѣ съ данными отчета, служатъ лучшимъ и блестящимъ доказательствомъ плодотворности судебной реформы.

Нѣкоторыя обстоятельства дѣлаютъ для насъ особенно драгоцѣнными всѣ эти данныя. Судебная реформа вызвала сочувствіе громаднаго большинства страны, но у нея, однакожь, нашлись, хотя и немногочисленные, но очень громко кричащіе противники, недовольные нѣкоторыми ея основными началами, въ особенности же началомъ полной равноправности передъ закономъ. Этимъ господамъ въ особенности не по сердцу мировыя учрежденія и судъ присяжныхъ. Они хотѣли бы измѣнить смыслъ этихъ учрежденій и съ этою цѣлію выбиваются изъ силъ, чтобы доказать присутствіе въ нихъ какихъ-то мнимо-революціонныхъ элементовъ. Чуть только рѣшеніе мирового судьи или присяжныхъ задѣнетъ чѣмъ-нибудь ихъ сословную спѣсь, они пускаются

кричать о ниспроверженіи порядка, о демократизмѣ и т. д. Имъ бы хотѣлось, чтобы мировой институтъ попалъ исключительно въ руки ихъ единомышленниковъ, а присяжные отнюдь не избирались изъ простого народа. Отчетъ министра юстиціи служитъ лучшимъ отвѣтомъ на вопли и доносы этихъ юродивыхъ. Онъ громко признаетъ нынѣшнія мировыя учрежденія заслужившими всеобщее сочувствіе и довѣріе, а къ присяжнымъ въ составѣ, опредѣляемомъ нынѣшнимъ цензомъ, относится съ такимъ уваженіемъ, послѣ котораго противники судебной реформы должны будутъ или замолчать, или же прямо обнаружить тѣ нечистыя цѣли, съ которыми швыряютъ они грязью въ учрежденія, сдѣлавшіяся въ короткое время своего существованія дорогими всѣмъ, кому дорого развитіе и нравственное совершенствованіе Россіи.

Громко и убѣдительно говоритъ само за себя великое дѣло судебной реформы! Съ первыхъ же шаговъ разсѣеваются, какъ дымъ, различныя нелѣпыя опасенія насчетъ возможности осуществленій ея. Оказывается, что мысль законодателя пала на благодарную почву, и на этой почвѣ, почти невоздѣланной, совершенно, казалось бы, неподготовленной, вырастаютъ точно чудомъ всѣ элементы, нужные для осуществленія великой реформы. Являются и судьи и присяжные повѣренные, вполнѣ удовлетворяющіе всѣмъ требованіямъ новыхъ порядковъ; оказывается, что великій принципъ суда присяжныхъ вѣренъ и въ Россіи, какъ оказался онъ вѣренъ вездѣ; изъ массы темнаго народа, еще вчера неимѣвшаго понятія о законности, вдругъ выходятъ присяжные засѣдатели, рѣшающіе совершенно правильно самые трудные юридическіе вопросы. Честь и вѣчная слава предугадавшему возможность всѣхъ этихъ чудесъ и неусомнившемуся тамъ, гдѣ сомнѣвались даже тѣ самые, на кого возлагалъ онъ свои надежды!

Обнародованіемъ бюджета и публичными заявленіями о своей дѣятельности министерствъ военнаго и юстиціи, не исчерпываются однакожь еще важные вопросы внутренней политики, занимавшіе наше общество въ теченіе двухъ послѣднихъ недѣль. Къ такимъ вопросамъ слѣдуетъ еще причислить уступку нашихъ сѣверо-американскихъ колоній и продажу въ частныя руки николаевской желѣзной дороги.

Всѣ извѣстія, имѣющіяся у насъ подъ рукой, объ уступкѣ Соединеннымъ Штатамъ нашихъ владѣній въ Сѣверной Америкѣ, получены изъ заграничнаго источника. Первое изъ такихъ извѣстій пришло по атлантическому телеграфу, и произвело въ публикѣ сильное недоумѣніе. Большинство отказывалось вѣрить полученной новости, особенно съ той минуты, какъ заграничныя телеграммы и газеты сообщили, что сѣверо-американскія колоніи уступаются за сумму въ 7.000,000 долларовъ, то-есть около 10.000,000 р. сер. Въ виду такой цифры становилось яснымъ, что предполагаемая уступка не могла имѣть характера финансовой операціи, какою является продажа николаевской желѣзной дороги, операціи, вызванной общимъ положеніемъ нашихъ финан-

совъ. Сумма, за которую уступались колоніи, была слишкомъ ничтожна.

Между тѣмъ очень многіе возлагали на наши сѣверо-американскія владѣнія большія надежды въ будущемъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ пронесся слухъ о находкѣ тамъ признаковъ золотоносныхъ розсыпей, хотя въ то же время всѣ были согласны, что въ настоящее время колоніи эти не приносятъ намъ никакой выгоды и находятся въ крайне неутѣшительномъ положеніи. Державшіеся такого мнѣнія въ особенности напирали на *политическое* значеніе этихъ колоній, на необходимость ихъ для развитія нашего комерческаго флота въ Тихомъ Океанѣ.

Понятно, что въ первые дни послѣ полученія неожиданнаго извѣстія общество волновалось и недовѣряло пришедшей изъ Америки новости, несмотря на то, что иностранные журналы сообщали ежедневно новыя подробности о совершившейся будто бы уже уступкѣ. Напряженное состояніе умовъ поддерживалась отчасти отсутствіемъ всякихъ оффиціальныхъ опроверженій или подтвержденій пришедшаго изъ-за границы слуха. Это напряженное состояніе отразилось и на журналистикѣ; русскія газеты отнеслись къ вопросу объ уступкѣ Америки съ тѣмъ же недовѣріемъ, какъ и общество, и статьи ихъ вызвали наконецъ со стороны «Journal de St. Pétersbourg» слѣдующую замѣтку очевидно офиціальнаго происхожденія.

«Телеграфическое извѣстіе объ уступкѣ нашихъ американскихъ колоній Соединеннымъ Штатамъ вызвало въ нѣкоторыхъ нашихъ журналахъ сужденія, по меньшей мѣрѣ преждевременныя.

«Чтобы оцѣнить сдѣлку какъ слѣдуетъ, необходимо знать ея подробности, мотивы и значеніе.

«Все, что мы можемъ сказать въ настоящее время, заключается лишь въ томъ, что сдѣлка обоюдо-выгодная, охраняющая пріобрѣтенныя права и подробности которой будутъ объявлены въ свое время, тѣмъ болѣе вѣроятна, что она можетъ имѣть послѣдствіемъ оживленіе торговли въ нашихъ портахъ Восточной Сибири, сообщеніе новаго движенія владѣніямъ, выгодами которыхъ мы не могли пользоваться какъ слѣдуетъ и, наконецъ, обеспеченіе полнаго удовлетворенія коммерческимъ и политическимъ интересамъ двухъ договаривающихся сторонъ въ Тихомъ Океанѣ.»

Для всякаго, кто мало-мальски привыкъ къ языку официальныхъ заявленій, коротенькая и лаконическая замѣтка «Journal de St. Pétersbourg» говорила весьма многое. Изъ нея, вопервыхъ, можно было убѣдиться, что заграничные слухи имѣли полное основаніе и уступка нашихъ американскихъ колоній рѣшена, если еще не совершилась, а вовторыхъ — и это было всего важнѣе, что выгоды такой сдѣлки вовсе не ограничиваются суммою денегъ, уплачиваемою намъ за колоніи, а лежатъ въ области другихъ соображеній высшаго разряда, чѣмъ временная поправка нашихъ разстроенныхъ финансовъ. Внимательно вчитываясь въ за-

мѣтку «Journal de St. Pétersbourg», мы находимъ въ ней, вопервыхъ, слѣдующее выраженіе, наводящее насъ на только что высказанную мысль. «Она (то-есть сдѣлка) можетъ имѣть послѣдствіемъ... сообщеніе *новаго движенія владѣніямъ, выгодами которыхъ мы не могли пользоваться какъ слѣдуетъ*»...

Всякій, конечно, спроситъ себя при этомъ, о какихъ владѣніяхъ идетъ тутъ рѣчь, и подумавъ немного, придетъ къ убѣжденію, что замѣтка нашей французской газеты намекаетъ на *Амуръ*. Дѣйствительно, изъ всѣхъ нашихъ владѣній въ Восточной Сибири, о которыхъ только и можетъ идти рѣчь въ настоящемъ случаѣ, одинъ Амуръ подходитъ подъ опредѣленіе «владѣній, выгодами которыхъ мы не могли пользоваться, какъ слѣдуетъ». Отъ нашихъ амурскихъ поселеній мы можемъ ожидать многаго, если только исчезнетъ то отсутствіе движенія, которое парализуетъ ихъ производительныя силы.

Далѣе «Journal de St.-Pétersbourg» говоритъ, что уступка нашихъ американскихъ колоній обезпечитъ намъ нетолько коммерческіе, но и *политическіе* интересы на Тихомъ океанѣ.

Это уже менѣе ясно, но все-таки утѣшительно. Такъ-какъ одна изъ главнѣйшихъ причинъ, по которымъ общественное мнѣніе встревожилось продажей нашихъ колоній въ Америкѣ, состояло именно въ опасеніи, что утративъ колоніи эти, мы лишимся всякого политическаго значенія на дальнемъ Востокѣ, то заявленіе, что продажа эта, напротивъ, обезпечитъ наши политическіе интересы въ Тихомъ океанѣ, должно было значительно успокоить общественное мнѣніе.

Наконецъ въ замѣткѣ «Journal de St.-Pétersbourg» заключается еще нѣчто въ родѣ обѣщанія, что подробности, мотивы и значеніе сдѣлки будутъ въ свое время объяснены публикѣ надлежащимъ образомъ, слѣдовательно, что правительство не имѣетъ никакихъ причинъ скрывать побужденія, вызвавшія его согласіе на эту сдѣлку.

Послѣ такихъ заявленій, имѣвшихъ очевидно офиціальный характеръ, общественному мнѣнію оставалось только подавить возникшее въ немъ безпокойство и ожидать обѣщанныхъ ему категорическихъ объясненій.

Надо полагать, что такія объясненія не замедлятъ, потому что по иностраннымъ извѣстіямъ, въ справедливости которыхъ мы отнынѣ не имѣемъ никакихъ причинъ сомнѣваться, уступка русскихъ сѣверо-американскихъ колоній Соединеннымъ Штатамъ сдѣлалась уже совершившимся фактомъ. Трактатъ объ этой уступкѣ уже подписанъ русскимъ посланникомъ въ Уашингтонѣ и министромъ иностранныхъ дѣлъ республики г. Сюардомъ и утвержденъ уашингтонскимъ сенатомъ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ всякія разсужденія о значеніи совершившейся уже уступки были бы преждевременны. Когда будутъ обнародованы подробности и мотивы этой сдѣлки и изложенъ взглядъ

правительства на ея значеніе, мы возвратимся снова къ ней, а покамѣсть, ограничимся сказаннымъ.

По другому вопросу, сильно занимавшему и волновавшему въ послѣднее время общественное мнѣніе, именно по вопросу о продажѣ николаевской желѣзной дороги въ частныя руки, правительство дало странѣ категорическое объясненіе, въ видѣ статьи, появившейся въ «Сѣверной Почтѣ» и нетолько объясняющей мотивы продажи, но еще и возражающей на замѣчанія, возбужденныя этимъ вопросомъ въ журналистикѣ и въ обществѣ.

Статья объясняетъ продажу николаевской дороги необходимостью продолжать сооруженіе начатыхъ правительствомъ желѣзныхъ дорогъ. По словамъ статьи, эта продажа должна служить, такъ-сказать, краеугольнымъ камнемъ цѣлой системы, состоящей въ томъ, что на деньги, вырученныя отъ продажи уже готовой желѣзной дороги, правительство будетъ продолжать постройку другихъ линій, которыя въ свою очередь доставятъ продажею ихъ капиталъ для постройки новыхъ вѣтвей и т. д. до тѣхъ поръ, пока не осуществится вся рельсовая сѣть, необходимая для благосостоянія страны и правильнаго развитія ея производительности. Другими словами, капиталъ, вырученный продажею николаевской дороги, долженъ послужить основнымъ капиталомъ особаго желѣзно-дорожнаго фонда.

Противъ такого объясненія врядъ ли можно что нибудь возразить. Польза новой системы очевидна, и остается только желать, чтобъ никакія непредвидѣнныя обстоятельства не заставили измѣнить назначенія капитала, который будетъ вырученъ продажею николаевской желѣзной дороги, какъ случилось это съ двумя внутренними займами, заключонными именно съ цѣлью усиленія дѣятельности построекъ рельсовыхъ путей, а между тѣмъ получившихъ въ большей части вырученныхъ ими капиталовъ совершенно другое назначеніе.

Гораздо менѣе неотразимы аргументы статьи «Сѣверной Почты», касающіеся отсутствія всякой опасности передачи въ руки иностранной компаніи такой важной стратегической линіи, какъ николаевская желѣзная дорога. Сущность этихъ аргументовъ основана на слѣдующихъ соображеніяхъ. Передать въ руки иностранной компаніи правительственную желѣзную дорогу—то же самое, что дать такой компаніи концесію на постройку желѣзнаго пути. Въ обоихъ случаяхъ интересы государства обезпечены отъ всевозможныхъ посягательствъ совершенно одинаковыми условіями. Акціонерныя компаніи никогда не имѣютъ исключительно національнаго характера. Если опытъ обнаружилъ нѣкоторыя неудобства постройки въ Россіи желѣзныхъ дорогъ иностранными компаніями и инженерами, то онъ же свидѣтельствуетъ, что участіе иностранцевъ при надлежащемъ правительственномъ контролѣ не влечетъ за собою никакихъ вредныхъ послѣдствій.

Такая аргументація несовсѣмъ-то ясна. Изъ нея, напримѣръ, выходятъ двѣ противорѣчащія одна другой посылки. Въ самомъ

дѣлѣ, сначала говорится, что эксплуатація купленной у правительства готовой дороги частною компаніей ничѣмъ не отличается отъ концесія, данной такой компаніи на постройку новой дороги — въ обоихъ случаяхъ интересы правительства обезпечены. Далѣе слѣдуетъ сознаніе, что опытъ обнаружилъ нѣкоторыя неудобства постройки въ Россіи желѣзныхъ дорогъ иностранными компаніями... Если это такъ, то, послѣ приравненія концесій на постройку съ продажей уже готовой дороги частной компаніи, слѣдуетъ заключить, что и при такой продажѣ, если она будетъ сдѣлана иностранцамъ, обнаружатся тѣ же самыя «нѣкоторыя неудобства». Такова первая посылка.

Между тѣмъ, вторая прямо ей противорѣчитъ. Статья ссылается на тотъ же опытъ для доказательства, что участіе иностранцевъ, при надлежащемъ правительственномъ контролѣ, не влечетъ за собой никакихъ вредныхъ послѣдствій.

Согласовать эти двѣ посылки можно только однимъ предположеніемъ, именно тѣмъ, что въ ту эпоху, когда опытъ обнаружилъ неудобства постройки желѣзныхъ дорогъ въ Россіи иностранными компаніями, надъ этими компаніями не существовало надлежащаго правительственнаго контроля. Такое предположеніе было бы болѣе чѣмъ страннымъ, и всѣмъ извѣстно, что неудачи предпріятій главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, вызванныя, какъ это нынѣ уже неоспоримо доказано, чисто-политическими да еще національно-французскими соображеніями, вовсе не зависѣли отъ недостатка надлежащаго правительственнаго контроля.

Все это заставляетъ общество и послѣ статьи «Сѣверной Почты» настоятельно желать, чтобъ николаевская желѣзная дорога, такъ-какъ продажа ея уже рѣшена — была продана въ русскія руки. Примѣръ другихъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ тутъ не подходитъ, ни одна изъ нихъ не имѣетъ такого важнаго политическаго и стратегическаго значенія, какъ николаевская дорога. Именно *ее*, да еще будущій желѣзный путь, который соединитъ Москву съ Чернымъ моремъ, всего менѣе желательно видѣть въ рукахъ иностранцевъ...

Въ прошедшей нашей хроникѣ мы сообщили нѣкоторыя подробности о прибытіи въ Петербургъ туркестанской депутаціи. Извлекаемъ нынѣ изъ «Инвалида» данныя о пріемѣ этой депутаціи государемъ императоромъ.

Пріемъ этотъ происходилъ 26 марта, въ воскресенье, передъ разводомъ. Депутаты были собраны въ такъ-называемой Золотой залѣ Зимняго дворца. Государя императора сопровождала многочисленная свита, при депутаціи находился генерал-губернаторъ оренбургскаго края, военный губернаторъ Туркестанской Области, завѣдывающій ташкентскимъ райономъ и еще нѣкоторые изъ служащихъ въ области. Адресъ туркестанцевъ былъ поднесенъ потомкомъ мусульманскаго святого, султана Азрета, депутатомъ отъ города Туркестана, Шейхъ-Исламомъ, на серебряномъ подносѣ туземной работы вмѣстѣ съ образчиками

бумажныхъ и шелковыхъ издѣлій изъ Ходжента. Государь милостиво выслушалъ привѣтствіе и обратился къ депутатамъ съ нѣсколькими благосклонными словами. Затѣмъ, обходя депутатовъ и обращаясь ко многимъ изъ нихъ, его величество собственноручно жаловалъ каждому кресты, медали и перстни. Депутату отъ Ташкента Сеидъ-Азиму даровано было званіе русскаго почетнаго гражданства. Кромѣ того, государь приказалъ выдать депутатамъ щедрые подарки, и приказалъ показать имъ эрмитажъ и дворецъ.

Туркестанская депутація пробыла въ Петербургѣ еще довольно времени послѣ высочайшаго пріема. Она присутствовала при торжественномъ открытіи часовни, воздвигнутой у Лѣтняго Сада въ память счастливаго, исхода событія 4-го апрѣля 1866 года. Это открытіе произошло въ годовщину избавленія жизни государя, и привлекло огромную массу зрителей, несмотря на крайне-неблагопріятную погоду. Вновь открытая часовня очень изящна.

Къ предметамъ, занимающимъ умы петербургской публики и нелишеннымъ косвенной связи съ нашей внутренней политикой, должно отнести приготовляемую частными лицами торжественную встрѣчу представителямъ разныхъ славянскихъ племенъ, ѣдущимъ въ Москву на этнографическую выставку. Въ числѣ славянскихъ гостей, ѣдутъ въ Россію два свѣтила славянскаго міра, *Палацкій* и *Ригеръ*. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ имъ готовится пріемъ, который покажетъ, какъ велико сочувствіе русскаго народа къ его славянскимъ братьямъ, какъ прочна племенная связь между нами и славянами, находящимися подъ иноплеменнымъ владычествомъ. Хотя приготовляющаяся демонстрація не имѣетъ никакого политическаго характера, она, безъ сомнѣнія, произведетъ сильное впечатлѣніе въ Европѣ, показавъ всю безплодность усилій западной политики разорвать окончательно связь между русскимъ народомъ и славянскими племенами...

Отъ нашей племенной связи съ славянами къ восточному вопросу — одинъ шагъ, а потому мы и начнемъ съ него обозрѣніе иностранной политики. Затишье въ восточномъ кризисѣ продолжается. Усилія западныхъ дипломатовъ достигли отчасти своей цѣли: катастрофа, казавшаяся столь близкою и неминуемою, отсрочена на нѣкоторое время, но на долго ли?—это еще вопросъ. Періодъ дипломатическихъ переговоровъ продолжается. Западныя державы стараются убѣдить Порту въ необходимости уступить, но замѣчательно, что съ нѣкоторыхъ поръ правительство султана стало обнаруживать довольно упорную неуступчивость. Оно вѣжливо, но твердо отклоняетъ всѣ предложенія посланниковъ державъ, заинтересованныхъ въ восточномъ вопросѣ, и снова стало утверждать, будто возстаніе въ Кандіи кончено, и безпокоиться не о чемъ, потому что въ Константинополѣ засѣдаютъ кандійскіе депутаты, съ которыми Порта и ведетъ переговоры объ устройствѣ острова. Напрасно возражаютъ на это дивану послан-

ники, что кандійская депутація — жалкая комедія, и что условія, заключенныя съ нею, не будутъ имѣть никакой силы; напрасно предлагаютъ они (кромѣ русскаго посланника) то уступку Кандіи Греціи, и обезпеченіе Турціи прочихъ ея владѣній; то, наконецъ, простое пріостановленіе военныхъ дѣйствій и плебисцитъ, на которомъ кандійцы свободно выскажутъ свои желанія... На всѣ эти предположенія, великій визирь Фуад-Паша отвѣчаетъ отказомъ, и въ то же время посылаетъ на Кандію Омер-Пашу для немедленнаго и безпощаднаго подавленія возстанія...

Ясно, что дипломатическіе переговоры, приведшіе къ такимъ результатамъ, должны считаться вполнѣ неудачными, и продолжаться не могутъ. Минута, когда борьба турецкихъ христіанъ съ Портою вспыхнетъ съ новою силою — приближается... Сожалѣть объ этомъ ужь конечно не слѣдуетъ — чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, и надобно желать только одного, чтобъ западныя державы не вмѣшивались въ эту борьбу, и предоставили Турцію ея собственной участи. Этого требуетъ простая справедливость, и конечно Россія, наиболѣе сочувственно расположенная къ интересамъ турецкихъ христіанъ, не преминетъ употребить все свое нравственное, а въ случаѣ нужды, и матеріальное вліяніе, для того, чтобъ западныя державы не мѣшали единственному мыслимому рѣшенію восточнаго вопроса.

Споръ, идущій нынѣ на Балканскомъ полуостровѣ, долженъ быть разрѣшенъ между тамошними христіанами и Портою. Такое рѣшеніе одно и естественно и справедливо. Европѣ мѣшаться въ дѣло не слѣдуетъ, и только одна Греція, какъ по своему географическому положенію, такъ и по тяготѣнію къ ней весьма значительной части турецкихъ христіанъ, имѣетъ право голоса и дѣятельнаго участія въ этомъ спорѣ. Что же касается до Франціи, Англіи и Австріи, то онѣ не могутъ вмѣшиваться въ дѣло, не вызвавъ возраженій и сопротивленія Россіи, и слѣдовательно, не угрожая Европѣ общимъ потрясеніемъ.

Впрочемъ, у Запада и безъ восточнаго вопроса достаточно причинъ къ такому потрясенію. Когда въ прошедшей нашей хроникѣ, по первымъ признакамъ возникновенія люксембургскаго вопроса, мы говорили, что на материкѣ Европы собирается буря, грозитъ возможность столкновенія между Германіей и Франціей, мы были болѣе близки къ истинѣ, чѣмъ это можно было предполагать въ то время.

Съ той поры люксембургскій вопросъ пріобрѣлъ преобладающее значеніе въ европейской политикѣ и поглотилъ всеобщее вниманіе. Онъ уже успѣлъ пережить, такъ-сказать, три, рѣзко различныя эпохи. Первою эпохою было время, когда переговоры между Франціей и Голландіей объ уступкѣ герцогства люксембургскаго шли, повидимому, къ благополучному окончанію. Уступка уже была рѣшена, какъ вдругъ декораціи перемѣнились, очевидно, по манію жезла графа Бисмарка, хотя онъ и до сихъ поръ не

сознался въ этомъ. Въ Германіи внезапно поднялась страшная буря, и народъ и сѣверо-германскій парламентъ стали громко протестовать противъ отдачи Франціи германской земли. Начались митинги, демонстраціи. Во время всей этой эфектной сумятицы нѣмцевъ, возбудившее ее изъ-подъ руки прусское правительство держалось необыкновенно осторожно. Графъ Бисмаркъ, по справедливому замѣчанію одного французскаго журналиста, искусно прятался за народъ, и все болѣе и болѣе ставилъ свое правительство въ такое положеніе, чтобъ въ случаѣ, еслибъ онъ нашелъ нужнымъ объявить войну Франціи изъ-за Люксембурга, можно бы было утверждать, что къ такой войнѣ принудилъ прусское правительство германскій народъ.

Искусно разыгранная комедія возымѣла свое дѣйствіе. Вся Германія запылала враждой и ненавистью къ французамъ, а голландское правительство оробѣло, и взяло назадъ данное уже Франціи слово. Наполеонъ увидалъ, что достигнуть присоединенія Люксембурга ему будетъ невозможно иначе, какъ переговорами съ Прусіею; а это было равносильно полной неудачѣ затѣяннаго предпріятія, потому что Прусія согласилась бы на уступку Люксембурга не иначе, какъ на самыхъ оскорбительныхъ для Франціи условіяхъ.

Тяжело было императору Наполеону это новое дипломатическое пораженіе! Разсказываютъ, что когда онъ получилъ извѣстіе о немъ, онъ поблѣднѣлъ и нѣсколько минутъ не могъ выговорить ни одного слова. Положеніе его было, дѣйствительно, непріятное. Стеченіе обстоятельствъ дѣлало люксембургское фіаско страшно оскорбительнымъ для самолюбія французовъ. Прусія, несмотря на свою притворную умѣренность, принимала, очевидно, угрожательное положеніе; народныя демонстраціи въ Германіи дразнили и раздражали французовъ, у которыхъ раздавались еще въ ушахъ зловѣщія предсказанія Тьера объ опасностяхъ, которыми грозитъ Франціи объединеніе Германіи. Вынести все это спокойно не въ силахъ была «великая нація»; ею охватило воинственное головокруженіе, она рвалась помѣряться съ пруссаками... Еслибъ Наполеонъ съумѣлъ воспользоваться этой минутою, ему бы, можетъ быть, удалось поправить ошибки прошлаго лѣта; но нынѣшній императоръ французовъ уже не тотъ смѣлый предводитель заносчиваго народа, какимъ былъ онъ въ эпоху крымской и итальянской войны, да и обстоятельства нынѣ другія. Съ имѣющеюся у него подъ рукою арміею нечего было и думать вступить въ борьбу съ пруссаками, или вѣрнѣе сказать, съ Германіею, всѣ войска которой, за немногими исключеніями, находятся въ настоящую минуту въ распоряженіи прусскаго короля. Правда, примѣръ 1792 и 1793 годовъ показалъ, на что способны французы, когда задѣто за живое ихъ національное самолюбіе; но, увы! прибѣгать къ революціоннымъ средствамъ той эпохи боится нынѣ избранникъ революціи 1848 года. Пятнадцатилѣтнее наслажденіе властію усыпило въ немъ прежняго человѣка;

онъ попалъ въ руки близорукихъ консерваторовъ и обращаться къ народу не рѣшается, опасаясь, что такое обращеніе потрясетъ прежде всего его власть, которою онъ въ настоящее время дорожитъ болѣе, чѣмъ величіемъ избравшей его страны и значеніемъ ея въ Европѣ.

Руководствуясь такими соображеніями, діаметрально противоположными стремленіямъ страны, Наполеонъ, повидимому, рѣшился еще разъ покориться силѣ неблагопріятныхъ для него обстоятельствъ. Правда, онъ сдѣлалъ это не сразу, не безъ попытокъ добиться своей цѣли средствами, не разъ удававшимися ему въ прежнее, увы! невозвратно, повидимому, минувшее для него время. Была минута, когда Европа полагала, что она переживаетъ канунъ страшной, опустошительной войны. Въ французской арміи начались дѣятельныя вооруженія; на улицахъ Парижа, какъ въ эпоху послѣднихъ дней передъ итальянской кампаніей, опять стали продавать невозбранно, и даже вѣроятно съ поощренія полиціи, давно уже запрещенную марсельезу. Всѣ французскіе, прусскіе и австрійскіе фонды упали...

Еслибъ въ эту минуту графъ Бисмаркъ хоть на шагъ уступилъ въ своей непреклонной политикѣ, дѣло Наполеона могло бы быть выиграннымъ; но прусскій министръ выдержалъ характеръ. Воинственнымъ приготовленіямъ французскаго правительства онъ противопоставилъ патріотическій энтузіазмъ германцевъ, и снова выигралъ затѣянную партію. Наполеонъ понялъ, что противника его не запугаешь одними угрозами, понялъ — и смирился. Люксембургскій вопросъ снова вступилъ въ область дипломатическихъ переговоровъ, а въ настоящую минуту, повидимому, переданъ на разсмотрѣніе Австріи, Англіи и Россіи. Ихъ рѣшенія ожидаютъ Франція, Голандія и Прусія, и приступятъ снова къ прямымъ переговорамъ не прежде, какъ выслушавъ мнѣнія державъ-посредницъ.

Это, однакожь, вовсе еще не значитъ, чтобъ опасность столкновенія между Франціей и Прусіей миновала. Люди опытные въ политикѣ думаютъ, напротивъ, что опасность эта существуетъ во всей силѣ, и только отсрочена дипломатическимъ вмѣшательствомъ державъ-посредницъ. Они убѣждены, что это вмѣшательство ни въ какомъ случаѣ не приведетъ къ удовлетворительному рѣшенію люксембургскаго вопроса, и считаютъ войну изъ-за него почти неизбѣжною.

Есть причины полагать, что въ Тюильри и въ Берлинѣ держатся того же мнѣнія, потому что вооруженія французской арміи продолжаются, и Прусія тоже не покоится на лаврахъ Садовой и Кёнигсгреца, а дѣятельно организуетъ войска Сѣверо-германскаго Союза, и ведетъ какіе-то таинственные переговоры съ южно-германскими государствами.

Во внутренней политикѣ Франціи за это время не произошло ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ отставки графа Валевскаго, сложившаго съ себя званіе президента законодательнаго

корпуса. Эта отставка была вызвана, говорятъ, претензіями государственнаго министра Руэра, который былъ недоволенъ безпристрастіемъ Валевскаго, позволявшаго депутатамъ оппозиціи вещи, которыя были крайне непріятны для правительства. Валевскій прямо мотивировалъ свою отставку нежеланіемъ «вносить раздоръ въ правительственныя сферы», и съ тѣхъ поръ пріобрѣлъ нѣкоторую популярность въ либеральномъ лагерѣ. На мѣсто его назначенъ вице-президентъ Шнейдеръ, человѣкъ довольно опытный въ веденіи преній, но тоже не очень-то податливый на требованія министровъ, такъ что Руэръ врядъ ли много выигралъ отъ этой перемѣны.

Такъ-какъ помимо люксембургскаго вопроса вниманіе парижанъ поглощено по преимуществу всемірною выставкою, то остальные политическіе вопросы на время отодвинулись въ сторону, и даже оппозиція ведетъ какъ-то вяло свою борьбу съ правительствомъ. Одна только журналистика не унимается, и въ главѣ оппозиціонныхъ газетъ стоитъ въ настоящую минуту «Liberté» Эмиля де-Жирардена, съ неслыханнымъ ожесточеніемъ нападающая на правительство. Недавно, въ отмѣстку за эти нападки, ее запретили продавать отдѣльными нумерами на улицахъ, но Жирарденъ не упался: съ слѣдующаго-же послѣ запрещенія дня онъ сталъ ежедневно печатать число расходящихся экземпляровъ его газеты; оказалось, что число это быстро увеличивается...

Совсѣмъ другое дѣло происходитъ въ Пруссіи. Тамъ серьёзно и неуклонно продолжается созидательная работа. Германскій парламентъ кончилъ свое дѣло, т.-е. утвердилъ наконецъ конституцію Союза. И въ этомъ случаѣ берлинское правительство обнаружило ту мудрую уступчивость, которая такъ много помогла его примиренію съ народомъ въ послѣднее время. Оно согласилось на множество поправокъ, сдѣланныхъ парламентомъ въ представленномъ имъ проектѣ конституціи, выговоривъ за это и съ его стороны нѣкоторыя уступки. Это привело къ взаимному соглашенію, и въ настоящую минуту конституція утверждена парламентомъ и принята всѣми правительствами Союза. Окончивъ свой трудъ, парламентъ былъ распущенъ рѣчью короля Вильгельма, исполненною радостной гордости, происходящей отъ сознанія величности соверменнаго дѣла. Въ рѣчи этой не упоминается о люксембургскомъ вопросѣ, но есть фраза, которая можетъ считаться косвенною угрозою Франціи. Король говоритъ, что для обезпеченія Германіи мира, ей «прежде всего слѣдуетъ *воспользоваться своимъ вновь пріобрѣтеннымъ могуществомъ*», что, пожалуй, можетъ быть переведено такъ: «чтобъ обезпечить себя отъ попытокъ Франціи, Германія должна теперь же направить противъ нея всѣ свои вновь организованныя громадныя силы»...

Австрія попрежнему продолжаетъ стоять въ сторонѣ отъ общеевропейскихъ дѣлъ. Австрійскіе государственные люди сосредоточились исключительно на приведеніи въ дѣйствіе созданной ими дуалистической государственной машины. Теперь уже

становится вполнѣ яснымъ, что баронъ фон-Бейстъ намѣренъ осуществить до послѣднихъ предѣловъ порядокъ вещей, требуемый системою дуализма. Всѣ славянскія племена по ту сторону Лейты отданы безжалостно на жертву мадьярамъ, и должны быть поглощены венгерской централизацiей въ то время, какъ по сю сторону Лейты воцаряется полное господство нѣмцевъ. Само собою разумѣется, что это не можетъ нравиться славянамъ, стремящимся, напротивъ, къ автономiи, и результатомъ новой политики Австрiи будетъ неизбѣжно созданiе сплоченной воедино оппозицiи всѣхъ славянъ, подвластныхъ скипетру Габсбурговъ. Волненiе и недовольство все болѣе и болѣе охватываютъ славянскія провинцiи. Въ Чехiи, въ Моравiи и въ южныхъ славянскихъ земляхъ съ каждымъ днемъ получаетъ все болѣе популярности имя Россiи. Мы, конечно, не будемъ предсказывать исхода этому движенiю, но врядъ ли не послужитъ оно сигналомъ къ распаденiю австрiйской монархiи...

Въ Италiи совершилось политическое событiе, которое можетъ имѣть на ея судьбы огромное влiянiе, къ сожалѣнiю, въ неблагопрiятномъ смыслѣ. Министерство Рикасоли пало и замѣнено министерствомъ... Ратацци. Такой оборотъ дѣлъ врядъ ли кто предвидѣлъ. Со временъ Аспромонте, Ратацци казался невозможнымъ государственнымъ человѣкомъ, а бракъ его съ дальнею родственницею императора Наполеона, княгинею Марiею-де-Сольмсъ, еще усилилъ эту невозможность. Для итальянскихъ либераловъ Ратацци — олицетворенiе ненавистнаго имъ французскаго влiянiя и вражды къ окончательному объединенiю Италiи, посредствомъ присоединенiя Рима. И вдругъ этотъ человѣкъ, заклейменный, презираемый всѣми, еще несмывшiй со своихъ рукъ аспромонтской крови, является опять во главѣ итальянскаго правительства, и въ какую минуту? Когда очищенiе Рима отъ французскихъ войскъ сдѣлало близкою минуту осуществленiя завѣтныхъ желанiй итальянцевъ, когда недавнiй союзъ съ Пруссiей показалъ флорентинскому кабинету, что онъ отлично можетъ обходиться безъ дорого стоющаго союза съ Наполеономъ!... Ратацци уже успѣлъ отчасти и высказаться. Онъ объявилъ парламенту, что будетъ всѣми силами препятствовать безумнымъ попыткамъ; а въ устахъ виновника аспромонтской катастрофы эта фраза понятна каждому... Такъ-какъ со временемъ вступленiя Ратацци во власть совпадаютъ слухи о предстоящемъ союзѣ между Францiей и Италiей, то, по всей вѣроятности, новый министръ намѣренъ осуществить всю свою анти-нацiональную программу, втянувъ Италiю въ союзъ, который нынѣ будетъ уже нетолько непопуляренъ, но и опасенъ, потому что графъ Бисмаркъ, видя неблагодарность Италiи, пожалуй, не задумается купить союзъ Австрiи цѣною обѣщанiя помочь ей воротить *добровольно* уступленную Венецiю. Наживать себѣ врага въ Пруссiи, врядъ ли благоразумно для флорентинскаго правительства, особенно въ настоящую минуту.

Трудно понять причины, заставившія короля Виктора-Эммануила промѣнять Рикасоли на Ратацци... Нѣкоторые политическіе вѣстовщики утверждають, будто этотъ послѣдній только маска, за которою скрывается Чальдини. Если это такъ, то почему же выбранъ именно Ратацци, а не кто другой? Чальдини, какъ извѣстно, вовсе не расположенъ къ союзу съ Франціей, а между тѣмъ, его, хотя бы и замаскированное, присутствіе въ главѣ правительства предполагаетъ приготовленія къ войнѣ. Противъ кого? Это, въ такомъ случаѣ, трудно рѣшить. Съ Франціей противъ Пруссіи Чальдини не станетъ драться; съ Пруссіей противъ Франціи?... но въ такомъ случаѣ, что же дѣлаетъ въ министерствѣ сторонникъ французскаго союза, супругъ Маріи де-Сольмсъ? Только время разъяснитъ эту странную путаницу; но пока время идетъ, непопулярность правительства, избравшаго Ратацци, будетъ все болѣе и болѣе усиливаться, и одинъ Богъ знаетъ, къ чему приведетъ все это бѣдную Италію...

Процесъ адмирала Персано, обвиненнаго за пораженіе при Лиссѣ, конченъ. Итальянскій сенатъ призналъ его виноватымъ въ упущеніяхъ по службѣ и приговорилъ къ лишенію званія адмирала. Показанія свидѣтелей обнаружили, что Персано былъ нетолько нераспорядителенъ, но еще и выказалъ отсутствіе личной храбрости.

Внутренняя политика Англіи не представляетъ ничего интереснаго для Европы. Вопросъ о парламентской реформѣ опять попалъ въ колею замедленій. На дняхъ виги потерпѣли весьма серьёзное пораженіе. Предположенныя Гладстономъ поправки къ биллю о реформѣ Дизраэли были отвергнуты довольно значительнымъ для нынѣшняго парламента большинствомъ. Между тѣмъ, вопросъ объ этихъ поправкахъ былъ кабинетнымъ вопросомъ для министерства Дерби. Такъ-какъ оно энергически противилось имъ, то еслибъ онѣ были приняты, министерству пришлось бы подать въ отставку.

Это однакожь не значитъ еще, что билль Дизраэли пройдетъ окончательно. По всей вѣроятности, виги употребятъ всѣ усилія, чтобъ недопустить третьяго чтенія билля, т.-е. его утвержденія. Позволить, чтобъ вопросъ о парламентской реформѣ былъ окончательно рѣшенъ торискимъ министерствомъ, было бы непростительнымъ промахомъ, и надолго бы скомпрометировало либеральную партію. Гладстонъ, Россель и Брайтъ никогда не допустятъ до этого. Рѣшительная битва еще впереди, и врядъ ли она кончится въ пользу торіевъ.

Въ иностранной политикѣ Англіи попрежнему замѣтны нерѣшительность и колебанія. Въ восточномъ вопросѣ она опять какъ будто бы начинаетъ склоняться на сторону турокъ до того, что черезъ посредство французскаго посланника въ Константинополѣ, г. Буре, предложила, говорятъ, недавно Портѣ, чтобъ блокада Кандіи была поручена англійскому адмиралу; въ вопросѣ люксембургскомъ сент-джемскій кабинетъ держится до сихъ поръ совершенно въ сторонѣ. Даже уступка русскихъ колоній въ Аме-

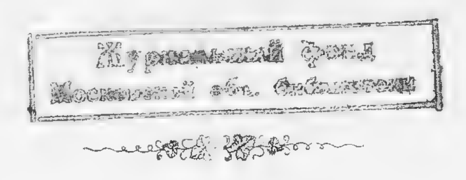
рикѣ Соединеннымъ Штатамъ оставила его спокойнымъ. Правительство объявило въ парламентѣ, что уступка эта не должна тревожить Англію, да тѣмъ все дѣло и кончилось...

Въ Испаніи продолжаетъ господствовать царство террора и реакціи. Нарваэсъ торжествуетъ, и роковое слово одного маршала, объявившаго королевѣ Изабеллѣ, что управлять ея королевствомъ можно только посредствомъ деспотизма, до сихъ поръ еще не встрѣтило фактическаго опроверженія.

Греческій король выѣзжаетъ изъ Аѳинъ 12-го (24-го) апрѣля для путешествія по Европѣ. Извѣстно, что съ этимъ путешествіемъ связываютъ сватовство его эллинскаго величества съ русскою великою княжною.

Сербскій князь Михаилъ возвратился изъ Константинополя въ Бѣлградъ, гдѣ былъ принятъ восторженно. По дорогѣ онъ заѣзжалъ въ Бухарестъ къ князю Карлу румынскому. Турецкія войска вышли изъ сербскихъ крѣпостей. Сербы торжествуютъ, но другіе славяне, да, кажется, и самъ князь Михаилъ, не очень-то довольны такимъ исходомъ дѣла. Князь, повидимому, не ожидалъ такой уступчивости Порты къ его требованіямъ, и готовился сдѣлать изъ нихъ поводъ къ общему возстанію турецкихъ славянъ подъ предводительствомъ Сербіи. Теперь онъ, говорятъ, раскаявается, что не потребовалъ себѣ главенства надъ Босніей и Герцеговиной. Особенно недовольны черногорцы, которые совсѣмъ уже было-приготовились къ возстанію.

Послѣднія извѣстія изъ Мексики заставляютъ предполагать, что для Максимиліана наступаетъ критическая минута: хуаристы тѣснятъ его все болѣе и болѣе, и опасность, которой онъ подвергается, такъ велика, что, по заграничнымъ извѣстіямъ, уашингтонскій министръ иностранныхъ дѣлъ Сьюардъ уже обратился къ Хуаресу съ просьбой, чтобъ, въ случаѣ захвата Максимиліана, онъ обращался съ нимъ, какъ съ военноплѣннымъ. Недавно пронесся-было даже слухъ, что Максимиліанъ убитъ хуаристами, но, къ счастію, этотъ слухъ не подтвердился.

MELTZER. Mélodie champêtre. Pièce de salon (1 p. 30 к.).
MENDELSSOHN-BARTHOLDY. Marche militaire d'Athalie (60 к.). Hochzeits-Marsch aus Sommernachts-traum (60 к.). Ouvertures: Athalia (1 р. 40 к). Les Hebrides (1 р. 40 к.). Ruy Blas (1 р. 15 к.).
REISSIGER. Die Felsenmühle. Ouverture (1 р. 30 к.).
WEBER. Der Freischütz. Ouverture (1 р.).
ДАРГОМЫЖСКІЙ. Малороссійскій Казачокъ. Фантазія въ 4 руки 1 р. 50 к.).
ШУБЕРТЪ. Букетъ изъ русскихъ пѣсенъ. Попурри, исполненный съ большимъ успѣхомъ оркестромъ г. Фюрстно въ Павловскѣ (1 р. 50 к.).
LACHNER. Marche célèbre de la 1-re Suite (75 к.).
VOSS. Fantaisies brillantes: La Juive, Lucrezia Borgia, Huguenots, Martha (по 1 р. 30 к.).
WAGNER. Marche et choeur de l'opéra Tannhäuser (1 р.).
VILBAC. Beautés du Barbier de Séville (1 р. 50 к.). Beautés de Zampa (1 р. 50 к.). L'Elisire d'amore. Duo Dramatique (1 р. 30 к.). Beatrice di Tenda. Duo dramatiqne (р.).

Для семиструнной гитары.

МОРКОВЪ. Полная школа для семиструнной гитары (3 р.).
— Альбомъ для гитаристовъ. Собраніе избранныхъ пьесъ для семиструнной гитары 34 №№ (по 40, 60 и 75 к.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер., получаютъ двадцать-пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., пользуются означенною уступкою, и кромѣ того, ничего не прилагаютъ за пересылку. Выгодою этой пользуются тѣ, которые обратятся непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно отъ него выписывать всѣ музыкальныя сочиненія, кромѣ изданій придворной пѣвческой капеллы и дешевыхъ изданій классической музыки и оперъ, цѣны которымъ крайнія и за пересылку оныхъ прилагается особо.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го апрѣля четвертая тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXVIII), содержащая въ себѣ новѣйшія сочиненія *Бенделя*, *Пауэра*, *Бера*, *Эгарда*, *Вахтмана* и др., всего 10 пьесъ, увертюра Мендельсона «Ruy Blas» въ четыре руки, Портретъ композитора *Флотова* и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. (Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к.).

Желающіе подписаться на «Нувеллистъ», получаютъ сполна всѣ тетради, вышедшія сначала нынѣшняго года.

Вновь получены въ большомъ выборѣ: *рояли*, *скрипки*, *смычки*, *флейты*, *гитары*, *цитры*, *гармонифлейты*, *фисгармоники*, *метрономы*, *канифоль* и проч. по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.

Депо лучшихъ итальянскихъ струнъ.

Diamanten. Fantastische Mazurka 1 р. 15 к.; Op. 54. Chant des Sirènes. Grande Valse brillante 1 р. 15 к.; Op. 55. Grosse Polonaise. Concertstück 1 р. 15 к.; Op. 56. Le Météore. Grand galop brillant 1 р.; Op. 57. Trois morceaux faciles: № 1. Valse. № 2. Rondo-Polka. № 3. Polka-Redowa по 85 к.; Op. 58. Grand Caprice en forme de Valse 1 р. 30 к.; Op. 59. Transcription sur la romance anglaise de Foley Hall, «Ever of Thee» (Toujours à toi) 1 р.; Op. 61. Fata margana. Mazourka fantastique 1 р.; Op. 62, Rhapsodie à la Polka. Morceau de salon 1 р.; Op. 63. Impromptu-Polka 90 к.; Op. 65. Valse héroïque, Morceau de concert 1 р. 45 к.; Op. 66. Marche hongroise. Morcean original et caractéristique 98 к ; Op. 67. Paraphrase über das Spinnerlied aus dem fliegenden Holländer, von R. Wagner 1 р. 30 к.; Op. 69. Mazourka brillante 1 р. 15 к.; Op. 70. Valse gracieuse 1 р. 30 к.; Op. 71. Grand galop brillant 1 р. 15 к.; Op. 72. Scherzo brillant.

ТАНЦЫ И МАРШИ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО ВЪ 4 РУКИ, СОЧ.

ИВАНА ШТРАУССА:

Nachtfalter. Walzer. Op. 157. Juristen-Ball-Tänze. Op. 177. по 1 р. 50 к.; Sans souci-Polka. Op. 178. 60 к.; Etwas Kleines. Polka. Op. 190. 75 к.; La berceuse. Quadrille. Op. 199. Künstler-Quadrille. Op. 201, по 1 р.; L'enfantillage. Polka Op. 202. 75 к.; Vibrationen. Walzer. Op. 204. 1 р. 50 к.; Reussen-Polka. Op. 215. Drollerie-Polka. Op. 231, по 75 к.; Orpheus-Quadrille. Op. 236, 1 р.; Accelerationne. Walzer. Op. 238. 1 р. 50 к.; Nouvelle Satanella-Polka. Op. 252. Trot-Polka. Op. 244, по 1 р. 75 к.; Wahlstimmen. Walzer. Op. 250. Colonnen. Walzer. Op. 262. Frühlingsbotschaft. Walzer. Op. 270 Morgenblätter. Walzer. Op. 279 b. Lebenswecker. Walzer. Op. 232. Aus den Bergen· Walzer. Op. 293. Flugschriften. Walzer. Op. 300. по 1 р. 50 к.; Hommage-Quadrille. O. 251. Rogolboche-Quadrille. Op. 258. Il Ballo in Maschera. Quadrille. Op. 269. Zehn Mädchen und kein Mann. Quadrille, по 1 р.; Sträusschen-Polka. Op. 259. Persischer Marsch. Op. 288. Bauern-Polka. Op. 276, по 75 к:

6-й № «Отеч. Записокъ» сданъ въ Петербургѣ на почту въ слѣдующіе сроки:

На городскую почту	29 марта.
По тракту ближайшихъ къ Петербургу городовъ.	1 Апрѣля.
» 2-му бѣлорусскому тракту.	5 »
» тракту въ замосковные города	7 »

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

въ 1867 году

выходятъ *два раза въ мѣсяцъ* книжками, изъ которыхъ каждая заключитъ въ себѣ *до 15-ти печатныхъ листовъ*.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ,

состоящее изъ *двадцати-четырехъ* книгъ,

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ И МОСКВѢ:

15 руб. серебромъ.

Съ пересылкою:

16 руб. 50 коп. сереб.

ПОДПИСКА *ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО* ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Для иногородныхъ и городскихъ жителей: въ главной конторѣ «Отечественныхъ Записокъ» на Литейной, въ домѣ № 38 (тамъ же, гдѣ контора газеты «Голосъ»).

ВЪ МОСКВѢ:

Для жителей Москвы: въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ Базунова), на углу Большой Дмитровки и Страстного Бульвара, противъ университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургѣ.*

Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Литейной, № 38-й, продаются:

изданныя редакціею «Отечественныхъ Записокъ» книги:

ИСТОРІЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ФИЛИППА ВТОРОГО, короля испанскаго. Соч. *Вильяма Прескотта.* 2 тома. Ц. 2 руб.; съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

ИСТОРІЯ ЗАВОЕВАНІЯ АНГЛІИ НОРМАНАМИ. Соч. *Огюстена Тьерри* 3 тома. Ц. 3 руб.; съ пересылкою 3 р. 50 коп.

ИСТОРІЯ АНГЛІЙСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ. Соч. *Гизо.* 3 тома. Ц. 3 руб.; с пересылкою 3 р. 50 коп.

Редакторъ-издатель **А. Краевскій.**

Къ этой книжкѣ прилагаются объявленія: отъ музыкальнаго магазина Бернарда и отъ музыкальнаго магазина Битнера.

3p

